

А. КОНАН-ДОЙЛЬ
ЗАПИСКИ
О ШЕРАОК ХОЛМСЕ

перевод Н. Войтинской

Рисунки Валериана Двороковского

издательство ЦК ВЛКСМ

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Ленинград

1946

К Ч И Т А Т Е Л Я М

Просим дать отзыв о содержании книги и ее оформлении. В отзыве укажите свой адрес, профессию и возраст.

Библиотечных работников издательство просит организовать сбор читательских отзывов на эту книгу.

Весь материал направляйте по адресу Ленинград, Невский пр. д. 29. Ленинградское Отделение Издательства „Молодая Гвардия“.

Ств. редактор В. Яковлева
Художеств. редактор К. Вишняк
Техред. З. Коренько

Подписано к печати 30/XI 1946 г.
Уч.-издт. л. 22,94

М 08402
Тираж 30 000

Знаков в печ. л. 32800
Заказ № 4472

Тип. им. Володарского Управления полиграфии и издат. Ленгорисполкома

ШЕРЛОК ХОЛМС И ЕГО ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Английский писатель А. Конан-Дойль (1859—1930) написал много произведений, в том числе исторических романов, но известность его основана преимущественно на детективных новеллах, повествующих о приключениях Шерлок Холмса.

Имя Шерлок Холмса, героя этой книги, весьма популярно. Больше полвека прошло с момента его появления на страницах рассказов А. Конан-Дойля, но Холмс продолжает увлекать читателя своими похождениями, своим умением распутывать сложные, загадочные, таинственные преступления.

Образ, созданный Конан-Дойлем, давно ютделился от создавшего его автора и зажил в восприятии читателя совершенно самостоятельно, не как литературный персонаж, а как реальный человек, со своим отношением к жизни, со своими взглядами на вещи и события. Читатели-современники писали Шерлок Холмсу письма, как живому человеку, по тому адресу, который указан в рассказах о нем: Лондон, Бэкер-стрит, 221-Б, просили у него совета и помощи в своих делах. Когда Конан-Дойль почувствовал, что в описании приключений Шерлок Холмса стал повторять одни и те же ситуации и мотивы, он придумал для своего героя эффектную смерть. Однако, читатель с этим не согласился и потребовал продолжения повествования. Автору пришлось возобновить рассказы о Шерлок Холмсе, хотя теперь они зачастую получались значительно менее интересными, чем ранее.

Многое в Шерлок Холмсе оправдывает такой повышенный интерес читателей к нему. Он очень умен, наблюдателен, изобретателен, находчив. Он обладает остротой глаза, способностью замечать мельчайшие, казалось бы, совсем не существенные детали, умеет сопоставить их, связать воедино, сделать из своих наблюдений правильные выводы. Он больше верит этим мелочам, чем бросающимся в глаза и на первый взгляд неопровержимым уликам. Так, в рассказе «Тайна Боскомбской долины» ряд обстоятельств свидетельствует о том, что убийцей, очевидно, является сын убитого. Однако, Шерлок Холмс по нескольким мелким фактам в обстановке убийства и по некоторым штрихам в поведении мнимого преступника заключает, что дело обстояло совсем не так, как это кажется. Анализируя ряд мелочей, представляющихся неопытному глазу совершенно несущественными, Шерлок Холмс рисует портрет подлинного убийцы, и его предположения блестяще оправдываются. Шерлок Холмс не устает издеваться над официальными, казенными сыщиками — Лестредом и Грегсоном, именно за то, что они упускают важные, но неприметные для невнимательного человека, детали, по которым только и можно восстановить истинную картину случившегося.

Конан-Дойль рисует Шерлок Холмса исключительно тонким и проницательным человеком. Холмс может сказать только что вошедшему в комнату человеку, какова его профессия, откуда и когда он приехал, чем он занимался ранее. По случайно найденной помятой и потрепанной шляпе он определяет возраст, вкусы, общественное положение человека, характер его семейной жизни и даже то, что в его доме нет газового освещения. Сидя рядом со своим другом Ватсоном, неизменным своим спутником, Холмс по ряду мелочей способен рассказать ему, о чем тот в эту минуту думает. Именно таким путем

строит свои выводы Холмс и при раскрытии преступлений: для него пепел сигары, след велосипедной шины, потертый рукав пиджака, пятна грязи на одежде человека — более красноречивые и точные свидетели происшедшего, чем бросающиеся в глаза улики. Он верит не тому, что увидит каждый, а тому, чего почти никто не замечает.

Как же Шерлок Холмс добивается успеха? На чем основан его метод? Шерлок Холмс подходит к своему делу как истинный сын своего времени, своей эпохи и того общества, в котором он живет. XIX век, в конце которого Шерлок Холмс появился на страницах рассказов А. Конан-Дойля, характерен необыкновенным до того развитием естественно-научных знаний. Наука проникла во многие тайны природы, казавшиеся ранее загадочными и необъяснимыми. И вот Шерлок Холмс стремится научно обосновать работу сыщика. У него «страсть к точным знаниям». Расследование преступлений он хочет превратить в такую же точную науку, как естествознание: — «Ногти на пальцах рук, рукава костюма, обувь, колени брюк, мозоли на большом и на указательном пальцах, выражение лица, манжеты рубашки — все эти мелочи позволяют отгадать профессию человека. Почти невероятно, чтобы в каком-либо случае всех этих признаков, вместе взятых, не было бы достаточно для опытного исследователя». Такой подход Холмса к людям и явлениям во многом оправдан. Подход этот основан на представлении о том, что все явления мира вытекают одно из другого, и нет мелочей, которые не были бы связаны с большими, важными явлениями жизни; и в свою очередь, нет таких важных, существенных явлений жизни, которые не проявляли бы себя, не встречались бы нам ежедневно в виде каких-либо несущественных на первый взгляд мелочей. «Из наблюдения над каплей воды логически мыслящий ум может заключить о возмож-

ности существования Атлантического океана или
Ниагары, без предварительного знания о существова-
нии того или другого. Вся жизнь — это великая цепь,
природу которой можно познать из отдельного ее
звена», — таковы главные положения той науки рас-
следования преступлений, которую хочет ввести
в жизнь Шерлок Холмс вместо кустарщины и поверх-
ностного, шаблонного суждения о вещах, свойствен-
ных сыщикам-профессионалам. Но не только от ка-
зенных сыщиков с их шаблонным мышлением отли-
чается Шерлок Холмс — сыщик-любитель, он отличается
и от своих литературных предшественников, героев
приключенческой литературы, существовавшей до Ко-
нан-Дойля. Конан-Дойль с детства увлекался этой
литературой, он с упоением читал Майн-Рида, Габо-
рио и подобных им писателей, но, создавая своего
героя, сознательно противопоставлял его героям этих
книг. И надо отдать справедливость Конан-Дойлю:
в его сыщике-любителе весьма немного идет от лите-
ратурной традиции, — в Шерлок Холмсе отразились
характерные черты той буржуазной эпохи, в которой
он возник, черты того общества, которому он с таким
искусством и с такой преданностью служил. Именно
в эпохе и ее общественных отношениях следует ис-
кать объяснение образа Шерлок Холмса и разгадку
всех его качеств и особенностей.

Метод Холмса далеко не исчерпывается вниманием
к детали. Холмс обладает еще одним качеством, бо-
лее важным, чем острый глаз. Сопоставляя свой метод
с методом официального сыска, Шерлок Холмс ни-
когда не упоминает о самом главном: о понимании
механики человеческих отношений в буржуазном об-
ществе. Он знает эту механику значительно лучше,
чем его соперники из Скотлэнд-Ярда. Это знание
души, это умение уловить наиболее сильные побу-
дительные мотивы поведения человека буржуазного

общества, позволяют Шерлок Холмсу идти на смелые умозаключения и распутывать такие дела, в которых нет «состава преступления», но которые, по признанию самого Холмса, представляют собою «жестокое, эгоистичное и бессердечное мошенничество». В этом плане очень показательны рассказы «Доказательство тождества» и «Человек со вздернутой губой».

В первом из этих рассказов речь идет о коммивояжере по продаже вин мистере Виндибэнк. Этот весьма обеспеченный человек приходит в бешенство при мысли, что его падчерица может выйти замуж и вступить во владение своим личным доходом. При содействии своей жены он придумывает гнусный план, чтобы отвлечь девушку от мысли о замужестве. Холмс отлично знает волчьи законы своего общества, в котором алчность является одним из движущих стимулов жизни. Поэтому он так безошибочно угадывает в родной матери и в отчине девушки виновников той проделки, которая, хотя и не представляет собою ничего уголовно наказуемого, все же очень метко вскрывает существо этих законов. Конан-Дойль весьма зло подчеркивает цинизм сложившейся ситуации: когда Шерлок Холмс задерживает мистера Виндибэнк и разоблачает его бессердечное мошенничество, тот нагло упрекает Холмса в «нарушении закона». Виндибэнк возмущается: «Ничего наказуемого законом я не сделал, но вы, заперев меня в этой комнате, совершаете уголовно-наказуемое действие — насилие над личностью». Мошенник Виндибэнк, надругавшийся над душой падчерицы и защищающий свободу личности — в этом образе Конан-Дойль дал весьма злое и правдивое изображение того мира, в котором живет и действует Шерлок Холмс.

В одном из лучших рассказов о Холмсе — «Человек со вздернутой губой», тоже нет «состава престу-

пления». Более того: в отличие от рассказа «Доказательство тождества» здесь нет и насилия над чужой личностью. Но здесь есть раскрытие такой стороны буржуазного мира, которая делает этот мир не менее отталкивающим, чем насилие над другим человеком. Черта эта: насилие над собственной личностью. Таинственно исчез весьма уважаемый глава семейства мистер Невилль Сент-Клэр. Уродливого, отвратительного калеку Буна Хюга подозревают в убийстве Сент-Клэра. И вот Шерлок Холмс приходит к выводу, что добропорядочный джентльмен Невилль Сент-Клэр и профессиональный нищий Бун Хюг, подозреваемый в убийстве исчезнувшего Сент-Клэра,—на самом деле одно и то же лицо. И на этот раз Шерлок Холмс очень проницательно распутывает дело потому, что он знает, на какие унижения способен человек буржуазного общества в погоне за пенсами и фунтами.

Разоблаченный мистер Сент-Клэр признается: «Вы можете себе представить, как трудно мне было усердно работать за два фунта в неделю, когда я знал, что могу заработать эти два фунта, размалевав себе физиономию и поставив на панель свою шапку. Это была долгая борьба между гордостью и жадной денег, но под конец фунты одолели.» И вот Сент-Клэр начинает жить двойной жизнью: днем он безобразный нищий, а вечером добропорядочный и уважаемый отец семейства. Но это позорная тайна, и ее ни в коем случае не должны узнать жена и дети. Шерлок Холмс проникает в эту тайну, «присидев ночь на пяти подушках и выкурив унцию табаку», т. е., руководясь не столько уликами, — сами по себе улики эти очень мало объясняют, — сколько своим знанием мира, в котором живет. Он ясно представляет себе эту борьбу между гордостью и жадной денег, и победу, которую одерживают деньги. Раскрытие таких преступлений, ненаказуемых, но еще более страшных.

чем наказуемые, свидетельствует о знании психологии человека буржуазного общества и ставит Шерлок Холмса значительно выше его соперников по профессии.

Однако, вместе с тем, читатель убеждается, что свойственное Холмсу понимание противоречий психики и поведения человека буржуазного общества вовсе не делает героя Конан-Дойля противником того общественного строя, который порождает такие уродства. Шерлок Холмс часто срывает с людей этого общества маску добропорядочности и все же Холмс и не мыслит о необходимости что-либо менять в окружающем его мире. Психологию мистера Виндибэнк или Сент-Клэра со всей ее двойственностью, с раздирающими ее противоречиями он считает весьма естественной вещью. Холмс иногда юткровенно признается, что так хорошо понимает преступников потому, что не считает их исключениями, а видит в их действиях те же мотивы, которыми руководствуются «нормальные» люди. Разница лишь в том, что здесь эти мотивы существуют в более обнаженной, неприкрытой форме. Отсюда и возникает второе его профессиональное правило, которое он называет «умозаключением», но которое по существу является умением мысленно поставить себя самого на место преступника. «Вы знаете, Ватсон, мой метод: в подобных случаях я ставлю себя на место данного человека и, выяснив предварительно уровень его развития, пробую себе представить, как бы я сам действовал на его месте». Ставя себя на место преступника, Холмс как бы признает, что считает всех людей одинаковыми. Разницу между преступником и «добропорядочным» человеком он видит лишь в том, что в действиях преступника сказываются законы поведения, свойственные всем людям буржуазного общества, в более концентрированном и обнаженном виде.

Этим объясняется отсутствие у Холмса мысли

о необходимости и возможности искоренить все и всяческие преступления. Весь свой ум и все свои способности он употребляет только на то, чтобы правильно восстановить ход самого преступления. В конце концов Холмс весьма равнодушен к тому, кто преступник — мститель ли за свою поруганную честь («Багровый след»), или хладнокровный негодяй, стремящийся овладеть наследством своих падчериц («Пестрая лента»), знатный ли дворянин, («Лига Красноголовых») или слуга в отеле («Голубой карбункул»). Шерлок Холмс интересуется только обстоятельствами преступления, потому что его главная цель — разгадка процесса преступления. Гордо и не без основания противопоставляя себя и свое искусство грубому ремеслу официальных сыщиков, Шерлок Холмс в самом главном решительно ничем не отличается от своих незадачливых соперников: его, как и их, совершенно не интересует основное, — почему человек пошел на преступление, что его вынудило к этому. Происходит это потому, что законы того буржуазного мира, в котором Холмс живет и действует, он считает вечными и незыблемыми. Ему не приходит в голову, что понять преступление можно, только поняв его социальную природу, и бороться с преступлением можно, борясь не только с преступником, а с социальными условиями буржуазного строя.

Слуга украл у знатной дамы карбункул. — «Славный камешек!.. Сколько преступлений совершено ради него! Дорогой камень — это любимая приманка дьявола... Из-за него совершено два убийства, самоубийство и несколько краж; кого-то облили серной кислотой. Можно ли подумать, что такая прелестная игрушка ведет к виселице и тюрьме», — так говорит Шерлок Холмс. Но свою задачу, несмотря на такое ясное понимание, что «прелестная игрушка» в его обществе не может не рождать преступлений, он видит лишь в том, чтобы вернуть камень его «закон-

ной» владелице. Графиня приобрела карбункул отнюдь не своим трудом, и Шерлок Холмс это прекрасно понимает, но на ее стороне «закон», и Холмс служит «закону».

Если бы Холмс сделал другой вывод из своих рассуждений о карбункуле, этот вывод мог бы привести его к мысли о социальных источниках преступления, о необходимости искоренить такое положение вещей, когда карбункул становится «приманкой дьявола». Но Холмс никогда не идет так далеко, ибо он видит своеобразную поэзию в том, что драгоценный камень является источником целой серии преступлений. Так, по мнению Холмса, и должно быть. Поэтому он оживляется, распутывая темные, запутанные преступления. Поэтому ему нравится не только процесс раскрытия преступления, но нравится само преступление. Жизнь скучна и однообразна — так ему кажется, и так оно и есть в буржуазном обществе. И вот Шерлок Холмс считает, что только преступление делает жизнь интересной и красочной, «Багровая нить убийства проходит через бесцветную паутину жизни» — так определяет Шерлок Холмс интерес своей профессии, главный интерес своей жизни в рассказе «Багровый след». Ватсон неоднократно говорит о любви Холмса ко всему необычайному. Но совсем не трудно заметить, что необычайным в жизни Холмс считает только преступление. Остальное все — серая проза обыденного существования. И когда у Холмса вырывается жалоба на жизнь, то характер этой жалобы достаточно красноречив: «В наше время нет преступлений и нет преступников, — говорит он с раздражением, — нет преступлений, которые пришлось бы расследовать; на лучший конец попадают мелкие подлости, мотивы которых так прозрачны, что в них могут разобраться даже агенты Скотлэнд-Ярда».

Легко заметить в Шерлок Холмсе черты своеобраз-

разного демократизма. Нередко он не считает нужным скрыть свое презрение к аристократам, обращающимся к нему за помощью. Так, в рассказе «Скандал в Богемии» богемский король оказывается куда менее интересной личностью, чем его бывшая любовница, маленькая актриса. Шерлок Холмс из любви к искусству помогает королю, но он настолько откровенно презирает своего знатного клиента, что отказывается пожать протянутую королем в знак благодарности руку. В рассказе «Случай в интернате» Шерлок Холмс точь-в-точь с таким же презрением относится к герцогу, представителю английской знати, усматривая в его поведении неблагоприятные, мелкие и низменные побуждения. Но этот демократизм вовсе не означает, что Шерлок Холмс является противником знати и в какой-то степени относится отрицательно к законам того общества, в котором он живет. Если он почти не скрывает презрения к недостаточно изощренному преступнику герцогу Гольдернесскому, то зато о крупном преступнике Мориэрти Холмс всегда говорит с трудно скрываемым восхищением. Когда однажды полицейский заподозрил самого Холмса в преступлении, — тот спокойно ответил: «Не вздумайте меня арестовать по подозрению в убийстве... Я из своры собак, а не волк!» Из поведения Холмса в этой сцене следует, что он не видит различия между «волками» и «собаками», между преступником и сыщиком. Он думает, что ничего в жизни не изменилось бы, если бы «собака» и «волк» поменялись ролями. Ведь втайне Шерлок Холмс очень хорошо понимает, что в том обществе, где он живет, жизнь невозможна без преступлений, и поэтому «багровый след» убийства, с его точки зрения, столь же закономерное явление, как «бесцветная паутина жизни».

Хотя в этих рассказах речь идет преимущественно о преступлениях, в итоге мы все же получаем доволь-

но полную картину жизни буржуазной Англии конца XIX века. Происходит это, во-первых, потому, что само преступление в той форме, которую показывает Конан-Дойль, — достаточно типичное явление для буржуазного строя, — и, во-вторых, потому, что, как мы видели, Конан-Дойль расширяет понятие преступления, он пишет не только об убийствах и кражах, но и о преступлениях, которые не укладываются в границы обычного буржуазного права.

Этим нам интересен Шерлок Холмс со своими «приключениями»: рассказы помогут читателю книги понять многое в нашем капиталистическом окружении. Но если поэтому поучительно следить за действиями и рассуждениями Шерлок Холмса — то, вместе с тем нельзя забывать, что ум его циничен и сам он является плотью от плоти той среды, в которой он находит преступников, и сам он показателен для своей среды не меньше, чем те, кого он предает суду законов.

Впрочем, он не всегда предает их суду, и это одна из самых любопытных его черт, и она говорит о нем иногда больше, чем самые его блестящие догадки. Вот, например, рассказ «Случай в интернате». Преступление, описанное в нем, очень типично для рассказов Конан-Дойля. Незаконный сын герцога Гольдернесского решил овладеть хотя бы частью наследства, которое принадлежит законному сыну. Он крадет законного наследника из аристократического интерната, чтобы шантажировать отца. При этом убит ни в чем неповинный человек. Отец прикрывает преступника и, таким образом, является соучастником, если не главным виновником преступления. С обычным для него мастерством Шерлок Холмс раскрывает преступление, угадывая темные побуждения герцога и его старшего сына, и обвиняет в преступлении самого отца. «Я обвиняю вас», — эта реплика Шерлок

Холмса, обращенная к герцогу, не просто искусно построенная вершина сюжетного напряжения, она показывает, как хорошо Шерлок Холмс понимает тех, на кого он работает, их неизменную психологию и неизменные цели. Но в этой же ситуации он разоблачает и себя. Найдя главных преступников — герцога и его сына, он ограничивается тем, что предает суду их сообщника, кабатчика Гейса. «Поскольку правосудие будет удовлетворено, я не вижу основания открывать все, что мне известно. Гейса ждет виселица, и я не буду стараться избавить его от петли». Так кончает Шерлок Холмс раскрытие этого преступления. Конечно, он не верит тому, что «правосудие будет удовлетворено». Доводы герцога, что ни он, ни его сын не участвовали в убийстве непосредственно, могут вызвать у Холмса только улыбку. Но как характерно его поведение в этой сцене! Разыгрывая алчного человека и требуя шесть тысяч фунтов вознаграждения, Холмс тем самым дает понять герцогу, что приравнивает его к кабатчику, к убийце Гейсу. И все же, кабатчика он предает суду, а герцога и его сына спасает. Тем самым Холмс плюет на то «правосудие», во имя которого он будто бы работает, и цинично отстраняется от этого неблагоприятного дела. Вымогая деньги у герцога, он доказывает свое презрение к нему, но герцога он только презирает, а для Гейса готовит виселицу. Виселица — для того, кто попался, а тот, кто сумел убить чужими руками, — пусть выкладывает денежки. Преступников так много, и всех все равно не засудишь. Самому Шерлок Холмсу интересно лишь знать подноготную этих преступлений, а суду можно предать только поймавшегося неудачника, остальные пусть спасают свою шкуру, — ему, Холмсу, до этого нет дела.

У Конан-Дойля было много последователей. Некоторые из них довели технику, формальное мастерство

детективного рассказа до большого совершенства и в этом смысле оставили Конан-Дойля далеко позади. Они умеют придумать такую интригу, что у читателя захватывает дух при чтении. Но по окончании книги в голове не остается ничего, ибо у такого рода писателей детектив стал абсолютно пустым и бессодержательным.

Не то, разумеется, мы испытываем при чтении Конан-Дойля. Конан-Дойль, немногим уступая этим писателям в занимательности, значительно выше их по своей познавательной и художественной ценности. Нюдо конца понять Конан-Дойля и его героя можно лишь при сопоставлении его с великими реалистами прошлого и их героями. У великих реалистов прошлого — у Бальзака, Диккенса, Достоевского мы часто находим не меньшую сюжетную остроту при раскрытии внутренних пружин буржуазного общественного строя. Но герои этих великих писателей, сталкиваясь с изнанкой общественных отношений своей эпохи, преисполнялись горечью, отвращением, ненавистью. Они готовы были жертвовать своей жизнью для того, чтобы уничтожить тот мир неправды, который перед ними раскрывался. А Шерлок Холмс спокойно кладет в карман чек, полученный от герцога. Он испытывает не горечь и даже не отвращение, он проявляет хладнокровное любопытство, а иногда — если преступление очень уж необычайно — удовольствие! Он вполне удовлетворен тем миром, в котором живет, хотя и знает его лучше, чем рядовые представители этого мира. Свой тонкий и проницательный ум Холмс употребляет лишь на то, чтобы поддержать общественный порядок, который порождает преступление и неправду.

П. ГРОМОВ
Б. КОСТЕЛЯНЕЦ

БАГРОВЫЙ СЛЕД

ГЛАВА I ШЕРЛОК ХОЛМС

В 1878 году я получил степень доктора медицины Лондонского Университета и поступил на курсы подготовки военных врачей. По окончании курсов я был прикомандирован в качестве младшего врача к пятому Норсумберлэндскому стрелковому полку. В то время полк находился в Индии, и прежде, чем я успел прибыть к месту назначения, вспыхнула вторая Афганская война. Мне удалось благополучно добраться до Кандахара, там я нашел свой полк и сразу же приступил к исполнению своих новых обязанностей.

Эта война многим принесла почести и повышения по службе, мне же она принесла одни лишь неудачи и несчастья. В роковой битве под Майвандом я был ранен в плечо; пуля раздробила кость и задела артерию. Я неизбежно попал бы в руки свирепых фанатиков, если бы не преданность и отвага моего ординарца: он перекинул меня через круп лошади и доставил на наши позиции. Меня эвакуировали в Пешевар. Но, едва оправившись от раны, я заболел

брюшным тифом и через несколько месяцев был отослан обратно в Англию для окончательной поправки.

В Англии у меня не было ни родных, ни близких, и я был свободен, как ветер. или, скорее, был свободен так, как это позволяет доход в одиннадцать шиллингов и шесть пенсов в день.

Я, естественно, переехал в Лондон и поселился в небольшом отеле. Это было неуютное и бессмысленное существование, я тратил деньги гораздо свободнее, чем следует. Скоро я увидел, что мне необходимо либо переехать куда-нибудь за город, либо резко изменить образ жизни. Остановившись на последнем, я решил покинуть отель и найти более дешевое помещение.

В тот день, когда я пришел к этому заключению, я стоял в баре; кто-то хлопнул меня по плечу; я обернулся и узнал своего старого приятеля Стемфорда. Мы оба обрадовались встрече, и я пригласил его позавтракать.

— Что с вами случилось, Ватсон? — спросил он с нескрываемым изумлением. — Вы тоньше тростинки и темнее ореха.

Я коротко рассказал ему о своих злоключениях.

— Бедняга! — сказал он. — Что же вы намерены делать?

— Ищу квартиру. Пытаюсь разрешить задачу, — как найти приличную комнату за умеренную цену.

— Странно, — заметил мой спутник. — Вы второй человек, от которого я сегодня слышу это выражение.

— А кто был первый? — спросил я.

— Один парень, работающий в химической лаборатории госпиталя. Он жаловался сегодня утром, что никак не может найти партнера, чтобы сообща нанять облюбованную им квартиру, которая ему не по карману.

— Чорт возьми! Я как раз подходящий для него человек.

Стемфорд как-то странно поглядел на меня.

— Вы не знаете Шерлок Холмса, — сказал он, —

Быть может, он вам не понравится в качестве постоянного сожителя.

— А чем он плох?

— О! Я не говорю, что он плох. У него немного странные идеи, — он энтузиаст некоторых отраслей науки. Но это не мешает ему быть человеком порядочным.

— Студент-медик, я полагаю? — сказал я.

— Нет, я совершенно не знаю, кем он хочет быть. Он хорошо разбирается в анатомии и превосходный химик, но, насколько мне известно, он систематически никогда не занимался медициной. Его исследования крайне эксцентричны, зато он обладает необыкновенными познаниями, приводящими в изумление его профессоров.

— Вы никогда не спрашивали его о целях его занятий?

— Нет. Его не легко вызвать на откровенность, хотя он бывает очень разговорчив, когда на него нападет стих.

— Я бы хотел с ним познакомиться, — сказал я. — Если мне предстоит с кем-то поселиться, я предпочитаю человека, любящего тишину и работу. Как бы мне встретиться с вашим другом?

— Он, наверное, в лаборатории. Если хотите, мы поедем туда после завтрака.

Мы направились в госпиталь, и по дороге Стемфорд сообщил мне некоторые подробности о джентльмене, с которым я предполагал поселиться.

— Вы не должны быть на меня в претензии, если не уживетесь с ним. Холмс, на мой вкус, чересчур увлечен исследованиями. Я могу себе представить, что он способен дать своему другу щепоточку алкалоида, и не по злобе, а просто из духа исследования, чтобы точно установить действие этого яда. Но я полагаю, что он с такою же готовностью и сам бы принял яд. У него, повидимому, страсть к точным знаниям.

— Это очень хорошо.

— Да, но это может быть доведено до крайности. Дело доходит иногда до того, что он избивает палкой трупы в анатомическом театре.

— Избивает трупы?

— Да, чтобы проверить, в какой мере возможно после смерти вызвать кровоподтеки. Я видел это собственными глазами.

— И все же вы сказали, что он не медик?

— Нет, не медик. Чорт его знает, какие он себе ставит цели. Но вот мы и пришли. Вы сами составьте себе о нем мнение.

Мы свернули в узкий переулок и через небольшую боковую дверь вошли в здание госпиталя. Низкий сводчатый проход вел к химической лаборатории.

В просторной, высокой комнате находился лишь один человек; склонившись над столом, он был погружен в свою работу.

— Я нашел! Я нашел! — закричал он моему спутнику, бросаясь нам навстречу с пробиркой в руках. — Я нашел реактив, осаждающийся только в присутствии гемоглобина.

Если бы он нашел золотую россыпь, его лицо не сияло бы таким восторгом.

— Доктор Ватсон — мистер Шерлок Холмс, — познакомил нас Стемфорд.

— Как поживаете? — спросил Холмс, сердечно пожимая мою руку с такой силой, какой я от него никак не ожидал. — Я вижу, вы были в Афганистане.

— Откуда вы это знаете? — спросил я в изумлении.

— Пустяки, — сказал он, посмеиваясь про себя. — Сейчас речь идет о гемоглобине. Вы, наверное, оцениваете все значение моего открытия?

— В научном отношении оно, конечно, интересно, — ответил я, — но практически...

— Позвольте! Да это самое практическое из всех открытий в области судебной медицины за последние годы. Разве вы не понимаете, что оно дает нам безошибочный способ для определения пятен крови? Подойдите-ка сюда! — Он схватил меня за рукав пальто и потащил к столу, за которым работал.

— Возьмем свежую кровь, — сказал он, вводя в палец длинный шприц и засасывая в пипетку каплю крови. — Смотрите, я растворяю это количество кро-

ви в литре воды. Вы видите, что смесь имеет вид чистой воды. Процент крови не больше, чем один на миллион. И все же, я не сомневаюсь, что мы сумеем получить характерную реакцию.

Он бросил в сосуд несколько белых кристаллов и затем добавил несколько капель прозрачной жидкости. Содержимое сосуда немедленно окрасилось в темнобагровый цвет, а на дне стеклянной банки осела коричневая пыль.

— Ха! Ха! — закричал он, хлопая в ладоши, с видом ребенка, радующегося новой игрушке. — Что вы на это скажете?

— Это, повидимому, очень интересный опыт, — заметил я.

— Великолепный! Великолепный! Прежние методы определения были очень громоздки и ненадежны. Так, например, микроскопический анализ кровяных шариков вообще неприменим, если пятна крови не абсолютно свежие. А мой метод оказывается верным, независимо от того, свежая кровь или нет. Если бы этот метод был открыт раньше, сотни людей, расхаживающих по свету, давно бы уже расплатились за свои преступления. Уголовные дела постоянно вертятся вокруг этой точки. Человека подозревают в преступлении, совершённом несколько месяцев тому назад. Исследуют его белье, одежду и обнаруживают на них коричневые пятна. Что это? — Пятна крови? Пятна грязи? Ржавчина? Пятна от фруктов? Этот вопрос ставил втупик экспертов, так как не существовало надежного метода определения. Теперь существует метод Шерлок Холмса, и все трудности устранены.

— Вас можно поздравить, — сказал я, пораженный таким энтузиазмом.

— Я помню дело фон Бишоф во Франкфурте в прошлом году. Бишофа бы, конечно, повесили, если бы существовал этот метод. А дело Мезона в Брайфорде, знаменитого Мюллера, Лефевра в Монпелье и Самсона в Новом Орлеане?! Я могу назвать двадцать случаев, когда этот метод определения имел бы решающее значение.

— Вы прямо живой календарь уголовных дел, — заметил Стемфорд. — Вы могли бы издавать газету. Назовите ее «Полицейские новости прошлых лет».

— Это было бы очень интересно, — заметил Холмс, наклеив маленький кусочек пластыря на палец на месте укола. — Мне надо быть очень осмотрительным, потому что приходится иметь дело с ядами.

При этом он вытянул руку, и я заметил, что она сплошь испещрена такими же кусочками пластыря и пятнами от сильнодействующих кислот.

— Мы пришли по делу, — заметил Стемфорд, усаживаясь на треногий стул и придвигая ногою другой стул. — Мой приятель ищет квартиру, а так как вы жаловались, что не можете найти себе компаньона, то я решил вас свести.

Шерлок Холмсу, видимо, очень понравилась идея поселиться со мною.

— У меня есть на примете квартирка на Бэкер-стрит. Она нам подойдет во всех отношениях. Надеюсь, вы не возражаете против запаха крепкого табака?

— Я сам всегда курю крепкий табак.

— Вот и отлично. Я вожусь с химическими веществами и иногда произвожу опыты. Это вам не помешает?

— Ничуть.

— Какие же мои другие недостатки? Иногда я временно немею и целыми днями не открываю рта. В таких случаях не думайте, что я дуюсь. Не обращайтесь на меня внимания, я скоро прихожу в норму. А в чем вы мне признаетесь? Прежде, чем поселиться вместе, лучше знать друг о друге самое худшее.

Я рассмеялся при этом вопросе.

— Я держу щенка и не выношу шума, потому что у меня расстроены нервы; я встаю в самое неподходящее время и до крайности ленив.

— Относитесь вы игру на скрипке к категории шумов? — спросил он с беспокойством.

— Это зависит от игры, — ответил я. — Хорошая игра на скрипке — это пища богов, плохая игра...

— Ну, все в порядке, — весело рассмеялся

Холмс. — Мы можем считать дело улаженным. если вам понравится квартира.

— Когда мне придти посмотреть ее?

— Зайдите за мною завтра, часов в двенадцать, мы пойдем вместе.

— Отлично, ровно в двенадцать, — сказал я, пожимая ему руку.

Мы оставили Холмса, и я вместе со Стемфордом направился к моему отелю.

— Кстати, — спросил я, — откуда он мог знать, что я приехал из Афганистана?

Мой спутник загадочно улыбнулся.

— В этом-то как раз его особенность. Многие уже пытались узнать, как он до всего доискивается.

— Это прямо таинственно. Я очень вам благодарен за то, что вы свели нас.

— Займитесь его изучением, — сказал Стемфорд, прощаясь со мною. — Это нелегкая задача... Ручаюсь, что он больше узнает о вас, чем вы о нем. До свидания!

— До свидания! — ответил я и пошел к отелю, очень заинтересованный новым знакомством.

ГЛАВА II

ИСКУССТВО УМОЗАКЛЮЧЕНИЯ

Мы встретились на следующий день и осмотрели квартиру на Бэкер-стрит № 221-Б. Она состояла из двух хороших спален и просторной гостиной, изяшно обставленной, с двумя большими окнами. Я в тот же вечер переехал из отеля, а на следующий день Шерлок Холмс перевез свои сундуки и портпледы.

С Холмсом нетрудно было ужиться. Он не был шумлив и вел правильный образ жизни. Он редко ложился спать позже девяти и неизменно успевал позавтракать к тому времени, когда я вставал. Иногда он проводил день в химической лаборатории, иногда в анатомическом театре, а порою ему случалось часами бродить по городу, притом в самых подозрительных кварталах Лондона. Когда дело было ему

по душе, он работал с невообразимым пылом, но временами наступала реакция, и он целыми днями неподвижно лежал в гостиной на диване, не произнося ни слова.

Мой интерес к нему и мое любопытство относительно целей, какие он себе ставил в жизни, постепенно возрастали. Самая внешность его привлекала внимание. Он был выше шести футов и так слоен, что казался еще выше. Острые, пронизательные глаза и тонкий ястребиный нос придавали его лицу выражение постоянной бдительности и решимости. У него был выступающий, квадратный подбородок, характерный для людей сильной воли. Руки его были постоянно испачканы чернилами и пятнами от всяких химических веществ, и все же он обладал необыкновенно тонким осязанием, как я не раз замечал, наблюдая за его манипуляциями с хрупкими приборами.

Он не занимался изучением медицины. Повидимому, он не кончил никакого учебного заведения, которое могло бы ему открыть доступ в мир ученых. Все же он с исключительным рвением отдавался своим исследованиям и, в известных, правда, пределах, его познания были поразительно обширны и детальны. Ясно, что никто не стал бы так упорно работать в погоне за точными сведениями, не преследуя при этом определенной цели.

За первую неделю нашей жизни на Бэкер-стрит никто к нам не заходил, и я начал было думать, что мой сожитель такой же одинокий человек, как и я; но вскоре я убедился, что у Холмса много знакомых и притом из самых различных кругов. Захаживал маленький бледный человек, с крысиным лицом и темными глазами, который мне был представлен как мистер Лестрэд; он навещал Холмса по три-четыре раза в неделю.

Однажды утром зашла нарядно одетая девушка, просидевшая более получаса. В тот же день появился седоватый человек жалкого вида, очень возбужденный; сразу за ним пришла пожилая женщина. В другой раз с моим сожителем беседовал старый, седой

джентльмен, а на следующий день — железнодорожный сторож. Когда появлялись посетители, Шерлок Холмс, обычно, просил меня предоставить в его распоряжение гостиную, и я удалялся в свою комнату. Он всегда извинялся за причиняемое мне неудобство.

— Мне приходится пользоваться этой комнатой как деловым кабинетом, — говорил он. — Эти люди — мои клиенты.

Я мог бы прямо спросить Холмса, в чем состоит его работа, но не решался вызывать его на откровенность. В то время мне казалось, что у него есть серьезные основания не касаться этого вопроса, но вскоре он сам завел разговор на эту тему.

Однажды утром, как помню, это было 4-го марта, я встал раньше обычного и застал Шерлок Холмса за завтраком. Я позвонил, попросил подать мне кофе и взял со стола газету. Одна из статей была отмечена карандашом, и я, естественно, пробежал ее глазами. Она носила несколько необычное заглавие «Книга жизни». В ней говорилось о том, как много может узнать внимательный человек, точно и систематически наблюдая все, что попадает на его пути. Меня поразила удивительная смесь проницательности и абсурдности. Ход рассуждения был последователен и убедителен, но выводы показались мне слишком широкими и преувеличенными. Автор утверждал, что можно узнать самые сокровенные мысли человека по мгновенному выражению его лица, по движению мускула, по брошенному им взгляду. Автор доказывал, что невозможно обмануть человека, опытного в наблюдении и в анализе. Его выводы и заключения будут так же непогрешимы, как выводы Эвклида. Непосвященным результаты его наблюдений будут так непостижимы, что они могут заподозрить его в колдовстве, пока не узнают путь, каким он пришел к своим выводам.

«Из наблюдений над каплей воды, — говорилось в статье, — логически мыслящий ум может заключить о возможности существования Атлантического океана

или Ниагары, без предварительного знания о существовании того или другого. Вся жизнь — это великая цепь, природу которой можно познать из отдельного ее звена. Подобно всем другим искусствам, наука выводов и анализа может быть освоена только путем долгого и упорного изучения, и жизнь слишком коротка, чтобы смертный мог достичь предела возможного совершенства. Поэтому исследователю надо начинать с более элементарных проблем. Пусть он научится, встречая человека, с первого же взгляда узнавать его прошлое, его ремесло или профессию. Какими бы ребячливыми ни казались такие упражнения, они обостряют наблюдательность и учат, как надо смотреть и на что надо обращать внимание. Ногти на пальцах рук, рукава костюма, обувь, колени брюк, мозоли на большом и на указательном пальце, выражение лица, манжеты рубашки — все эти мелочи позволяют отгадать профессию человека. Почти невероятно, чтобы в каком-либо случае всех этих признаков, вместе взятых, не было бы достаточно для опытного исследователя».

— Какая невыразимая чепуха! — воскликнул я, швыряя газету на стол. — В жизни я не читал такого вздора!

— О чем вы говорите? — спросил Шерлок Холмс.

— Об этой статье, — сказал я, указывая на нее чайной ложкой — Вы ее тоже читали, так как отметили карандашом. Я не отрицаю, написана она изящно. Но меня статья раздражает. Это, очевидно, теория какого-нибудь бездельника, измышляющего парадоксы в тиши своего кабинета. Все это далеко от жизни. Хотел бы я видеть автора втиснутым в вагон третьего класса подземной дороги и попросить его определить профессию своих спутников. Ставлю тысячу против одного, что у него ничего бы не вышло.

— Вы проиграли бы свои денежки. — спокойно заметил Холмс. — А что касается этой статьи, то написал ее я.

— Вы?

— Да. Я склонен как к наблюдениям, так и к выводам. Теории, изложенные мною и кажущиеся

вам химерой, в действительности чрезвычайно жизненны, так жизненны, что им я обязан хлебом насущным.

— Как так? — спросил я невольно.

— Что ж, у меня свое ремесло. Я думаю, что я единственный во всем мире сыщик-консультант. В Лондоне очень много правительственных сыщиков и много частных. Когда эти господа не могут справиться, они являются ко мне, и мне удается направить их на верный след. Они излагают мне все факты и обычно, с помощью моего знакомства с историей преступлений, мне удается вывести их из затруднения. Существует большое фамильное сходство между преступлениями, и если вы знаете все подробности тысячи преступлений, вы, конечно, сумеете разобраться в тысяча первом. Лестрэд — известный сыщик. Недавно он запутался в одном деле о подлоге и обратился ко мне.

— А остальные ваши посетители?

— Их, обычно, направляют ко мне частные агенты. Это все люди, попавшие в беду и ищущие помощи. Я выслушиваю их рассказ, они выслушивают мои советы, и я кладу в карман свой гонорар.

— Неужто вы хотите сказать, что, не покидая комнаты, вы можете распутать узел, когда с ним не удастся справиться людям, на глазах которых все происходило?

— Совершенно верно. Я обладаю в этом отношении некоторой интуицией. Попадают порою и более сложные дела. Тогда мне приходится повозиться и лично познакомиться с обстоятельствами дела. Видите ли, для решения задачи я пользуюсь специальными знаниями, и это очень упрощает работу. Правила дедукции, изложенные в этой статье, оказывают мне неоценимую помощь в практической работе. Наблюдение стало моей второй натурой. Вы были поражены, когда при первой нашей встрече я сказал вам, что вы приехали из Афганистана.

— Об этом вы, конечно, слышали от кого-нибудь.

— Ничего подобного. Я был уверен, что вы приехали из Афганистана. Моя мысль, благодаря дли-

тельной тренировке, работает так быстро, что я пришел к выводу, не сознавая промежуточных звеньев. Ход мысли был такой: «вот человек типа медика, но с военной выправкой. Ясно: это военный врач. Он только что приехал из тропиков, так как лицо очень смуглое; это не его природный цвет лица, потому что кожа на запястьях белая. Он претерпел бедствия и болезнь, о чем свидетельствует изможденное лицо. Левая его рука была повреждена. Он держит ее в неестественном положении. Где в тропиках английский военный врач мог претерпеть столько бедствий и быть ранен в руку? Ясно, что в Афганистане». Весь этот ход мыслей занял меньше секунды, и я сказал, что вы приехали из Афганистана, — вы были поражены.

— Все это довольно просто, — сказал я, улыбаясь. — Вы напоминаете мне сыщика Дюпена у Эдгар Аллен По.¹ Я никак не думал, что такие субъекты существуют в жизни.

Шерлок Холмс встал и зажег трубку.

— Вы, наверное, думаете, что мне лестно ваше сравнение с Дюпеном, — заметил он. — Нет. Я не особенно высокого мнения о Дюпене. Он, несомненно, обладал некоторыми способностями к анализу, но он отнюдь не был таким феноменом, каким его изображает По.

— А вы читали произведения Габорио?² — спросил я. — Лекок соответствует вашему идеалу сыщика?

Шерлок Холмс презрительно фыркнул.

— Лекок был жалким растяпой, — сказал он сердито. — У него было только одно преимущество — его энергия. От этой книги меня положительно тошнит. Задача заключалась в том, чтобы опознать неизвестного арестанта. Я бы это сделал за одни сутки. Лекоку понадобилось шесть месяцев.

¹ Эдгар По — знаменитый американский писатель, автор нескольких детективных рассказов.

² Г а б о р и о — французский романист, автор нескольких детективных романов.

Эта книга может служить для сыщиков учебником, по которому они усвоят, чего им следует избегать.

«Этот малый очень умен, — сказал я себе, — но слишком много о себе воображает».

— В наше время нет преступлений и нет преступников, — продолжал с раздражением Холмс. — Нет преступлений, которые бы приходилось расследовать; на лучший конец, попадают мелкие подлости, мотивы которых так прозрачны, что в них могут разобраться даже агенты Скотленд-Ярда.¹

Меня все еще злил его надменный тон. Я счел за лучшее переменить тему разговора.

— Интересно, что нужно этому субъекту? — спросил я, указывая на рослого человека в штатском, который медленно шел по противоположной стороне улицы и внимательно разглядывал номера домов. В руке он держал большой синий конверт.

— Вы имеете в виду отставного сержанта флота? — спросил Холмс.

«Хвастун! — подумал я. — Он знает, что я не могу проверить правильности его догадки».

Не успел я это подумать, как человек, за которым мы наблюдали, разглядел номер на нашей двери и быстро перешел улицу. Мы услышали громкий звонок, низкий голос у входной двери и тяжелые шаги на лестнице.

— Пакет мистеру Шерлок Холмсу, — сказал посыльный, входя в комнату. Мне представился случай проучить Холмса.

— Позвольте узнать, дружище, — спросил я любезно, — ваш род деятельности?

— Рассыльный, сэр, — ответил он хрипло, — моя форма в починке.

— А кем вы были раньше? — спросил я, бросая насмешливый взгляд на моего сожителя.

¹ Скотленд-Ярд — управление лондонской сыскной полиции.

— Сержант, сэр Королевская морская пехота, сэр Ответа не будет? Есть, сэр!

Он щелкнул каблуками, приложил руку к козырьку и вышел.

ГЛАВА III

ТАИНСТВЕННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ НА ЛАУРИСТОН-ГАРДЕН

Признаюсь, я был поражен этим новым доказательством практической применимости теорий Холмса. Когда я взглянул на него, он только что закончил чтение письма и смотрел в пространство пустым, отсутствующим взглядом.

— Но как вы могли придти к такому заключению? — спросил я.

— К какому заключению? — сказал он раздраженно.

— Что этот человек сержант флота в отставке?

— Мне некогда заниматься пустяками, — возразил он резко. Затем добавил с улыбкой: — Простите меня за грубость. Вы прервали нить моих размышлений, но это не столь важно. Итак, вы действительно не могли догадаться, что этот человек — сержант флота?

— Не мог.

— Мне легче узнать, чем объяснить вам, как я это узнал. Даже через улицу я видел на тыльной стороне его руки татуировку в виде большого синего креста. Это отдавало морем. У него была военная выправка и предписываемые законом бакенбарды. Вот вам морской флот. В нем чувствовалось сознание собственного достоинства и привычка командовать. Степенный, почтенный человек средних лет, — все эти черты заставили меня думать, что он сержант.

— Удивительно! — воскликнул я.

— Весьма просто, — ответил Холмс. — Я только что говорил, что не осталось преступников. Оказывается, я ошибся. Посмотрите-ка! — Он бросил мне письмо, принесенное рассыльным. — Не прочтете ли вы его вслух?

Вот письмо, которое я прочитал Холмсу:

«Дорогой мистер Шерлок Холмс! Этой ночью в доме № 3 по Лауристон-гарден, на Брикстон-род случилось скверное дело. Наш полицейский, совершая обход, заметил около двух часов утра свет и, поскольку дом был нежилой, заподозрил что-то неладное. Он нашел дверь открытой и в первой комнате, совершенно пустой, обнаружил труп хорошо одетого мужчины, в кармане которого оказались визитные карточки с именем: «Энох Дж. Дреббер, Кливлэнд, Огио, США». Следов грабежа нет. Неясна также причина наступившей смерти. В комнате есть следы крови, но ран на трупе не обнаружено. Непонятно, как человек попал в пустой дом. Дело очень загадочное. Если вы подъедете в любое время до двенадцати, вы меня застанете там.

Преданный Вам Тобиас Грегсон»

— Грегсон — самый находчивый из агентов Скотлэнд-Ярда, — заметил Холмс, — он и Лестрэд лучше других. Они оба проворны и энергичны, но банальны, — до ужаса банальны. Кроме того, они на ножах между собой и соперничают, как две признанные всеми красавицы. Очень забавно, если они оба пущены по одному следу.

Я был поражен спокойствием, с каким он продолжал болтать.

— Нельзя терять ни минуты, — воскликнул я. — Хотите, я спущусь и позову кэб?

— Я еще не знаю, поеду ли я. Представьте себе, что я распутая это дело. Все равно Грегсон, Лестрэд и К⁰ припишут всю честь себе. Впрочем, поедem и посмотрим. Я поведу розыски по-своему. По крайней мере я над ними позабавлюсь. Едем!

Через минуту мы сидели в экипаже и с бешеной скоростью летели в направлении к Брикстон-род. Мой спутник был в ударе и болтал о кремонских скрипках, о различии между скрипками Страдивариуса¹ и скрипками Амати.

¹ Страдивариус — знаменитый итальянский мастер, изготовлявший лучшие в мире скрипки, виолончели и контрабасы

— Вы, кажется, не очень-то думаете о предстоящем деле? — прервал я, наконец, музыкальные разглагольствования Холмса.

— Нет еще никаких фактов, — ответил он. — Это грубая ошибка — теоретизировать, не имея данных. Это мешает непредубежденности суждения. — Стой, кучер, стой!

Мы были на расстоянии ста ярдов от дома, но Холмс вышел из экипажа, и мы закончили наше путешествие пешком.

Дом № 3 по Лауристон-гарден имел мрачный, зловещий вид. Это был один из четырех домов, стоявших на некотором расстоянии от дороги: два из них были заселены, два стояли пустые. Каждый из этих домов отделялся от улицы небольшим садиком со скудно разбросанными хилыми кустами. Через сад пролежала узкая дорожка; желтоватый грунт ее состоял, повидимому, из смеси глины с гравием. Земля была очень мокрая, ночью шел дождь. Сад был обнесен кирпичной оградой вышиною в три фута, над которой тянулся деревянный забор. Прислонившись к ограде, стоял степенный констэбль,¹ окруженный кучкой любопытных, которые вытягивали шеи и напрягали зрение, чтобы разглядеть происходящее в доме.

Я представлял себе, что Холмс сразу бросится в дом и углубится в исследование таинственного происшествия. Ничего подобного! С беспечным видом он расхаживал взад и вперед по панели, рассеянно глядел на небо, на землю, на дома через улицу, на забор. Закончив осмотр, он медленно пошел по дорожке, скорее по траве вдоль дорожки, не отрывая взгляда от земли. Он дважды останавливался, и раз я уловил его улыбку и радостное восклицание. На влажной глинистой земле было много следов ног, но полицейские уже успели истоптать дорожку, и я не представлял себе, как Холмс может надеяться что-либо обнаружить.

У дверей дома нас встретил высокий, бледный,

¹ Констэбль — так называют в Англии полицейских.

желтоволосый человек с записной книжкой в руках. Он бросился к Холмсу и горячо пожал ему руку.

— Очень любезно с вашей стороны, что вы приехали, — сказал он. — Я все оставил нетронутым.

— Кроме этого! — сказал мой друг, указывая на дорожку. — Стадо буйволов не произвело бы

большого беспорядка. Но, конечно, вы сделали свои выводы, Грегсон, прежде чем допустить это?

— У меня столько дела внутри дома, — уклончиво ответил сыщик. — Мой коллега Лестрэд здесь, и я надеялся, что он за этим последит.

Холмс взглянул на меня и с ядовитой усмешкой поднял брови.

— После двух таких людей, как вы и Лестрэд, — сказал он, — на долю третьего немного останется работы.

Грегсон самодовольно потер руки.

— Полагаю, мы сделали все, что возможно, — ответил он.

— Вы не подъехали сюда в кэбе?

— Нет, сэр.

— И Лестрэд тоже?

— Тоже.

— В таком случае, войдем в комнату.

Холмс вошел в дом в сопровождении Грегсона, лицо которого выражало крайнее изумление.

Небольшой коридор, дощатый и пыльный, вел в кухню. В коридор выходили две двери. Одна из дверей явно не отворялась уже много недель. Другая вела в столовую, где произошло загадочное дело. Холмс вошел в комнату, я последовал за ним.

Большая квадратная комната казалась еще больше из-за отсутствия мебели. Стены были оклеены вульгарными яркими обоями, на которых кое-где проступали пятна сырости; местами большие полосы обоев отстали от стены и свисали, обнажая желтоватую штукатурку. Против двери — пышный камин с доской из искусственного белого мрамора. К краю этой доски был прилеплен огарок красной восковой свечи. Мутный свет проникал через единственное грязное окно и окрашивал все предметы в тусклосерый цвет. Все было покрыто густым слоем пыли.

Но это я заметил позже. В первую минуту мое внимание было приковано к мрачной, неподвижной фигуре, лежавшей на полу. Это был человек сорока трех — сорока четырех лет, среднего роста, широкоплечий, с черными курчавыми волосами и короткой щетинистой бородкой; на нем был сюртук и жилет из толстого сукна, светлые брюки, белоснежные манжеты и воротничок. Хорошо вычищенный, новенький цилиндр стоял рядом с ним на полу. Руки этого человека были раскинута, пальцы сведены, ноги сплетены, словно смерти предшествовала тяжелая борьба. На его неподвижном лице застыло выражение ужаса и, как мне показалось, такой ненависти, какой я никогда еще не видел на лице человека. Зловещая судорожность позы, низкий лоб, тупой нос и выступающая челюсть придавали мертвецу сход-

ство с обезьяной. Никогда еще смерть не являлась мне в таком устрашающем виде, как здесь, в этой темной, грязной комнате, окна которой выходили на одну из крупных артерий лондонского предместья.

Лестрэд, тощий и похожий на хорька, стоял у дверей и приветствовал нас.

Шерлок Холмс приблизился к трупу и, став на колени, внимательно его осмотрел.

— Вы уверены, что нет раны? — спросил он, указывая на многочисленные пятна крови, рассеянные по всей комнате.

— Безусловно! — ответили в один голос оба сыщика.

— В таком случае эта кровь принадлежит второму лицу, — вероятно, убийце, если это было убийство.

Тонкие гибкие пальцы Холмса мелькали то тут, то там, ощупывали, надавливали, расстегивали, исследовали, между тем как его глаза попрежнему сохраняли то отсутствующее выражение, которое я уже отмечал. В заключение Холмс понюхал губы мертвеца и осмотрел подошвы его сапог.

— Его совершенно не передвигали? — спросил он

— Лишь настолько, сколько было необходимо для нашего осмотра.

— Теперь вы можете отправить его в покойницкую. Больше ничего нельзя узнать.

У Грегсона были приготовлены носилки, и четыре носильщика, по его приказанию, вошли в комнату, подняли мертвеца и унесли. Когда они брали тело, упало кольцо и покатилося по полу. Лестрэд схватил кольцо и впился в него глазами.

— Здесь была женщина! — воскликнул он. — Это женское обручальное кольцо!

Он держал его на ладони. Мы все обступили Лестрэда. Не могло быть сомнения в том, что это гладкое золотое кольцо носила женщина.

— Это усложняет дело, — сказал Грегсон, — а оно и без того достаточно сложно!

— А вы не думаете, что это, наоборот, упрощает дело? — заметил Холмс. — Что вы нашли в карманах?

— Все собрано здесь, — сказал Грегсон, уводя Холмса в сени. — Золотые часы № 97163, фирмы Бэрро, Лондон; золотая цепочка, очень тяжелая и массивная; золотое кольцо с масонским знаком; золотая булавка с головой бульдога, с глазами из рубинов; кожаный бумажник с визитными карточками «Энох Д. Дреббер, Кливлэнд», что соответствует метке Э. Д. Д. на белье; кошелек нет, но в карманах — деньги на сумму в семь фунтов тринадцать шиллингов; карманное издание Декамерона Боккаччо¹ с именем Джозеф Стангерсон на титульном листе; два письма, одно адресовано Е. Д. Дребберу и другое — Джозефу Стангерсон.

— По какому адресу?

— Америкэн-Эксченж Стрэнд, до востребования. Оба письма от Гийонского пароходного общества и касаются рейса пароходов из Ливерпуля. Ясно, что этот злополучный человек намеревался вернуться в Нью-Йорк.

— Вы навели справки о Стангерсоне?

— Я сразу же это сделал, сэр, — сказал Грегсон. — Я разослал объявления во все газеты и по-

¹ Джованни Боккаччо — знаменитый итальянский писатель XIV века, автор „Декамерона“, сборника новелл и повестей.

слал одного из своих агентов в Америкэн-Эксченж, но он еще не вернулся.

— Вы телеграфировали в Кливлэнд?

— Да, сегодня утром.

— Как вы формулировали свой запрос?

— Мы подробно сообщили обстоятельства и указали, что будем благодарны за всякие сведения, которые могут нам помочь.

— Вы не запрашивали подробностей по какому-либо вопросу, который показался вам решающим в этом деле?

— Я запрашивал о Стангерсоне.

— И ни о чем другом? Разве здесь нет ничего такого, что, повидимому, является основным стержнем всего дела? Вы не собираетесь телеграфировать еще раз?

— Я телеграфировал обо всем, о чем желал телеграфировать, — сказал Грегсон обиженным тоном.

Шерлок Холмс усмехнулся про себя и собирался что-то сказать, когда Лестрэд, остававшийся в комнате, появился в сенях, самодовольно потирая руки.

— Мистер Грегсон, — сказал он, — я только что обнаружил чрезвычайно важное обстоятельство, которое бы осталось незамеченным, если бы я не произвел тщательного осмотра стен.

Глаза маленького человечка блестели, и он был в состоянии едва сдерживаемой экзальтации.

— Идите сюда! — сказал он, бросаясь обратно в комнату. — Встаньте здесь!

Он зажег спичку о подошву своего башмака и поднес ее к стене.

— Посмотрите-ка!

Я упомянул, что обои местами отстали. В этом углу комнаты большая полоса отвалилась, обнажив желтый квадрат штукатурки. На пустом пространстве кроваво-красными буквами было написано одно слово: Rache

— Что вы на это скажете? — воскликнул сыщик. — Это самый темный угол комнаты, и никто не подумал сюда заглянуть. Убийца написал это слово собственной кровью. Смотрите — лужа под надписью. Это, во

всяком случае, устраняет мысль о самоубийстве. Почему для надписи он выбрал как раз этот угол? Я вам скажу. Видите свечу на камине? В то время она была зажжена, и этот угол был как раз лучше всего освещен.

— А какое имеет значение то, что вы нашли? — с раздражением спросил Грегсон.

— Какое значение? Это указывает, что писавший собирался начертить женское имя Rachel, но ему или ей помешали. Запомните, когда это дело выяснится, окажется, что в нем замешана какая-то женщина, носящая имя Рашель. Вы напрасно смеетесь, мистер Шерлок Холмс. Вы очень проворны и умны, но заметьте, — старые люди редко ошибаются.

— Я прошу прощения, — сказал Холмс, который своим взрывом смеха вывел из себя маленького человека. — Вы, конечно, первый из нас это обнаружили и вы верно заметили, что надпись, очевидно, сделана вторым участником этого таинственного происшествия. Я еще не имел времени обследовать комнату, но с вашего разрешения я этим займусь теперь.

Холмс достал из кармана рулетку и большое увеличительное стекло. Вооруженный этими двумя инструментами, он бесшумно шагал по комнате, останавливаясь, иногда опускаясь на колени; раз он даже лег на пол лицом вниз. Поглощенный своим делом, он, видно, совсем забыл о нашем присутствии, — он все время бормотал что-то себе под нос. Минут двадцать Холмс вел свое обследование, точнейшим образом измеряя расстояние между следами, которых я совершенно не замечал; своей рулеткой он производил какие-то непонятные для меня измерения на стене. В одном месте он тщательно подобрал с пола маленькую щепотку серой пыли и положил в конверт. В заключение он рассмотрел с помощью лупы надпись на стене, после чего спрятал в карман лупу и рулетку.

— Говорят, что гениальность — это бесконечная способность трудиться, — заметил он, улыбаясь. —

Это очень плохое определение, но оно вполне применимо к работе сыщика.

Грегсон и Лестрэд с большим вниманием и с некоторым презрением следили за маневрами сыщика-любителя. Они явно не понимали того, что мне теперь становилось ясно: они не замечали, что все действия Шерлок Холмса были направлены к определенной практической цели.

— Что вы обо всем этом думаете? — спросили оба зараз.

— С моей стороны было бы самонадеянностью полагать, что я смогу вам помочь, — заметил мой друг. — Если вы дадите мне знать, как подвигается ваше расследование, я с удовольствием пособлю вам, чем сумею. Пока что я хотел бы переговорить с констэблем, обнаружившим труп. Не можете ли вы сообщить мне его имя и адрес?

Лестрэд заглянул в свою записную книжку.

— Джон Рэнс, — сказал он. — Сейчас он свободен. Вы найдете его в доме 46 в Одлей-Корт, Кеннингтон Парк-Гет.

Холмс записал адрес.

— Идемте, доктор, — сказал он, — мы его разыщем. Вам я скажу кое-что, что вам полезно знать, — обратился он к сыщикам. — Совершенно убийство, убийца мужчина, ростом больше шести футов, молод, имеет маленькие для своего роста ноги, обут в грубые ботинки с широким носком и курил трихинопольские сигары. Он приехал сюда со своей жертвой в четырехколесном кэбе, в который была запряжена лошадь с тремя старыми подковами и одной новой на передней ноге... По всей вероятности, у убийцы румяное лицо, а ногти на его правой руке очень длинные.

Лестрэд и Грегсон посмотрели друг на друга с недоверчивой улыбкой.

— Если этот человек был убит, то каким способом? — спросил Лестрэд.

— Яд, — коротко сказал Шерлок Холмс и зашагал к выходу. — Еще одно, Лестрэд, — добавил он, дойдя до двери. — *Rache* — это немецкое слово

и означает: «мечь»; поэтому не теряйте напрасно времени на поиски мисс Рашель.

Пустив эту отравленную стрелу, он вышел, оставив соперничающих сыщиков с открытыми от удивления ртами.

ГЛАВА IV ЧТО РАССКАЗАЛ ДЖОН РЭНС

В час дня мы вышли из дома № 3 по Лауристон-гарден. Шерлок Холмс зашел в ближайшее отделение телеграфа и послал длинную телеграмму. Затем он подозвал кэб и приказал ехать по адресу, данному Лестрэдом.

— Ничто не может сравниться с личным впечатлением, — заметил он. — Я уже составил себе полное представление об этом деле, но не мешает узнать все, что можно узнать.

— Вы меня удивляете, Холмс, — заметил я. — Безусловно вы вовсе не так уверены во всех указанных вами деталях, а только делаете вид.

— Тут нет места для ошибки, — ответил он. — Первое, что я заметил по приезде, это то, что колеса кэба оставили две колеи. До вчерашней ночи целую неделю не было дождя, следовательно, колеса, оставившие такой глубокий след, проехали там в течение ночи. Я обнаружил также следы подков, при чем отпечатки одной из них были гораздо отчетливее остальных, из чего следует, что это была новая подкова. Поскольку кэб был там после начала дождя и не был там в течение утра, — за это ручается Грегсон, — я делаю вывод, что кэб был там в течение ночи и, следовательно, привез в дом этих двух субъектов.

— Это как раз довольно легко установить, — сказал я. — Ну, а как насчет роста второго человека?

— Что ж, в девяти случаях из десяти рост может быть определен по длине шага. Я измерил шаг этого парня и на глине дорожки, и на пыли пола. Кроме того я имел возможность проверить мое вычисление.

Когда человек пишет на стене, он инстинктивно пишет на уровне своих глаз. Надпись была сделана немного выше уровня шести футов от пола.

— А его возраст?

— Если мужчина без малейшего усилия делает шаг в четыре с половиной фута, то он не может быть ни молокососом, ни стариком. Такова была ширина лужи на дорожке сада, через которую он перешагнул. Сапоги из дорогой кожи обошли лужу, а башмаки с широкими носками перешагнули. Вас еще что-нибудь поражает?

— Ногти и трихинопольская сигара.

— Надпись на стене сделана мужским указательным пальцем, смоченным в крови. Моя лупа позволила мне установить, что штукатурка была при этом слегка поцарапана, чего бы не случилось, если бы у человека были коротко остриженные ногти. Я собрал с полу немного пепла, он был темного цвета и хлопьевиден, — такой пепел бывает только у трихинопольских сигар. Я специально изучал сигары и даже написал на эту тему брошюру. Я горжусь, что могу по виду пепла опознать любой известный сорт табака или сигар.

— А румяное лицо?

— А-а! Это было более смелое утверждение, хотя я уверен, что не ошибся.

— У меня в голове туман, — заметил я. — Чем больше я думаю, тем таинственнее все это становится. Как эти два человека, — если их было двое, — попали в пустой дом? Что стало с привезшим их кэбменом? Как мог один человек заставить другого принять яд? Откуда взялась кровь? Какую цель преследовал убийца, если грабеж исключается? Откуда взялось женское кольцо? И прежде всего — зачем было второму субъекту писать перед уходом немецкое слово *Rache*?

Мой спутник одобрительно улыбнулся.

— Вы очень метко и точно перечислили трудности положения, — сказал он. — Многие еще неясно, хотя в отношении главных фактов у меня нет сомнений. Что касается открытия бедного Лестреда, то это

только попытка навести полицию на ложный след. Надпись сделана не немцем. Буква А, как вы заметили, похожа на готическую. Между тем, настоящий немец пишет латинским шрифтом. Я вам скажу другое: сапоги из дорогой кожи и башмаки с широкими носками приехали в одном кэбе и прошли по дорожке вместе, самым мирным образом, вероятно, под руку. Когда они вошли в дом, они прохаживались взад и вперед по комнате — или скорее сапоги из дорогой кожи стояли, а башмаки с широкими носками расхаживали взад и вперед. Я все это прочел на пыли, и еще я прочел, что, расхаживая, человек все больше приходил в возбуждение. На это указывает увеличивающаяся длина его шагов. Он все время говорил и, несомненно, взвинтил себя до бешенства. Тогда разыгралась трагедия. Я вам сказал все, что знаю. У нас есть хорошая база для дальнейшей работы.

Этот разговор происходил, пока наш кэб пробирался по грязным улицам и мрачным переулкам. В самом грязном и мрачном месте кэбмен неожиданно остановился.

— Вот Одлей-Корт, — сказал он, указывая на узкий проход между кирпичными строениями. — Я вас здесь обожду.

Через этот узкий проход мы вышли на площадку, окруженную убогими домишками. Мы прошли мимо кучек грязных ребят, мимо веревок с жалким застиранным бельем и добрались до дома № 46, на двери которого красовалась медная дощечка с именем Рэнс. Констэбль лежал в постели, и нас просили обождать в маленькой гостиной.

Он вышел сразу и, повидимому, был недоволен тем, что мы нарушили его покой.

— Я сделал рапорт в отделении, — сказал он.

Холмс достал из кармана золотую монету и стал ею играть.

— Нам бы хотелось все это услышать из ваших уст, — сказал он.

— Я буду рад рассказать вам все, что могу, — ответил констэбль, устремляя взор на золотой диск.

Рэнс уселся на диван и нахмурил брови, как бы

стараясь чего-нибудь не упустить в своем повествовании.

— Мое дежурство от десяти часов вечера до шести утра, — начал он. — При вечернем обходе все было в порядке. В час ночи пошел дождь. Я встретил Гарри Маршера и мы вместе с ним стояли на углу Генриетта-стрит и беседовали. Затем, часа в два или немного позже, я решил пройтись и посмотреть, все ли в порядке на Брикстон-род. По дороге я не встретил ни души, хотя мимо проехал кэб или два. Вдруг я заметил огонек в окне этого самого дома. Я знал, что эти два дома на Лауристон-гарден нежилые. Поэтому меня очень испугал огонь в окне, и я подумал, не случилось ли беды. Когда я подошел к двери...

— Вы остановились и пошли обратно к калитке, — перебил его мой друг. — Зачем вы это сделали?

— Что ж, это правда, сэр, — сказал он. — Хотя никак не могу понять, откуда вы это знаете! Видите ли, когда я подошел к двери, было так тихо и жутко, что я подумал, не позвать ли мне кого-нибудь. Вот я и пошел обратно к калитке, чтобы посмотреть, нет ли поблизости Маршера, но ни его, ни кого другого я не нашел.

— На улице никого не было?

— Ни живой души, даже собак не было. Затем я собрался с духом, вернулся к дому и открыл дверь. Внутри было тихо, и я вошел в комнату, где горел свет. На камине мигала свеча — красная восковая свеча, — и при свете ее я увидел...

— Да, я знаю все, что вы увидели. Вы несколько раз обошли комнату, вы опустились на колени возле трупа, затем вышли, попробовали открыть дверь в кухню, затем...

— Где вы прятались? — вскричал Рэнс. — Вы знаете много больше, чем бы вам следовало знать!

Холмс рассмеялся и бросил на стол свою визитную карточку.

— Не вздумайте меня арестовать по подозрению в убийстве, — сказал он. — Я из своры собак, а не волк. Продолжайте! Что вы после этого сделали?

Рэнс снова сел на диван.

— Я вернулся к калитке и дал свисток. На свисток явился Маршер и с ним еще двое.

— На улице в это время никого не было?

— Да, можно сказать, что никого, если иметь в виду людей на что-нибудь годных.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я немало видел пьяных на своем веку, — сказал Рэнс, — но никогда не видел, чтобы человек был так пьян. Когда я вышел из калитки, он стоял, приклонившись к ограде, и распевал во все горло. Он не мог держаться на ногах, а уж тем более ничем не мог нам помочь.

— Как он выглядел? — спросил Шерлок Холмс.

— Это был мертвецки пьяный верзила. Он бы попал в участок, если бы мы не были так заняты.

— Его лицо, его одежда, разве вы этого не заметили? — нетерпеливо прервал его Холмс.

— Конечно, заметил. Ведь нам-то пришлось его поддерживать с двух сторон, Маршеру и мне. Он был высокого роста, с красным лицом, был закутан...

— Довольно! — воскликнул Холмс. — Куда он делся?

— Нам и без того хватало дела, — сердито ответил констебль. — Ручаюсь, что он благополучно добрался до дому.

— Как он был одет?

— Коричневое пальто.

— У него был в руках хлыст?

— Хлыст? Нет.

— Наверное, он позабыл свой хлыст, — пробормотал Холмс. — Вы после этого не видели кэба? Не слышали стука колес?

— Нет.

— Вот вам полсоверена, — сказал мой спутник, вставая. — Боюсь, Рэнс, что вы никогда не выдвинетесь по службе. Голова должна служить человеку для дела, а не только для украшения. Вы могли бы вчера ночью заслужить сержантские нашивки. Человек, который был в ваших руках, это тот самый, кого мы разыскиваем. Об этом не стоит спорить. Пойдемте, доктор!

Мы вышли, оставив нашего рассказчика в довольно-таки скверном настроении.

— Какой махровый дурак! — с горечью проговорил Холмс, когда мы ехали домой. — Человеку привалила такая несравненная удача, а он не сумел ею воспользоваться!

— Я ничего не понимаю. Правда, описание этого человека соответствует вашему представлению о втором участнике драмы. Но зачем ему было возвращаться к этому дому? Разве преступники так поступают?

— Кольцо, кольцо, поймите же! Он вернулся за кольцом. Если у нас нет других способов его поймать, мы можем использовать кольцо как приманку. Я его словлю, доктор! Готов побиться об заклад, что я словлю его. Я должен быть вам благодарен: если бы не вы, я бы не поехал и упустил бы этот интереснейший в моей практике бег по следу, бег по багровому следу. Багровая нить убийства проходит через бесцветную паутину жизни, и наш долг проследить эту нить, обнаружить ее и выявить каждый мельчайший ее отрезок. А теперь позавтракаем, и я отправлюсь на концерт, слушать Норман Неруда.

Г Л А В А V

НА НАШЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ ОТКЛИКНУЛСЯ ПОСЕТИТЕЛЬ

Холмс возвратился очень поздно. Концерт не мог его так задержать. Когда он вернулся, обед уже был на столе.

— Что с вами? — обратился он ко мне. — У вас плохой вид. Вас расстроило это дело на Брикстон-род?

— Признаюсь, да.

— Я понимаю. Оно окружено тайной, а тайна волнует. Вы видели вечерние газеты?

— Нет.

— В них дано довольно обстоятельное описание дела. Но не упоминается об обручальном женском кольце. Очень хорошо, что не упоминается.

— Почему хорошо?

— Посмотрите-ка объявление, — ответил Холмс — Я разослал этот текст по всем редакциям газет сразу же после посещения дома на Лауристон-гарден.

Он передал мне газету, и я прочитал первое объявление в столбце под заголовком: «Найдено».

«В районе Брикстон-род на дороге между трактом Уайт-Гарт и Голланд-гров найдено золотое обручальное кольцо. Обращаться к доктору Ватсон, 221-Б, Бекэр-стрит, от восьми до девяти часов вечера».

— Простите, что я воспользовался вашим именем, — сказал Холмс, — Если бы я поместил свое имя, какой-нибудь болван из Скотленд-Ярда узнал бы его и пожелал бы вмешаться в это дело.

— Я не возражаю. Но предположим, что кто-нибудь заявится. Ведь кольца-то у меня нет.

— О, кольцо у вас есть, — ответил он, передавая мне кольцо. — Оно отлично сойдет. Почти точная копия.

— А кто, по-вашему, откликнется на это объявление?

— Человек в коричневом пальто, наш краснощекий друг в башмаках с тупыми носками. Если он не придет сам, он пошлет сообщника.

— А он не сочтет это слишком опасным?

— Ничуть. Если я правильно понимаю дело, а я имею все основания полагать, что так оно и есть, этот человек поставит на карту все, чтобы только вернуть кольцо. Насколько я представляю, он уронил его, когда нагнулся над телом Дреббера, и не сразу спохватился. Он обнаружил пропажу после того, как вышел из дому, поспешил обратно, но наткнулся на полицейских, которых сам же навел на след, оставив горящую свечу. Ему пришлось прикинуться пьяным, чтобы отвести подозрение. Поставьте себя на место этого человека. Обдумывая позже все случившееся, он мог напасть на мысль, что кольцо потеряно им на дороге, после того, как он покинул дом. Что в таком случае он сделает? Он с нетерпением будет дожидаться вечерних газет в надежде найти объявление о кольце. Он прочтет это объявление

ние и будет в восторге. Зачем ему опасаться западни? У него нет никакого основания думать, что находка кольца может быть поставлена в связь с убийством. Через час вы его увидите.

— И тогда? — спросил я.

— О, предоставьте мне с ним разделаться. У вас есть оружие?

— У меня есть мой револьвер и несколько патронов.

только — Вам бы следовало его вычистить и зарядить. Это отчаянный человек, и, хотя я захвачу его врасплох, надо быть все же готовым к худшему.

Я пошел к себе и последовал совету Холмса. Когда я вернулся, со стола было убрано. Холмс предавался своему любимому занятию — импровизировал на скрипке.

— Узел затягивается, — сказал он. — Я только что получил ответ на телеграмму, посланную мною в Америку. Моя точка зрения оказалась правильной.

— А именно?

— Положите револьвер в карман. Когда этот малый явится, говорите с ним самым непринужденным тоном. Остальное предоставьте мне. Не пугайте его слишком пристальным взглядом.

— Уже восемь часов, — сказал я, посмотрев на часы.

— Да. Он, наверно, будет здесь через несколько минут. Приоткройте слегка дверь. Достаточно. Вставьте ключ изнутри. Спасибо! Я думаю, что это он идет.

Раздался резкий звонок. Шерлок Холмс бесшумно встал и подвинул свое кресло ближе к двери. Мы слышали, как прислуга прошла через вестибюль, затем громко заскрипел засов наружной двери.

— Здесь живет доктор Ватсон? — спросил ясный, но довольно грубый голос. Мы не слышали ответа прислуги, но слышали, как захлопнулась входная дверь; кто-то стал подниматься по лестнице. Шаги были неверные и шлепающие. Тень изумления прошла по лицу моего друга. Шаги медленно при-

ближались по коридору, затем раздался слабый стук в дверь.

— Входите! — крикнул я.

Вместо свирепого мужчины, которого мы ждали, в комнату вошла, прихрамывая, старая сморщенная женщина. Ее, повидимому, ослепил яркий свет, и после нескольких поклонов она остановилась, мигая тусклыми глазами и роясь в кармане дрожащими пальцами. Я посмотрел на моего друга и прочел на его лице такое отчаяние, что едва мог сдержать самообладание. Старая карга вынула вечернюю газету и указала на наше объявление.

— Я пришла насчет этого, добрые господа, — она еще раз поклонилась. — Золотое обручальное кольцо на Брикстон-род. Оно принадлежит моей дочке Салли, которая вышла замуж всего год тому назад, а муж ее стюард¹ на пароходе; я и подумать боюсь, что бы он сказал, если бы приехал домой и нашел Салли без кольца; он и так крутого нрава, а когда напьется, просто беда. Она вчера пошла в цирк с...

— Это ее кольцо? — спросил я.

— Слава тебе господи! — воскликнула старуха. — Салли будет счастлива. Это ее кольцо.

— А как ваш адрес? — спросил я.

— Дом № 13 по Дункан-стрит, Хундсдиш. Очень далеко отсюда.

— Брикстон-род не находится на пути от Хундсдиша к какому-либо цирку, — резко сказал Холмс.

Старуха оглянулась и проницательно посмотрела на него своими маленькими воспаленными глазами.

— Господин спросил мой адрес, — сказала она. — Салли снимает комнату в доме № 33 на Майфильд-Плэс, Пекхэм.

— Ваша фамилия?

— Соьер, а ее Деннис, так как Том Деннис женился на ней. Это проворный, опрятный паренек, пока он на море, и лучше его стюарда нет во всей

¹ Стюард — официант на пароходе.

пароходной компаний; но когда он на берегу, он только и думает, что о женщинах и о выпивке...

— Вот ваше кольцо, миссис Сойер, — прервал я ее, повинаясь знаку Холмса. — Оно, несомненно, принадлежит вашей дочери, и я очень рад возможности вернуть его законному владельцу.

Бормоча благословления, старая ведьма сунула кольцо в карман и зашлепала вниз по лестнице. Как только она вышла, Шерлок Холмс вскочил на ноги и бросился в свою комнату. Через несколько секунд он вернулся в длинном пальто.

— Я прослежу ее, — сказал он торопливо. — Она, наверное, его сообщница и приведет меня к нему. Ждите меня!

Не успела входная дверь закрыться за старухой, как Холмс уже был внизу. В окно я видел нашу гостью: она ковыляла по противоположной стороне улицы, а Холмс следовал за нею по пятам.

Он мог и не просить меня ждать его возвращения. Я чувствовал, что не смогу уснуть, пока не узнаю о результатах его прогулки.

Он вышел около девяти часов; я не имел никакого представления о том, когда он вернется, и терпеливо сидел, покуривая трубку. Пробило десять, я услышал шаги служанок, отправлявшихся спать. В одиннадцать послышались за дверьми более солидные шаги нашей квартирной хозяйки, она тоже шла спать. Было почти двенадцать, когда раздался резкий звук американского ключа. Как только Холмс вошел, я по его лицу увидел, что он потерпел неудачу. Смех и огорчение, казалось, боролись за первенство, пока, наконец, смех не одержал верх, и Холмс весело расхохотался.

— Вот бы я не хотел, чтобы об этом узнали в Скотлэнд-Ярде! — воскликнул он, опускаясь в кресло.

— Но в чем дело? — спросил я.

— О, я не стесняюсь признаться в своей неудаче. Эта бестия, пройдя один квартал, вдруг начала хромать, прикинулась, что у нее болит нога. Затем остановилась и окликнула проезжавший мимо кэб.

Я оказался близко от нее и расслышал адрес; но на этот счет я мог не беспокоиться, она прокричала его так громко, что можно бы было услышать на противоположной стороне улицы: «Поезжайте на Дункан-стрит № 13, Хундсдиш». — Я подумал, что это как будто не обман, и как только она уселась

в кэб, я прицепился сзади. Этим искусством должен в совершенстве владеть каждый сыщик. Мы пока- тили и не останавливались, пока не достигли указанной улицы. Я соскочил прежде, чем мы подъехали к дому, и непринужденно, лениво зашагал по улице. Я видел, как кэб остановился у дома № 13. Кэбмен спрыгнул с козел, отворил дверцы и стоял в ожидании. Но никто не вышел. Когда я подошел к нему, он неистово обшаривал пустой кэб, извергая

богатейший ассортимент ругательств. Не было никакого следа старухи, и я боюсь, что кэбмен не скоро получит заработанную им плату. Путем расспросов я узнал, что дом № 13 принадлежит почтенному обойщику Кесвику, и что в доме никогда не слышали ни о каких Сойерах или Деннис.

— Но не думаете же вы, что эта трясущаяся слабая старуха могла на ходу выпрыгнуть из кэба так, что ни вы, ни кэбмен этого не заметили?

— Чорт бы побрал! — резко сказал Холмс. — Какая это старуха! Мы с вами оказались старухами и дали себя провести. Это был молодой человек, притом очень ловкий и к тому же неподражаемый актер. Он, конечно, заметил, что за ним следят, и постарался ускользнуть от меня. Это доказывает, что человек, которого мы разыскиваем, не так одинок, как я предполагал, он имеет друзей, готовых идти ради него на риск. Ну, доктор, у вас измученный вид. Последуйте моему совету и ложитесь спать.

Я чувствовал себя совсем разбитым и лег в постель. Холмс остался перед догорающим каминном, и долго в тиши ночи я слышал тихие, melancholic жалобы его скрипки и понимал, что он все еще раздумывает над странной загадкой, которую решил во что бы то ни стало разгадать.

ГЛАВА VI

ТОБИАС ГРЕГСОН ПОКАЗЫВАЕТ СВОЕ ИСКУССТВО

На следующий день газеты были полны сообщений о «Брикстонской тайне». Каждая газета давала подробное описание дела. Некоторые факты были для меня новы. «Дейли Телеграф» писал, что история преступлений знает мало трагедий, носящих столь загадочный характер. Немецкое имя жертвы, отсутствие корыстных мотивов и зловещая надпись на стене — все это указывает, что убийство совершено политическими эмигрантами и революционерами. Социалисты имеют разветвленную органи-

зацию в Америке. Покойный, очевидно, нарушил их неписанный закон, и был ими выслежен и убит.

В заключение статья призывала правительство усилить надзор за иностранцами в Англии.

«Стандарт» указывал на то, что подобные злодеяния, обычно, сопутствуют либеральному управлению страной. Убитый был американцем и всего несколько недель находился в Лондоне. Он проживал в пансионе мадам Шарпантье на Торквей-Террас, Кэмберуэль. Его сопровождал личный секретарь, мистер Джозеф Стангерсон. Они оба распростились с хозяйкой пансиона во вторник, третьего числа этого месяца и отправились на Эустонский вокзал, чтобы уехать экспрессом в Ливерпуль. Их обоих видели на платформе. Больше о них ничего не было известно, пока тело мистера Дреббер не было найдено в пустом доме в районе Брикстон-род, за несколько миль от Эустонского вокзала. О местопребывании Стангерсона ничего не известно. Далее выражалась уверенность, что мистер Лестрэд и мистер Грегсон из Скотлэнд-Ярда, которым поручено расследование, быстро сумеют пролить свет на это таинственное дело.

Газета «Дэйли Ньюс» отмечала, что преступление носит несомненно политический характер. «Деспотизм континентальных правительств привлекает в Англию людей, подвергающихся преследованиям на своей родине. Среди этих людей существует строжайший кодекс чести, и всякое нарушение его карается смертью. Необходимо приложить все усилия к розыску Стангерсона. Установлен адрес пансиона, в котором жил убитый; это открытие следует всецело отнести на счет проницательности и энергии мистера Грегсона из Скотлэнд-Ярда».

Шерлок Холмс вместе со мной прочитал за завтраком все эти статьи.

— Я вам говорил, Ватсон, что Лестрэд и Грегсон всегда окажутся в выигрыше.

— Это зависит от того, как обернется дело.

— Да что вы! Это не имеет никакого значения. Если убийца будет пойман, это будет благодаря

им; если ему удастся скрыться, это будет несмотря на их усилия; что бы они ни делали, они всегда окажутся правы.

— Что там случилось? — воскликнул я, услышав в вестибюле топот множества ног, сопровождаемый негодующими восклицаниями нашей квартирной хозяйки.

— Это Бэкер-стритское отделение сыскной полиции, — серьезно ответил Холмс.

В эту минуту в комнату протиснулось около полдюжины оборванных, грязных мальчишек.

— Смирно-о! — строго крикнул Холмс, и шесть маленьких сорванцов выстроились в ряд и застыли. — Впредь посылайте с докладом Виггинса, а остальные пусть ждут на улице. Нашли?

— Нет, сэр! — ответил один из мальчиков.

— Я так и думал. Продолжайте искать, пока не найдете. Вот ваша плата. — Он дал каждому по шиллингу. — Теперь ступайте, и в следующий раз являйтесь с лучшими вестями!

Он сделал знак рукой, и ребята, как крысы, скатились с лестницы; через минуту их звонкие голоса раздавались на улице.

— От этих маленьких попрошаек можно большего добиться, чем от дюжины агентов Скотленд-Ярда, — заметил Холмс. — Один вид человека профессионального типа накладывает печать молчания. А эти птенцы везде расхаживают и все слышат. Они всюду сумеют пролезть; им только не хватает организованности.

— Вы их послали по делу убийства на Брикстон-род?

— Да. Я хочу проверить одну догадку, это только вопрос времени. Аллю! Сейчас мы услышим новости! Грегсон идет в нашу сторону с сияющей физиономией. Я знаю, что он идет к нам. Ну да, он остановился. Вот и он!

Раздался громкий звонок, и через несколько секунд желтоволосый сыщик влетел в нашу гостиную.

— Дорогой коллега! — воскликнул он, неистово

сжимая руку Холмса, — поздравьте меня. Я распутал все это дело.

Мне показалось, что по лицу моего друга пробежала тень беспокойства.

— Вы хотите сказать, что напали на верный след? — спросил он.

— Верный след! Убийца уже сидит за решеткой!

— Его имя?

— Артур Шарпантье, младший лейтенант королевского флота, — крикнул Грегсон, самодовольно потирая руки и выпячивая грудь.

Шерлок Холмс испустил вздох облегчения и улыбнулся.

— Садитесь и берите сигару, — сказал он. — Нам очень интересно услышать, как вам это удалось. Хотите виски с водой?

— Непрочь! — ответил сыщик. — Огромное напряжение последних дней совсем меня измотало. Не столько физическое напряжение, сколько умственное. Вам это понятно, мистер Холмс, потому что мы оба люди умственного труда.

— Вы оказываете мне слишком много чести, — серьезно сказал Холмс. — Но расскажите, как вы достигли таких блестящих результатов?

Сыщик уселся в кресло, посасывая сигару; внезапно он хлопнул себя по коленке в припадке неудержимого веселья.

— Забавно то, что Лестрэд, так много о себе воображающий, пошел по совершенно ложному следу. Он разыскивает Стангерсона, который не имеет ни малейшего отношения к этому преступлению.

— А как вы нашли нить?

— Я вам все расскажу. Но, конечно, это строго между нами. Первая моя задача заключалась в том, чтобы добыть данные об этом американце. Вы помните цилиндр рядом с трупом?

— Да. Фирма Джон Андервуд и сын, 220 Кэмберуэль-род.

Грегсон совсем опешил.

— Вот уж не предполагал, что вы заметили адрес фирмы, — проговорил он. — Вы там были?

— Нет.

— А-а! — обрадовался Грегсон. — Никогда не нужно пренебрегать лишним шансом, как бы он ни был незначителен. Итак, я отправился к Андервуду и спросил, не продавал ли он цилиндр такого-то размера и фасона. Он заглянул в свои книги и сказал, что действительно послал такой цилиндр мистеру Дреббер, живущему в пансионе Шарпантье, Торквей-Террас. Так мне удалось установить адрес.

— Ловко! Очень ловко! — пробормотал Холмс.

— Затем я явился к мадам Шарпантье, — продолжал сыщик. — Она была бледна и очень расстроена. В комнате присутствовала также ее дочь, исключительно миловидная девушка. У нее были заплаканные глаза, и во время разговора со мной губы ее дрожали. Я почуял дичь. Вам знакомо это особое чувство, когда вы нападаете на верный след? «Слышали вы что-нибудь о таинственной смерти вашего жильца, мистера Эноха Дреббера из Кливлэнда?» — спросил я. Мать только кивала головой, она не могла выговорить ни слова. Дочь расплакалась. Я уже не сомневался, что они знают кое-что об этом деле.

«В котором часу мистер Дреббер уехал от вас на вокзал?» — спросил я.

«В восемь часов», — проговорила мать, глотая воздух, чтобы скрыть свое волнение. — «Его секретарь, мистер Стангерсон, сказал, что есть два поезда — один в девять часов пятнадцать минут и другой в одиннадцать часов. Он собирался ехать первым поездом».

«Вы после этого не видели Дреббера?»

— При этом вопросе женщина очень изменилась в лице и смертельно побледнела. Прошло несколько секунд, прежде чем она смогла выдать одно слово — «Нет». И это слово она произнесла хрипло и неестественно. Наступило молчание, затем дочь спокойным, звучным голосом сказала:

«Ложь никогда не приведет к добру. Будем откровенны с этим джентльменом. Мы еще раз видели мистера Дреббер».

«Да простит тебе бог!» — воскликнула мадам Шарпантье, всплеснув руками и откинувшись на спинку стула. — «Ты убила своего брата!»

«Артур сам предпочел бы, чтобы мы сказали правду», — твердо ответила девушка.

«Вам лучше открыть мне всю правду», — заметил я. — «Полупризнание хуже всего. Кроме того, вы ведь не знаете, что нам уже известно по этому делу».

«Грех на твоей душе, Алиса!» — воскликнула мать и затем обратилась ко мне: — «Я расскажу вам все, сэр. Не думайте, что я беспокоюсь за сына потому, что допускаю мысль о его участии в этом страшном деле. Он совершенно невиновен. Но я боюсь, что в ваших глазах и в глазах других он может оказаться скомпрометированным».

— Вам лучше всего сообщить мне все факты! — сказал я ей.

«Может быть, Алиса, ты оставишь нас вдвоем», — обратилась она к дочери, и та вышла из комнаты. — «Сэр», — продолжала она, — «я не собиралась этого говорить, но теперь, когда моя бедная дочь упомянула о возвращении Дреббера, — у меня нет выбора. Мистер Дреббер прожил у нас три недели. Он путешествовал по Европе со своим секретарем, мистером Стангерсон, тихим, сдержанным человеком. Но сам мистер Дреббер был, к сожалению, совсем другого склада: некультурен и крайне груб в обращении. В первый же день своего пребывания у нас он напился, и с тех пор я его редко видела трезвым. Со служанками он вел себя самым непристойным образом. Но хуже всего то, что он быстро перешел на такой же тон в отношении моей дочери, Алисы. Однажды он схватил ее и поцеловал. Его секретарь был очень возмущен и упрекал его».

«Но отчего же вы это терпели?» — спросил я. — «Полагаю, что вы когда угодно можете избавиться от жильца».

Мадам Шарпантье покраснела.

«Ах, если бы я отказала ему в первый же день! Но искушение было слишком велико. Они платили

каждый по фунту в день, четырнадцать фунтов в неделю, а ведь сейчас мертвый сезон. Я вдова. Содержание сына во флоте обходится дорого. Мне жаль было потерять деньги. Но последняя выходка мистера Дреббер вывела меня из терпения, и я предложила ему немедленно выехать. Когда я закрыла за ними дверь, у меня стало легко на душе. Увы! Меньше чем через час раздался звонок, и я узнала, что мистер Дреббер вернулся. Он был очень возбужден и совсем пьян. Ворвавшись в комнату, где я сидела с Алисой, он бессвязно пробурчал, что опоздал на поезд. Затем он обратился к Алисе и, не стесняясь моим присутствием, предложил ей бежать с ним. «Вы уже совершеннолетняя», — сказал он ей — «и по закону можете делать, что хотите. Денег у меня много, уезжайте со мною и вы будете жить, как принцесса». Бедная Алиса так перепугалась, что бросилась было бежать, но он схватил ее за руку и потащил к двери. Я закричала; в эту минуту в комнату вошел мой сын Артур. Что произошло после этого — не знаю. Я слышала ругательства и шум драки, но была слишком перепугана, чтобы поднять голову. Когда я немного оправилась, я открыла глаза и увидела Артура, стоящего в дверях с палкой в руке. «Не думаю, чтобы этот негодяй снова к нам явился», — сказал он. «Я сейчас пойду за ним и посмотрю, что он делает». С этими словами Артур взял шляпу и вышел на улицу. На следующее утро мы узнали о таинственной смерти мистера Дреббер».

— Я застенографировал показания миссис Шарпантье, — закончил свой рассказ Грегсон.

— Интереснейшая история, — сказал Холмс, зевая. — А что вы сделали вслед затем?

— Когда миссис Шарпантье кончила, — продолжал сыщик, — я посмотрел на нее тем пристальным взглядом, который всегда действует на женщин, и спросил, в котором часу вернулся ее сын... Она ответила:

«Не знаю».

«Не знаете?»

«Не знаю. У него свой ключ».

«Вы уже были в постели?»

«Да».

«В котором часу вы легли?»

«Около одиннадцати».

«Значит, ваш сын отсутствовал не меньше двух часов?»

«Да».

«Может быть, четыре или пять часов?»

«Возможно».

«Что же он за это время делал?»

«Я не знаю», — ответила она, смертельно по-
бледнев.

Конечно, после этого мне ничего не оставалось делать. Я узнал, где находится лейтенант Шарпантье, захватил с собой двух полицейских и арестовал его. Когда я положил ему на плечо руку и предложил, не поднимая шума, идти с нами, он с невозмутимым видом ответил: «Вы, повидимому, арестуете меня, считая причастным к смерти этого негодяя Дреббера?» Мы ему об этом ничего не говорили, поэтому его слова, конечно, возбуждают подозрение.

— Безусловно! — сказал Холмс.

— При нем все еще была тяжелая палка, крепкая дубина, с которой, по показанию матери, он последовал за Дреббером.

— Как же вы представляете себе дело?

— Я представляю себе, что он следовал за Дреббером до Брикстон-род. Там между ними произошла новая ссора, во время которой Дреббер получил удар палкой, скажем, в область желудка; удар не оставил следа, но повлек за собой смерть. Ночь была дождлива, кругом ни души, и Шарпантье втащил труп в пустой дом. Что касается свечи, крови и надписи на стене, то это скорее всего уловки, чтобы навести полицию на ложный след.

— Прекрасная работа! — сказал Холмс тоном поощрения. — Право же, Грегсон, вы делаете успехи. Из вас еще выйдет толк!

— Лышу себя мыслью, что я ловко справился с делом, — гордо ответил сыщик. — Молодой чело-

век охотно дал показания, в которых сообщил, что некоторое время он следовал за Дреббером, но тот его заметил и нанял кэб, чтобы уйти от преследования. По дороге лейтенант Шарпантье встретил товарища по плаванию и долго с ним ходил. На вопрос об адресе этого товарища, он не смог дать удовлетворительного ответа. Все концы великолепно сходятся. Меня забавляет мысль о Лестрэде, который с самого начала пошел по неправильному следу. Боюсь, что он ничего не добьется. Но вот он сам!

И, действительно, это был Лестрэд, поднявшийся по лестнице во время нашего разговора. Но на этот раз в нем не было присущей ему легкости и складности. Лицо было помятое и встревоженное, одежда в беспорядке и не отличалась чистотой. Он, очевидно, пришел посоветоваться с Шерлок Холмсом, и встреча с Грегсоном его смутила. Он стоял посреди комнаты, нервно теребя шляпу и не зная, что делать.

— Это самое необычайное, самое непостижимое дело! — проговорил он, наконец.

— А-а! Вы это находите, мистер Лестрэд! — торжествующим голосом воскликнул Грегсон. — Я так и думал, что вы придете к этому выводу. Вам удалось найти секретаря, мистера Стангерсон?

— Секретарь, мистер Джозеф Стангерсон, — ответил Лестрэд, — убит сегодня утром около шести часов в отеле Хэллидей.

ГЛАВА VII ЛУЧ СВЕТА ВО ТЬМЕ

Известие, принесенное Лестрэдом, было настолько неожиданно и зловеще, что мы все трое онемели. Грегсон вскочил со стула и опрокинул остаток виски и воды. Я молча наблюдал за Холмсом, который сидел со сжатыми губами и сдвинутыми бровями.

— И Стангерсон тоже! — бормотал он. — Узел затягивается все туже.

— Он и до того был достаточно туго затянут. Я попал, кажется, на военный совет?

— Вы... Вы вполне уверены в смерти Стангерсона? — заикаясь, спросил Грегсон.

— Я только что был в его комнате, — сказал Лестрэд. — Я первый обнаружил убийство.

— Мы выслушали точку зрения Грегсона, — заметил Холмс. — Может быть, вы тоже познакомите нас с тем, что вы видели и делали?

— Признаюсь, — начал Лестрэд, усаживаясь, — я был того мнения, что Стангерсон замешан в убийстве Дреббера. Последние события показали, что я ошибался. Следуя своей идее, я решил узнать, что стало с секретарем. Их видели вместе на Эустонском вокзале третьего числа около половины девятого вечера. В два часа утра Дреббер был найден мертвым на Лауристон-гарден. Мне надо было установить, что делал Стангерсон между восемью часами тридцатью минутами и моментом убийства и что стало с ним потом. Я телеграфировал в Ливерпуль, указал приметы Стангерсона и просил усилить надзор за американскими пароходами. Затем я обошел все отели и меблированные комнаты в районе Эустон, полагая, что если Дреббер и его спутник разминутись, то последний, естественно, заночует где-нибудь поблизости и на следующее утро вернется на вокзал.

— Вероятнее, что они заранее договорились о месте встречи, — заметил Холмс.

— Так и оказалось. Я весь вчерашний вечер затратил на поиски и безо всякой пользы. Сегодня я начал с раннего утра и в восемь часов явился в отель Хэллидей на Литтль Джордж-стрит. На мой вопрос, проживает ли здесь некий мистер Стангерсон, я сразу же получил утвердительный ответ.

«Наверно, вы и есть тот джентльмен, которого он ждал», — сказал мне портье. — «Он уже два дня кого-то ждет».

«Где он сейчас?» — спросил я.

«Наверху, спит. Он приказал разбудить его в девять часов».

Портье проводил меня во второй этаж, где ма-

ленький коридор вел в комнату Стангерсона, и указал дверь. Он уже начал спускаться, когда внезапно я заметил нечто, от чего мне чуть не стало дурно, несмотря на мой двадцатилетний стаж работы по сыску. Из-под двери текла маленькая струйка крови, образовавшая небольшую лужицу у плинтуса противоположной стены коридора. Я вскрикнул, и на мой крик подошел портье. Он чуть не упал в обморок. Дверь была заперта изнутри; мы навалились и вышибли ее. Окно было открыто, и около окна лежал в скрюченной позе труп мужчины. Смерть наступила несколько часов назад, труп уже остыл. Когда мы повернули тело, портье признал в мертвце джентльмена, поселившегося в комнате под именем Джозефа Стангерсон. Смерть была вызвана глубокой колотой раной в левый бок. А теперь самая странная сторона дела. Угадайте, что я обнаружил над телом убитого?

Предчувствие чего-то ужасного охватило меня прежде, чем Шерлок Холмс ответил:

— Слово *Rache*, написанное кровью.

— Да, это слово, — сказал Лестрэд сдавленным голосом.

На некоторое время воцарилось молчание.

— Убийцу видели, — снова заговорил Лестрэд. — Молочник как раз проходил по переулку, ведущему от конюшен позади отеля. Он заметил, что лестница, обычно лежавшая на земле, приставлена к одному из окон второго этажа; окно было настежь открыто. Пройдя, он оглянулся и увидел человека, спускавшегося по лестнице. Он спускался очень спокойно, открыто, и парень решил, что это плотник или столяр, работающий в отеле. Молочник не придал этому значения и только подумал, что очень уж рано рабочий вышел на работу. Однако молочник заметил, что человек на лестнице был высокого роста, с красным лицом, и одет в длинное коричневое пальто. Убийца, повидимому, оставался некоторое время в комнате после совершенного им убийства, так как мы нашли в тазу, в котором он мыл

руки, окрашенную кровью воду, а также следы крови на простынях, о которые он вытирал свой нож.

Слушая описание примет убийцы, точно совпадавших с описанием, данным Холмсом, я посмотрел

на своего друга. На его лице не было ни тени торжества или удовлетворения.

— Вы не нашли в комнате ничего, что могло бы служить путеводной нитью?

— Ничего. У Стангерсона в кармане лежал бумажник Дреббера, но, повидимому, так всегда бывало, поскольку за все рассчитывался Стангерсон. В бумажнике было восемьдесят с лишним фунтов. Каковы бы ни были мотивы этих странных убийств, мотив грабежа, во всяком случае, отпадает. Никаких бумаг или записок я в кармане убитого не нашел, кроме одной телеграммы из Кливлэнда, полученной, примерно, месяц назад и гласящей: «Дж. Х. в Европе», подписи под телеграммой нет.

— Еще что-нибудь кроме этого было? — спросил Холмс.

— Ничего существенного. Книжка, которую он читал перед сном, лежала на постели, а трубка на стуле. На столике стоял стакан воды, а на подоконнике — маленькая коробочка из-под мази с двумя пилюлями.

Шерлок Холмс вскочил с места с радостным восклицанием.

— Последнее звено! — закричал он в восторге. — Моя работа закончена.

Удивленные сыщики смотрели на него, ничего не понимая.

— Теперь у меня в руках все нити, запутавшиеся в такой клубок, — доверчиво сказал Холмс. — Конечно, нужно еще вставить некоторые подробности, но мне ясны все основные факты от момента, когда Дреббер расстался с Стангерсоном на вокзале, до момента обнаружения трупа, так ясны, как если бы я все видел собственными глазами. Я сейчас это докажу. Вам удалось забрать пилюли?

— Они у меня, — сказал Лестрэд, доставая маленькую белую коробочку. — Я захватил их вместе с бумажником и телеграммой. Пилюли я прихватил совершенно случайно, так как не придаю им никакого значения.

— Давайте мне их! — сказал Холмс. — Ну, доктор, скажите, это обыкновенные пилюли?

Это, конечно, не были обыкновенные пилюли. Они были жемчужно-серого цвета, маленькие, круглые, и почти прозрачные.

— Они так легки и прозрачны, что, по-моему, должны растворяться в воде, — заметил я.

— Совершенно верно, — ответил Холмс.

— А теперь будьте любезны, спуститесь вниз и притащите сюда бедняжку-террьерера, которого наша квартирная хозяйка еще вчера просила усыпить, чтобы избавить от мучений.

Я сошел вниз и на руках принес террьерера. Его затрудненное дыхание и остановившиеся глаза ясно показывали, что конец близок. Я опустил на ковер террьерера и подложил под него подушку.

— Теперь я разделю одну из этих пилюль на две части, — сказал Холмс и, вынув перочинный ножик, разрезал пилюлю.

— Одну половинку мы положим обратно в коробку для дальнейших экспериментов. Другую я опущу в рюмку, в которую налил чайную ложку воды. Вы видите: наш друг доктор прав, пилюля легко растворяется.

— Это, быть может, очень интересно, — сказал Лестрэд обиженным тоном человека, подозревающего, что над ним смеются. — Все же я не понимаю, какое это имеет отношение к смерти мистера Джозефа Стангерсон?

— Терпение, мой друг, терпение! Вы убедитесь, что отношение самое непосредственное. Теперь я добавляю немного молока, чтобы микстура была вкуснее, даю ее нашему террьеру и мы видим, что лакает он ее очень охотно.

Он вылил содержимое стакана на блюдечко и поставил перед террьером, который вылакал все до последней капли. Серьезный вид Шерлок Холмса так на нас подействовал, что мы все сидели молча, наблюдая за животным и ожидая какого-то поразительного эффекта. Но ничего не произошло. Террьер попрежнему лежал на подушке, тяжело дыша, — микстура не принесла ему ни пользы, ни вреда.

Холмс вынул часы. Минута проходила за минутой, пилюля не действовала. На лице Холмса появилось выражение глубокого огорчения и разочарования. Он

кусал губы, барабанил пальцами по столу и проявлял все признаки сильнейшего нетерпения. Он был так взволнован, что мне стало искренно жаль его. Между тем оба сыщика насмешливо улыбались, ничуть не огорченные его неудачей.

— Это не может быть совпадением, — закричал, наконец, Холмс, вскакивая со своего стула и в бешенстве шагая взад и вперед по комнате. — Нельзя поверить, чтобы это было простым совпадением. Те самые пилюли, действие которых я подозревал в случае Дреббера, найдены после смерти Стангерсона. И они оказываются безвредны! Что же это может значить? Не может быть, чтобы вся цепь моих рассуждений оказалась ложной! Это невозможно! И все же этому жалкому псу ничего не сделалось! А-а! Я понимаю! Понимаю!

С криком торжества он бросился к коробке, разрезал вторую пилюлю, растворил ее, добавил молока и дал террьеру. Как только несчастное животное лизнуло микстуру, судорога свела все его члены, — собака лежала неподвижно, словно пораженная ударом молнии.

Шерлок Холмс глубоко вздохнул и обтер со лба пот.

— Мне бы следовало больше себе верить, — сказал он — Пора знать, что если факт как будто противоречит длинной цепи умозаключений, то всегда оказывается, что он может быть истолкован иначе. Из двух пилюль в этой коробке одна содержала смертельный яд, другая была совершенно безвредна. Мне бы следовало знать это прежде, чем я увидел коробку.

Мистер Грегсон потерял терпение.

— Видите ли, мистер Шерлок Холмс, — сказал он, — мы все признаем, что вы человек со способностями, что у вас есть свои методы работы. Но сейчас нам недостаточно одной теории. Нам надо схватить убийцу. Я вел розыски по-своему и ошибся. Лейтенант Шарпантье не мог принимать участие в деле Стангерсона. Лестрэд выследил Стангерсона и, оказывается, он тоже ошибся. Судя по вашим намекам,

вы знаете больше нас, но настало время, когда мы имеем право прямо спросить вас, — что вы знаете об этом деле? Можете вы назвать имя убийцы?

— Я должен признать, что Грегсон прав, сэр, — заметил Лестрэд. — Сегодня в моем присутствии вы не раз говорили, что у вас есть все нужные вам данные. Вы, наверное, не захотите далее их скрывать.

— Всякая отсрочка ареста, — заметил я, — дает убийце возможность совершить новое преступление.

Холмс колебался. Он продолжал шагать взад и вперед по комнате, опустив голову на грудь и нахмутив брови.

— Убийств больше не будет! — сказал он, наконец. — Это соображение отпадает. Вы спросили меня, знаю ли я имя убийцы! Да, знаю. Но знать его имя — мелочь в сравнении с возможностью его схватить. А это я надеюсь скоро сделать. Но тут требуется большая осторожность, потому что мы имеем дело с ловким и отчаянным человеком, которому, как я убедился, помогает другой, такой же умный, как он сам. Пока этот человек не подозревает, что напали на его след, есть некоторые шансы его схватить, но если у него появится малейшее подозрение, он переменит имя и моментально затеряется среди четырехмиллионного населения Лондона. Не желая вас обидеть, я должен признаться, что, на мой взгляд, такие люди не по плечу агентам Скотлэнд-Ярда, поэтому я не просил вас о помощи. Но я могу обещать, что обращусь к вам, как только это не будет угрожать моим собственным планам.

Грегсон и Лестрэд огнюдь не были в восторге от этого заверения и нелестной оценки сыскной полиции. Грегсон покраснел до корня своих желтых волос, между тем как пуговичные глазки Лестрэда заблестели от любопытства и обиды. Но не успел ни один из них открыть рот, как раздался стук в дверь, и появился делегат уличных мальчишек, чумазий Виггинс.

— Разрешите, сэр, — сказал он, прикладывая руку ко лбу. — Кэб ждет внизу.

-- Хорошо, парень, — мягко сказал Холмс.

— Почему вы не введете этот образец в Скотт-ленд-Ярде? — продолжал он, доставая из ящика пару стальных наручников. — Смотрите, как великолепно действует пружина. Они закрываются в одну секунду.

— Старый образец достаточно хорош, — заметил Лестрэд. — Лишь бы добраться до того, кому следует одеть браслеты.

— Отлично, отлично, — сказал, улыбаясь Холмс. — Кэбмен может помочь мне с моими чемоданами. Попрося его подняться, Виггинс.

Меня удивило, что Холмс говорит так, словно собирается в дорогу; в разговорах со мной он и не заикался об отъезде. В комнате был небольшой чемодан. Он вытащил его и начал затягивать ремень. Он усердно возился с чемоданом, когда в комнату вошел кэбмен.

— Помогите мне с этой пряжкой, кэбмен! — сказал Холмс, стоя на коленях и не поворачивая головы.

Кэбмен подошел с несколько угрюмым, недоверчивым видом и протянул руку, чтобы помочь. В это мгновение резко шелкнул металл, и Шерлок Холмс снова вскочил на ноги.

— Джентльмены, — воскликнул он с горящими глазами, — позвольте представить вас мистеру Джефферсону Хоп, убийце Эноха Дреббер и Джозефа Стангерсон.

Все это произошло в один миг. У меня осталось яркое воспоминание о выражении торжества на лице Холмса, о его звенящем голосе, об искаженном, дилом лице кэбмена, глядевшего на блестящие наручники, каким-то чудом оказавшиеся на его руках. Секунду или две мы стояли окаменелые. Затем с нечеловеческим криком ярости арестованный вырвался из рук Холмса и бросился в окно. Рама и стекло поддались и разлетелись, но прежде чем Хопу удалось выпрыгнуть, Грегсон, Лестрэд и Холмс навалились на него, как гончие собаки. Его втянули обратно в комнату, и началась ужасная борьба. Он был так силен и так ожесточен, что вновь и вновь отбрасывал нас всех четверых. Его лицо и руки были страшно изре-

заны осколками стекла, но потеря крови не ослабляла его сопротивления. Лишь, когда Лестрэду удалось просунуть руку под воротник и схватить его за горло, Хоп понял, что сопротивление бесполезно. Но только связав его по рукам и по ногам, мы сочли борьбу оконченной. Мы встали с пола, тяжело дыша.

— У нас есть его кэб, — сказал Шерлок Холмс. — Мы им воспользуемся, чтобы отвезти арестованного в Скотлэнд-Ярд. Ну, а теперь, джентльмены, клубок распутан. Можете задавать мне любые вопросы, не опасаясь, что я откажусь на них ответить.

ГЛАВА VIII РАССКАЗ ДЖЕФФЕРСОНА ХОП

Неистовое сопротивление арестованного, повидимому, не вызывалось особенной ненавистью к нам. Убедившись, что он бессилен, Хоп любезно улыбнулся и выразил надежду, что никого из нас не ушиб во время потасовки.

— Полагаю, что вы отвезете меня в полицейскую часть, — сказал он Холмсу. — Мой кэб у дверей, и если вы развяжете мне ноги, я сам сойду вниз. Поднять меня вам будет трудно.

Грегсон и Лестрэд обменялись взглядом, считая это предложение несколько смелым. Но Холмс сразу развязал полотенце, связывавшее ноги арестованного. Тот встал и стал разминать ноги. Я редко видел человека такого могучего сложения; его темное, загорелое лицо выражало решимость и энергию.

— Если вакантно место начальника полиции, его следует предоставить вам, — сказал он, с нескрываемым восхищением глядя на моего друга. — Вы ловко меня словили.

— Вам следует поехать со мною, — сказал Холмс, обращаясь к сыщикам. — Вам, доктор, тоже. Вы интересовались этим делом.

Я был рад его предложению, и мы все вместе спустились. Лестрэд сел на козлы. Арестованный не делал никаких попыток бежать, а спокойно вошел

в свой кэб, мы последовали за ним и скоро прибыли к месту назначения. Нас пригласили в небольшую комнату, где инспектор полиции записал имя арестованного и имена людей, в убийстве которых он обвинялся. Это был бледнолицый, равнодушный человек, механически исполнявший свои обязанности. «В течение недели арестованный предстанет перед судом», — сказал он. — «А пока, мистер Джефферсон Хоп, не желаете ли вы что-нибудь сказать?»

— Мне многое надо сказать, — медленно проговорил арестованный. — Я хотел бы сейчас рассказать вам все, относящееся к этому делу.

— Не лучше ли отложить это до суда? — спросил инспектор.

— Может быть, меня не придется судить. Не смотрите с таким испугом. Я не помышляю о самоубийстве. Вы врач?

Задавая этот вопрос, он посмотрел на меня своими суровыми темными глазами.

— Да, я врач.

— В таком случае приложите сюда руку, — сказал он, улыбаясь и указывая на свою грудь.

Приложив руку, я сразу же заметил необычные шумы и пульсацию. Казалось, что грудная клетка трепещет и содрогается, как хрупкое здание, внутри которого работает мощный двигатель.

— Да у вас расширение аорты! — воскликнул я.

— Врачи так говорят. Я был на прошлой неделе у одного доктора, и он сказал, что больше нескольких дней я не протяну. Это все ухудшалось с годами. Я это заработал себе переутомлением и недоеданием в горах Соленого озера.¹ Теперь я сделал свое дело, и мне все равно, когда умирать, но я хотел бы рассказать о своем прошлом. Я не хочу, чтобы меня поминали как обыкновенного убийцу.

Инспектор и оба сыщика совещались, позволить ли ему рассказать нам историю своей жизни.

¹ Соленое озеро близ Калифорнии. В долине Соленого озера в 1848 году поселились последователи секты мормонов, основавшие город Новый Иерусалим.

— Считаете ли вы, доктор, что арестованному угрожает непосредственная опасность?

— Безусловно, — ответил я.

— В таком случае, наш долг, в интересах правосудия, выслушать его показания, — сказал инспектор. — Вы можете, сэр, дать свои показания.

— С вашего разрешения, я сяду, — сказал арестованный, опускаясь на стул. — Из-за моей болезни я быстро устаю, а наша борьба, полчаса назад, не улучшила моего состояния. Я стою на краю могилы и вряд ли стану лгать. Каждое мое слово — чистейшая правда, а как вы используете мои показания, — это для меня не имеет значения.

С этими словами Джефферсон Хоп откинулся к спинке стула и начал свои показания. Он говорил спокойным, размеренным голосом, как будто рассказывал о самых обыденных вещах.

— Для вас не имеет особого значения, почему я ненавидел этих людей. Достаточно того, что они были повинны в смерти двух человеческих существ, — отца и дочери, — и за это заплатились собственной жизнью.

Со времени совершенного ими преступления прошел такой большой срок, что я не имел возможности добиться осуждения их каким-либо судом. Я решил, что сам буду и следователем, и присяжным, и исполнителем приговора. Вы сделали бы то же самое, если бы были на моем месте.

Девушка, которую я упомянул, была двадцать лет тому назад моей невестой. Ее силой заставили выйти замуж за этого Дреббера, и она умерла от отчаяния. Я снял обручальное кольцо с ее мертвой руки и дал клятву, что Дреббер, умирая, будет смотреть на это кольцо гаснущим взглядом, и что последней его мыслью будет мысль о том преступлении, за которое он наказан. Я носил это кольцо с собой и следовал за Дреббером и за его сообщником из страны в страну, пока не настиг их. Они надеялись меня измотать, но это им не удалось. Если мне суждено умереть завтра, а на то похоже, я умру, сознавая, что мое дело на этом свете сделано, и сделано хорошо. Они

погибли от моей руки. Мне не на что надеяться и мне нечего желать.

Они были богаты, я — беден, не легко мне было за ними следовать. Когда я добрался до Лондона, карман мой был почти пуст. Я видел, что мне надо взяться за какое-нибудь дело, чтобы прокормиться. Править лошадьми и ездить верхом для меня так же привычно, как ходить пешком. Поэтому я обратился в контору наемных кэбов и получил место. Я должен был отдавать хозяину определенную сумму в неделю, а все сверх того шло в мою пользу. Оставалось, обычно, немного, но я кое-как сводил концы с концами. Труднее всего было изучить улицы. Но карта города помогла мне, и когда я отметил по ней главные отели и вокзалы, дело пошло на лад.

Прошло не мало времени, пока я узнал, где живут мои джентльмены. Они жили в пансионе в Кэмбуриуэлл, по ту сторону реки. Когда я разыскал их, я почувствовал, что они в моей власти. Я отрастил бороду и, не боясь, что они меня узнают, следил за ними, выжидая удобного случая.

Куда бы они ни шли, я всегда следовал за ними по пятам, — иногда в своем кэбе, иногда пешком. Первый способ был лучше, так как они не могли от меня удрать. Только ранним утром или поздно ночью мне удавалось что-нибудь заработать, и я задолжал своему хозяину. Но это меня не смущало, — только бы настичь этих людей.

Они были очень хитры. Видно, чуяли, что кто-то за ними следит, так как всюду ходили вместе и никогда не выходили поздно вечером. Дреббер всегда был наполовину пьян, но Стангерсон никогда не бывал навеселе. Две недели я следил за ними с утра до вечера, но случай не подвертывался; однако я не отчаивался, так как чувствовал, что близок час возмездия. Я боялся только, как бы эта штука у меня в груди не задушила меня раньше времени и не помешала мне сделать свое дело.

Как-то вечером я ездил взад и вперед по Торквей-Террас, так называется улица, на которой они жили, и увидел, что к их дверям подъехал кэб. Сразу же

вынесли кое-какой багаж, а через некоторое время вышли Дреббер и Стангерсон, и кэб отъехал. Я нахлестывал свою лошадь и не отставал от них. Мне было очень не по себе, так как я опасался, что они собираются покинуть Лондон. На Эустонском вокзале они вышли, а я оставил мальчика стеречь лошадь и последовал за ними на платформу. Я слышал, как они спрашивали про Ливерпульский поезд; сторож им сказал, что поезд только что ушел, а следующий будет через несколько часов. Стангерсона это, повидимому, очень расстроило, но Дреббер был скорее рад. В толчее я так близко к ним подошел, что мог слышать каждое их слово. Дреббер сказал, что ему надо закончить одно маленькое личное дело и предложил Стангерсону ждать его возвращения. Стангерсон стал его упрекать и напомнил, что они решили не разлучаться. Дреббер ответил, что дело очень щекотливое, и он должен идти один. Я не мог уловить, что ему сказал на это Стангерсон, но Дреббер разразился проклятиями и указал своему секретарю, что он всего-навсего его, Дреббера, наемный служащий и не смеет ему приказывать. Стангерсон решил, что спорить бесполезно, и просто договорился, чтобы Дреббер, в случае, если он опоздает на последний поезд, пришел к нему в отель Хэллидей. Дреббер на это ответил, что вернется на платформу раньше одиннадцати, и ушел с вокзала.

Наконец, настал момент, которого я так долго ждал. Мои враги были в моей власти. Вместе они могли друг друга защищать, но порознь они были бессильны против меня. План мой был готов. Месть дает удовлетворение только тогда, когда обидчик имеет время осознать, кто нанес ему удар и за что его настигло возмездие. Я уже заранее обдумал, как я смогу дать понять врагу, что он наказан за свой старый грех. Случилось так, что за несколько дней перед тем какой-то господин, осматривавший ряд домов в районе Брикстон-род, обронил в моем экипаже ключ одного из домов. О пропаже было заявлено в тот же вечер, и я возвратил владельцу ключ; но тем временем я успел сделать форму и заказал по

ней второй ключ. Благодаря этому в огромном городе был теперь один уголок, где я мог сделать задуманное дело, не опасаясь помехи. Передо мной стояла трудная задача — завлечь Дреббера в этот дом.

С вокзала Дреббер пошел пешком и по пути зашел в два питейные заведения; в последнем он задержался почти на полчаса. Оттуда он вышел, пошатываясь, сильно навеселе. Рядом со мной стоял экипаж, и он его нанял. Я следовал за ним вплотную: морда моей лошади почти касалась задка экипажа. Мы проехали через Темзу, миновали несколько улиц и, к моему изумлению, очутились у пансиона, где он жил. Я не мог себе представить цели его возвращения. Я проехал дальше и остановился на расстоянии ста ярдов от дома. Он вышел, и его экипаж уехал.

Я ждал четверть часа или немногим больше, как вдруг в доме послышался шум, будто там дрались. Через мгновение дверь распахнулась, и появились двое мужчин: один из них был Дреббер, другой — молодой парень, которого я раньше никогда не видел. Этот малый держал Дреббера за воротник и, когда они достигли нижней ступеньки, дал ему такого пинка ногой, что Дреббер докатился до середины улицы. «Собака!» — кричал парень, замахиваясь палкой, — «я тебя отучу приставать к порядочным девушкам». Он был в таком возбуждении, что, наверное, избил бы Дреббера своей дубиной, если бы этот мерзавец не бросился бежать со всех ног. Он добежал до угла, затем, заметив мой кэб, подозвал меня и вскочил в экипаж. «В отель Хэллидей!» — крикнул он.

Когда дверца кэба за ним захлопнулась, сердце мое так бешено забилося от радости, что я боялся, как бы в последний момент моя аорта не сыграла со мною плохой шутки. Я медленно ехал, обдумывая, как мне дальше действовать. Но Дреббер сам решил за меня задачу. Его снова потянуло выпить, и он приказал мне подъехать к пивной и ждать его. Там он оставался, пока не закрыли пивную, и так напился, что был теперь в моих руках.

Не думайте, что я собирался хладнокровно его

прикончить. Это было бы только справедливо, но я не мог на это решиться. Я уже давно знал, как мне действовать. За годы моей бродячей жизни в Америке я был одно время уборщиком лаборатории в Йорк-Колледже. Однажды профессор читал студентам о ядах и демонстрировал алкалоид, как он его называл, извлеченный им из южно-американского яда для отравления стрел. Это был сильно действующий яд, — мельчайшей крупинки вполне достаточно, чтобы вызвать мгновенную смерть. Я отметил бутылку, в которой хранился этот яд, и, когда все ушли, отсыпал себе часть порошка. Из этого алкалоида я изготовил две маленькие, растворимые в воде пилюли; каждую из этих пилюль я положил в коробочку вместе с такой же пилюлей, не содержащей яда. Я тогда же решил, когда наступит время, предложить каждому из моих джентльменов самому взять из коробки одну из двух пилюль. Оставшуюся пилюлю проглотил бы я. Мои пилюли были так же смертельны, но гораздо менее шумны, чем выстрел из пистолета. С тех пор мои коробочки были всегда при мне; теперь настало время ими воспользоваться.

Было около часу. Ночь была мрачная, ненастная, дул ветер, и шел проливной дождь. Но я был счастлив, готов был кричать от радости. Я зажег сигару и затянулся, чтобы успокоиться, но руки мои дрожали, а кровь стучала в висках. Мне казалось, что из темноты на меня смотрит и улыбается Люси, моя невеста.

Я подъехал к дому на Лауристон-гарден. Не видно было ни души, не слышно было ни звука, кроме шума дождя. Заглянув в окошко кэба, я увидел Дреббера, скрючившегося в пьяном сне. Я дернул его за рукав: «Пора выходить!» — сказал я.

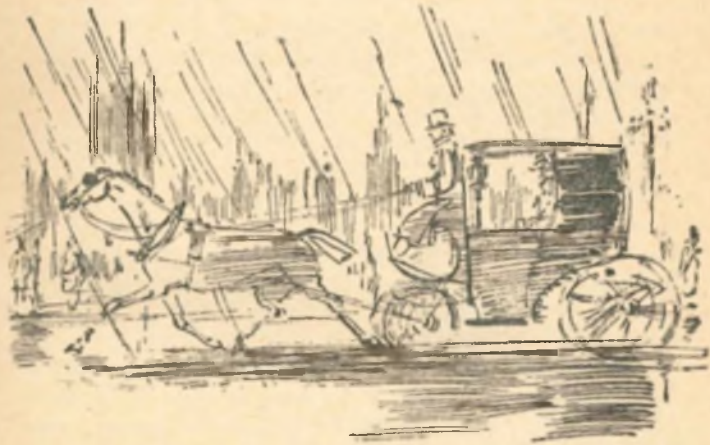
«Ладно», — ответил он.

Дреббер, повидимому, думал, что подъехал к отелю, так как вышел, не говоря ни слова, и пошел за мною через сад. Мне приходилось идти рядом с ним и поддерживать его, он все еще был не в себе. Когда мы подошли к дому, я открыл дверь и повел его в комнату.

«Чертовски темно», — сказал он, спотыкаясь.

«Сейчас будет светло», — ответил я, поднося зажженную спичку к восковой свече. — «Ну, теперь, Энох Дреббер», — продолжал я, повернувшись к нему и приблизив горящую свечу к своему лицу, — «узнаешь меня? Кто я?»

Он посмотрел на меня мутными, пьяными глазами; затем ужас исказил его черты, — он узнал меня.

Он отшатнулся с помертвевшим лицом. Я заметил, как лоб его покрылся потом, и зубы застучали от страха. Я прислонился спиною к двери и долго-долго смеялся. Я всегда знал, что месть будет сладка, но никогда не надеялся испытать такое душевное спокойствие.

«Собака!» — сказал я. — «Я гнался за тобою из Города Соленого озера до Санкт-Петербурга, и тебе всегда удавалось ускользнуть. Теперь твои странствия кончились, потому что один из нас не увидит завтрашней зари».

Он попятился от меня, и по его глазам я увидел, что он считает меня сумасшедшим. Да, в этот момент я был сумасшедшим. Кровь молотками стучала в виски. Наверное, у меня сделался бы припадок, если бы не хлынула из носа кровь, — это меня спасло.

«Что ты теперь думаешь о Люси?» — крикнул я, заперев дверь и размахивая ключом перед его глазами. — «Возмездие заставило себя ждать, но теперь, наконец, оно тебя настигло!»

Я видел, как дрожали от страха его губы. Он не молил о жизни, так как знал, — это бесполезно.

«Ты меня убьешь?», — сказал он, заикаясь.

«Об убийстве нет речи», — ответил я. — «Кто говорит об убийстве, когда дело касается бешеной собаки? — Разве у тебя было сострадание к бедной Люси, когда ты оторвал ее от убитого отца и потащил в свой проклятый гарем?».

«Не я убил ее отца!» — закричал он. — «Это Стангерсон».

«Но ты разбил ее невинное сердце», — воскликнул я, протягивая ему коробку. — «Пусть рассудит нас всевышний. Выбери одну из пилюль и проглоти ее. В одной из них смерть, в другой — жизнь. Я возьму ту, которую ты оставишь. Посмотрим, существует ли на земле справедливость, или нами правит слепой случай!»

Он отшатнулся с диким криком, моля о пощаде. Но я вытащил свой нож и держал у его горла, пока он не исполнил моего приказания. Затем я проглотил вторую пилюлю. Минуту или больше мы молча стояли, смотря друг на друга, пытаюсь узнать, кому предстоит жить, кому умереть. Я никогда не забуду выражения его лица, когда первые приступы боли показали ему, что в его теле яд. Я смеялся и держал перед его глазами обручальное кольцо Люси. Это длилось всего мгновение, так как алкалоид действует быстро. Судорога боли исказила его черты, он протянул вперед руки, зашатался и затем с хриплым криком повалился на пол. Я перевернул его носком сапога и приложил руку к его сердцу. Сердце не билось. Он был мертв!

Кровь текла у меня из носа, но я не обращал на это внимания. Не знаю сам, отчего мне пришла в голову мысль написать на стене своей кровью. Быть может, я хотел навести полицию на ложный след. Я помню, что в Нью-Йорке один немец был найден

убитым, и над его трупом было написано слово Rache. Газеты считали это доказательством того, что убийство было совершено каким-нибудь тайным обществом. Я обмакнул палец в собственную кровь и сделал надпись на подходящем месте стены. Затем я вернулся к своему кэбу и убедился, что вблизи никого нет. Я проехал некоторое расстояние, когда внезапно, опустив руку в карман, где всегда хранилось кольцо Люси, обнаружил, что кольцо исчезло. Меня как громом поразило, потому что это была единственная память о ней. Я подумал, что мог уронить кольцо, когда нагнулся над трупом Дреббера; я готов был дерзнуть на что угодно, только бы вернуть кольцо. Дойдя до дома, я прямо попал в объятия полицейского, выходявшего из сада, и, чтобы рассеять его подозрения, притворился мертвецки пьяным.

Таков был конец Эпоха Дреббер. Теперь мне оставалось разделаться со Стангерсоном и отплатить ему за отца Люси. Я знал, что он живет в отеле Хэллидей, и целый день подкарауливал его, но он не выходил из дому. Я думаю, он заподозрил что-то, когда Дреббер не явился в условленное время. Он был очень хитер, этот Стангерсон, и всегда насто-роже. Но он ошибся, надеясь отсидеться в своей комнате. Я скоро нашел окно его спальни. На следующий день, рано утром, я воспользовался лестницей, ваявшейся в переулке за отелем, и на рассвете залез в его комнату. Я разбудил его и сказал, что настал час расплаты за жизнь, которую он отнял столько лет тому назад. Я описал ему смерть Дреббера и дал ему выбрать одну из двух пилюль. Вместо того, чтобы ухватиться за предоставленный ему шанс сохранить жизнь, он вскочил с постели и схватил меня за горло. Защищаясь, я ударил его ножом в сердце.

Больше мне почти нечего сказать, и это хорошо, потому что силы покидают меня. День или два я продолжал свое ремесло, думая держаться за него, пока не скоплю денег, чтобы вернуться в Америку. Я стоял на дворе, когда оборванный мальчуган спросил, есть ли здесь кэбмен по имени Джефферсон

Хоп, и сказал, что один джентльмен вызывает его кэб на Бэкер-стрит 221-Б. Я подъехал, ничего не подозревая, и через минуту этот молодой человек надел мне на запястья браслеты. Вот и вся моя история, джентльмены. Вы можете считать меня убийцей, но я считаю, что я такой же слуга правосудия, как и вы».

Нас так захватил рассказ арестованного, что мы сидели молча, погруженные в свои мысли. Только шуршание карандаша Лестреда, заканчивавшего свою стенограмму, нарушало тишину.

— Есть только одно обстоятельство, которое я хотел бы выяснить подробнее, — сказал, наконец, Холмс. — Кто был ваш сообщник, пришедший за кольцом?

Арестованный лукаво подмигнул моему другу.

— Я могу открывать свои тайны, — сказал он, — но не стану подводить друга. Я прочитал объявление и подумал, что это, может быть, ловушка, а, может быть, кольцо. Мой друг вызвался пойти и посмотреть. Я думаю, вы согласитесь, что сделал он это ловко.

— Безусловно, — от души сказал Холмс.

— Ну, джентльмены, — важно заметил инспектор, — надо соблюдать законные формы. В среду заключенный предстанет перед судом, и тогда потребуется ваша помощь. До тех пор я всецело за него отвечаю.

Он позвонил, и два надзирателя увели Джефферсона Хоп. Мы с моим другом покинули Скотленд-Ярд и вернулись в кэбе на Бэкер-стрит.

ГЛАВА IX

КОНЕЦ

Мы все получили повестки с вызовом в суд на среду, но нам не пришлось давать свои показания. Высший судья взял дело в свои руки, и Джефферсон Хоп предстал перед иным судом. В ночь после ареста у него сделался припадок, и на утро его нашли лежащим на полу камеры, с мирной улыбкой, свиде-

тельствующей о том, что в предсмертные минуты он думал о жизни, прожитой с пользой, и о долге, хорошо выполненном.

— Грегсон и Лестрэд будут в отчаянии от его смерти, — заметил Холмс. — Они потеряли случай создать себе рекламу.

— Я не вижу, чтобы они много способствовали поимке Хопы, — ответил я.

— То, что вы действительно делаете на этом свете, не имеет значения, — с горечью заметил Холмс. — Важно заставить думать, что вы что-то сделали. Но это пустяки, — продолжал он. — Я ни за что не отказался бы от этого расследования. Это самый интересный случай на моей памяти. При всей его простоте в нем было несколько весьма поучительных моментов.

— Простите! — воскликнул я.

— Право же я не могу подобрать иного выражения. Доказательством его простоты служит то, что с помощью нескольких, весьма несложных умозаключений я за три дня успел задержать виновного. Я уже вам объяснял, что необычайность облегчает расследование. При решении задач такого рода важнее всего уметь рассуждать аналитически.

— Признаюсь, я вас не понимаю.

— Я постараюсь вам объяснить мою мысль. Чаще всего люди, когда вы описываете им цепь событий, говорят вам, каков окажется результат. Они связывают в уме эти факты и делают вывод относительно того, что должно произойти. Но очень редко встречаются люди, способные, зная результат, восстановить отдельные факты, приведшие к нему.

В этом деле нам был известен результат, а все остальное мы должны были восстановить сами. Я попытаюсь показать вам отдельные звенья моих рассуждений. Начну сначала. Я подошел к дому, как вы знаете, пешком и был свободен от каких-либо предвзятых мнений. Я, естественно, начал с исследования дороги и ясно увидел следы кэба, который, как я убедился, должен был проехать в течение ночи. По ширине колеи я установил, что это

был кэб, а не собственный экипаж, так как колея обыкновенной наемной кареты гораздо уже колеи собственного экипажа.

Затем я медленно прошел по садовой дорожке, земля на ней была глинистая и очень отчетливо сохраняла отпечатки; для моего тренированного глаза каждый след на ней имел значение. В науке сыска нет другой столь важной и столь мало разработанной области, как искусство различать шаги. К счастью, я всегда придавал этому большое значение и приобрел нужный опыт. Я заметил тяжелые следы констэблей, но также и следы двух людей, прошедших перед тем через сад. Легко было установить, что эти люди были раньше остальных, так как местами следы их ног были совершенно стерты другими, перекрывшими их. Таким образом у меня оказалось второе звено, указывавшее, что было два ночных посетителя; один из них отличался высоким ростом (как я вычислил на основании длины его шага), другой был модно одет, судя по небольшому и элегантному отпечатку его ботинок.

Когда я вошел в дом, мое предположение подтвердилось. Мой элегантно обутый человек лежал мертвый. Значит, высокий совершил убийство, если имело место убийство. На теле мертвеца не было ран, но потрясенное выражение его лица свидетельствовало о том, что он предвидел свою судьбу прежде, чем она его постигла. Обнюхав губы мертвеца, я обнаружил слегка кислый запах и пришел к выводу, что его заставили принять яд. Это же я заключил и по ненависти и страху, написанным на его лице. Я пришел к этому выводу методом исключения, потому что никакая другая гипотеза не могла объяснить фактов. Не думайте, что это нечто неслыханное. В анналах преступлений такие случаи давно известны.

А теперь вставал главный вопрос: о мотивах убийства. Грабеж отпадал, так как ничто не было взято. Были ли тут мотивы политические или была замешана женщина? Я с самого начала склонялся в пользу последнего предположения. При политиче-

ских убийствах убийцы, сделав свое дело, стараются поскорее бежать. Это убийство, наоборот, было совершено обдуманно, и убийца оставил свои следы по всей комнате; а это свидетельствовало о том, что он находился в ней все время. Такую методическую месть вызывает личная вражда, а не политическая. Надпись, обнаруженная на стене, еще больше укрепила меня в этом убеждении. Это была явная ширма. Когда было найдено кольцо, вопрос стал совершенно ясен. Убийца, несомненно, воспользовался кольцом, чтобы напомнить своей жертве о какой-то умершей или отсутствующей женщине. Это и заставило меня поинтересоваться, запросил ли Грегсон в своей телеграмме об обстоятельствах личной жизни Дреббера в прошлом. Он, как вы помните, ответил отрицательно.

Тогда я приступил к подробному обследованию комнаты. Оно подтвердило мое предположение о росте убийцы и обогатило дополнительными подробностями относительно сорта его сигар и длины его ногтей. Раз не было признаков борьбы, значит пятна крови на полу объяснялись тем, что у убийцы от возбуждения пошла кровь носом. Я заметил, что следы крови соответствовали следам его ног. Эти случаи кровотечения, вызванного возбуждением, наблюдаются обычно у людей полнокровных; поэтому я высказал предположение, что преступник был, вероятно, крепкий, краснощекий человек. События показали, что я был прав.

Покинув дом, я сделал то, чего не сделал Грегсон, — телеграфировал начальнику полиции в Кливленд, ограничив свой запрос обстоятельствами, связанными с женитьбой Эноха Дреббер. Я получил исчерпывающий ответ. Мне сообщили, что Дреббер уже раз просил защиты закона против своего старого соперника Джефферсона Хоп, и что этот самый Хоп в настоящее время находится в Европе. Я понял, что ключ к этому таинственному делу у меня в руках; оставалось только разыскать убийцу.

Я уже решил про себя, что человек, вошедший

в дом вместе с Дреббером, был не кто другой, как возчик, привезший его в кэбе. Следы на дороге указывали, что лошадь бродила на свободе, как она не могла бы бродить, если бы за ней кто-нибудь присматривал. Где же мог быть возчик, как не в доме? Кроме того, нелепо было предположить, чтобы здравомыслящий человек совершил обдуманное преступление на глазах третьего лица, которое бы его, несомненно, выдало. Наконец, предположим, что человек решил затащить другого на окраину Лондона; ему для этого удобнее всего было стать кэбменом. Все эти соображения привели меня к неопровержимому выводу, что Джефферсона Хоп следует искать среди столичных кэбменов.

Не было основания полагать, что он сразу же бросит это ремесло. Наоборот, с его точки зрения, внезапная перемена должна была навлечь на него подозрения. Вероятно, он решил хоть некоторое время продолжать работу. Не было причины думать, что он живет под вымышленным именем. Зачем ему было менять имя в стране, где никто не знал его настоящего имени? Поэтому я позвал свою сыскную дивизию беспризорников и поручил им опрашивать всех лондонских владельцев кэбов, пока они не разыщут нужного мне человека. Вы помните, как хорошо они справились с делом, и как быстро я этим воспользовался? Убийство Стангерсона было для меня совершенной неожиданностью. Благодаря ему я получил пилюли, о существовании которых уже подозревал. Вы видите, все представляет непрерывную цепь логических выводов.

— Поразительно! — воскликнул я. — Ваши заслуги должны быть признаны официально. Вы должны опубликовать отчет об этом деле. Если хотите, я это сделаю за вас?

— Вы можете делать что хотите, доктор, — ответил Холмс. — Вот, посмотрите! — продолжал он, передавая мне газету.

Статья, на которую он мне указал, была посвящена делу Джефферсона Хоп.

«Внезапная смерть Хопа, подозреваемого в убийстве мистера Эноха Дреббер и мистера Джозефа Стангерсон, лишила общество возможности следить за сенсационным судебным делом. Подробности этого преступления, вероятно, никогда не будут обнаружены, хотя из достоверных источников нам известно, что убийство было вызвано долголетней и романтической враждой, в которой были замешаны любовь и мормонизм.¹ Повидимому, обе жертвы принадлежали в молодые годы к секте «Святых последних дней»,² и Хоп, умерший в тюрьме, тоже родом из Города Соленого озера. Это дело, во всяком случае, блестящим образом доказывает энергию и умение нашей сыскной полиции. Ни для кого не секрет, что честь обнаружения и поимки преступника всецело принадлежит известным агентам Скотлэнд-Ярда — мистеру Лестрэд и мистеру Грегсон. Преступник был схвачен на квартире некоего Шерлок Холмса. Холмс, в качестве сыщика-любителя, обнаружил некоторые способности в области сыска; он может надеяться, под руководством таких мастеров дела, со временем достичь некоторых успехов. Следует полагать, что за оказанные ими услуги оба агента будут награждены».

— Разве я вам не предсказывал этого с самого начала? — воскликнул Шерлок Холмс. — Вот результаты всех моих розысков «багрового следа» — добывать награды для других.

— Не беспокойтесь, — ответил я, — в моем дневнике записана вся правда об этом деле, и публика ее узнает.

¹ Мормоны — последователи секты, основанной в Америке около 1836 г. ловким мошенником, Джозефом Смит. Американские власти изгнали мормонов из штата Миссури, но секта основала собственный город Нову, откуда снова была изгнана за распущенность и убийства. Мормоны поселились в долине Соленого озера.

² „Святые последних дней“ — так называли себя мормоны.

МЕСГРЭВСКИЙ ОБРЯД

Моя практика за последнее время очень расширилась, — сказал мне как-то Холмс. — Несколько дней тому назад ко мне обратился за советом Франсуа де Виллар, который за последнее время занял выдающееся положение среди французской сыскной полиции. Вот его письмо, он благодарит меня за помощь.

Холмс передал мне скомканный листок заграничной почтовой бумаги.

— Он обращается к вам как ученик к учителю, — сказал я, уловив несколько слов, свидетельствовавших о глубоком восхищении.

— О, он переоценивает мою помощь, — небрежно заметил Шерлок Холмс. — Он очень одарен и владеет двумя из трех качеств, необходимых, чтобы стать идеальным сыщиком. Он очень наблюдателен и умеет делать выводы. Ему нехватает только знаний, но это со временем придет. В настоящее время он переводит на французский язык мои работы.

— Ваши работы?

— Да, разве вы не знали? — сказал он, смеясь. —

Я написал несколько небольших статей. Все они касаются технических вопросов. В одной из них — «(C) различии между пеплом разных сортов табака» — я перечисляю сто сорок сортов сигар, папирос и трубочного табака. Приложены цветные таблицы, наглядно демонстрирующие различные виды пепла.

Уголовному следствию постоянно приходится сталкиваться с этим вопросом, и иногда он имеет решающее значение. Например, если вы с уверенностью можете сказать, что убийство совершено человеком, курившим индийскую трубку, то тем самым явно суживается поле ваших розысков. Для опытного глаза различие между черным пеплом трихинопольского табака и белыми хлопьями «птичьего глаза» так же явно, как различие между картошкой и капустой.

— У вас удивительный дар замечать мелочи, — сказал я.

— Я сознаю их значение. У меня есть исследование о следах ног, с указаниями на целесообразность пользования гипсом для сохранения отпечатков. Есть любопытная маленькая работа о влиянии профессии на форму руки с автотипиями рук кровельщиков, матросов, фрезеровщиков, композиторов, ткачей и гранильщиков бриллиантов. Это представляет большой интерес для научно поставленного сыска, особенно в случае неопознанных трупов. Но я вам, наверное, надоел моей болтовней.

— Ничуть, наоборот. Вы только что говорили о наблюдениях и о выводах. Одно до известной степени предполагает другое.

— Вряд ли, — ответил Холмс, поудобнее усевшись в кресло и пуская кольца голубого дыма. — Вот вам пример: наблюдение показало мне, что вы сегодня утром были в почтовом отделении на Вигмор-стрит. Но только путем умозаключения я смог установить, что вы отправляли телеграмму.

— Верно! И то и другое верно! Но, признаюсь, я не понимаю, как вы это отгадали?

— Это проще простого, — ответил он, посмеиваясь над моим изумлением, — так просто, что не требует

пояснения. Но это может послужить хорошим примером различия между наблюдением и умозаключением. Наблюдение показывает мне, что на подъеме ваших ботинок сохранилось немного красноватой глины. Как раз против почтового отделения на Вигмор-стрит чинят тротуар, и он так посыпан землей, что трудно не ступить на нее, когдаходишь на почту. Земля эта особого красноватого оттенка; такой земли, насколько я знаю, нигде поблизости нет. Это относится к наблюдению. Остальное — умозаключение.

— А из чего вы заключили, что я отправлял телеграмму?

— Я знал, что письма вы не писали, так как все утро просидел против вас. Кроме того я вижу, что в вашей открытой конторке лежит лист марок и толстая пачка открыток. Зачем же вам было заходить на почту, как не за тем, чтобы отправить телеграмму?

— В данном случае вы, конечно, правы. Но, как вы сами сказали, это простейшая задача. Вы не сочтете дерзостью, если я подвергну вашу теорию более трудному испытанию?

— Наоборот! Буду рад лишний раз проверить свой метод.

— Вы как-то говорили, что человек, ежедневно пользующийся каким-нибудь предметом, неизбежно накладывает на него печать своей индивидуальности, так что опытный наблюдатель может по вещи определить характер ее владельца. Вот у меня часы; я их недавно приобрел. Будьте любезны определить характер или привычки прежнего владельца.

Я передал Холмсу часы. Он повертел их в руке, пристально посмотрел на циферблат, открыл заднюю крышку и исследовал механизм, сначала невооруженным глазом, а затем с помощью увеличительного стекла. Я с трудом подавил улыбку, когда он с огорченным лицом захлопнул крышку и вернул мне часы.

— Почти никаких данных, — сказал он. — Часы были недавно в починке, а это лишает меня наводящих фактов.

— Вы правы, — ответил я. — Часы были в починке перед тем, как я их получил.

— Мое исследование все же не было совершенно бесплодным, — заметил он, устремив к потолку мечтательный, затуманенный взгляд. — Я полагаю, что часы принадлежали вашему старшему брату, унаследовавшему их от вашего отца.

— Вы, конечно, заключили это по инициалам Х. В. на крышке?

— Совершенно верно. Возраст часов я определяю приблизительно в пятьдесят лет, а инициалы такой же давности, как сами часы; значит, часы были приобретены поколением наших отцов. Драгоценности, обычно, переходят к старшему сыну, который по большей части носит имя отца. Насколько мне помнится, отец ваш умер давно. Поэтому часы находились у вашего брата.

— Пока что верно. Что еще?

— Ваш брат был неряшлив и беспорядочен, — очень беспорядочен. Перед ним открывались большие возможности, но он ими пренебрег и жил в бедности; изредка ему улыбалось счастье, но под конец он спился и умер. Вот все, что я мог обнаружить.

Я вскочил со стула и нетерпеливо зашагал по комнате. Я испытывал большую горечь.

— Это недостойно вас, Холмс. Я бы никогда не поверил, что вы на это способны! Вы наводили справки о моем несчастном брате, а теперь делаете вид, что обнаружили все это путем каких-то непонятных умозаключений. Не думаете же вы, что я поверю, будто вы все это узнали, исследуя старые часы брата? Это неделикатно и, говоря откровенно, отдает шарлатанством.

— Дорогой доктор, — сказал он мягко, — разрешите мне сказать несколько слов в свое оправдание. Подходя к этому, как к абстрактной проблеме, я не подумал, что могу причинить вам боль. Но уверяю вас, я и не подозревал, что у вас был брат, пока вы не передали мне часы.

— Так откуда вы взяли все эти данные? Они абсолютно верны, во всех подробностях.

— А-а, это удача! Я мог судить, только основываясь на теории вероятности. Я отнюдь не ожидал, что буду бить без промаха.

— Но вы не только гадали?

— Нет, нет, я никогда не строю своих заключений на догадках. Это отвратительная привычка, подрывающая умение мыслить логически. Вам мои выводы кажутся странными, потому что вы не следите за ходом моих мыслей и не замечаете мелких фактов, из которых могут быть сделаны важные выводы. Например, я начал с того, что ваш брат был неряшлив. Обратите внимание на нижнюю часть коробки, и вы заметите, что она не только смята в двух местах, но сплошь поцарапана, что объясняется привычкой носить в кармане вместе с часами другие твердые предметы: монеты или ключи. Не трудно сделать вывод, что человек, обращающийся так небрежно с очень дорогими часами, неряшлив. Точно также вполне естественно предположить, что человек, получающий в наследство такую ценную вещь, также и в других отношениях хорошо обеспечен.

Очень часто английские ростовщики, принимая в залог часы, на внутренней стороне крышки выцарапывают пером номер залоговой квитанции. Через лупу я рассмотрел не менее четырех таких номеров. Вывод, — ваш брат часто оказывался на мели. Дальнейший вывод, — иногда ему случайно улыбалось счастье, иначе он бы не мог выкупить свои часы. Наконец, я попрошу вас посмотреть на внутреннюю крышку со скважиной для ключа. Обратите внимание на бесчисленные царапины вокруг отверстия, — следы ключа, вставляемого вслепую. Разве человек в трезвом состоянии мог бы так исцарапать крышку? Но часы пьяницы никогда не бывают без царапин. Он заводит их ночью и оставляет на них следы своей дрожащей руки. Что же во всем этом таинственного?

На этот раз, как, впрочем, всегда, я вынужден был признать, что Холмс прав. Однако, в глубине души я считал, что он напрасно так строго осуждает моего несчастного брата за неряшливость. Ведь

этим недостатком в некоторых отношениях страдал и он сам.

В Холмсе меня всегда поражала эта странность: крайне аккуратный во всем, относящемся к умственному труду, не только аккуратный, но даже изысканный в одежде, он мог своей безалаберностью свести с ума того, кто жил с ним в одной квартире.

Наши комнаты всегда были заставлены всевозможными химическими препаратами и вещественными доказательствами, которые часто оказывались в совершенно неподходящих местах. Но самым страшным бичом были бумаги Холмса. Он ни за что не хотел уничтожать документы, связанные с делами, в которых он принимал участие, а между тем разбирал он бумаги не чаще, чем раз в год. Бумаги копились месяц за месяцем, и все углы нашей комнаты были завалены связками рукописей. Как-то вечером, когда мы сидели с Холмсом у камина, я предложил ему заняться приведением нашей комнаты в более жилой вид. Он не мог отрицать справедливости моей просьбы и, с унылым видом отправившись в спальню, притащил оттуда большой железный ящик. Он открыл крышку, и я увидел, что ящик на треть заполнен связками бумаг, перевязанными красными тесемками.

— Я думаю, если вы бы знали, что хранится в этом ящике, — лукаво сказал Холмс, — вы попросили бы меня вынуть некоторые бумаги, вместо того, чтобы укладывать новые.

— Это заметки о ваших ранних делах? — спросил я.

— Да, мой друг. Все это дела, в которых я принимал участие еще до встречи с вами.

Он бережно вынимал одну связку за другой.

— Здесь не сплошь успехи, Ватсон. Но есть и удачно решенные задачи. Ага! Вот это, действительно, — необыкновенное дело!

Он опустил руку на самое дно и достал маленький ящичек с выдвижной крышкой, похожий на ящик для детских кубиков. Из ящика он вынул кусок помятой бумаги, старинный медный ключ, деревянный

колышек с привязанным к нему клубком веревок и три ржавых металлических кружка.

— Любопытная коллекция! — заметил я

— Да! А еще гораздо любопытнее связанная с нею история.

— Так у этих реликвий есть своя история?

— О-о! Они сами кусок истории. Это все, что я оставил себе на память о «Месгрэвском обряде».

Он не раз уже упоминал об этом деле, но я не знал подробностей.

— Я был бы очень рад, если бы вы рассказали мне об этом «обряде».

— Это было странное дело, единственное в уголовной хронике не только нашей, но и всякой другой страны. Когда вы со мною познакомились и описали одно из моих дел под заглавием «Багровый след», у меня уже была большая, хотя и не очень прибыльная практика. И вам поэтому нелегко себе представить, каких трудов стоило мне пробиться в жизни.

Приехав в Лондон, я поселился на улице Монтегю, возле Британского музея. Свои многочисленные часы досуга я посвящал изучению тех отраслей знания, которые могли мне понадобиться. Изредка подвертывались дела, главным образом, по рекомендации моих товарищей, так как в последние годы моего пребывания в колледже много говорили обо мне и о моем методе. Третье из этих дел было дело о «Месгрэвском обряде».

Реджинальд Месгрэв воспитывался в одном колледже со мной. У него была аристократическая внешность: тонкий прямой нос, большие глаза, небрежные и вместе с тем изящные манеры. И, действительно, он был отпрыском одной древнейшей английской фамилии, которая в шестнадцатом веке отделилась от северных Месгрэвов и поселилась в восточном Суссексе. Родовой замок Месгрэвов, Херлстон, должно быть, древнейший из обитаемых поныне замков в этом графстве. На молодом человеке как будто лежал отпечаток его происхождения, и когда я смотрел на это бледное умное лицо и на

гордую посадку головы, перед моими глазами невольно вставали потемневшие своды и решетчатые окна.

Четыре года я не видел Месгрэва. Однажды утром он явился ко мне. Он мало изменился, был прекрасно одет и сохранил спокойное изящество, которым отличался всегда.

Мы обменялись дружеским рукопожатием.

— Вы, вероятно, слышали о смерти моего бедного отца? — сказал он. — Он умер около двух лет тому назад. С тех пор мне пришлось взять на себя управление имением, а так как я кроме того депутат своего округа, то дела у меня хватает. А вы, Холмс, как я слышал, начали применять на практике те способности, которыми когда-то нас так удивляли.

— Да.

— Рад это слышать, так как в настоящее время мне очень нужен ваш совет. У нас в Херлстоне творятся странные дела, но полиции ничего не удалось выяснить.

— Расскажите все подробности.

Реджинальд Месгрэв закурил и сел против меня.

— Надо вам сказать, — начал он, — что, хотя я живу один, мне приходится держать в Херлстоне большой штат прислуги, — восемь служанок, повара, дворецкого, двух лакеев и мальчика для посылок. Кроме того, конечно, садовников и конюхов.

Изю всей прислуги дольше всех прожил у нас дворецкий Брентон. В молодости он был учителем, но остался без места, и отец взял его к себе. Вскоре Брентон стал незаменим. Хотя он прожил у нас двадцать лет, ему теперь не больше сорока. Удивительно, что при прекрасной внешности и выдающихся способностях, — он владеет несколькими языками и играет чуть ли не на всех музыкальных инструментах, — он так долго довольствовался занимаемым им положением.

Однако, при всех достоинствах у Брентона есть один недостаток. Он изрядный донжуан. Пока Брентон был женат, все шло хорошо, но после смерти

жёны он стал доставлять нам немало хлопот. Несколько месяцев назад Брентон сделал предложение нашей второй горничной Рэчель, и мы надеялись было, что он остепенится, но вскоре он бросил Рэчель

и стал ухаживать за дочерью старшего ловчего. Рэчель, вспыльчивая и впечатлительная девушка, — типичная уроженка Уэльса, — заболела острым воспалением мозга и бродит по дому, или, скорее, бродила до вчерашнего дня, словно тень.

Это первая наша драма в Херлстоне. Но вторая заставила нас забыть о первой. Этой второй драме предшествовало позорное изгнание Брентона.

Вот как это произошло. Брентон, как я говорил вам, очень умен, и это его погубило; ум пробудил в нем любопытство к вещам, совершенно его не касавшимся. Я этого не подозревал, пока случай не открыл мне глаза.

Однажды ночью — в четверг на прошлой неделе — я никак не мог заснуть. Промаявшись кое-как до двух часов, я встал и зажег свечу, чтобы взяться за книгу, которую начал читать накануне. Книга осталась в бильiardной; я одел халат и отправился за ней.

Чтобы попасть в бильiardную, мне надо было спуститься и пересечь коридор, ведущий в библиотеку. Представьте себе мое изумление, когда, выйдя в коридор, я увидел свет, проникавший через открытую дверь библиотеки. Уходя спать, я сам погасил там лампу и запер дверь. Прежде всего я подумал, что в дом забрались воры. Коридоры замка увешаны старым оружием. Я схватил попавшуюся мне под руку секиру, поставил свечу на пол и, бесшумно пройдя по коридору, заглянул в открытую дверь библиотеки.

Я увидел Брентона. Он сидел в кресле и держал на коленях какую-то бумагу, похожую на карту. Он смотрел на нее в глубоком раздумье. Я остолебенел от изумления и молча наблюдал за ним, оставаясь в темноте. Брентон был совсем одет. Вдруг он встал, подошел к стоявшему в стороне бюро, отпер его и, выдвинув один из ящиков, достал какую-то бумагу. Вернувшись на прежнее место, он положил ее на стол и стал внимательно рассматривать при свете огарка свечи. Меня охватило бешенство при виде невозмутимого спокойствия, с каким он рассматривал наши фамильные документы. Я невольно сделал шаг вперед. Брентон поднял голову и увидел меня. Он вскочил с мертвенно бледным лицом и сунул за пазуху похожую на карту бумагу, которую он перед тем изучал.

«Вот как вы оправдываете наше доверие! — сказал я. — Завтра же вы оставите службу!».

Он поклонился и молча вышел. При свете остав-

шегося на столе огарка я взглянул на бумагу, вынутую Brentоном из бюро. Оказалось, что это не какой-нибудь важный документ, а просто копия вопросов и ответов, произносимых при выполнении старинной церемонии, носящей в нашем роду название «Месгрэвский обряд». Эта церемония испокон веков выполняется каждым мужским представителем нашего рода при достижении им совершеннолетия. Обряд этот может представлять интерес разве только для археолога.

— Об этой бумаге мы поговорим позже, — заметил я.

— Как вам угодно, — сказал Месгрэв. — Я продолжаю. Заперев бюро, я собирался выйти из комнаты, когда заметил, что Brentон вернулся и стоит передо мной.

«Мистер Месгрэв! Сэр! — заговорил он хриплым от волнения голосом. — Я не могу пережить такого позора. Я всегда был горд, бесчестие убьет меня. Если вы доведете меня до отчаяния, моя смерть будет на вашей совести. Умоляю вас дать мне месяц срока, чтобы люди думали, будто я сам отказался и ухожу по доброй воле».

«Вы не заслуживаете снисхождения, Brentон», — ответил я. — «Но так как вы долго служили в нашем доме, я не хочу вас позорить публично. Уезжайте через неделю под каким угодно предлогом».

«Через неделю, сэр!..» — воскликнул он в отчаянии. — «Хоть две недели... дайте мне хоть две недели...»

«Неделю!» — повторил я. — «Это и то больше, чем вы заслуживаете».

Он медленно вышел из комнаты с опущенной головой, с видом нравственно раздавленного человека, а я погасил свечу и вернулся к себе в комнату.

После этого случая Brentон в продолжение двух дней очень тщательно выполнял свои обязанности. Но на третий день он не явился ко мне за приказа- ниями. Выходя из столовой, я случайно встретил Рэчель. Она, как я вам говорил, только что оправи-

тась от болезни и была еще страшно бледна и худая; я побранил ее за то, что она встала и работает.

«Вам следует лежать в постели», — сказал я, — «а за работу вы возьметесь, когда поправитесь».

Она взглянула на меня с таким странным выражением, что у меня мелькнула мысль, не сошла ли она с ума.

«Я уже достаточно окрепла, сэр», — сказала она.

«Ну, это решит врач», — ответил я. — «Теперь же бросьте работу, а когда пойдете вниз, скажите Брентону, что я хочу его видеть».

«Дворецкий исчез», — сказала она.

«Как так исчез??»

«Исчез! Никто его не видел. В комнате его нет. О, он уехал... уехал!..»

Она прислонилась к стене и разразилась громким истерическим хохотом. Я бросился к звонку и позвал на помощь. Девушку отвели в ее комнату, а я стал расспрашивать о Брентоне. Он, действительно, исчез. Его постель оказалась несмятой; никто не видел его после того, как он вечером ушел к себе. Но трудно было понять, как он вышел из дома: утром все окна и двери были закрыты изнутри. Платье, деньги и даже часы Брентона лежали в его комнате; недоставало только черной пары, которую он обыкновенно носил. Не было также туфель. Куда же он мог уйти ночью? Что с ним случилось?

Мы обыскали весь дом, с чердака и до подвала, но Брентона не нашли. Мне казалось невероятным, чтобы он мог уйти, бросив все свое имущество. Я вызвал местную полицию, — она ничего не выяснила.

Таково было положение дел, когда новое несчастье отвлекло наше внимание от загадочной истории с Брентоном.

Два дня Рэчель была так больна, что по ночам при ней дежурила сиделка. Она то лежала в забытьи, то впадала в истерику. На третью ночь, убедившись, что больная спокойно уснула, сиделка задремала в кресле. Проснувшись рано утром, сиделка увидела, что постель пуста, окно настежь открыто, а больная

исчезла. Меня сейчас же разбудили. Я взял с собою двух грумов и отправился искать пропавшую девушку. Нетрудно было установить, в каком направлении она пошла. Под окном были ясно видны следы, которые вели через лужайку к пруду и здесь исчезали у песчаной дорожки. Пруд в этом месте имеет восемь футов глубины, и вы можете себе представить наше отчаяние: след несчастной девушки вел прямо к краю воды.

Мы сейчас же вооружились баграми и принялись искать тело утопленницы, но не нашли его. Зато совершенно неожиданно мы вытащили холщевый мешок, набитый какими-то обломками заржавленного, потерявшего цвет металла с кусочками кремня и стекла. Вот и все, что нам удалось выловить из пруда. Несмотря на все наши дальнейшие поиски и расспросы, мы так ничего и не знаем о судьбе Рэчель и Брентона. Я обращаюсь к вам как к последнему прибежищу».

Вам понятно, Ватсон, с каким интересом я выслушал рассказ Месгрэва, как я пытался сопоставить эти необычайные события и найти между ними связь.

Исчез дворецкий. Исчезла горничная. Девушка любила дворецкого, но затем имела основание его возненавидеть. У нее страстная необузданная натура. Известно, что сразу после исчезновения Брентона она была в очень возбужденном состоянии. Она бросила в пруд мешок с какими-то странными предметами. Все эти факты надо было принять во внимание, но они не объясняли существа дела. Где исходная точка всей этой цепи событий? Передо мной лежал только конец этой цепи.

— Мне необходимо взглянуть на бумаги, которые так заинтересовали вашего дворецкого, что ради них он пошел на риск потерять место, — сказал я.

— По правде говоря, — ответил мой клиент, — этот «Месгрэвский обряд» какая-то нелепость, оправданием которой служит только древность происхождения. Копия вопросов и ответов у меня при себе, вы можете просмотреть, если желаете.

Он передал мне бумагу, которую я держу сейчас

в руках. Это ряд странных вопросов, на которые должен был давать столь же странные ответы каждый из Месгрэвов при достижении им совершеннолетия. Я прочту вам вопросы и ответы.

«Чья она была?»

«Того, кого нет».

«Чьей она будет?»

«Того, кто будет позже».

«В каком это было месяце?»

«В шестом, считая с первого».

«Где было солнце?»

«Над дубом».

«Где лежала тень?»

«Под вязом».

«Сколько сделано шагов?»

«К северу десять и десять, к востоку пять и пять, к югу два и два, к западу один и один, и потом вниз».

«Что мы должны отдать за это?»

«Все, что имеем».

«Почему мы должны отдать это?»

«Во имя верности».

— На оригинале нет даты, но судя по орфографии, документ этот относится к середине семнадцатого века, — заметил Месгрэв. — Однако, я боюсь, что этот документ мало вам поможет в деле раскрытия тайны.

— Зато он представляет другую тайну, еще более интересную, чем первая, — сказал я. — И, может быть, разгадка одной из них повлечет за собою разгадку другой. Извините меня, Месгрэв, но должен признаться, что ваш дворецкий кажется мне человеком очень умным и более проницательным, чем десять поколений его господ.

— Я вас не понимаю! — удивился Месгрэв. — По-моему, эта бумага не имеет никакого практического значения.

— А по-моему, она имеет огромное практическое значение, и мне кажется, что Брентон был того же мнения. Вероятно, он видел ее раньше той ночи, когда вы его накрыли?

— Весьма возможно. Мы ее не скрывали.

— Насколько я понимаю, в ту ночь он просто хотел освежить в памяти содержание документа. Вы говорили, что у него в руках была карта или план, который он сличал с рукописью и быстро спрятал за пазуху при вашем появлении.

— Совершенно верно. Но какое ему могло быть дело до нашего старинного обычая, и что вообще может означать вся эта галиматья?

— Думаю, что нам нетрудно будет узнать все это, — сказал я. — Если вы не возражаете, мы отправимся с первым же поездом в Суссекс и на месте поближе ознакомимся со всеми обстоятельствами дела.

В тот же день, под вечер, мы прибыли в Херлстон. Может быть, Ватсон, вам случалось видеть изображение этого знаменитого замка или читать его описание, поэтому я ограничусь упоминанием, что замок Херлстон имеет форму столярного угольника, причем длинная сторона представляет собою новую пристройку, а короткая — ядро, из которого выросло все остальное. В центре старого здания, над низкой входной дверью высечено на камне «1607», — однако специалисты полагают, судя по деревянным балкам и каменной кладке, что замок построен гораздо раньше. Исключительно толстые стены и крошечные окна этой части здания побудили владельцев замка выстроить в прошлом веке новое крыло; с тех пор старый дом служит только кладовой и погребом, и то в случае необходимости. Великолепный парк из вековых деревьев окружает здание, а пруд, о котором упоминал мой клиент, находится в конце аллеи, ярдах в двухстах от дома.

Я уже не сомневался, что в этом деле была одна загадка, а не три. Я был убежден, что если бы мне удалось понять значение «Месгрэвского обряда», у меня была бы в руках путеводная нить и я узнал бы, что случилось с Брентоном и с горничной Рэчель. Я решил приложить все усилия, чтобы понять, почему Брентон стремился изучить старинную формулу обряда. Очевидно, он заметил то, что

ускользнуло от внимания многих поколений владельцев замка, и что сулило ему какие-то личные выгоды. Но что же это было?

При чтении «обряда» мне стало ясно, что измерения относятся к какому-то месту, о котором идет речь в документе, и что если бы нам удалось найти это место, мы напали бы на след тайны, которую предки Месгрэвов сочли нужным облечь в такую загадочную форму. Нам были даны две вехи — дуб и вяз. Что касается дуба, то его было очень легко найти. Прямо перед домом, влево от дороги, ведущей к подъезду, высился патриарх дубов — одно из великолепнейших деревьев, какие мне когда-либо доводилось видеть.

— Этот дуб существовал в то время, когда был записан ваш «обряд»? — спросил я.

— О, я думаю, что он стоял здесь еще во время завоевания Англии норманнами,¹ — ответил Месгрэв, — он имеет двадцать три фута в обхвате.

Итак, одно из моих предположений подтвердилось.

— Есть у вас в парке старые вязы? — спросил я.

— Вон там стоял очень старый вяз, но десять лет тому назад он обгорел от удара молнии, и мы спилили ствол.

— Вы можете найти место, где стояло это дерево?

— О, да!

— Других вязов в парке нет?

— Старых нет, но есть много молодых.

— Я хотел бы видеть место, где стоял этот старый вяз.

Мы приехали в двуколке, и мой клиент, не заходя в дом, повел меня на лужайку, где прежде стоял вяз, почти на половине расстояния между дубом и домом.

— Я думаю, нет возможности определить высоту этого вяза? — спросил я.

¹ В XI веке норманны (датчане) покорили Англию, и датский король Кнут Великий был провозглашен королем Англии.

— Могу вам точно сказать. Вяз был вышиною в шестьдесят четыре фута.

— Откуда вы это знаете? — с удивлением спросил я.

— Когда мой старый учитель давал мне задачи по тригонометрии, они всегда касались измерения высоких предметов. Таким образом я измерил каждое дерево и каждое строение в нашем поместье.

Это была совершенно неожиданная удача.

— Скажите, пожалуйста, ваш дворецкий никогда не спрашивал вас о высоте этого дерева?

Месгрэв с изумлением посмотрел на меня.

— Теперь, после вашего вопроса, я припоминаю, что Брентон, действительно, спрашивал меня о высоте этого вяза. Он поспорил на этот счет с грумом. Это было несколько месяцев тому назад.

Представляете вы себе, Ватсон, как приятно мне было слышать эти слова. Они доказывали, что я на верном пути. Я взглянул на солнце. Оно стояло низко, и я рассчитывал, что меньше чем через час оно будет стоять как раз над вершиною старого дуба. Тогда было бы выполнено одно из условий, указанных в «обряде». Слова «тень под вязом» должны бы-

ли означать крайнюю точку тени. Значит, мне надо было определить, куда ляжет конец тени от вяза, когда солнце будет стоять как раз над дубом.

— Но это трудно было сделать, поскольку вяза уже не существовало? — заметил я.

— Я был уверен в одном: если Брентон сумел это сделать, то сумею и я. К тому же это вовсе не было трудно. Я пошел с Месгрэвом в его кабинет и изготовил деревянный колышек, к которому привязал длинную веревку с узлами, отмечающими каждый ярд. Затем я взял удочку в шесть футов и вернулся со своим клиентом к тому месту, где прежде стоял вяз. Солнце как раз освещало вершину дуба. Я воткнул удилище в землю, отметил направление тени и измерил ее. Длина тени была равна девяти футам.

Мне оставалось сделать самое пустячное вычисление: если удочка в шесть футов отбрасывает тень в девять футов, то дерево вышиной в шестьдесят четыре фута дает тень в девяносто шесть футов, причем направление обоих, конечно, должно совпадать. Продолжая линию тени от удочки, я отмерил девяносто шесть футов от места, где воткнул удилище, и оказался у самой стены дома; здесь я воткнул в землю свой колышек. Можете себе представить, Ватсон, мой восторг, когда в двух дюймах от этого места я заметил в земле воронкообразное углубление. Я догадался, что эта отметка сделана Брентоном, и что я действительно иду по его следам.

От этой точки я начал отсчитывать шаги, предварительно определив по компасу страны света. Десять шагов и десять — говорилось в «обряде», — я сделал десять шагов правой ногой и десять левой в северном направлении, параллельно стене. Здесь я опять отметил колышком место, где остановился. Затем тщательно отмерил пять и пять шагов на восток, два и два к югу и очутился у самого порога старой двери. Два шага на запад (один и один по «обряду»), означали, что мне надо сделать два шага по выложенному плитам коридору. — и вот я стоял на месте, указанном в «обряде».

Никогда в жизни не приходилось мне испытывать такого горького разочарования, Ватсон! Одно мгновение мне казалось, что в мои вычисления вкралась какая-то коренная ошибка. Лучи заходящего солнца освещали коридор, и я ясно видел, что древние истоптанные камни, которыми он был вымощен, плотно скреплены цементом и не сдвигались уже много лет. Брентон до них не дотрагивался. Я посту- чал по полу, звук был всюду одинаковый, и нигде не было заметно ни трещины, ни скважины. К счастью, Месгрэв, уловивший смысл моих действий и волно- вавшийся не меньше меня, достал рукопись, чтобы проверить мои вычисления.

— И вниз! — закричал он. — Вы пропустили «вниз»!

Я подумал, что эти слова означали, что нам при- дется рыть в этом месте землю, но теперь понял свою ошибку.

— Так там есть подвал? — крикнул я.

— Ну да, и такой же старый, как замок. Сюда, Холмс, через эту дверь!

Мы спустились по винтовой каменной лестнице, и Месгрэв, чиркнув спичку, зажег большой фонарь, стоявший на бочонке в углу. Мы в ту же минуту убедились, что нашли нужное место и что кто-то уже побывал здесь до нас.

Подвал служил складочным местом для дров, но поленья, прежде, повидимому, покрывавшие весь пол, теперь были сложены по сторонам так, что по сере- дине образовался свободный проход. В этом проходе лежала тяжелая плита с заржавленным кольцом, к которому был привязан толстый шерстяной шарф.

— Клянусь Юпитером, — вскрикнул Месгрэв, — это шарф Брентона! Но что здесь делал этот не- годяй?

По моему предложению вызвали двух полицей- ских, и в их присутствии я попытался поднять пли- ту, таща ее за шарф. Я смог лишь слегка ее припод- нять, и только с помощью одного из констэблей мне удалось отодвинуть плиту в сторону. Под плитой зияла глубокая черная яма. Месгрэв стал на колени и опустил фонарь.

Открылось темное помещение, глубиной около семи футов и площадью по четыре фута в длину и в ширину. У одной стены стоял низкий деревянный сундук, окованный медью, с поднятой крышкой, в замочную скважину которой был вставлен ключ причудливой старинной формы. Снаружи сундук был покрыт толстым слоем пыли; сырость и черви разрушили дерево, на котором местами виднелась плесень. На дне сундука валялось несколько металлических кружков, старинных монет, таких, какие вы видите у меня в руке; больше там ничего не было.

Но мы совершенно забыли о сундуке, когда увидели рядом фигуру человека, одетого в черный костюм; он сидел на корточках, положив голову на край сундука и обхватив его руками; вся кровь, повидимому, прилила ему к голове; никто не смог бы узнать черты этого искаженного посиневшего лица. Когда один из констэблей приподнял тело, Месгрэв по росту, одежде и волосам признал своего дворецкого. Брентон умер несколько дней тому назад, но на теле не было раны или какого-либо повреждения, которое могло бы объяснить его таинственную смерть. Тело вынесли из погреба; а мы были так же далеки от разгадки, как в самом начале.

Признаюсь, Ватсон, я начал было сомневаться в успехе своих розысков. Я думал, что разрешу задачу, как только найду место, указанное в «обряде». Но вот я стоял на этом месте и был так же далек от разгадки тайны, как прежде. Правда, я разгадал намерения Брентона, но надо было установить, каким образом его настигла смерть в этом подвале и какую роль играла во всем этом исчезнувшая женщина. Я присел на боченок и стал обдумывать положение.

Вы знаете, Ватсон, мой метод: в подобных случаях я ставлю себя на место данного человека и, выяснив предварительно уровень его развития, пробую себе представить, как бы я сам действовал на его месте. В данном случае дело облегчалось тем, что Брентон обладал, несомненно, недюжинным умом. Он знал, что «обряд» указывает на существование какой-то драгоценности. Он нашел место и убедился.

что плита, закрывающая вход в подземелье, слишком тяжела, чтобы ее мог сдвинуть один человек. Что же ему оставалось делать? Он не мог обратиться за помощью к посторонним. Даже если бы ему посчастливилось найти человека, который согласился бы ему помочь и которому он мог бы вполне довериться, все же он рисковал попасться, впуская в дом своего сообщника. Лучше было найти помощника в доме. Но кого же? К кому он мог обратиться? Рэчель любила его. Мужчине всегда трудно поверить, что он окончательно лишился любви женщины, как бы дурно он ни обошелся с ней. Вероятно, Брентон попытался вернуть себе любовь Рэчель и сделать ее своей сообщницей. Должно быть, они вместе спустились ночью в погреб и общими силами подняли плиту.

Им трудно было поднимать плиту. Что же они могли придумать, чтобы облегчить себе задачу? Вероятно, то же самое, что сделал бы я сам. Я встал и внимательно осмотрел разбросанные по полу поленья. На одном полене, длиною около трех футов отчетливо видна была выемка на торце, а несколько других были сплющены по длине, словно их придавила какая-то большая тяжесть. Очевидно, приподняв плиту, они стали совать одно полено за другим, пока не образовалось отверстие, достаточно большое, чтобы они могли через него пролезть. Тогда они подперли плиту одним поленом, — этим и объяснялась выемка на торце, так как плита своею тяжестью придавливала полено к противоположному краю щели. Все это было для меня ясно.

Но как восстановить отдельные моменты драмы? Очевидно, в подземелье спустился один из двоих, Брентон. Девушка должна была ожидать его наверху. Брентон открыл сундук и, надо полагать, передал найденные им вещи своей сообщнице, так как в сундуке мы ничего не нашли. А дальше? Что произошло после этого?

Вспыхнула ли ярким пламенем жажда мести, тлевшая в душе страстной, необузданной женщины, когда человек, сделавший ей зло, оказался в ее

власти? Случайно ли поддалось полено, и плита закрыла вход в подземелье, ставшее могилой для Брентона? Или резким движением Рэчель оттолкнула опору, и плита захлопнула отверстие? Мне казалось, что я вижу лицо женщины, судорожно сжимающей найденное сокровище и в безумном ужасе бегущей по винтовой лестнице, между тем как в ее ушах раздаются глухие крики и яростные удары о плиту.

Итак, вот причина ее бледности, ее нервного состояния и истерического хохота на следующее утро. Но что же было в сундуке? Куда она девала вещи? Вероятно, это были те самые обломки металла и камней, которые Месгрэв вытащил из пруда. Она бросила их при первой возможности, чтобы скрыть следы своего преступления.

Минут двадцать я просидел неподвижно, обдумывая все случившееся. Месгрэв, бледный и потрясенный, продолжал стоять на прежнем месте, раскачивая фонарь и устремив взгляд в подземелье.

— Это монеты Карла I¹ — сказал он, показывая мне несколько кружков, взятых со дна сундука. — Выходит, вы правильно определили время учреждения «обряд».

— Может быть, мы найдем еще что-нибудь, оставшееся от Карла II! — воскликнул я. Внезапно мне показалось, что я понял смысл двух первых вопросов «обряд». — Дайте мне взглянуть на вещи, которые вы вытащили из пруда, — сказал я Месгрэву.

Мы пошли в кабинет, и Месгрэв разложил передо мной обломки. Я понял, почему он не придал им никакого значения: металл был почти черен, а камни тусклы и бесцветны. Я потерял один из них о рукав, и он засверкал у меня на ладони. Один из металлических предметов имел вид двойного кольца, но был сильно поломан и утратил первоначальную форму.

— Не мешает припомнить, — заметил я, — что ко-

¹ Карл I — второй из английских королей династии Стюартов. Правил Англией с 1625 г. по 1645 г. Был обвинен Кромвелем в государственной измене.

ролевская партия существовала в Англии и после смерти короля; когда же его приверженцам пришлось, наконец, бежать из страны, они, вероятно, спрятали куда-нибудь свои драгоценности, рассчитывая вернуться за ними в более спокойные времена.

— Мой прадед, сэр Ральф Месгрэв был ярым приверженцем Карла II¹ и сопровождал короля во всех его скитаниях, — сказал мой клиент.

— О, в таком случае, — заметил я, — последнее недостававшее звено найдено! Я должен поздравить вас, Месгрэв! Вы стали (хотя и очень трагическим образом) обладателем реликвии, представляющей большую ценность и имеющей огромное историческое значение.

— Что же это такое? — спросил он, задыхаясь от волнения.

— Не более и не менее, как древняя корона английских королей!

— Корона?!

— Вот именно. Обратите внимание на слова «обряда». Что там сказано? «Чьей она была?» и ответ: «Того, кого нет». Это было написано после казни Карла I. Дальше: «Чьей она будет?» Ответ: «Того, кто будет позже». Это относится к Карлу II, восшествие которого на престол предвиделось его сторонниками. По-моему, не может быть сомнения в том, что эта изломанная, потерявшая всякую форму корона некогда венчала головы королей из дома Стюартов.²

— Но как она попала в пруд?

— Чтобы ответить на этот вопрос, мне понадобится некоторое время, — и я изложил ему длинную цепь предположений и умозаключений. Была уже ночь, и луна ярко сияла на небе, когда я закончил свой рассказ.

¹ Карл II — сын Карла I взошел на английский престол в 1660 году, до того жил то на континенте — во Франции, Голландии, Германии — то в Шотландии.

² Стюарты — династия королей Шотландии. С 1603 г. по 1688 г. четыре короля этой династии владели английским престолом.

— Как же случилось, что, возвратившись в Англию, Карл II не получил своей короны? — спросил Месгрэв, кладя корону в холщевый мешок.

— Боюсь, что этот вопрос никогда не будет окончательно выяснен. Повидимому, ваш предок, хранивший корону Стюартов, умер, не объяснив почему-то своему преемнику смысл составленного им документа. С тех пор и до настоящего времени документ переходил от отца к сыну пока, наконец, не попал в руки человека, сумевшего разгадать тайну и лишившегося жизни при попытке завладеть спрятанным под землю сокровищем.

Вот история «Месгрэвского обряда», Ватсон. Корона и до сих пор хранится в замке Херлстон, хотя Месгрэву пришлось иметь дело с судом и уплатить крупную сумму денег за право оставить корону у себя. Я уверен, если вы сошлетесь на меня, вам покажут эту корону. Что касается Рэчель, то о ней никто ничего не слышал. Вероятнее всего, она бежала из Англии и унесла с собой воспоминание о совершенном ею преступлении.

ПЕСТРАЯ ЛЕНТА

Просматривая мои записи о приключениях Шерлок Холмса, я нахожу ряд трагических случаев, несколько комических, много странных, но ни одного банального. Это объясняется тем, что он занимался своим делом из любви к искусству, а не ради денег, и потому отказывался вести розыски по делам, не представлявшим ничего особенного, ничего загадочного.

Из всех записанных мною случаев едва ли не самым интересным является дело Ройлотта из Сток-Морэна.

Это происшествие относится к тому времени, когда я еще был холост и жил с Холмсом на Бэкер-стрит.

Как-то в апреле 1883 года, проснувшись рано утром, я увидел Шерлок Холмса, стоявшего у моей постели. Он был совсем одет. Я очень удивился, так как обычно мой друг вставал позже; я взглянул на него с изумлением и даже с неудовольствием.

— Очень жаль, что приходится вас будить, Ватсон, — сказал Холмс, — но так уж случилось. Разбудили миссис Гудсон, она меня, а я вас.

— Что же случилось? Пожар?

— Нет, клиент. Явилась какая-то девушка, очень взволнованная, и непременно хочет меня видеть. Она в гостиной. Если молодая девушка в такой ранний час бежит по Лондону и будит спящих, то, вероятно, она хочет сообщить что-нибудь очень важное. А если дело окажется интересным, вы, конечно, захотите принять в нем участие. Поэтому я и решил вас разбудить.

Ничто в жизни не доставляло мне такого удовольствия, как возможность наблюдать за Холмсом, следить за его быстрыми умозаключениями, всегда непререкаемо логичными. Я живо оделся и через несколько минут вместе с Холмсом вошел в гостиную. Сидевшая у окна дама в черном платье и под густой вуалью встала нам навстречу.

— Добрый день, сударыня, — весело сказал Холмс. — Я Шерлок Холмс, а это мой друг и товарищ, доктор Ватсон. Вы можете при нем говорить так же свободно, как наедине со мною. Очень хорошо, что миссис Гудсон догадалась затопить камин. Сядьте поближе к огню; я прикажу подать вам чашку горячего кофе, вы дрожите.

— Я дрожу не от холода, — тихо проговорила посетительница, садясь у камина.

— От чего же?

— От страха, от ужаса, мистер Холмс. — С этими словами она откинула вуаль, и мы увидели осунувшееся бледное лицо и испуганные глаза, напоминавшие глаза животного, преследуемого охотником. На вид ей было лет тридцать, но в волосах пробивалась седина, и вся она казалась усталой и измученной. Холмс посмотрел на нее своим пронизательным взглядом.

— Не бойтесь, — сказал он, наклоняясь и ласково касаясь ее руки. — Я уверен, что мы сумеем вам помочь. Вы приехали с утренним поездом.

— Разве вы меня знаете?

— Нет, но у вас из-под перчатки выглядывает обратный билет. Вы приехали очень рано, и вам пришлось ехать на станцию в двуколке по скверной дороге.

Девушка с изумлением посмотрела на моего друга.

— Тут нет ничего таинственного, — сказал он. — На левом рукаве вашей жакетки по крайней мере семь пятен дорожной грязи. Пятна совсем свежие. Так забрызгаться можно только сидя в двуколке, и непременно по левую руку от кучера.

— Вы правы, — сказала девушка. — Я выехала из дому раньше шести часов, в Лезэргэде была в двадцать минут седьмого и с первым же поездом поехала в Вартерлоо. Сэр, я не в силах это больше выносить, я сойду с ума. Мне не к кому обратиться. Я слышала о вас от миссис Фаринтош, которой вы помогли в тяжелую минуту. Она дала мне ваш адрес. О, сэр! Не можете ли вы мне помочь или, по крайней мере, осветить хоть немного страшный мрак, окружающий меня? В настоящее время я ничем не могу вас вознаградить, но через месяц или два я выхожу замуж; тогда я смогу располагать своим состоянием и буду рада отблагодарить вас.

— Что касается вознаграждения, — ответил Холмс, — то самые результаты моей деятельности служат мне вознаграждением; но вы сможете возместить мне расходы, когда это вам будет удобно. А теперь расскажите нам все, что можете, о вашем деле.

— Увы, — ответила девушка, — весь ужас моего положения заключается именно в том, что мои страхи очень неопределенны, а мои опасения основаны на мелочах, которые другим кажутся не заслуживающими внимания. Даже мой жених считает то, что я ему рассказываю, фантазиями нервной женщины. Он этого не говорит, но я читаю в его глазах. Я слышала, мистер Холмс, что вы умеете заглянуть в душу злого человека и разгадать его умыслы. Так посоветуйте, что мне делать.

— Я весь внимание.

— Меня зовут Елена Стонер. Я живу в доме отца, последнего представителя одной из старейших фамилий в Англии, — Ройлоттов из Сток-Морэна, на западной границе графства Сюррей.

Холмс кивнул головой

— Я слышал эту фамилию, — сказал он.

— Когда-то Ройлотты были очень богаты, их поместья простирались до Беркшира на севере и до Гэмпшира на западе. Но теперь от этого состояния осталось всего несколько акров земли и старинный дом, заложенный и перезаложенный. Последний владелец влачил жалкое существование нищего аристократа. Его сын, мой отчим, понял, что надо примениться к новым условиям: он одолжил у одного из родственников деньги, выдержал экзамен на врача и уехал в Калькутту. Благодаря своему искусству и упорству, он приобрел там большую практику. Но раз, в припадке гнева, вызванного какой-то кражей в доме, он до смерти избил своего слугу-туземца и едва избежал смертной казни за убийство. Он долго просидел в тюрьме и в Англию вернулся угрюмым, разочарованным человеком.

В Индии доктор Ройлотт женился на моей матери, миссис Стонер, молодой вдове генерал-майора артиллерии в Бенгалии; у нее были две дочери-близнецы — сестра моя Юлия и я. Нам с сестрой было тогда всего по два года. У матери было значительное состояние, приносившее около тысячи фунтов дохода. Весь этот доход она отказала доктору Ройлотту с условием, что он будет получать его полностью, пока мы живем с ним; в случае же замужества падчериц он должен ежегодно отдавать вышедшей замуж определенную часть дохода. Мать наша умерла вскоре после возвращения в Англию, — она погибла восемь лет тому назад при крушении поезда. Доктор Ройлотт отказался от намерения обосноваться в Лондоне и переехал с нами в свое родовое поместье — Сток-Морэн. Денег, оставленных матерью, хватало на жизнь и, казалось, мы могли бы жить счастливо.

Но как раз в это время в отчине произошла странная перемена. Вместо того, чтобы наладить знакомство с соседями, радовавшимся возвращению последнего Ройлотта в родовое поместье, он заперся у себя дома и редко выходил куда-либо; если же ему случалось выезжать, он затевал с кем-нибудь

дикую ссору. Все Ройлотты отличались вспыльчивостью, доходящей до безумия. В отчине эта черта, повидимому, усилилась вследствие длительного пребывания в тропическом климате. У него постоянно происходили безобразные столкновения; два из них закончились судебным делом. Он навел такой ужас на окрестных жителей, что под конец все разбежалось при его появлении.

На прошлой неделе он сбросил местного кузнеца с моста в реку; я едва сумела замять это дело, отдав все свои деньги. Единственные друзья отчима — бродячие цыгане. Им он позволяет раскидывать шатры на земле поместья; он сам иногда живет у цыган и даже уходит с ними на несколько недель. У него страсть к животным, которых ему присылают из Индии. В настоящее время он держит павиана и пантеру; они бегают повсюду и наводят такой же ужас, как их хозяин.

Вы представляете себе, что жилось нам с сестрой нелегко. Прислуга не хотела у нас оставаться, и долгое время нам приходилось делать все самим. Юлии было только тридцать лет, когда она умерла, но волосы у нее начинали седеть, как у меня.

— Ваша сестра умерла?

— Она умерла два года тому назад. Как раз о ее смерти я и хочу с вами поговорить. Вы понимаете, что при том образе жизни, какой мы вели, нам не приходилось встречаться с людьми нашего возраста и нашего круга. Но у нас есть тетка, незамужняя сестра нашей матери, мисс Вестфейль, и мы иногда гостили у нее. Юлия два года тому назад была у нее на Рождестве и познакомилась с одним морским офицером в отставке; они обручились. Вернувшись домой, сестра сообщила отчиму о своем обручении; он не возражал, но за две недели до свадьбы случилось ужасное несчастье, лишившее меня единственного друга.

Шерлок Холмс сидел в кресле, откинувшись назад и закрыв глаза. Теперь он приоткрыл их и взглянул на посетительницу.

— Пожалуйста, расскажите все подробности.

— Мне легко это сделать, так как все, связанное со смертью Юлии, глубоко запечатлелось в моей памяти. Как я уже говорила, наш дом очень стар, и для жилья годен только один флигель. Спальни расположены в нижнем этаже. Первая — спальня доктора Ройлотт, вторая — моей сестры, третья — моя. Между этими комнатами нет дверей, но все они выходят в коридор. Ясно я выражаюсь?

— Вполне.

— Окна всех трех комнат выходят на лужайку. В эту роковую ночь доктор Ройлотт рано ушел к себе, но, повидимому, не ложился, так как в комнату сестры доносился запах крепких индийских сигар, которые он обычно курил. Она пришла ко мне, и мы довольно долго сидели и болтали о предстоящей свадьбе. В одиннадцать часов она встала и пошла к себе, но вдруг остановилась в дверях и спросила:

— Елена, ты никогда не слышала по ночам свиста?

— Никогда, — ответила я.

— Не может быть, чтобы ты свистела во сне?

— Конечно нет! Но почему ты об этом спрашиваешь?

— Потому, что вот уже несколько дней как под утро, около трех часов, я слышу тихий свист. Я сплю очень чутко и просыпаюсь от этого свиста. Не знаю, откуда он доносится, — не то из соседней комнаты, не то с лужайки. Вот я и хотела спросить тебя, не слышала ли ты этот свист?

— Нет. Должно быть, это свистят цыгане.

— Очень вероятно. Но меня удивляет, почему ты не слышишь свиста?

— Я сплю крепче тебя.

— Ну, во всяком случае, это пустяки, — проговорила она, улыбаясь; затем закрыла мою дверь, и скоро я услышала, как щелкнул ключ в замке ее комнаты.

— Вы всегда запираетесь на ночь? — спросил Холмс.

— Всегда.

— Почему?

— Я, кажется, уже говорила вам, что доктор держит павиана и пантеру. Мы чувствовали себя в безопасности только тогда, когда дверь была закрыта. В эту ночь я не могла заснуть. Меня охватило смутное предчувствие несчастья. Ночь была бурная. Ветер завывал в саду, и дождь хлестал в окна. Вдруг среди воя бури раздался отчаянный крик женщины. Я узнала голос сестры, вскочила с постели и выбежала в коридор. Когда я открыла дверь, я услышала тихий свист, о котором говорила сестра, а затем гулкий звук, как будто упал какой-то металлический предмет. Я побежала по коридору. Дверь спальни сестры была открыта. На пороге стояла сестра с бледным от ужаса лицом, с протянутыми руками; она качалась, как пьяная. Я бросилась к ней, обхватила ее руками, но в это мгновение у нее подкосились ноги, и она упала на пол, корчась как бы от невыносимой боли. Сначала мне показалось, что она не узнает меня, но когда я нагнулась над ней, она вскрикнула голосом, которого я никогда не забуду: «О боже мой, Елена! Это была лента! Пестрая лента!» Она хотела еще что-то сказать и указывала на комнату доктора, но у нее начались конвульсии, и больше она не проговорила ни слова. Я побежала по коридору и стала звать отчима. Он уже поспешно выходил из своей комнаты. Когда он подошел к сестре, она была без сознания. Отчим влил ей в горло водки, послал за доктором, но все было напрасно. Юлия умерла, не приходя в сознание.

— Скажите, вы уверены, что слышали свист и металлический звук? — спросил Холмс. — Можете вы в этом поклясться?

— То же самое спросил меня следователь при допросе. У меня осталось впечатление, что я слышала эти звуки, но, может быть, мне почудилось, так как в ту ночь была страшная буря.

— Ваша сестра была одета?

— Нет. Она была в ночной рубашке. В правой руке у нее была обуглившаяся спичка, а в левой — коробок спичек.

— Это указывает на то, что она зажгла огонь,

когда слышала шум. Это очень важно. Ну, а что сказал следователь?

— Он очень внимательно исследовал все обстоятельства, так как характер и образ жизни доктора Ройлотт были известны во всем графстве, но он так и не смог установить причину смерти Юлии. Я показала, что дверь была заперта изнутри, а окна были закрыты старинными ставнями с железными болтами. Тщательно осмотрели стены и пол — нигде не нашли никаких отверстий. Печная труба очень широкая, но в ней есть решетка. Очевидно, сестра была совершенно одна, да и на теле не было никаких признаков насилия.

— А как насчет яда?

— Врачи ее осматривали и ничего не обнаружили.

— Отчего же, по-вашему, она умерла?

— Я уверена, что она умерла от страха и от нервного потрясения, но не могу себе представить, что могло ее так напугать.

— Были в то время поблизости цыгане?

— Да, они почти всегда возле нашего дома.

— А-а! Как вы думаете, что могли означать слова о «ленте», о «пестрой ленте»?

— Иногда мне эти слова кажутся просто бредом; иногда я думаю, что это относится к цыганам.¹ Не знаю только, чем объяснить странное прилагательное «пестрая», если это относится к цыганам; разве тем, что их женщины носят на голове пестрые платки.

Холмс покачал головой. Он, повидимому, отнюдь не был согласен с выводами мисс Стонер.

— Это дело очень темно, — сказал он. — Пожалуйста, продолжайте.

— С тех пор прошло два года, и жизнь моя стала еще однообразнее, скучнее. Месяц назад один человек, которого я знаю уже несколько лет, сделал мне предложение. Это Перси Эрмитэдж. Отчим не возражает против моего замужества, и мы должны обвенчаться этой весной. Два дня тому назад начали

¹ Band — по-английски лента, а также шайка.

перестраивать западный флигель дома. В моей комнате пробили отверстие в стене, так что мне пришлось перейти в комнату, где умерла моя сестра, и спать на ее кровати. Представьте себе мой ужас, когда ночью я вдруг услышала тихий свист, который был предвестником ее смерти. Я вскочила с кровати, зажгла лампу, но в комнате никого не было. Я была так потрясена, что не могла уснуть. Я оделась, и как только стало светать, тихонько сошла вниз, наняла двуколку в гостинице «Корона» против нас и отправилась в Лондон с единственной целью повидать вас и посоветоваться с вами.

— И хорошо сделали, — сказал Холмс. — Но все ли вы мне рассказали?

— Да, все.

— Мисс Стонер, вы рассказали не все. Вы щадите своего отчима.

— Что вы хотите сказать?

Вместо ответа Холмс откинул черные кружева, пришитые к рукаву мисс Стонер. На белой руке виднелись пять синих пятен — следы пяти пальцев.

— С вами обращаются очень жестоко, — сказал Холмс.

Мисс Стонер покраснела и прикрыла кружевом синяки.

— Отчим жестокий человек, — сказала она.

Наступило долгое молчание. Холмс, опустив голову на руку, молча смотрел на огонь.

— Это очень темное дело, — проговорил он, наконец. — Прежде чем что-либо предпринять, я должен узнать тысячу подробностей. А между тем нельзя терять ни минуты. Если мы сегодня же поедем в Сток-Морэн, сможем мы осмотреть комнаты без ведома вашего отчима?

— Он говорил, что сегодня поедет в город по какому-то важному делу. Вероятно, его целый день не будет дома. Экономка у нас старая и глупая, я легко смогу ее удалить.

— Превосходно! Вы ничего не имеете против поездки, Ватсон?

— Ровно ничего.

— Значит, мы приедем вдвоем. А что вы намерены делать?

— Я хочу воспользоваться тем, что приехала сюда, и кое-где побывать. Я вернусь домой двенадцатичасовым поездом, чтобы вас встретить.

— Ждите нас около трех.

Она опустила свою черную вуаль и вышла из комнаты.

— Что вы обо всем этом думаете, Ватсон? — спросил Холмс.

— По-моему, это очень загадочное и страшное дело, — сказал я.

— Да, достаточно загадочное и страшное.

— Если мисс Стонер не ошибается, утверждая, что пол и стены крепкие, а через дверь, окно и печную трубу невозможно проникнуть в комнату, значит, ее сестра несомненно была одна в момент рокового конца, — сказал я. — Но что же означают эти ночные свисты и странные слова умирающей?

— Я тоже не представляю себе, — проговорил Холмс, — поэтому мы и едем сегодня в Сток-Морэн. Но что это, чорт возьми!?

Дверь гостиной внезапно распахнулась, и на пороге появился человек огромного роста. Костюм его представлял собой какую-то странную смесь: черный цилиндр, длинный сюртук, высокие гамашы и хлыст, которым он размахивал. Вошедший был так высок, что задевал шляпой притолку, и так широк в плечах, что занял всю дверь. Его толстое лицо было изборозжено бесчисленными морщинами и обожжено горячим солнцем тропиков. Он смотрел то на Холмса, то на меня. Его глубоко запавшие, злобные глаза и тонкий хрящеватый нос придавали ему вид старой хищной птицы.

— Который из вас Холмс? — спросил неожиданный гость.

— Я, сэр! Вы имеете то преимущество передо мной, что я не знаю вашей фамилии.

— Я доктор Гримсби Ройлотт из Сток-Морэна.

— Ага! Садитесь, пожалуйста, доктор, — любезно предложил Холмс.

— И не подумаю! Здесь была моя падчерица. Я выследил ее. Что она вам говорила?

— Погода несколько холодна для апреля, — заметил Холмс.

— Что она вам говорила? — крикнул в бешенстве старик.

— Но я слышал, что крокусы уже начинают расцветать, — невозмутимо продолжал Холмс.

— А-а! Вы хотите отделаться от меня, да? — сказал Ройлотт, делая шаг вперед и размахивая хлыстом. — Я знаю вас, негодяй, я наслышался о вас! Вы проныра — Холмс!

Мой друг улыбнулся.

— Смутьян — Холмс!

Улыбка шире расплылась по лицу Холмса.

— Сыщик — Холмс из Скотлэнд-Ярда!

Холмс громко расхохотался.

— Ваш разговор крайне увлекателен, — проговорил он. — Будьте-ка любезны закрыть за собой дверь, когда будете уходить, а то очень сквозит.

— Я уйду, когда скажу то, ради чего пришел. Не смейте вмешиваться в мои дела! Я знаю, что мисс Стонер была здесь. Я следил за ней. Со мною шутки плохи! Так и знайте!

Он сделал шаг к камину, схватил кочергу и согнул ее своими огромными загорелыми ручищами.

— Смотрите, не попадайтесь мне! — проговорил он, швырнув на пол согнутую кочергу, и вышел из комнаты.

— Весьма любезный и привлекательный джентльмен, — сказал Холмс, рассмеявшись. — Конечно, я не могу с ним тягаться объемом, но если бы он не ушел, я показал бы, что немногим уступаю ему в отношении силы.

Он поднял согнутую кочергу и сразу ее выпрямил.

— Надеюсь, что наша милая клиентка не поплатится за свою неосторожность. А теперь, Ватсон, позавтракаем, а затем я пойду навести некоторые справки, которые могут нам помочь в этом деле.

Холмс вернулся в час дня. В руке у него был

лист синей бумаги, весь исписанный заметками и цифрами.

— Я видел завешание его покойной жены, — сказал он. — В момент ее смерти доход с ее капитала достигал 1100 фунтов стерлингов в год, теперь же, в связи с падением цен на сельскохозяйственные продукты, он упал до 750 фунтов. При выходе замуж каждая из дочерей имеет право на 250 фунтов дохода. Ясно, что если бы обе вышли замуж, нашему милому знакомому остались бы крохи. Ему пришлось бы туговато даже в случае выхода замуж одной из падчериц. Я не напрасно потерял утро, так как убедился, что у него есть серьезные основания препятствовать браку падчериц. Медлить нельзя ни минуты, Ватсон, поскольку старик знает, что мы интересуемся этим делом. Если вы свободны, пошлем за кэбом и поедем на вокзал. Захватите, пожалуйста, револьвер: это самый веский аргумент для человека, который умеет гнуть кочергу. Револьвер и зубная щетка — больше нам ничего не нужно.

Мы поспели к самому отходу поезда. Приехав в Лезэргэд, мы наняли экипаж и проехали четыре-пять миль по восхитительной живописной местности. День был чудесный. Солнце ярко сияло. На деревьях и кустах распускались первые зеленые почки; воздух был полон запаха влажной земли. Холмс сидел в глубоком раздумье, сложив руки и надвинув шляпу. Вдруг он поднял голову и, хлопнув меня по плечу, указал на луг.

— Посмотрите! — сказал он.

Густой парк тянулся по склону холма. Из-за ветвей деревьев виднелся очень старый дом.

— Сток-Морэн? — спросил Холмс.

— Да, сэр, это дом доктора Гримсби Ройлотт, — ответил кучер. — Если вам нужно попасть в дом, то ближе будет пройти этой дорогой, а потом тропинкой через поле. Вот там, где идет барышня.

— Это, должно быть, мисс Стонер, — сказал Холмс — Нам, действительно, лучше пройти полем.

Мы расплатились с кучером и вышли из экипажа.

— Пусть этот малый думает, что мы архитекторы и приехали по делу, — сказал Холмс. — Меньше будет болтать лишнего... Здравствуйте, мисс Сто-нер! Мы, как видите, сдержали слово.

Наша клиентка с радостным лицом бросилась нам навстречу.

— Я с нетерпением ждала вас. Все устроилось как нельзя лучше. Доктор Ройлотт уехал в город и, вероятно, не вернется до вечера.

— Мы имели удовольствие познакомиться с доктором. — Холмс в нескольких словах рассказало по-сещении доктора Ройлотт.

Мисс Стонер побледнела, как полотно.

— Боже мой! Значит, он следил за мной.

— Очевидно.

— Он так хитер, что от него никак не укроешься. Что-то он скажет, когда вернется!

— Пусть остерегается! Могут найтись люди похитрее его. На ночь вы должны запереться в своей спальне. Если он будет вам угрожать, мы отправим вас к вашей тетке. А пока что воспользуемся отсутствием Ройлотта, — проведите нас в комнаты, которые мы должны осмотреть.

Дом был построен из серого, поросшего мхом камня. В одном из боковых флигелей окна были заколочены досками; крыша местами обвалилась. Средняя часть дома была в несколько лучшем состоянии. Правый флигель имел совсем жилой вид; на окнах висели шторы, из труб шел голубой дым. У стены высились леса, но не видно было рабочих. Холмс медленно расхаживал по нерасчищенной дорожке и внимательно разглядывал окна.

— Вероятно, это окно комнаты, где вы спали прежде? — спросил он. — Затем посередине окно спальни вашей сестры, а следующее — доктора Ройлотта?

— Совершенно верно. Теперь я сплю в средней комнате.

— Ну да, из-за ремонта. Между прочим, эта стена, кажется, не очень нуждается в ремонте?

— Совсем не нуждается. Я думаю, это просто

предлог, чтобы заставить меня переселиться в другую комнату.

— А! Это наводит на размышления. В этом флигеле есть коридор, куда выходят все три комнаты. Есть там окна?

— Есть, но очень маленькие и слишком узкие, чтобы в них мог пролезть человек.

— Поскольку вы обе запирались на ночь, с этой стороны невозможно было пробраться к вам в комнаты. Будьте любезны, войдите в вашу комнату и закройте ставни.

Мисс Стонер выполнила эту просьбу. Холмс попытался открыть ставни снаружи, но не смог. Не было даже щели, в которую можно было бы просунуть нож, чтобы приподнять болты. Холмс осмотрел через увеличительное стекло все петли: они были без всякого изъяна.

— Гм! — проговорил Холмс, почесывая подбородок, — моя гипотеза не подтверждается. Невозможно пролезть в окно при закрытых ставнях. Ну, посмотрим, не обнаружим ли мы чего-нибудь внутри дома.

Маленькая боковая дверь вела в коридор; в него выходили двери трех спален. Холмс не стал осматривать третью комнату; мы сразу вошли в среднюю, где теперь спала мисс Стонер и где умерла ее сестра. Это была маленькая комната с низким потолком и с камином. В одном углу стоял комод, в другом — узкая кровать, покрытая белым одеялом; налево у окна — туалетный столик; два стула и ковер на полу довершали скромную обстановку комнаты. Карнизы и панель были из темного дерева и такие же старые, как сам дом. Холмс поставил стул в угол и сидел молча, внимательно разглядывая все кругом.

— Куда проведен этот звонок? — спросил он, указывая на толстый шнур, висевший над самой постелью, так что конец его лежал на подушке.

— В комнату экономки.

— Он новее всех остальных вещей в комнате.

— Да, звонок провели года два тому назад.

— Вероятно, ваша сестра просила об этом?

— Нет, она им никогда не пользовалась. Мы привыкли все делать сами.

— Вот как! Значит не к чему было проводить этот звонок? Позвольте мне осмотреть пол.

Он опустилсЯ на пол и стал быстро ползать взад и вперед, внимательно рассматривая через лупу трещины между досками. Он осмотрел также деревянную панель. Затем подошел к кровати и долго на нее смотрел. Наконец он сильно дернул шнур.

— Это игрушка, — проговорил он.

— Как, не звонит? — удивилась мисс Стонер.

— Шнур даже не соединен с проволокой. Это крайне интересно. Видите, он прикреплен наверху к крючку над отверстием вентилятора.

— Как странно! Я никогда этого не замечала.

— Очень странно! — пробормотал Холмс. — В этой комнате, вообще, есть странности. Например, какой дурак устраивал вентилятор! Зачем ставить его между двумя комнатами, когда можно устроить так, чтобы он выходил наружу?

— Вентилятор тоже поставлен не так давно.

— Одновременно со звонком? — спросил Холмс.

— Да, тогда вообще был произведен кое-какой ремонт.

— Крайне интересно! Звонок, который не звонит, вентилятор, который не вентилирует! С вашего позволения, мисс Стонер, мы перейдем теперь в другую комнату.

Спальня доктора Гримсби Ройлотт была больше комнаты мисс Стонер, но убрана была так же просто. Походная кровать, небольшая деревянная этажерка с книгами, преимущественно техническими, кресло у кровати, простой деревянный стул, устены, круглый стол и большой железный шкаф, — вот все, что мы увидели. Холмс медленно обошел комнату, внимательно осматривая вещи.

— Что здесь? — спросил он, постучав по шкафу.

— Деловые бумаги отнима.

— Значит, вы видели, что там находится?

— Только раз, несколько лет тому назад; я помню, что там было очень много бумаг.

— А кошки там нет?

— Нет! Как вам это пришло в голову?

— Посмотрите!

Холмс снял со шкафа стоявшее на нем блюдечко с молоком.

— Нет, у нас нет кошек. Но у нас есть пантера и паavian.

— Ах, да! Конечно, пантера не что иное, как большая кошка, но сомневаюсь, чтобы она довольствовалась блюдечком молока. Мне хочется выяснить одно обстоятельство.

Он присел на корточки перед деревянным стулом и внимательно осмотрел сиденье.

— Благодарю вас. Этого достаточно, — сказал он, поднимаясь и пряча лупу в карман. — Ага! Вот нечто весьма интересное!

Предмет, привлечший внимание Холмса, была связанная петлей плетка, лежавшая на кровати.

— Что вы на это скажете, Ватсон?

— Самая обыкновенная плетка. Не понимаю только, зачем она связана петлей?

— Плетка не совсем обыкновенная. Сколько на свете зла! И хуже всего, когда преступление совершает умный человек. С меня довольно того, что я видел, мисс Стонер. С вашего позволения мы выйдем теперь на лужайку.

Мне никогда не случалось видеть Холмса таким угрюмым и мрачным. Мы несколько раз молча прошлись по дорожке. Наконец, сам Холмс нарушил молчание.

— Мисс Стонер. — сказал он, — необходимо, чтобы вы поступили так, как я вам посоветую.

— Я исполню все.

— Дело слишком серьезное, чтобы можно было колебаться. От вашего согласия зависит, быть может, ваша жизнь.

— Скажите, что я должна сделать?

— Во-первых, мы оба, доктор Ватсон и я, должны провести ночь в вашей комнате.

Мисс Стонер удивленно посмотрела на него.

— Это необходимо. Я объясню вам все. Что

гам за дом через дорогу? Кажется, деревенская гостиница?

— Да. Это «Корона».

— Ваши окна оттуда видны?

— Конечно.

— Когда ваш отчим вернется, скажите, что у вас болит голова, и уйдите в свою комнату. Когда вы услышите, что он пошел спать, откройте ставни, поставьте на окно лампу, — это будет служить сигналом для нас. Заберите все, что вам нужно, и уходите в вашу прежнюю спальню. Остальное предоставьте мне.

— Что же вы сделаете?

— Проведем ночь в вашей комнате и исследуем причину напугавшего вас шума.

— Мне кажется, вы уже составили себе мнение об этом деле, мистер Холмс, — сказала мисс Стонер.

— Может быть.

— Умоляю вас, скажите, от чего умерла моя сестра?

— Я хотел бы сначала иметь более веские улики.

— По крайней мере скажите, верно ли мое предположение, что она умерла от страха?

— Нет, не думаю. Полагаю, что была другая, более осязаемая причина. А теперь, мисс Стонер, мы должны вас покинуть: если доктор Ройлотт вернется и увидит нас здесь, наша поездка окажется совершенно бесполезной. Прощайте! Если вы выполните мои указания, мы скоро избавим вас от угрожающей вам опасности.

Шерлок Холмс нанял для нас две комнаты в гостинице «Корона» в верхнем этаже. Из наших окон были видны ворота и жилой флигель Сток-Морэна.

В сумерки мимо нас проехал доктор Гримсби Ройлотт. Он сидел рядом с мальчиком, правившим лошадей. Мальчик немного замешкался, отворяя ворота, и мы слышали, как доктор кричал хриплым голосом, и видели, как он грозил кулаками. Экипаж въехал в ворота, и через несколько минут в одной из комнат зажгли лампу.

— Знаете, Ватсон, прямо не могу решить, брать ли вас сегодня ночью. Дело это опасное.

— Могу я быть полезен?

— Ваше присутствие было бы незаменимо.

— Ну, так я пойду с вами.

— Очень трогательно с вашей стороны, Ватсон.

— Вы говорите об опасности. Наверное, вы заметили в этой комнате что-нибудь, на что я не обратил внимания?

— Вы видели то же, что я, но я сделал больше выводов.

— Я не видел ничего особенного, кроме шнура от звонка, и не могу себе представить, для чего устроен этот звонок.

— Вентилятор вы тоже заметили?

— Да, но не вижу в этом ничего необычного. Отверстие такое маленькое, что в него с трудом пролезет мышь.

— Я знал, что есть вентилятор, прежде чем мы приехали в Сток-Морэн. Помните, мисс Стонер сказала, что ее сестра слышала запах сигары доктора Ройлотт. Это сразу навело меня на мысль, что между комнатами должно быть какое-нибудь сообщение, — отверстие, конечно, очень маленькое, иначе на него обратил бы внимание следователь. Я решил, что это должен быть вентилятор.

— Так что же в этом особенного?

— По меньшей мере странное совпадение: устраивается вентилятор, вешается шнур, и спящая на кровати девушка умирает.

— Не вижу никакой связи.

— Вас не поразила одна особенность этой кровати?

— Нет.

— Она была привинчена к полу, ее нельзя было отодвинуть, она постоянно находилась в одинаковом положении относительно вентилятора и веревки... приходится так назвать этот шнур... потому что он вовсе не предназначался для звонка.

— Холмс! Я смутно догадываюсь, на что вы намекаете. Мы успели как раз во-время, чтобы пред-

отвратить какое-то ужасное, тонко задуманное преступление.

— Да, ужасное и тонко задуманное. Если врач идет на злодеяние, то нет более опасного преступника. Но, я думаю, нам удастся его перехитрить. Сегодня ночью нам предстоит увидеть много ужасного. Так покурим спокойно и подумаем о более геселых вещах.

Около девяти часов в доме стало совершенно темно. Время тянулось медленно. Когда пробило одиннадцать, прямо перед нами вспыхнул яркий свет.

— Это сигнал! — сказал Холмс, вскакивая на ноги.

Выходя из гостиницы, он сказал хозяину, что мы идем к знакомому и, может быть, у него заночуем.

Через минуту мы уже шли по дороге; холодный ветер дул нам прямо в лицо, и только желтый свет в окне указывал нам путь.

Проникнуть в парк было нетрудно, так как окружавшая его стена местами была разрушена. Пробираясь между деревьями, мы дошли до лужайки, пересекли ее и только собирались влезть в окно, как из-за группы лавровых кустов выскочило какое-то существо, похожее на отвратительного, уродливого ребенка; оно, корчась, бросилось на траву, быстро перебежало лужайку и исчезло в темноте.

Холмс тихо рассмеялся и сказал мне на ухо:

— Миленький дом! Это павиан. Я совсем забыл о любимцах доктора Ройлотт. Может быть, и пантера скоро прыгнет нам на плечи.

Я почувствовал облегчение, когда, сняв по примеру Холмса сапоги, влез вслед за ним в спальню. Холмс бесшумно закрыл ставни, перенес лампу на стол и окинул взглядом комнату. Затем, осторожно пробравшись ко мне, он приложил руку ко рту и едва слышно прошептал:

— Малейший шум разрушит наши планы.

Я утвердительно кивнул.

— Нам придется сидеть в темноте. Он заметил бы свет через вентилятор.

Я снова кивнул.

— Смотрите, не засните; от этого может зависеть ваша жизнь. Я сяду на кровать, а вы садитесь в кресло.

Я достал свой револьвер и положил на край стола.

Холмс захватил с собой длинную тонкую трость, коробок спичек и огарок свечи; все это он положил рядом с собой на кровать.

Затем он загасил лампу, и мы остались в темноте.

Как забыть эту ужасную ночь? Я не слышал ни звука, не слышал даже дыхания; и все же я знал, что Холмс сидит с открытыми глазами на расстоянии нескольких футов от меня. Порою из сада доносился крик ночной птицы, а раз под самым нашим окном я услышал какой-то вой, напоминавший мяуканье кошки. Очевидно, пантера разгуливала на свободе. Каждые четверть часа издали доносился звон колокола. Двенадцать часов... час... два часа... три, а мы все сидели в безмолвном ожидании.

Внезапно луч света мелькнул у вентилятора и мгновенно исчез; вслед за этим я почувствовал запах гарного масла и нагретого металла. В соседней комнате кто-то зажег потайной фонарь. Послышался легкий шорох, и затем все снова погрузилось в темноту, только запах гарного масла становился сильнее.

Полчаса я сидел, тщетно напрягая слух; но вот послышался другой звук, — очень легкий, шуршащий, напоминавший шум небольшой струи пара, вырывающейся из котла. Как только раздался этот звук, Холмс вскочил с кровати, чиркнул спичку и стал неистово колотить тростью по шнуру звонка.

— Вы видите ее, Ватсон? Вы видите?

Но я ничего не видел. В момент, когда Холмс зажег спичку, я услышал тихий отчетливый свист, но свет ослепил меня, и я не мог разглядеть предмета, по которому мой друг так неистово колотил тростью. Однако, я заметил на его мертвенно бледном лице выражение ужаса и отвращения.

Он перестал бить тростью и внимательно смотрел на вентилятор, когда внезапно среди молчания ночи раздался жуткий крик, хриплый вопль боли, страха и злобы. Нам после говорили, что этот крик разбудил всех в деревне и даже в отдаленном доме приходского священника. Похолодев от ужаса, мы смотрели друг на друга, пока не затихли последние стоны и не наступила мертвая тишина.

— Что это значит? — прошептал я.

— Это значит, что все кончено, — ответил Холмс. — И, в конце концов, это, пожалуй, к лучшему. Возьмите свой револьвер. Мы войдем в комнату доктора Ройлотт.

Он зажег лампу, и мы пошли по коридору. Холмс дважды постучал в дверь, но никто не ответил. Тогда он нажал дверную ручку и вошел, я за ним следом с револьвером в руке...

Странное зрелище представилось нашим глазам. На столе стоял потайной фонарь; через полузакрытую дверцу его вырывался яркий луч света, падавший на железный сейф, открытый настежь. У стола, на деревянном стуле сидел доктор Гримсби Ройлотт; на нем был длинный серый халат, из-под которого выглядывали голые ноги в мягких красных шлепанцах. На коленях у него лежала короткая палка с длинным бичем; ее мы видели днем. Голова Ройлотта была запрокинута, а глаза устремлены в угол потолка. Лоб его был повязан странной желтой лентой с коричневыми пятнами. Когда мы вошли, Ройлотт не пошевелинулся и не издал ни звука.

— Лента! Пестрая лента! — прошептал Холмс.

Я сделал шаг. Мгновенно эта странная повязка начала двигаться, и из волос поднялась граненая голова и шея отвратительной змеи.

— Это болотная гадюка! — воскликнул Холмс. — Самая ядовитая змея Индии. Он умер через десять секунд после укуса. Поистине, тот, кто роет другому яму, сам в нее попадает. Засадим это существо в его логово, а затем позаботимся о надежном пристанище для мисс Стонер и дадим знать о случившемся местной полиции.

Холмс осторожно взял плетку с колен мертвеца; накинув петлю на шею змеи, он снял гадюку с головы Ройлотта и, держа палку в вытянутой руке, бросил змею в сейф, который моментально захлопнул.

Так умер доктор Гримсби Ройлотт из Сток-Морэна.

Утренним поездом мы отвезли мисс Стонер к тетке. Официальное следствие установило, что доктор погиб из-за неосторожного обращения с гадюкой. Остальное мне рассказал Шерлок Холмс на обратном пути из Сток-Морэна.

— Я пришел было к совсем ложному выводу. Видите, дорогой Ватсон, как опасно строить гипотезы, не имея достаточных данных! Присутствие цыган возле дома и слово «лента», сказанное несчастной девушкой, навели меня на ложный след. Очевидно, когда она зажгла спичку, она успела разглядеть что-то пестрое и приняла это за ленту. Но я отказался от своего предположения, когда убедился, что обитателю средней комнаты опасность не может угрожать ни со стороны окна, ни со стороны двери. Вентилятор и шнур звонка сразу же привлекли мое внимание. Обнаружив, что звонок не звонит, а кровать привинчена к полу, я заподозрил, что шнур служит мостиком для чего-то, что проходит через вентилятор и попадает на кровать. Мне сразу же пришла в голову мысль о змее.

Я вспомнил, что доктор привез из Индии всяких зверей и гадов. Мысль использовать яд, недоступный химическому анализу, легко могла родиться в мозгу такого умного и бессердечного человека, долго жившего на Востоке. Быстрота действия яда гадюки представляла большое преимущество. Только очень проницательный следователь мог бы заметить две маленькие черные точки на месте укуса. Потом я вспомнил свист. Конечно, Ройлотт должен был звать змею назад до рассвета, чтобы ее не увидели. Вероятно, он приучил ее возвращаться по зову, давая ей молоко. Он выпускал змею через вентилятор и был уверен, что она спустится по шнуру на кровать. Змея могла укусить или не укусить девушку; но раньше или позже мисс Стонер должна была по-

гибнуть. Я пришел к этим выводам еще раньше, чем вошел в комнату Ройлотта. Осмотрев его стул, я убедился, что он часто становится на него, очевидно, с целью достать до вентилятора. Шкаф, блюдечко с молоком и плетка с петлей окончательно убедили меня в моем предположении. Металлический звук, который слышала мисс Стонер, очевидно, раздался в момент, когда отчим захлопнул дверцу своего шкафа.

Придя к этим выводам, я принял меры, чтобы убедиться в их правильности. Когда я услышал шипение змеи, я зажег спичку и напал на нее.

— И прогнали ее обратно через вентилятор?

— Да, и кроме того я заставил ее напасть на своего хозяина. Удары моей трости привели ее в ярость, и она бросилась на первого попавшегося ей человека. Таким образом, я косвенно виноват в смерти доктора Ройлотт, но не скажу, чтобы я испытывал угрызения совести.

АРИСТОКРАТИЧЕСКИЙ ХОЛОСТЯК

Свадьба лорда Сен-Симон, так странно закончившаяся, уже давно перестала интересовать высшие круги, в которых вращается незадачливый жених. Однако я думаю, что широкая публика не знает всей правды, а поскольку честь выяснения этого дела принадлежит Шерлок Холмсу, я считаю своим долгом пополнить записки с моим другом кратким описанием этого занятного происшествия.

Случилось это за несколько дней до моей собственной женитьбы, когда я еще жил вместе с Холмсом на Бэкер-стрит. Однажды в дождливый осенний день в отсутствие Холмса доставили адресованное ему письмо. Пересмотрев кучу газет, я отложил их в сторону и принялся разглядывать огромный герб и монограмму на конверте.

Когда мой друг вернулся, я указал ему на письмо.

— Вас ждет весьма элегантно послание. Утренней почтой вы получили, если не ошибаюсь, письмо от сторожа пристани и от рыботорговца.

— Да, — ответил он, улыбаясь, — моя корреспонденция стличается большим разнообразием. Обычно, чем скромнее отправитель, тем интереснее письмо. Этот конверт не сулит ничего увлекательного.

Он взломал печать и пробежал глазами письмо.

— О! На этот раз я ошибся. Дело может оказаться интересным.

— Аристократический клиент?

— Один из аристократичнейших в Англии.

— Поздравляю вас.

— Уверю вас, Ватсон, что общественное положение моих клиентов очень мало меня трогает. Но это новое дело может оказаться занятным. Вы за последнее время внимательно следили за газетами?

— Как будто внимательно, — ответил я, указывая на внушительную кипу в углу.

— Это очень хорошо, потому что вы, быть-может, сумеете мне помочь. Ведь я ничего не читаю, кроме хроники преступлений и объявлений о смерти. Это письмо от лорда Сен-Симон. Я прочитаю его вам, а вы за это должны пересмотреть газеты и рассказать мне все, что относится к лорду Сен-Симон и к его свадьбе. Вот что он пишет:

«Уважаемый мистер Шерлок Холмс, лорд Бэкуотер сказал мне, что я могу вполне положиться на вашу опытность и на вашу дискретность. Поэтому я решил обратиться к вам за советом по поводу весьма прискорбного происшествия, связанного с моей свадьбой. Мистер Лестрэд из Скотленд-Ярда уже занимается расследованием этого дела, но он не возражает против вашего сотрудничества и даже считает его целесообразным. Я зайду к вам сегодня в четыре часа. Надеюсь, что вы отложите другие дела, назначенные на этот час, так как вопрос, по которому я к вам обращаюсь, чрезвычайно серьезен.

С уважением Роберт Сен-Симон».

— Письмо отправлено из замка Гросвенор, написано гусиным пером, и благородный лорд испачкал чернилами наружную сторону правого мизинца, — заметил Холмс, прочитав письмо.

— Он пишет, что будет у вас в четыре часа. Сейчас три. Он приедет через час.

— Значит, у меня как раз хватит времени, чтобы ознакомиться с этим делом. Просмотрите газеты

и расположите заметки в хронологическом порядке, а я тем временем посмотрю, что представляет собою наш клиент.

Холмс достал с полки возле камина книгу в красном переплете.

— Вот он — «Роберт Вальзингэм де Вере Сен-Симон, второй сын герцога Бальмораль», — ого! «Родился в 1846 году». Ему сорок один год, — самое время жениться. «Был вторым секретарем по делам колоний. Герцог, его отец, одно время был секретарем по иностранным делам. Потомки Плантагенетов¹ по прямой линии и Тюдоровы² по женской линии». А-а! Это все не имеет отношения к делу. Я думаю, что ваша информация окажется полезнее.

— Мне очень легко найти то, что вам нужно, — сказал я, — так как это произошло совсем недавно, и дело показалось мне весьма необычным. Вот первая заметка в «Morning Post», помещенная всего несколько недель тому назад. — «В недалеком будущем состоится свадьба лорда Роберта Сен-Симон, второго сына герцога Бальмораль, и мисс Хетти Доран, единственной дочери Алоизиуса Доран из Сан-Франциско, Калифорния, США». Вот и все.

— Коротко и ясно, — проговорил Холмс, протягивая к огню свои тонкие длинные ноги.

— На той же неделе в одной из светских газет была заметка по этому же поводу. Вот она: «Скоро потребуются издание закона об охранительных пошлинах для нашего брачного рынка, так как принципы свободной торговли очень не выгодны для нашего отечественного производства. Судьба благороднейших родов Великобритании все чаще переходит в руки наших прелестных заатлантических кузин. Список призов, завоеванных этими очаровательными захватчицами, увеличился за последнюю неделю: лорд Сен-Симон, которого в продолжение двадцати лет все считали противником женщин, в ближайшее

¹ Плантагенеты — династия английских королей, правившая с середины XII века до конца XIV

² Тюдоры — династия английских королей, правивших в 1485—1603 гг.

время вступит в брак с мисс Хетти Доран, очаровательной дочерью калифорнийского миллионера. Мисс Доран — единственная дочь и, по слухам, сумма ее приданого выражается семизначной цифрой. Известно, что герцог Бальмораль вынужден был за последние годы продать свою картинную галерею, и что лорд Сен-Симон владеет всего небольшим поместьем Бирчмур; поэтому не только калифорнийская наследница выиграет от этого союза, который даст ей возможность превратиться из республиканки в титулованную особу».

— Есть еще что-нибудь? — спросил Холмс, зевая.

— О, да, и очень много. Есть заметка в «Morning Post». Сообщается, что венчание произойдет в церкви св. Георга, Гановер-сквер, что приглашены лишь самые близкие друзья, которые после венчания поедут в дом, нанятый мистером Алоизиусом Доран. Двумя днями позже, то есть в прошлую среду, появилось краткое сообщение о том, что венчание состоялось, и что молодые проведут медовый месяц в поместье лорда Бэкуотер, около Питерсфильда. Вот и все, что напечатано в газетах до исчезновения невесты.

— Когда же она исчезла?

— За завтраком после венчания.

— Вот юно что! Это интереснее, чем я ожидал. Действительно, весьма драматично.

— Да, меня это тоже поразило.

— Они часто исчезают до венчания, а изредка — во время медового месяца. Но я не могу припомнить ни одного случая, когда бы это произошло так молниеносно. Сообщите мне, пожалуйста, подробности.

— Предупреждаю вас, что они весьма неполные. Они изложены в статье вчерашнего номера утренней газеты. Статья озаглавлена: «Странное происшествие на великосветской свадьбе».

«Семья лорда Роберта Сен-Симон весьма опечалена странным и тяжелым происшествием, связанным с его свадьбой. Венчание состоялось утром в церкви св. Георгия, Гановер-сквер, причем присутствовали только отец невесты, Алоизиус Доран, герцогиня Бальмораль, лорд Бэкуотер, лорд Эустес и лэди

Клара Сен-Симон (младший брат и сестра жениха) и лэди Алисия Витингтон. После венчания все последовали в дом мистера Алоизиуса Доран, в Ланкастер-гет, где был сервирован завтрак. Повидимому, некоторое замешательство было вызвано неизвестной женщиной, пытавшейся проникнуть в дом и утверждавшей, что она имеет какие-то права на лорда Сен-Симон. После тяжелой сцены она была изгнана дворецким и грумом. Невеста, к счастью вошедшая в дом до этого неприятного происшествия, села к столу с остальными, но внезапно почувствовала себя плохо и удалилась в свою комнату. Ее продолжительное отсутствие заставило мистера Доран последовать за нею; но от ее горничной он узнал, что она только на минуту зашла в свою комнату, взяла дорожное пальто и шляпу и поспешно сошла вниз. Один из грумов заявил, что видел, как дама, одетая в пальто и шляпу, вышла из дому, но не поверил, что это может быть мисс Хетти, так как думал, что она с гостями. Убедившись, что его дочь исчезла, мистер Алоизиус Доран и жених немедленно заявили в полицию; были начаты весьма энергичные розыски. Однако, до вчерашнего вечера не удалось обнаружить местопребывание пропавшей леди. Говорят, что полиция арестовала женщину, ворвавшуюся в дом, считая ее причастной к исчезновению невесты».

— И это все?

— Еще одна маленькая заметка в другой утренней газете.

— А именно?

— Сообщается, что мисс Флора Милляр, устроившая скандал, была действительно арестована. Оказалось, что она танцовщица и в течение нескольких лет встречалась с лордом Сен-Симон. Теперь вам известно все, что сообщалось об этом деле в газетах.

— Это весьма интересный случай. Я очень рад, что мне предстоит его расследовать. Но слышите, Ватсон, звонят, а так как уже несколько минут пятого, я не сомневаюсь, что это наш аристократический клиент. Не уходите, Ватсон, **вы можете быть** мне очень полезны.

— Лорд Роберт Сен-Симон, — доложил наш мальчик-слуга, открывая дверь.

Вошел джентльмен с приятным интеллигентным лицом, с несколько капризным выражением рта и открытым твердым взглядом человека, на долю которого выпал приятный жребий всегда приказывать.

Несмотря на легкость движений, он казался старше своих лет, так как слегка сутулился, и в его походке было что-то стариковское. Его волосы тоже начинали седеть на висках и редеть на макушке. Одет он был чрезвычайно изысканно: высокий крахмальный воротничок, черный сюртук, белый жилет, желтые перчатки и светлые гетры. Он медленно вошел в комнату, поворачивая голову то вправо, то влево, и играя цепочкой золотого пенснэ.

— Добрый день, лорд Сен-Симон, — сказал Холмс, вставая и кланяясь. — Прошу вас сесть в это кресло. Это мой друг и коллега, доктор Ватсон. Подвиньтесь поближе к огню, и мы переговорим о вашем деле.

— Это весьма тягостное для меня происшествие, мистер Холмс, и весьма неожиданное. Я знаю, сэр, что вам не раз приходилось расследовать щекотливые дела такого рода; однако полагаю, что они вряд ли происходили в том обществе, к какому я принадлежу.

— Да, вы правы, я спускаюсь...

— Простите?..

— Последним моим клиентом по такого рода делу был король.

— О-о! Я понятия об этом не имел. Какой король?

— Скандинавский король.

— Что вы говорите! Он потерял жену?

— Вы не должны быть в претензии, — медовым голосом сказал Холмс, — если в отношении дел других клиентов я соблюдаю такую же дискретность, какую обещаю вам.

— О-о, конечно! Совершенно верно! Совершенно верно! Извините меня. Что касается моего дела,

я готов дать вам любые сведения, которые помогут вам разобраться в случившемся.

— Благодарю вас. Я знаю лишь то, что попало в газеты. Больше ничего. Полагаю, что я могу считать изложение фактов соответствующим действительности, — хотя бы, например, в этой заметке об исчезновении невесты.

Лорд Сен-Симон взглянул на заметку: — Да, это более или менее верно.

— Но, прежде чем высказать свое мнение, я должен получить ряд дополнительных данных. Для этого мне лучше всего задать вам несколько вопросов.

— Пожалуйста!

— Когда вы впервые встретились с мисс Хетти Торан?

— В Сан-Франциско, год тому назад.

— Вы путешествовали по Соединенным Штатам?

— Да.

— Вы обручились тогда же?

— Нет.

— Но вы подружились с ней?

— Меня забавляло ее общество, и она это знала.

— Ее отец очень богат?

— Его считают самым богатым человеком на побережье Тихого океана.

— А каким путем он разбогател?

— На разработке золотых приисков. Еще несколько лет тому назад он был бедняком. Затем он нашел золото и быстро разбогател.

— Ну, а что вы скажете о его дочери, вашей жене?

Лорд Сен-Симон стал быстрее раскачивать цепочку пенснэ и уставился на пылавший в камине огонь.

— Видите ли, мистер Холмс, — произнес он, — моей жене было больше двадцати лет, когда ее отец разбогател. До того времени она свободно бегала по прииску, бродила по лесам или горам, поэтому воспитание ее было предоставлено природе, а не школьным учителям. Она то, что называется — сор-

ванец, — своевольная, дикая, не связанная никакими традициями. Она вулканична. Она быстро решается и бесстрашно приводит в исполнение задуманное. С другой стороны, я не дал бы ей имени, которое имею честь носить, — он слегка откашлялся, — если бы не считал, что под всем этим кроется благородная натура. Я верю, что она способна на самопожертвование и никогда не совершила бы бесчестного поступка.

— У вас есть ее фотография?

— Я захватил ее. — Он открыл медальон и показал портрет очаровательной женщины. Это была не фотография, а миниатюра на слоновой кости. Художник сумел передать прелесть блестящих черных волос, темных больших глаз и нежных губ. Холмс долго и внимательно смотрел на портрет. Затем он закрыл медальон и возвратил его лорду Сен-Симон.

— Значит, мисс Хетти приехала в Лондон, и вы возобновили знакомство с нею?

— Да, отец привез ее в Лондон на последний сезон. Я встречался с нею несколько раз, обручился, и мы поженились.

— Полагаю, она получила большое приданое?

— Довольно большое. Впрочем, не больше того, что принято в нашей семье.

— И приданое, конечно, остается вам, поскольку бракосочетание состоялось?

— Право, я не наводил справок по этому вопросу.

— Вы виделись с мисс Доран накануне свадьбы?

— Да.

— Она была в хорошем настроении?

— В превосходном настроении. Она все время говорила о том, как мы устроим нашу совместную жизнь.

— Интересно! Это очень интересно! А утром перед венчаньем?

— Она была очень весела... во всяком случае, до брачной церемонии...

— Вы заметили в ней какую-нибудь перемену во время венчания?

— Откровенно говоря, тут я впервые заметил, что она может быть резка. Однако, не стоит рассказывать о такой мелочи, которая к тому же не имеет никакого отношения к делу.

— Все же я прошу вас рассказать.

— О, это ребячество! Когда мы шли от алтаря, она уронила свой букет. В этот момент она проходила мимо передней скамьи, и букет упал на колени какого-то джентльмена; произошла заминка, но джентльмен подал ей букет, который ничуть не пострадал. Однако, когда я заговорил с ней об этом, она очень резко мне ответила; когда мы возвращались в карете, она была до нелепого взволнована из-за этого пустяка.

— Вот как! Вы говорили, что на скамье сидел джентльмен. Значит, в церкви были посторонние?

— О, да! Этого нельзя избежать, раз церковь открыта.

— Этот джентльмен не был каким-нибудь знакомым вашей жены?

— Нет! нет! Я из деликатности называю его джентльменом, но это был человек совершенно простого вида. Я его даже не разглядел. Право, мне кажется, что мы уклоняемся от предмета нашей беседы.

— Итак, лэди Сен-Симон возвратилась из церкви не в столь хорошем настроении, в каком была до венчания. Что она делала по возвращении в дом отца?

— Я видел, что она разговаривала со своей горничной.

— Кто эта горничная?

— Ее зовут Алиса. Она американка и приехала из Калифорнии вместе со своей госпожей.

— Повидимому, эта служанка пользуется доверием?

— Большим, чем следует. Мне казалось, что мисс Хетти допускает слишком большую фамильярность. Впрочем, в Америке иначе смотрят на эти вещи.

— Ваша жена долго говорила с Алисой?

— Всего несколько минут. Я не помню в точности.

— Вы слышали, о чем они говорили?

— Лэди Сен-Симон что-то сказала насчет «захвата чужой заявки». Она привыкла к такому жаргону. Я понятия не имею, что это значит.

— Иногда американский жаргон очень выразителен. Что сделала ваша жена после разговора со своей горничной?

— Она вошла в столовую.

— Под руку с вами?

— Нет, одна. Она проявляла большую независимость в таких вопросах. Затем, минут через десять, она поспешно встала, пробормотала какие-то извинения и покинула комнату. Больше я ее не видел.

— Но, насколько мне известно, горничная Алиса показала, что лэди Сен-Симон вошла в свою комнату, накинула поверх своего венчального платья дорожное пальто, надела шляпу и вышла?

— Совершенно верно. После этого ее видели в Гайд-парке в обществе Флоры Милляр, устроившей в то утро скандал в доме мистера Доран и в настоящее время арестованной.

— А, да! Я бы хотел кое-что узнать об этой молодой женщине и о ваших отношениях с ней.

Лорд Сен-Симон пожал плечами и поднял брови.

— Мы с ней были дружны в продолжение нескольких лет, были даже очень дружны. Она танцевала в театре. Я баловал ее, и она не имеет основания на меня жаловаться. Но ведь вы знаете женщин, мистер Холмс? Флора была восхитительно мила, но слишком порывиста и безумно привязана ко мне. Когда она услышала, что я собираюсь жениться, она стала писать мне ужасные письма. Откровенно говоря, я настаивал на том, чтобы свадьба была без всякой помпы, опасаясь, как бы Флора не устроила скандала в церкви. Она явилась в дом мистера Доран как раз после нашего возвращения из церкви и пыталась войти; при этом она ругала мою жену и даже грозила ей. Но я предвидел возможность

появления Флоры и дал соответствующие инструкции слугам, которые скоро выставили ее за дверь.

— Ваша жена слышала все это?

— Нет, слава богу, она этого не слышала.

— Вашу жену видели позже в обществе этой самой женщины?

— Да. Как раз это и кажется зловещим мистеру Лестрэд из Скотленд-Ярда. Полагают, что Флора заманила мою жену в какую-нибудь ловушку.

— Что ж, это вполне возможно.

— Вы тоже это думаете?

— Я сказал, что это возможно, но не говорю, что это вероятно. А вы сами считаете это правдоподобным?

— Я думаю, что Флора неспособна причинить вреда даже мухе.

— Все же ревность может толкнуть человека на что угодно. Как же вы объясняете то, что произошло?

— Право же, мистер Холмс, я пришел к вам, чтобы услышать от вас объяснение, а не для того, чтобы высказывать вам свои предположения. Я изложил вам все факты. Но поскольку вы спрашиваете мое мнение, я не скрою его. Мне представляется, что блеск нового для нее титула вызвал у моей жены небольшое нервное расстройство.

— Короче говоря, вы думаете, что она сошла с ума?

— Право же, когда я представляю себе, что она отвернулась... не скажу от меня, но от того, чего многие так безуспешно добивались, я не могу найти другого объяснения.

— Что же, конечно, можно допустить и такую гипотезу, — сказал Холмс, улыбаясь. — Я думаю, лорд Сен-Симон, что теперь у меня есть почти все нужные мне данные. Разрешите мне спросить вас, сидели ли вы за столом так, что могли видеть все, происходящее на улице?

— Мы могли видеть противоположную сторону дороги и парк.

— Отлично. В таком случае, мне незачем вас дольше задерживать. Я напишу вам.

— Если бы вам удалось разгадать эту тайну! — сказал наш посетитель, вставая.

— Я ее разгадал!

— Как! Что же это значит?

— Я говорю вам, что решил задачу.

— Где же моя жена?

— Это подробность, которую я быстро сумею выяснить.

Лорд Сен-Симон покачал головой: — Боюсь, что для этого потребуется голова получше вашей и моей, — заметил он и, важно поклонившись, вышел из комнаты.

— Лорд Сен-Симон оказал мне большую честь, поставив мою голову на один уровень со своей собственной, — смеясь проговорил Холмс. — Я сделал свои выводы прежде, чем наш клиент переступил порог этой комнаты.

— Вы шутите, Холмс!

— Я знаю много подобных случаев. Опрос лорда Сен-Симон обратил мое предположение в уверенность. Но вот и Лестрэд! Добрый день, Лестрэд!

Официальный агент Скотленд-Ярда был облачен в костюм горохового цвета. Он держал в руках черный саквояж. Ответив на приветствие, Лестрэд уселся и закурил предложенную ему сигару.

— Что случилось? — спросил Холмс с лукавым огоньком в глазах. — У вас недовольный вид.

— Да, я очень недоволен. Все из-за этого проклятого дела с женитьбой лорда Сен-Симон. Я никак не могу найти в нем концов.

— Неужели? Я удивляюсь.

— Слышал ли кто-нибудь о таком запутанном деле? Все нити ускользают у меня из рук. Я проводил целый день.

— И, кажется, здорово промокли, — заметил Холмс, коснувшись рукава Лестрэда.

— Ну да, я обыскивал багром пруд Серпантин.

— Бог ты мой! Чего ради?

— Я искал тело лэди Сен-Симон.

Шерлок откинулся в кресле и весело расхохотался.

— А вы обыскали бассейн фонтана на Трафальгар-сквере?

— Зачем? Что вы хотите сказать?

— Шансы найти тело лэди совершенно одинаковы, где бы вы его ни искали.

Лестрэд сердито посмотрел на моего друга.

— Кажется, вы уже успели все разузнать, — проговорил он.

— Я только что услышал об этом деле, но у меня уже сложилось определенное представление.

— О-о! Значит, вы думаете, что пруд Серпантин не играет никакой роли?

— Скорее всего, что пруд Серпантин тут не при чем.

— В таком случае, будьте любезны объяснить мне, каким образом это оказалось в пруду? — Он открыл свой саквояж и бросил на пол свадебное платье, пару белых атласных туфель, миртовый венок и вуаль.

— Полюбуйтесь! — сказал он, кладя на эту грудю новенькое обручальное кольцо, — вот орешек, который я вам предлагаю раскусить, мистер Холмс.

— Ого! — сказал мой друг, пуская в воздух голубое кольцо дыма. — Вы вытащили все это из пруда?

— Нет, все эти вещи нашел сторож парка у самого берега пруда; было установлено, что это вещи лэди Сен-Симон, и мне казалось, поскольку вещи здесь, то и тело должно быть поблизости.

— Следуя этому блестящему рассуждению, надо полагать, что тело человека должно находиться около его платяного шкафа. И затем объясните мне, что вы этим хотели доказать?

— Виновность Флоры Милляр в исчезновении лэди Сен-Симон.

— Боюсь, что это вам не удастся.

— Вот как! — воскликнул не без горечи Лестрэд. — А я боюсь, Холмс, что ваши дедукции и заключения практически бесцельны. За две ми-

нуты вы сказали две нелепости. Это платье служит веской уликой против Флоры Милляр.

— Почему?

— В платье есть карман, в кармане бумажник. В бумажнике есть записка. Вот она. — Он положил ее перед собою на стол. — Послушайте: «Вы увидите меня, когда все будет готово. Выйдите сразу. Ф.Х.М.».

— Я с самого начала считал, что Флора Милляр заманила лэди Сен-Симон, и что она, вместе со своим сообщником, виновна в исчезновении лэди. Доказательством служит эта записка с инициалами, которую Флора Милляр тихонько сунула в руку новобрачной, чтобы заманить ее в западню.

— Ха! Отлично, Лестрэд, — сказал Холмс, — вы положительно молодец. Покажите-ка мне!

Холмс с безразличным видом взял записку, но она сразу же заинтересовала его. — А вот это, действительно, очень важно! — сказал он.

— Вы это находите?

— Чрезвычайно важно! Я вас искренне поздравляю.

Лестрэд встал с гордым видом и наклонился над запиской. — Да ведь вы читаете не с той стороны! — воскликнул он.

— Нет, с той, с какой нужно.

— С какой нужно? Да вы с ума сошли! Вот написанная карандашом записка.

— А вот обрывок счета гостиницы, который меня чрезвычайно интересует.

— Здесь ничего нет интересного. Я уже смотрел, — сказал Лестрэд: «4 окт. комнаты — 8 шиллингов, завтрак — 2 шиллинга 6 пенсов, коктейль — 1 шиллинг, завтрак — 2 шиллинга 6 пенсов, стакан черри — 8 пенсов». Не вижу в этом ничего существенного.

— Возможно. И все же это чрезвычайно важно. Что касается самой записки, то она тоже имеет большое значение, и уж во всяком случае, большое значение имеют инициалы. Так что я вас от души поздравляю, Лестрэд!

— Ну, я достаточно потерял времени на болтовню, — сказал Лестрэд, вставая. — Я верю в упорный труд, а не в философствование у камелька. Добрый день, мистер Холмс, и мы еще посмотрим, кто из нас первый разберется в этом деле. — Он собрал свои трофеи, сложил их в саквояж и направился к двери.

— Один небольшой намек, Лестрэд, — медленно проговорил ему вдогонку Холмс. — Я укажу вам ключ к пониманию всего этого дела. Лэди Сен-Симон — это миф. Таковой нет и никогда не было.

Лестрэд печально посмотрел на моего друга. Затем он повернулся ко мне, трижды постучал пальцем по лбу, торжественно покачал головой и поспешно вышел из комнаты.

Только он успел закрыть за собою дверь, как Холмс встал и одел пальто.

— Есть зерно истины в том, что этот тип сказал о работе вне дома, — заметил он, — поэтому, Ватсон, я ненадолго оставлю вас с вашими газетами.

Шерлок Холмс покинул меня после пяти часов, но я не имел времени соскучиться: через час явился рассыльный с очень большой плоской коробкой. Он распаковал ее с помощью мальчика, которого привел с собой. К моему великому изумлению на нашем скромном столе красного дерева появился изысканный холодный ужин и несколько бутылок старого вина. Разложив все эти роскошные яства, мои посетители исчезли, как гении Арабских ночей,³ без всяких объяснений.

Около девяти часов Шерлок Холмс быстро вошел в комнату. У него было сосредоточенное лицо, но в глазах горел огонек, говоривший о том, что его выводы оправдались.

— А-а! Они накрыли к ужину, — проговорил он, потирая руки.

— Вы, кажется, ждете гостей? Они накрыли на четверых.

— Да, я думаю, что к нам могут зайти, — сказал

³ Арабские ночи — то же, что Арабские сказки.

он. — Я удивляюсь, что лорд Сен-Симон еще не явился. А-а! Кажется, я слышу его шаги на лестнице.

Это, действительно, был наш утренний клиент. Он еще энергичнее раскачивал цепочку от пенсне, и его аристократические черты выражали крайнее волнение.

— Мой рассыльный вас застал? — спросил Холмс.

— Да, и признаюсь, что ваше сообщение поразило меня сверх всякой меры. У вас есть доказательство того, что вы утверждаете?

— Неопровержимые.

Лорд Сен-Симон опустился в кресло и провел рукой по лбу.

— Что скажет герцог, — пробормотал он, — когда узнает, что один из членов его семьи подвергся такому унижению?

— Это чистейшая катастрофа. Я не считаю, чтобы в этом было что-либо унижительное.

— А! Вы смотрите на эти вещи с другой точки зрения.

— Я не вижу, кого здесь можно порицать. Что оставалось делать лэди Хетти? Хотя, конечно, приходится пожалеть о неуместной резкости ее действий. Не имея матери, она не знала, к кому обратиться за советом.

— Это было оскорбление, сэр, публичное оскорбление, — сказал лорд Сен-Симон, стуча пальцами по столу.

— Вы должны снисходительно отнестись к бедной девушке, оказавшейся в таком исключительном положении.

— Никакого снисхождения! Я просто взбешен. Со мною обошлись безобразно!

— Я, кажется, слышу звонок, — сказал Холмс. — Да, шаги на лестнице. Если я не могу убедить вас, лорд Сен-Симон, то, может быть, это удастся сделать приглашенному мною адвокату. — Он открыл дверь и впустил даму и джентльмена. — Лорд Сен-Симон, — сказал он, — позвольте представить вас мистеру и миссис Френсис Хей Моультон. С дамою вы, кажется, знакомы,

При виде вошедших наш клиент вскочил с кресла. Он стоял на вытяжку, опустив глаза и заложив руку за борт сюртука, с видом оскорбленного достоинства. Молодая женщина быстро сделала шаг вперед, протянула ему руку, но он не шевельнулся и не поднял глаз.

— Вы сердитесь, Роберт? — сказала она. — Я согласна, что вы имеете основание сердиться.

— Пожалуйста, не извиняйтесь передо мной, — с горечью проговорил лорд Сен-Симон.

— О, я сознаю, что дурно с вами обошлась и что мне следовало поговорить с вами перед уходом. Но с момента, когда я снова увидела Франка, я совершенно не соображала, что я делаю или что говорю. Удивительно, как я не упала в обморок перед самым алтарем.

— Быть может, миссис Моультон, вы желаете, чтобы мы с моим другом покинули комнату на время вашего объяснения с лордом Сен-Симон?

— Если мне позволено высказать свое мнение, — заметил спутник Хетти, — то я скажу, что и без того слишком много тайны вокруг всего этого дела. Что касается меня, я хотел бы перед всей Европой и Америкой заявить о своих правах.

Это был невысокий, крепкий, загорелый человек, с умным лицом и быстрыми движениями.

— Пусть будет по-твоему, я расскажу все, — сказала Хетти. — Мы встретились с Франком в 1884 году на прииске у Скалистых гор, где отец промывал золото. Мы были обручены, Франк и я. Но однажды отец нашел жилу и разбогател, а бедному Франку попадалась только пустая порода. Чем богаче становился папа, тем беднее становился Франк. Полконец папа и слышать не хотел о нашем обручении и увез меня в Фриско.¹ Но Франк не хотел сдаться; он последовал за мною, и мы виделись без ведома папы. Он бы сошел с ума, если бы узнал об этом. Франк сказал, что уедет и наживет состояние, и что он ни за что не женится на мне, пока не бу-

¹ Фриско — сокращенное название Сан-Франциско.

дет так же богат, как папа. Я обещала ждать его до окончания века и поклялась, что ни за кого не выйду замуж, пока он жив. «Но отчего бы нам не обвенчаться теперь же?» — предложил Франк. Мы это обсудили. Он все устроил: нашел священника, и мы обвенчались. Затем Франк уехал искать золото, а я вернулась к папе.

Я слышала, что Франк работал в Монтане; затем он поехал на разведку на Аризону; потом я слышала, что он в Мексике. А через несколько месяцев я прочла в газете, что на лагерь золотоискателей напали индейцы, и в списке убитых было имя Франка. Я упала замертво и проболела несколько месяцев. Папа думал, что я умираю, и таскал меня по всем врачам. Год или больше я не получала никаких известий от Франка и уже не сомневалась, что он погиб. Затем в Фриско приехал лорд Сен-Симон, а позже мы с папой поехали в Лондон. Было решено, что я выйду замуж за лорда Сен-Симон, и папа был очень рад; но я все время чувствовала, что никто не заменит мне моего бедного Франка.

Все же, если бы я вышла замуж за лорда Сен-Симон, я была бы ему верна. Мы не властны над своими чувствами, но мы властны над своими поступками. Я шла к алтарю с намерением быть хорошей женой лорду Сен-Симон.

Но можете себе представить, что я почувствовала, когда, подойдя к алтарю, увидела Франка, стоявшего у передней скамьи. Сначала я думала, что это призрак. Но когда я обернулась, я встретила с ним глазами. Удивляюсь, как я не упала. Голова у меня кружилась, слова священника казались мне жужжанием пчелы. Я не знала, что мне делать. Я посмотрела на него опять, а он поднял палец и приложил к губам. Затем я видела, как он что-то писал на клочке бумаги, и поняла, что он пишет мне. Проходя мимо него после венчания, я уронила свой букет, а он, возвращая цветы, сунул мне в руку записку. Он просил меня присоединиться к нему, когда он подаст мне знак.

Вернувшись домой, я сказала обо всем моей гор-

ничной, которая знала Франка еще в Калифорнии, и велела ей сложить кое-какие вещи и приготовить мне пальто. Я знаю, что мне следовало поговорить с лордом Сен-Симон, но мне было слишком трудно

это сделать при его матери и при всех этих важных господах. Я решила убежать и после все объяснить. Я не просидела за столом и десяти минут, как увидела через окно Франка, стоявшего на противоположной стороне улицы. Он сделал мне знак а затем вошел в парк. Я улизнула, оделась и последовала за

ним. Какая-то женщина подошла ко мне и стала что-то говорить о лорде Сен-Симон; я поняла только, что и у него есть какая-то маленькая тайна. Но мне удалось от нее отделаться и я вскоре нагнала Франка. Мы сели в кэб и отправились на квартиру, которую он нанял на Гарден-сквер. Вот это была моя свадьба после стольких лет ожидания. Оказалось, что Франк был взят в плен индейцами, бежал, вернулся в Фриско, узнал, что я, считая его мертвым, уехала в Англию, последовал за мною сюда, и, наконец, нашел меня в утро моей второй свадьбы.

— Я прочитал в газетах объявление: было указано имя невесты, название церкви, но не было указано адреса.

— Затем мы стали думать, как нам действовать. Франк настаивал на откровенности, но мне было так стыдно, что я готова была провалиться сквозь землю, только бы никого из них не видеть. Я хотела послать папе записку, чтобы он знал, что я жива. Мне было страшно подумать, как все эти лэди и лорды сидят за столом и ждут моего возвращения. Франк взял мое подвенечное платье и все остальное, связал в узелок и бросил куда-то, чтобы меня не могли выследить. Мы собирались завтра уехать в Париж, но этот добрый мистер Холмс зашел к нам сегодня вечером, хотя я никак не могу понять, каким образом он нас отыскал. Ну, так вот, мистер Холмс очень ясно и деликатно доказал, что я неправа, а прав Франк, и что будет очень нехорошо, если мы уедем тайно. Затем он предложил дать нам возможность переговорить наедине с лордом Сен-Симон, и мы сразу же поехали на квартиру к мистеру Холмсу.

Лорд Сен-Симон с чопорным видом, нахмутив брови и сжав губы, слушал этот длинный рассказ.

— Простите, — сказал он, — я не привык обсуждать публично свои самые интимные дела.

— Значит, вы не прощаете мне? Вы не пожмете мне на прощанье руку?

— О, пожалуйста, если это доставит вам удовольствие. — Он холодно пожал протянутую ему руку.

— Я надеялся, — заметил Холмс, — что вы разделите с нами нашу скромную трапезу.

— Я думаю, что вы слишком многого от меня требуете, — ответил лорд Сен-Симон. — Я вынужден примириться с фактами, но радоваться им я никак не могу. С вашего разрешения я пожелаю вам всего лучшего. — Он сделал общий поклон и с гордой осанкой прошествовал к двери.

— Я надеюсь, что вы, мистер Моультон, почтите нас своим присутствием, — сказал Шерлок Холмс, — я всегда рад встретиться с американцем.

— Это было интересное дело, — заметил Холмс, когда наши гости нас покинули, — потому что оно наглядно показывает, как просто может объясняться то, что на первый взгляд казалось почти необъяснимым. Ничего не может быть естественнее, чем последовательность событий в изложении нашей лэди, и ничего не может быть причудливее, чем картина, которую нам нарисовал хотя бы Лестрэд из Скотлэнд-Ярда.

— А разве вы сами не пошли было по ложному следу?

— С самого начала для меня были очевидны два факта: первый — лэди совершенно добровольно согласилась венчаться; второй — несколько минут спустя она уже об этом жалела. Ясно, что случилось нечто, вызвавшее в ней перемену. Что это могло быть? Она не могла переговорить с кем-либо вне дома, потому что жених был все время с нею. Может быть, она кого-то увидела? Если так, то это был приезжий из Америки. Ведь она так недолго жила в Англии, что вряд ли кто-нибудь успел приобрести над нею такую власть, чтобы его появление могло заставить ее изменить свои планы. Значит, путем исключения мы пришли к выводу, что она увидела американца. Кто мог быть этот американец? И почему он имел над нею такую власть? Это мог быть поклонник, это мог быть муж. Я знал, что она выросла в грубой и своеобразной обстановке. Это мне было ясно до того, как я услышал рассказ лорда Сен-Симон. Когда он упомянул о человеке на скамье для молящихся, о

перемене в настроении невесты, о наивной проделке с упавшим, как бы невзначай, букетом, о ее беседе с любимой горничной, и о ее многозначительном словечке насчет «захвата чужой заявки», вся ситуация стала для меня совершенно ясна. Она ушла с прежним поклонником или мужем, последнее было более вероятно.

— Но как вы их разыскали?

— Это было бы очень трудно, если бы не друг Лестрэд, в руках которого оказались сведения, о ценности которых он и сам не подозревал. Конечно, очень важны были инициалы, но еще важнее было знать, что на этой неделе Ф. Х. М. уплатил по счету одного из шикарнейших лондонских отелей.

— Из чего следует, что это шикарный отель?

— Из шикарных цен. Восемь шиллингов за помещение и восемь пенсов за стакан черри указывали на один из самых дорогих отелей. В Лондоне не много отелей, где бы выписывали такие счета. В первом отеле этого ранга я ничего не нашел, а во втором, на Норсумберлэнд-авеню, я по книге проживающих в отеле узнал, что американский джентльмен Франк Х. Моультон выехал только накануне. Заглянув в приходную запись под его именем, я нашел те же цифры, которые видел на копии счета. Он распорядился, чтобы письма ему пересылались на Гордон-сквер № 226, куда я и отправился. Мне повезло, и я застал счастливую пару. Я рискнул дать им несколько отеческих советов и убедил их, что будет во всех отношениях лучше разъяснить создавшееся положение и перед обществом, и перед лордом Сен-Симон. Я пригласил их сюда для встречи с ним, и, как видите, лорд явился на свидание.

— Но нельзя сказать, чтобы он был очень любезен, — заметил я.

— Ах, Ватсон, — возразил Холмс, улыбаясь, — может быть, вы тоже не были бы особенно любезны, если бы после стольких хлопот с обручением и венчанием в один миг лишились жены и состояния. Я считаю, что мы не должны слишком строго судить лорда Сен-Симон.

СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

ГЛАВА I

За последнее время я редко виделся с Шерлок Холмсом. Моя женитьба отдалила нас друг от друга. О работе и об успехах моего недавнего товарища я знал только по газетам.

Однажды поздно вечером, — это было 20 марта 1888 года — возвращаясь от пациента, я оказался на Бэкер-стрит. Когда я поровнялся с домом, где мы жили с Холмсом, меня охватило острое желание по-видаться с ним. Я позвонил, и прислуга ввела меня в комнату, которая еще недавно была нашей общей гостиной.

Холмс, повидимому, был рад меня видеть.

— Женитьба вам впрок, Ватсон, — заметил он, разглядывая меня своими острыми, пронизательными глазами. — Полагаю, что вы пополнили на семь с половиною фунтов со времени нашей последней встречи.

— На семь фунтов.

— Так? А я думал, немного больше. Да, кстати, вы всегда интересуетесь моими приключениями и даже описали некоторые из них. Так не заинтересует ли вас эта записка? — Он передал мне лист толстой розовой бумаги. — Я получил это последней почтой. Прочтите-ка вслух!

Письмо было без даты; не было ни подписи, ни адреса. «Сегодня вечером, без четверти восемь, — говорилось в записке, — к вам зайдет господин, желающий посоветоваться с вами по очень серьезному вопросу. Будьте в этот час дома и не истолкуйте ложно, если ваш посетитель маску носит».

— Это загадочно, — заметил я. — Как вы себя представляете, что это может быть?

— У меня пока что нет никаких данных. Но какие выводы вы можете сделать из этой записки?

— Человек, писавший ее, повидимому, располагает средствами. Такая бумага стоит очень дорого. Она необычайно плотная и прочная.

— Н е о б ы ч а й н о, вот самое подходящее слово, — сказал Холмс. — Это не английская бумага. Посмотрите ее на свет.

Я последовал его совету и увидел водяные знаки, — большое Е и маленькое латинское г.

— Что вы из этого заключаете? — спросил Холмс.

— Имя фабриканта.

— Не совсем, — ответил Холмс. — Заглянем в наш справочник.

Он достал с полки тяжелую книгу. — Еглов... Еглониц... а-а... вот... «Егрия — местечко в Богемии, недалеко от Карлсбада... Замечательно многочисленными стекольными заводами и бумажными фабриками». Ага! Что же можно из этого заключить?

Его глаза блестели, и он выпустил из трубки облако голубого дыма.

— Бумага изготовлена в Богемии, — ответил я.

— Совершенно верно! А писал записку немец. Вы заметили строение предложения: «если ваш посетитель маску носит». Француз или русский так не напишет. Только немцы так невежливы со своими глаголами. Теперь остается узнать, что нужно этому немцу, который пишет на богемской бумаге и предпочитает носить маску, чем показывать собственное лицо. А вот и он сам.

В этот момент послышался стук копыт и резкий звонкок. Холмс засвистел.

— Судя по звуку, парный экипаж. Ну, посмотрим...

На лестнице слышались медленные, тяжелые шаги... Затем громкий, властный стук в дверь.

— Войдите! — сказал Холмс.

Вошел очень высокий человек геркулесовского сложения; он был одет богато, но это богатство обнаруживало дурной вкус. На рукавах его двубортного пальто и спереди были нашиты тяжелые полосы барашка; темносиний плащ, накинутый на плечи, был

подбит огненно-красным шелком и застегнут у шеи пряжкой из сверкающего берилла. Сапоги, достигавшие середины голени и обшитые наверху дорогим коричневым мехом, дополняли впечатление варварской пышности. Он держал в руке широкополую шляпу, между тем как верхняя половина его лица была закрыта черной маской, которую он, повидимому, только что одел, так как в момент, когда он вошел, рука его еще была поднята. Судя по нижней части лица, это был человек твердой воли; толстая губа свисала над длинным прямым подбородком, свидетельствовавшим об упорстве, граничащем с упрямством.

— Вы получили мою записку? — спросил он низким грубым голосом с сильным немецким акцентом. — Я предупреждал о моем посещении. — Он переводил взгляд с одного из нас на другого, не зная, к кому обратиться.

— Прошу вас сесть, — сказал Холмс. — Это мой друг и коллега — доктор Ватсон, который помогает мне в моей работе. С кем я имею честь говорить?

— Вы можете называть меня граф фон Крамм, богемский дворянин. Полагаю, что этот джентльмен, ваш друг, человек чести, которому я могу доверить дело исключительной важности. В противном случае я предпочел бы беседовать с вами наедине.

Я встал, чтобы уйти, но Холмс схватил меня за руку и толкнул обратно в кресло.

— Говорите с нами обоими или ни с одним из нас, — сказал он. — В присутствии этого джентльмена вы можете сказать все, что сказали бы мне с глазу на глаз.

Граф пожал широкими плечами.

— В таком случае, — сказал он, — я должен взять с вас обоих слово — в течение двух лет держать в абсолютной тайне дело, о котором вы узнаете.

— Я обещаю, — сказал Холмс.

— И я тоже.

— Простите, что я в маске, — продолжал странный гость. — Августейшее лицо, у которого я служу, пожелало, чтобы я остался неизвестен вам, и я могу

сразу же признаться, что не точно назвал вам свое имя и звание.

— Я так и думал, — сухо сказал Холмс.

— Дело весьма щекотливое, и приходится принимать все меры к тому, чтобы предотвратить скандал, который может сильно скомпрометировать одну из царствующих фамилий. Короче говоря, дело касается дома Ормштейнов, наследственных королей Богемии.

— И об этом я тоже догадывался, — пробормотал Холмс, поудобнее усаживаясь в кресле и закрывая глаза.

Гость с удивлением посмотрел на лениво развалившегося человека, которого ему, несомненно, рекомендовали как самого проникательного и энергичного сыщика во всем мире. Холмс медленно открыл глаза и с нетерпением посмотрел на своего огромного клиента.

— Если бы Ваше Величество соблаговолили изложить свое дело, — заметил он, — я сумел бы, может быть, дать совет.

Посетитель вскочил со своего места и принялся шагать по комнате в сильном возбуждении. Затем с жестом отчаяния он сорвал с лица маску и бросил ее на пол.

— Вы правы, — сказал он, — я король. Зачем мне это скрывать?

— Действительно, зачем? Ваше Величество не успели еще сказать и слова, как я уже знал, что передо мной Вильгельм Готтсрейх Сигизмунд фон Ормштейн, Великий герцог Кассельфельштейнский и наследственный король Богемии.

— Но вы понимаете, — сказал наш странный гость, снова садясь и проводя ладонью по высокому белому лбу, — вы понимаете, что я не привык лично заниматься подобными делами. Однако, это дело настолько щекотливо, что я не мог доверить его посреднику, не рискуя оказаться в его власти. Я приехал инкогнито из Праги, чтобы посоветоваться с вами.

— Пожалуйста, спрашивайте совета, — сказал Холмс, снова закрывая глаза,

— Факты таковы: пять лет тому назад во время длительного пребывания в Варшаве я познакомился с известной авантюристкой Иреной Адлер. Имя это вам, наверно, известно?

— Будьте любезны, доктор, отыщите его в моей картотеке, — пробормотал Холмс, не открывая глаз.

Я быстро отыскал биографию Ирены Адлер.

— Покажите-ка! — сказал Холмс. — Так-так! Родилась в Нью-Джерси в 1858 году. Контральто — так-так! Ля Скала, так-так! Примадонна императорской оперы в Варшаве. Покинула оперную сцену, ха! Проживает в Лондоне, — совершенно верно! Я полагаю, что Ваше Величество имели связь с этой молодой особой, написали ей компрометирующие вас письма и желали бы получить эти письма обратно.

— Вот именно! Но как?

— Был тут тайный брак?

— Нет.

— Никаких документов или свидетельств?

— Никаких.

— В таком случае я не понимаю Вашего Величества. Если эта молодая особа захотела бы использовать эти письма для шантажа или других целей, то как же она докажет их подлинность?

— Мой почерк.

— Пустяки! Подлог.

— Моя личная почтовая бумага.

— Выкрадена.

— Моя печать.

— Подделана.

— Моя фотография?

— Куплена.

— Мы сняты вместе.

— О-о! Вот это плохо! Ваше Величество допустили большую неосторожность.

— Я был без ума.

— Вы серьезно себя скомпрометировали.

— В то время я был только кронпринцем. Был молод. Мне сейчас всего тридцать лет.

— Надо вернуть фотографию.

— Я пытался, но безуспешно.

— Вашему Величеству придется платить. Фотографию надо выкупить.

— Она не желает ее продать.

— Тогда ее надо выкрасть.

— Пять раз делались попытки. Дважды нанятые мною взломщики перерыли весь ее дом. Раз мы обыскали ее багаж во время путешествия. Дважды ее заманивали в ловушку, и все было безуспешно.

Холмс засмеялся.

— Забавная проблема, — проговорил он.

— Однако, весьма серьезная для меня, — ответил с упреком король.

— Действительно! А что она собирается сделать с этой фотографией?

— Погубить меня.

— Каким образом?

— Я собираюсь жениться.

— Я слышал об этом.

— На Клотильде Лотман Саксен Мейнинген, второй дочери норвежского короля. Малейшей тени сомнения насчет моего прошлого достаточно, чтобы брак расстроился.

— А Ирена Адлер?

— Она грозит переслать фотографию. И она это сделает! Я уверен, что она это сделает! Вы ее не знаете. У нее лицо прекраснейшей женщины и дух самого твердого мужчины. Она прибегнет к любому средству, чтобы не дать мне жениться на другой женщине.

— Вы уверены, что она еще не послала фотографии?

— Уверен.

— Почему?

— Она сказала, что пошлет фотографию в день объявления о моей помолвке. Оно состоится в ближайший понедельник.

— О, в таком случае у нас впереди три дня, — сказал Холмс, зевая. — Это очень хорошо, так как у меня как раз два спешных дела. Ваше Величество, конечно, остается пока что в Лондоне?

— Конечно. Вы меня найдете в Лэнгэм под именем графа фон Крамм.

— Я дам вам знать о ходе дела.

— Пожалуйста, я буду очень волноваться.

— Как насчет денег?

— Тратьте сколько найдете нужным, — вам предоставляется полная свобода действия.

— Абсолютная?

— Я готов отдать за эту фотографию одну из провинций моего королевства.

— А на текущие расходы?

Король вынул из внутреннего кармана тяжелый кожаный кошель и положил его на стол.

— Здесь триста фунтов золотом и семьсот ассигнациями.

Холмс написал на листке из записной книжки расписку и передал королю.

— Адрес мадемуазель Адлер? — спросил он.

— Брайони-лодж, Серпантин-Авеню

Холмс записал.

— Еще один вопрос, — спросил он задумчиво, — размер снимка кабинетный?

— Да.

— Спокойной ночи, Ваше Величество, и верьте, что скоро вы услышите хорошие вести.

Когда колеса королевской коляски застучали по мостовой, Холмс попрощался со мною.

— Спокойной ночи, Ватсон. Если вы будете любезны и зайдете ко мне завтра часа в три, я буду рад потолковать с вами об этом деле.

ГЛАВА II

Ровно в три часа я был на Бэкер-стрит, но Холмс еще не вернулся. Экономка сообщила мне, что он вышел из дому в начале девятого. Я уселся у камина и решил дожидаться его возвращения, как бы долго мне ни пришлось ждать.

Около четырех часов дверь отворилась, и в комнату ввалился пьяный грум со включенной шеве-

люрой и бакенбардами, с воспаленным лицом, в довольно помятой одежде. Хотя я уже привык к искусству, с каким мой друг умел изменять свою внешность, все же мне пришлось несколько раз посмотреть, прежде чем я убедился, что это он. Кивнув мне головой, он исчез в своей спальне, откуда вышел через пять минут в темном костюме, корректный, как всегда.

Заложив руки в карманы, он вытянул ноги перед пылающим камином и несколько минут весело смеялся.

— Ну и потеха! — воскликнул он и снова расхохотался так, что, под конец, без сил и без движения растянулся в кресле.

— В чем дело?

— Это слишком комично, Ватсон! Уверен, что вы никогда не угадаете, чем я занимался сегодня утром и что я сделал.

— Полагаю, что вы изучали привычки, а, может быть, и дом мисс Ирены Адлер.

— Совершенно верно! Но способ оказался довольно необычным. Вот послушайте! Я вышел из дому в девятом часу под видом грума без места. Людей, имеющих отношение к лошадям, связывает изумительная симпатия, это своего рода франкмасонское братство. Войдите в него, и вы сразу узнаете все, что вам надо. Я быстро разыскал Брайони-лодж. Это маленькая вилла с садом позади. Фасад двухэтажного дома выходит прямо на улицу. Справа большая гостиная, хорошо обставленная, с высокими окнами, начинающимися чуть ли не с полу, и с великолепными английскими затворами, которые сумел бы открыть любой ребенок. С задней стороны дом не представляет ничего интересного, кроме того, что с крыши каретного сарая можно влезть в окно коридора. Я обошел виллу кругом и внимательно обследовал ее со всех точек зрения.

Затем я пошел вдоль улицы и увидел, как и ожидал, в переулке, прилегающем к стене сада, конюшни. Я помог конюхам убирать лошадей, и в награду за это получил серебряную монету, стакан вина, ще-

потку табаку и столько сведений о мисс Адлер, что большего я не мог и желать.

— Что же вы узнали об Ирене Адлер? — спросил я.

— О, она всех в околodge свела с ума. Она прелестнейшее существо на свете, она ведет тихий образ жизни, выступает на концертах, ежедневно в пять часов дня выезжает кататься, а ровно в семь возвращается к обеду. В другое время редко выходит из дому, только в дни, когда поет. Принимает у себя только одного мужчину, но зато очень часто. Он брюнет, хорош собою, каждый день приходит в гости, а иногда бывает и по два раза в день. Зовут его мистер Годфрей Нортон из Иннер-Темплъ. Видите, как удобно свести дружбу с кучером! Он раз десять отвозил мистера Нортон домой и мог о нем порассказать. Выслушав все это, я вновь принялся разгуживать взад и вперед вокруг Брайони-лodge и обдумывать план кампании.

Этот Годфрей Нортон, несомненно, существенный фактор во всей этой истории. Он адвокат. Это звучит зловеще. Какие существуют между ними отношения? Какая цель его частых посещений? Кто она? — его клиентка, его друг, его любовница? Если первое, то она, наверное, отдала фотографию ему на хранение. Если последнее, то фотография навряд ли у него. От решения этого вопроса зависели мои дальнейшие шаги, — продолжать ли работу в Брайони-лodge или обратить внимание на квартиру этого джентльмена в Темплъ. Это был очень сложный вопрос и он расширял сферу моих исследований.

Я все еще обдумывал положение, когда к Брайони-лodge подкатил кэб, из которого выскочил молодой человек. Он был необычайно хорош собою, — брюнет с орлиным профилем, с усами, — безусловно, тот самый человек, о котором мне рассказывали. Он, повидимому, очень спешил, крикнул кучеру, чтобы тот его ждал, и скользнул мимо горничной, отворившей ему дверь, с видом человека, чувствующего себя дома.

Он пробыл у Ирены около получаса, и я через

окино гостиной видел, как он расхаживал взад и вперед и возбужденно что-то говорил, размахивая руками. Ее я не видел. Но вот он вышел из дома еще более взволнованный, чем прежде. Входя в кэб, он вынул из кармана золотые часы и внимательно посмотрел на них. «Гоните, как дьявол! — крикнул он, — сначала к Гросс и Хенке на Риджент-стриг, затем к церкви Св. Моники на Эджвер-род. Полги-ней, если вы поспеете за двадцать минут!»

Они умчались, а я стоял, раздумывая, не надо ли мне последовать за ними, как вдруг из переулкa подкатило маленькое ландо; кучер, видно, не успел застегнуть пуговицы пальто, галстук у него торчал под ухом, ремни упряжи болтались в беспорядке. Кучер только успел подъехать, как Ирена Адлер выпорхнула из подъезда и вскочила в ландо. Я видел ее лишь одно мгновение, но она была очаровательна. У нее лицо, за которое мужчина способен отдать жизнь.

«Церковь Св. Моники, Джон! — крикнула она, — и полсоверена, если вы доедете за двадцать минут!»

Этого нельзя было упустить, Ватсон. Я еще раздумывал, бежать ли мне следом или прицепиться

к задку экипажа, как на улице появился кэб. Кэбмен дважды недоверчиво посмотрел на такого ободранного седока, но я вскочил прежде, чем он успел что-либо сказать. «Церковь Св. Моника! — крикнул я ему, — и полсоверена, если вы доедете за двадцать минут!» Было без двадцати пяти минут двенадцать и, конечно, не трудно было догадаться, в чем дело.

Мой кэб летел стрелой. Не думаю, чтобы я когда-либо ехал быстрее, но подъехал я позже других. Когда я подкатил, кэб и ландо со взмыленными лошадьми стояли перед папертью. Я расплатился с кучером и вошел в церковь. Там не было ни души, кроме тех двух, за которыми я следовал, и священника, который их как-будто в чем-то упрекал. Они все трое стояли перед алтарем. Я обошел правое крыло, как если бы я от нечего делать зашел в церковь. Внезапно, к моему изумлению, все трое обернулись в мою сторону, и Годфрей Нортона со всех ног бросился ко мне.

«Слава богу! — вскричал он. — Вы годитесь! Идите! Идите!»

— В чем дело? — спросил я.

«Идите! Идите! Осталось всего три минуты, иначе это будет признано незаконным!»

Меня чуть не силой потащили к алтарю, и, не успев сообразить, где я нахожусь, я бормотал ответы, которые мне подсказывали на ухо, клятваً ручаясь за вещи, о которых не имел ни малейшего понятия, и, вообще, принимал участие в законном бракосочетании Ирены Адлер, девицы, с Годфреем Нортоном, адвокатом. Все это совершилось в одну минуту; затем джентльмен благодарил меня с одной стороны, молодая лэди — с другой, а священник широко улыбался мне прямо в лицо. Кажется, у них что-то было не в порядке с документами, и священник наотрез отказался обвенчать их без какого-нибудь свидетеля; мое появление избавило жениха от необходимости бежать на улицу в поисках первого встречного.

Невеста дала мне соверен, и я собираюсь носить его на цепочке в память об этом случае.

— Весьма неожиданный оборот дела, — сказал я. — А что же дальше?

— Я сообразил, что моим планам угрожает серьезная опасность. Похоже было на то, что парочка может немедленно уехать, и мне необходимо было принять самые срочные и энергичные меры. Однако, в дверях церкви они расстались, — он отправился обратно в Темплъ, а она — к себе домой. «Я поеду кататься в парк в пять часов, как всегда», — сказала она, прощаясь с ним. Они поехали каждый в свою сторону, а я отправился готовить дальнейшие шаги. Кстати, доктор, мне нужна будет ваша помощь.

— Буду счастлив.

— Вы ничего не имеете против нарушения закона?

— Решительно ничего.

— Вас не смущает опасность ареста?

— Ради доброго дела готов и на это.

— О! дело великолепное!

— В таком случае, располагайте мной. Чем я могу служить?

— Через два часа мы должны быть на арене действия. Мисс Ирена, или мадам, возвращается с прогулки к семи часам. Мы должны быть у Брайони-лодж, чтобы ее встретить.

— И что тогда?

— Это предоставьте мне. Я уже все подготовил. Я настаиваю только на одном: вы не должны вмешиваться, что бы ни произошло.

— Я должен быть нейтрален?

— Вы ничего не должны делать. Вероятно, получится небольшая неприятность. Не вмешивайтесь. Она кончится тем, что меня отведут в дом; через четыре или пять минут окно гостиной будет открыто. Вы должны встать рядом с этим открытым окном.

— Ладно.

— И должны следить за мною, потому что я буду в поле вашего зрения.

— Ладно.

— Когда я подниму руку — вот так, вы должны бросить в комнату то, что я вам дам для этой цели.

и в то же время вы должны закричать — «пожар!»
Вы меня понимаете?

— Вполне.

— В этом нет ничего угрожающего, — сказал Холмс, доставая из кармана длинный пакет в форме сигары. — Это обыкновенная дымная ракета с головкой на обоих концах, чтобы сделать ее самовоспламеняющейся. Ваши обязанности ограничиваются этим. Когда вы закричите «Пожар!», ваш крик будет подхвачен находящимися тут же людьми. После этого вы можете дойти до конца улицы, и через десять минут я к вам присоединяюсь. Надеюсь, вам все ясно?

— Я должен оставаться нейтральным, подойти к окну, следить за вами, по данному вами сигналу бросить этот предмет, затем поднять крик и ждать вас на углу улицы?

— Совершенно верно! Пожалуй, мне пора подготовиться к новой роли, которую мне предстоит играть.

Он ушел к себе в спальню и через несколько минут вернулся, приняв вид любезного простоватого священника. Он был неподражаем в своей широкополой шляпе, мешковатых брюках, белом галстуке, с приветливой улыбкой на лице и общим выражением доброжелательного любопытства.

Мы вышли в четверть седьмого и без десяти семь были на Серпантин-авеню. Наступили сумерки, и, расхаживая взад и вперед перед Брайони-лодж, мы видели, что лампы уже зажжены в ожидании хозяйки. Дом был как раз такой, каким я его себе представлял по описанию Холмса, но улица показалась мне менее тихой, чем я ожидал. Наоборот, для маленькой улочки в тихом районе она была необычайно оживлена. Я заметил кучку оборванцев, которые курили и хохотали; точильщика с точильным колесом; двух сторожей, ухаживавших за горничными, и несколько хорошо одетых молодых людей, фланировавших с сигарами во рту.

— Видите ли, — заметил Холмс, — эта свадьба

как будто упрощает дело. Фотография становится сблюдоострым оружием.

Возможно, ей так же неприятно, чтобы фотографию видел мистер Годфрей Нортон, как нашему клиенту неприятно, чтобы эта фотография попала на глаза принцессы. Теперь вопрос: где мы найдем фотографию? Трудно допустить, чтобы она таскала ее с собою: кабинетный размер! Слишком велика, чтобы спрятать в дамском платье. Она знает по опыту, что король способен заманить ее в ловушку и заставить обыскать. Две подобные попытки уже были сделаны. Поэтому можно с уверенностью сказать, что при себе она фотографию не держит.

— Где же?

— Она может хранить ее у своего банкира или у адвоката. Но я этого не думаю. Женщины любят сами хранить свои секреты. Кроме того, вспомните, что она решила использовать эту фотографию в ближайшие дни, следовательно, фотография эта должна быть у нее под рукою. Она должна быть в ее собственном доме.

— Но ведь дом был дважды перерыт взломщиками!

— Пфуу! Они не умеют искать.

— А как вы будете искать?

— Я не буду искать.

— А что же?

— Я заставлю ее показать мне.

— Она откажется.

— Она не сможет отказаться. Но я слышу шум колес. Это ее экипаж. Вы в точности помните мои указания?

В этот момент свет боковых фонарей показался на повороте, и нарядное маленькое ландо подкатило к дверям Брайони-лодж. Когда оно остановилось, один из оборванцев подскочил, чтобы отворить дверцы, в надежде заработать медяк, но его оттеснил другой бездельник, подскочивший с такими же намерениями. Началась жестокая потасовка, которая перешла в свалку, когда оба сторожа стали на сто-

рону одного из бродяг, а точильщик начал так же рьяно защищать другого. Через минуту молодая лэди, вышедшая из экипажа, оказалась среди дерущихся, наносивших друг другу удары кулаками и палками. Холмс бросился в толпу, чтобы защитить лэди, но только он пробился к ней, как испустил крик и упал на землю с залитым кровью лицом. Когда он упал, сторожа убежали в одну сторону, оба оборванца в другую. В ту же минуту несколько прохожих более пристойного вида, не принимавших участия в потасовке, бросились, чтобы предложить свои услуги даме и оказать помощь пострадавшему. Ирена Адлер взбежала по ступенькам; она остановилась на площадке и смотрела вниз на улицу.

— Бедный джентльмен серьезно ранен? — спросила она.

— Он умер! — закричало несколько голосов.

— Нет, нет, он еще жив! — воскликнул кто-то. — Но он умрет раньше, чем вы дотащите его до больницы.

— Он храбрый малый, — сказала какая-то женщина. — Если бы не он, они забрали бы часы и кошелек лэди. Их тут целая шайка, и опасная! А-а! Он дышит!

— Его нельзя оставить на мостовой. Вы позволите нам внести его в дом, мадам?

— Конечно! Несите его в гостиную. Там есть удобный диван. Вот сюда!

Медленно и торжественно Холмса внесли в Брайони-лудж и уложили в гостиную. Лампы были зажжены, но шторы не были спущены, и я видел Холмса, лежащего на диване. Не знаю, чувствовал ли он угрызения совести, но я никогда не испытывал такого стыда, как в эти минуты. И все же было бы черной изменой в отношении Холмса, если бы я отказался от роли, которую он мне поручил. Я решил проявить твердость и вынул из-под пальто дымовую ракету.

Холмс сел на диване и сделал движение, как человек, которому нехватает воздуха. Горничная бросилась к окну и открыла его настежь. В эту минуту

Холмс поднял руку, и по этому сигналу я бросил в комнату ракету с криком: «Пожар!» Едва это слово успело слететь с моих уст, как его подхватила ея толпа зрителей. Хорошо и плохо одетые джентльмены, конюхи, горничные, — все вопили в один голос: «Пожар!» Густые облака дыма крутились в комнате и вылетали через открытое окно. Я видел мечущиеся фигуры, а минутой позже уловил голос Холмса, убеждавшего всех, что это ложная тревога. Проталкиваясь через кричавшую толпу, я добрался до угла улицы и через десять минут с радостью пожимал руку своего друга, вместе с которым покидал арену действия. Несколько минут Холмс шел быстро и молча, пока мы не свернули в одну из тихих улиц, ведших к Эджвер-род.

— Вы это очень мило сделали, доктор, — заметил Холмс. — Все в порядке.

— Фотография у вас?

— Я знаю, где она лежит.

— А как вы это узнали?

— Она мне показала, как я вам заранее говорил.

— Я все еще ничего не понимаю.

— Я вовсе не хочу делать из этого тайну, — сказал он, смеясь. — Дело очень простое. Вы, конечно, догадались, что все эти люди на улице были моими сообщниками. Все они были наняты мною на этот вечер.

— Мне так и показалось.

— У меня в руке было немного влажной красной краски. Когда началась свалка, я бросился вперед, упал на землю, прижал руку к лицу и предстал в самом плачевном виде. Это старый прием.

— Об этом я тоже догадался.

— Затем они унесли меня. Ирене Адлер пришлось меня принять. Что ей оставалось делать? Я попал в ее гостиную, в ту самую комнату, которая мне казалась подозрительной; они положили меня на диван; я сделал вид, что задыхаюсь и стал просить больше воздуха; им пришлось открыть окно, и мы получили возможность бросить ракету.

— Но чем это могло вам помочь?

— Это было крайне важно! Когда женщина думает, что ее дом горит, она прежде всего бросается к вещи, которой больше всего дорожит. Замужняя женщина хватается своего ребенка, незамужняя — бросается к шкатулке с драгоценностями. Мне было ясно, что наша сегодняшняя дама ничем не дорожит так, как тем самым предметом, который мы ищем. Пожарная тревога была великолепно разыграна. Дыма и крика хватило бы, чтобы потрясти стальные нервы. Она попала на эту удочку. Фотография спрятана в тайнике за скользящей панелью над шнурком звонка. В один миг Ирена оказалась там, и я даже увидел краешек фотографии, когда она ее доставала. Но как только я крикнул, что это ложная тревога, она положила фотографию обратно, взглянула на ракету, выбежала из комнаты, и я ее больше не видел. Я встал, извинился и покинул дом. Я думал было, не попытаться ли мне сразу достать фотографию, но в комнату вошел кучер и не спускал с меня глаз; поэтому я счел благоразумным обождать. Излишняя поспешность может все погубить.

— Ну, а теперь?

— В сущности, наши поиски закончены. Завтра я явлюсь к Ирене Адлер с королем и с вами, если вы пожелаете к нам присоединиться. Нас проводят в гостиную и попросят обождать госпожу; но весьма вероятно, что, выйдя к гостям, она не найдет ни нас, ни фотографии. Его Величеству, может быть, будет приятно собственными руками вернуть себе свою фотографию.

— Когда вы намерены пойти?

— В восемь часов утра. Она еще будет в постели, так что поле действия будет свободно. Кроме того нам следует спешить, так как сегодняшнее бракосочетание может означать для нее полнейшую перемену жизни и привычек. Я должен немедленно телеграфировать королю.

Мы достигли Бэкер-стрит и остановились у подъезда. Пока Холмс искал в кармане свой ключ, кто-то, проходя мимо, сказал:

— «Доброй ночи, мистер Шерлок Холмс!»

В эту минуту на панели было несколько человек, но приветствие исходило, повидимому, от стройного юноши в длинном пальто, быстро проскользнувшего мимо нас.

— Я где-то слышал этот голос, — проговорил Холмс, вглядываясь в скудно освещенную улицу. — Но я никак не могу сообразить, кто бы это мог быть?

ГЛАВА III

Эту ночь я спал на Бэкер-стрит; мы сидели утром за кофе с гренками, когда в комнату ворвался король Богемии.

— Вы, действительно, достали фотографию? — закричал он, хватая Шерлок Холмса за плечи и нетерпеливо заглядывая ему в глаза.

— Еще не совсем.

— Но у вас есть надежда?

— Да, я надеюсь, Ваше Величество.

— В таком случае, идем. Я горю нетерпением.

— Надо вызвать кэб.

— Мой экипаж ждет у дверей.

— Это упрощает дело.

Мы спустились и снова направились к Брайонилодж.

— Ирена Адлер вышла замуж, — заметил Холмс.

— Вышла замуж? Когда?

— Вчера.

— За кого?

— За английского адвоката.

— Не может быть, чтобы она его любила.

— Я надеюсь, что она его любит.

— Какое это имеет значение для дела?

— Это избавит Ваше Величество от возможных неприятностей в будущем. Если эта лэди любит своего мужа, значит, она не любит Ваше Величество. Если она не любит Ваше Величество, то у нее нет основания мешать браку Вашего Величества.

— Это правда. И все же... Как бы я хотел, что-

бы она была королевской крови!.. Какая бы это была королева!

Он снова впал в угрюмое молчание, которого не прерывал до конца нашего пути.

Дверь Брайони-лодж была открыта, и на лестнице стояла пожилая женщина. Она с ехидной усмешкой смотрела, как мы выходили из экипажа.

— Мистер Шерлок Холмс, не правда ли? — спросила она.

— Да, я Шерлок Холмс, — ответил мой друг, посмотрев на нее вопросительным и недоумевающим взглядом.

— Моя госпожа сказала мне, что вы, вероятно, зайдете. Сегодня утром она уехала со своим мужем со станции Черинг-Кросс на континент.

— Что! — Шерлок Холмс отшатнулся, бледный от огорчения и от неожиданности. — Вы говорите, что она покинула Англию?

— Навсегда.

— А бумаги? — хриплым голосом спросил король. — Все потеряно!

— Посмотрим. — Холмс пролетел мимо служанки и бросился в гостиную. Мы с королем последовали за ним. Мебель стояла в полном беспорядке, — пустые полки, открытые ящики; видно, хозяйка наспех рылась в вещах перед своим бегством. Холмс кинулся к шнурку звонка, отодвинул скользящую часть панели и, засунув руку, достал фотографию и письмо. На фотографии Ирена Адлер была снята в вечернем платье. Письмо было адресовано: «Шерлок Холмсу, Эсквайру. Не трогать до его личного прихода».

Мой друг разорвал конверт, и мы все трое прочитали письмо.

Оно было датировано предшествующей ночью и гласило:

«Дорогой мистер Шерлок Холмс! Вы право же великолепно все это разыграли. Вы меня совсем было одурачили. До пожарной тревоги у меня не было никаких подозрений. Но затем, поняв, как я себя выдавала, я призадумалась. Меня уже несколько месяцев

тому назад предостерегали. Мне говорили, что если король решит прибегнуть к агенту, он, конечно, остановит свой выбор на вас. Мне даже дали ваш адрес. И все же вы заставили меня выдать себя. Несмотря на мои подозрения, мне было тяжело думать дурно о таком милом, добродушном старом священнике. Но, вы знаете, я была актрисой. Мужской костюм для меня не новость. Я послала Джона, кучера, сторожить вас, а сама побежала наверх, одела мужское платье и спустилась как раз, когда вы уходили.

Я последовала за вами до ваших дверей и убедилась, что мною действительно интересуется знаменитый Шерлок Холмс. Затем я довольно неосмотрительно пожелала вам спокойной ночи и поехала в Темпл к моему мужу.

Мы решили, что разумнее всего бежать от преследования такого опасного противника; поэтому, явившись завтра, вы найдете гнездо опустевшим. Что касается фотографии, ваш доверитель может быть спокоен. Я люблю и любима человеком более благородным, чем он. Король может делать все, что хочет, без помехи со стороны той, кому он причинил столько зла. Я сохраняю фотографию только для того, чтобы оградить себя и сохранить оружие, которое защитит меня против попыток причинить мне зло в будущем. Я оставляю другую фотографию, которую ему, быть может, приятно будет иметь. Остаюсь, дорогой мистер Шерлок Холмс, уважающая вас

Ирена Нортон, урожденная Адлер.»

— Что за женщина! О! Что за женщина! — воскликнул король Богемии. — Я вам говорил, какая она быстрая и решительная! Разве она не была бы изумительной королевой? Ведь как досадно, что она не одного уровня со мной!

— Насколько я узнал эту даму, она, действительно, совсем другого уровня, чем Ваше Величество, — холодно ответил Холмс. — Мне очень жаль, что я не сумел более успешно закончить дело Вашего Величества.

— Наоборот, дорогой сэр! — воскликнул король. — Более успешного конца нельзя и придумать! Я знаю, что ее слово нерушимо. Теперь фотография для меня так же безопасна, как если бы Ирена ее сожгла.

— Мне очень приятно это слышать.

— Я вам бесконечно обязан. Прошу вас сказать мне, чем я могу вас вознаградить? Это кольцо... — Он снял с пальца изумрудное кольцо и протянул его на ладони руки.

— У Вашего Величества есть нечто, что я счел бы более ценным, — сказал Холмс.

— Вам стоит только указать.

— Эта фотография!

Король в изумлении уставился на него.

— Фотография Ирены! — воскликнул он. — Конечно, вы можете ее взять, если хотите.

— Благодарю вас, Ваше Величество. В таком случае с этим делом покончено. Честь имею пожелать вам доброго дня. — Холмс поклонился и отошел, не замечая руки, которую протянул ему король. Вместе со мной он вернулся на Бэкер-стрит.

ЛИГА КРАСНОГОЛОВЫХ

Однажды осенью я зашел к своему другу, мистеру Шерлок Холмсу, и застал его беседующим с очень толстым краснощеким джентльменом с огненнорыжими волосами. Я хотел было удалиться с извинениями, но Холмс втащил меня в комнату и закрыл за мною дверь.

— Вы пришли как нельзя более кстати, — проговорил он.

— Я боялся вам помешать, поскольку вы заняты.

— Да, я занят, и даже очень.

— Я могу подождать в другой комнате.

— Вам незачем уходить. Этот господин, — сказал Холмс своему собеседнику, указывая на меня, — принимал участие в самых моих интересных делах, и я надеюсь, что он будет полезен также и вам, Вильсон.

Толстый джентльмен приподнялся с кресла, кивнул мне головой в знак приветствия и вопросительно взглянул на меня своими живыми, заплывшими от жира глазами.

— Присядьте на диван, — сказал Холмс, усаживаясь в кресло. — Я знаю, милый Ватсон, что вы разделяете мою любовь ко всему необычайному. Так

вот, мистер Вильсон посетил меня сегодня утром и начал рассказ, который показался мне очень странным. Может быть, мистер Вильсон, вы будете любезны и повторите свой рассказ. Я прошу вас об этом не только для того, чтобы дать моему другу, доктору Ватсону, возможность выслушать все с начала, но и для того, чтобы узнать из ваших уст мельчайшие подробности этой странной истории. Я чаще всего ориентируюсь при помощи воспоминаний об аналогичных случаях. Но должен признаться, что здесь я столкнулся с фактами, единственными в своем роде.

Толстый клиент гордо выпятил грудь и вытащил из кармана пальто грязную смятую газету. Пока он искал объявление, я смотрел на него, стараясь, по примеру моего друга, вывести какое-нибудь заключение из одежды и вида этого человека.

Мои наблюдения не были особенно успешны. Посетитель показался мне обыкновенным английским купцом, толстым и неповоротливым. На нем были несколько мешковатые серые брюки, не очень опрятный черный сюртук и темный жилет, на котором я заметил тяжелую бронзовую цепочку с привешенным к ней в виде брелока четырехугольным кусочком какого-то металла. Рядом с ним на стуле лежал потерянный цилиндр и выцветшее коричневое пальто со смятым бархатным воротником. Несмотря на все мои старания, я не мог найти в этом человеке ничего примечательного, кроме огненнорыжих волос и выражения глубокого горя и досады, написанного на его лице.

Шерлок Холмс взглянул на меня с улыбкой и покачал головой в ответ на мой вопрошающий взгляд.

— Из моих наблюдений, — сказал он, — я не могу вывести ничего, кроме самых очевидных фактов; мистер Вильсон был некоторое время чернорабочим, нюхает табак, принадлежит к масонскому братству, побывал в Китае и за последнее время очень много писал.

Мистер Вильсон привскочил на стуле и уставился на моего друга, не выпуская из рук газету.

— Скажите, ради бога, как вы все это узнали,

мистер Холмс? — спросил он. — Как вы, например, узнали, что я был чернорабочим? А ведь это сущая правда. Я был корабельным плотником.

— Я узнал это по вашим рукам, сэр. Правая ваша рука значительно больше левой. Вы много ею работали, а потому мускулы на ней гораздо сильнее развиты, чем на левой.

— Ну, а почему вы узнали, что я нюхаю табак и принадлежу к масонам?

— Это слишком просто, чтобы стоило объяснять, тем более, что вы, вопреки строгим правилам вашего ордена, носите булавку с изображением циркуля, наугольника и молотка.¹

— Ах, да! Я просто об этом забыл. А как насчет того, что я за последнее время много писал?

— Отчего же у вас правый рукав так лоснится, а на левом вытерта материя на том месте, которым вы юпираетесь о стол?

— Ну, а Китай?

— На правой руке, выше кисти, у вас татуировка, изображающая рыбу. Такая татуировка делается только в Китае. Одно время я занимался изучением татуировок и даже писал по этому вопросу. К тому же на цепочке у вас висит китайская мочета, что еще более упрощает дело.

Мистер Вильсон громко расхохотался.

— Ну, уж не ожидал! — проговорил он. — Сначала мне показалось, что вы очень умно все определили. А теперь вижу, что ничего особенного тут нет.

— Я начинаю думать, что напрасно объясняю, и что моя скромная репутация может пострадать от излишней откровенности. Вы еще не нашли вашего объявления, мистер Вильсон?

— Вот оно! — сказал Вильсон, тыча в столбец своим красным толстым пальцем. — Нашел! С этого-то и началось все дело. Прочтите, сэр.

¹ Члены масонских лож, в знак происхождения союза объединенных каменщиков-строителей, носили знаки масонства циркуль, наугольник и остроконечный молоток.

Я взял газету и прочел:

«В Лиге рыжеголовых. Согласно завещанию покойного Иезекии Гопкинс из Либенона в Пенсильвании (Северо-Американские Штаты) открывается новая вакансия члена Лиги с жалованьем четыре фунта в неделю за необременительную работу. Кандидатами могут быть все здоровые духом и телом люди с рыжими волосами, старше двадцати одного года. Обращаться лично в понедельник в одиннадцать часов к Дункану Росс, в контору Лиги, Попс-Корт, на Флит-стрит».

— Что бы это могло означать? — заметил я, дважды прочитав необыкновенное объявление.

Холмс тихо засмеялся и заворочался в своем кресле, что с ним случалось в минуты веселья.

— Правда, это не совсем обыденно? — сказал он. — А теперь, мистер Вильсон, расскажите нам про себя и про влияние, какое это объявление оказало на вашу судьбу. А вы, доктор, взгляните, пожалуйста, что это за газета и от какого числа?

— «Morning Chronicle» от 27 апреля 1890 года, ровно два месяца тому назад.

— Отлично! Ну-с, Вильсон!

— Дело было так, как я вам уже рассказывал, мистер Холмс, — сказал Вильсон, обтирая платком лоб. — У меня небольшая ссудная касса на Кобургской площади близ Сити.¹ Дело у меня всегда шло кое-как, а в последние годы я едва зарабатывал на жизнь. Прежде я держал двух помощников, теперь же у меня только один, да и тому мне было бы трудно платить, но он согласился работать за половину жалованья, чтобы изучить дело.

— Как зовут этого милого юношу? — спросил Шерлок Холмс.

— Его зовут Винцент Спаульдинг, но он уже далеко не юноша. Трудно определить его возраст. Лучшего помощника не отыскать, мистер Холмс. Я отлично знаю, что он мог бы найти более выгодное ме-

¹ Деловые кварталы Лондона, где помещаются банки, конторы, магазины.

сто и получать вдвое больше. Но если он доволен, то не мне же наводить его на такие мысли. Верно?

— Понятно! Зачем это делать? Вам очень повезло. В наше время не часто случается найти хорошего работника за небольшую плату. Мне кажется, что ваш помощник так же замечателен в своем роде, как и это объявление.

— О, у него есть свои недостатки, — заметил Вильсон. — Он страшно увлекается фотографией. Щелкает камерой, вместо того, чтобы развивать свой ум чтением, и то и дело бежит в погреб проявлять свои снимки. Это его главный недостаток. Вообще же он хороший работник, и никаких пороков я у него не замечаю.

— Он еще у вас?

— Да, сэр! У меня в доме только он и четырнадцатилетняя девочка, которая стряпает мне обед и убирает квартиру. Я вдовец, детей у меня никогда не было. Мы втроем ведем очень тихую жизнь, сэр; кое-как сводим концы с концами и платим по счетам. Но это объявление нарушило наш покой. Ровно восемь недель тому назад Спаульдинг пришел с этой газетой в руках и сказал:

«Как бы я хотел быть рыжим!»

«А почему?» — удивился я.

«Потому что открылась вакансия в Лиге рыжеголовых. Какое счастье тому, кто ее получит! Если бы у меня был подходящий цвет волос, устроился бы я в этом гнездышке!».

«А в чем дело?» — спрашиваю я. Ведь я, мистер Холмс, страшный домосед и иногда неделями не переступаю за порог своего дома. Поэтому я мало знаю о том, что творится на белом свете, и рад всяким вестям.

«Вы никогда не слышали об этой Лиге?» — говорит Спаульдинг, широко раскрыв глаза.

«Никогда!»

«Ну, удивляюсь, потому что вы-то как раз могли бы получить это место».

«А что это мне даст?» — спрашиваю я.

«Сотни две в год, и работа очень легкая, к тому

же вам даже не пришлось бы отказываться от своего дела».

— Можете себе представить, как я насторожился: дела у меня шли неважно, и лишние две сотни в год мне были бы очень кстати.

«Расскажите мне поподробнее», — попросил я Спаульдинга.

«Вот, посмотрите сами, -- говорит он, указывая на это объявление: «В Лиге рыжеголовых» открылась вакансия, а вот адрес конторы, где вы можете узнать все подробности. Насколько мне известно, Лига была основана американским миллионером Иезекией Гопкинс, должно быть, каким-то чудачком. У него самого были рыжие волосы, и потому он питал особую симпатию ко всем рыжим; после его смерти выяснилось, что он оставил все свое огромное состояние душеприказчикам с тем, чтобы проценты с капитала шли на обеспечение людей с рыжими волосами. Насколько мне известно, плата отличная, а работа очень легкая».

«Но ведь явятся миллионы рыжих», — говорю я ему.

«Вовсе не так много, как вы думаете, — отвечает Спаульдинг. — Видите ли, приняты могут быть только лондонцы, и только совершеннолетние. Этот американец в юности приехал из Англии и хотел сделать доброе дело для своего родного города. Потом я слышал, что волосы должны быть не просто рыжего цвета, а непременно огненнорыжие. Вот если бы вы туда обратились, то, наверное, были бы признаны подходящим кандидатом».

— Вы сами видите, господа, что волосы у меня, действительно, огненнорыжие, и в этом отношении я могу потягаться с кем угодно. Повидимому, Винцент Спаульдинг был в курсе дела и мог быть мне полезен, поэтому я велел ему закрыть ставни и идти со мною. Он очень охотно согласился бросить работу. Мы закрыли лавчонку и отправились по адресу, указанному в объявлении.

Никогда я не увижу ничего подобного, мистер Холмс! С севера, с юга, с запада и с востока шли

в Сити рыжие всех оттенков. Улица была забита рыжими, и Попс-Корт имел вид тележки торговца апельсинами. Тут были все оттенки рыжего цвета: оттенок соломы, лимона, апельсина, кирпича, желчи, глины, шерсти ирландского сеттера; но, как говорил Спаульдинг, мало было волос такого яркого, огненного цвета, как мои. Когда я увидел это море собравшихся, я решил было отказаться от попытки, но Спаульдинг и слышать об этом не хотел. Не могу понять, как он это сделал, но он растолкал толпу, протиснулся вместе со мною и втолкнул меня на лестницу, которая вела в контору. На лестнице я увидел два потока людей; одни из них шли наверх, и их лица светились надеждой, другие спускались вниз с разочарованным видом. Мы кое-как пробрались и очутились в конторе.

В конторе стояло два деревянных стула и стол, за которым сидел маленький человек с волосами еще более рыжими, чем мои. Каждому кандидату, входившему в комнату, он говорил несколько слов, при чем у каждого находил какой-нибудь недостаток, делавший его непригодным. Оказывалось, что вовсе не легко получить вакансию. Однако, когда подошел наш черед, человек отнесся ко мне гораздо любезнее, чем ко всем остальным, и запер за нами дверь, чтобы поговорить наедине.

«Это мистер Вильсон, — сказал мой помощник, — он хочет поступить на вакансию, открывшуюся в Лиге».

«О! Он вполне отвечает нашим требованиям, — ответил человек. — Не помню, чтобы мне когда-нибудь случалось встречать такую великолепную шевелюру».

Он отступил на шаг, сдвинул шляпу на ухо и стал так пристально смотреть на мои волосы, что я совсем сконфузился. Затем он внезапно бросился ко мне, крепко сжал мою руку и горячо поздравил с успехом.

«Дальнейшие колебания были бы несправедливы, — сказал он. — Но вы, наверное, извините меня

за то, что мне приходится соблюдать все предосторожности».

С этими словами он схватил меня обеими руками за волосы и так их дернул, что я невольно закричал от боли.

«У вас слезы на глазах, — сказал он, — значит все в порядке. — Нам приходится соблюдать большую осторожность, так как нас дважды обманывали, — раз париком, другой раз краской».

Он подошел к окну и во все горло крикнул, что вакансия замещена. Снизу донесся стон разочарования. Собравшиеся там люди разошлись, так что осталось только двое рыжих, — я и управляющий конторой.

«Моя фамилия — Дункан Росс, — сказал он, — и я сам один из тех, кто получает пенсию из фонда, основанного нашим покойным благодетелем. Вы женаты, мистер Вильсон? Есть у вас семья?»

Я ответил, что семьи у меня нет. Лицо его сразу вытянулось.

«Вот как! Это очень жаль, — проговорил он. — Фонд был основан Иезекией Гопкинс не только для оказания поддержки людям с рыжими волосами, но также для увеличения численности рыжеволосых. Как печально, что вы холостяк!»

У меня тоже вытянулось лицо, мистер Холмс, так как я решил, что вакансии мне не получить. Однако, подумав несколько минут, мой собеседник сказал, что дело можно уладить.

«Будь на вашем месте кто-нибудь другой, это препятствие могло бы оказаться роковым, — сказал он, — но для человека с такими волосами придется сделать исключение. Когда вы расположены приступить к выполнению ваших новых обязанностей?»

«Видите ли, у меня уже есть дело», — сказал я.

«О, об этом не беспокойтесь, — заметил Винцент Спаульдинг — я могу вас заменить».

«В какие часы я должен работать?»

«С десяти до двух».

— В ссудной кассе, мистер Холмс, посетители бывают больше по вечерам, особенно по четвергам и

пятницам накануне получки, так что по утрам я свободен и был не прочь подзаработать.

«Мне эти часы очень удобны, — сказал я. — А какая будет плата?»

«Четыре фунта в неделю».

«А какая работа?»

«Номинальная».

«Что это значит номинальная?»

«Видите ли, в продолжение условленного времени вы должны находиться в конторе или, по крайней мере, в этом доме. Но если вы уйдете в эти часы, то навсегда потеряете место. В завещании Иезекии Гопкинс это оговорено очень ясно».

«Если речь идет всего о четырех часах в день, то я вполне могу не выходить отсюда», — ответил я.

«Помните, что не принимаются во внимание никакие причины неисполнения этого условия, — продолжал Дункан Росс, — ни болезнь, ни дела, ни что бы то ни было другое».

«А что я должен делать?»

«Переписывать «Британскую Энциклопедию». Вот там в шкафу лежит первый том. Вы должны приносить свою бумагу, перья и чернила; мы же даем стол и стул. Можете вы приступить к работе завтра?»

«Конечно», — ответил я.

«В таком случае, прощайте. Вильсон, и позвольте мне еще раз поздравить вас с достигнутым вами высоким положением».

Он с поклоном проводил меня до двери, и я отправился домой с моим помощником. Я не знал, что делать от радости.

Весь день я обдумывал это дело, но к вечеру пришел в уныние, так как решил про себя, что это либо мистификация, либо мошенничество, цели которого мне непонятны. Винцент Спаульдинг изо всех сил старался меня развеселить, но, ложась спать, я дал себе слово бросить эту затею. Однако, на следующее утро я решил посмотреть, что из этого всего выйдет, купил бутылочку чернил, взял гусиное перо, семь листов бумаги и отправился в контору Лиги.

К великому моему изумлению и восторгу все бы-

ло в полном порядке: для меня был приготовлен стол, и мистер Дункан Росс был уже на месте, чтобы видеть, как я примусь за дело. Он сказал, что я должен начать с буквы «А» и вышел из комнаты, но время от времени заходил узнать, как у меня подвигается работа. В два часа он простился со мною, наговорил мне кучу комплиментов по поводу того, что я так много успел, и запер за мною дверь конторы.

Так продолжалось изо дня в день, мистер Холмс, а в субботу пришел управляющий и выложил мне четыре золотых соверена за неделю. То же самое было и в следующие две недели. Я каждое утро в десять часов являлся в контору, а в два часа уходил домой. Мало-помалу Дункан Росс стал заходить реже, а затем и совсем перестал бывать в конторе. Но, само собою разумеется, я не решался ни на одно мгновение выйти из комнаты, так как он мог зайти в любую минуту, а работа была слишком выгодна, чтобы ею рисковать.

Так прошло два месяца, и я успел переписать множество статей об «Аббатах», «Архитектуре», «Аттике», и т. п. и надеялся, что при прилежании скоро смогу перейти к букве «Б». Я извел немало денег на бумагу и заполнил почти целую полку исписанными мною листами. И вдруг это дело внезапно... кончилось...

— Кончилось?

— Да, сэр! И не раньше и не позже, чем сегодня утром. Я, как всегда, явился на работу к десяти часам, но дверь конторы была заперта на замок, а повыше красовался прибитый гвоздиком четырехугольный кусочек картона. Вот он. Можете сами прочесть, что тут написано.

Он протянул кусок картона величиною с записную книжку. На нем было написано: «Лига рыжеголовых прекратила существование 9 октября 1890 года».

Шерлок Холмс взглянул на это краткое объявление, на огорченное лицо человека, передавшего его нам, и комическая сторона этого приключения заставила нас обоих громко расхохотаться.

— Не вижу, что тут такого смешного! — крикнул наш клиент, вспыхнув до корней своих огненных волос. — Если вы не можете придумать ничего лучшего, как потешаться надо мною, то я могу пойти в другое место.

— Нет, нет! — крикнул Холмс, усаживая его снова на стул. — Я ни за что не соглашусь упустить наше дело. Оно представляет совсем особый интерес. Но, простите, в нем есть что-то смешное! Скажите, что же вы сделали, увидя на двери это объявление?

— Я был так поражен, сэр, что не знал, с чего мне начать. Затем я обошел все соседние конторы, но, как оказалось, никто не понимал, о чем я расспрашиваю. Наконец, я пошел к домовладельцу, живущему в нижнем этаже, и спросил его, не может ли он мне сказать, куда девалась «Лига рыжеголовых»? Он ответил, что никогда не слышал о подобном обществе. Когда я спросил его, кто такой мистер Дункан Росс, он ответил, что впервые слышит это имя.

«Но как так, — говорю я, — ведь это джентльмен из четвертого номера!»

«Как, рыжий?».

«Да, рыжий».

«О, так ведь это Вилльям Моррис. Он адвокат и нанял у меня комнату на время, пока ремонтируется его помещение. Он переехал к себе вчера».

«Где я могу его найти?»

«В его новой квартире».

Он сказал мне адрес. Вот он: номер 17, улица Короля Эдуарда, близ собора Св. Павла.

Я отправился по этому адресу, мистер Холмс, но там оказалась фабрика каких-то трикотажных изделий, и никто не слышал ни о мистере Вилльяме Моррис, ни о мистере Дункане Росс.

— Что же вы сделали, узнав это?

— Я пошел домой на Кобургскую площадь и стал советоваться с моим помощником. Он тоже ничем не мог мне помочь. Он только сказал, что через некоторое время я получу объяснение по почте. Но мне этого недостаточно, мистер Холмс. Я не хочу без борьбы потерять такое место; а так как я слы-

шал, что вы не отказываете бедным людям, нуждающимся в совете, то я и пришел к вам.

— И очень правильно поступили, — сказал Холмс. — Ваше дело очень меня заинтересовало, и я рад им заняться. Я думаю, что оно серьезнее, чем может показаться с первого взгляда.

— Еще бы не серьезное! — воскликнул мистер Вильсон. — Шутка ли! Я потерял четыре фунта в неделю!

— Что касается лично вас, то, по-моему, вам нечего жаловаться на эту необыкновенную лигу, — заметил Холмс, — напротив, вы, насколько я понимаю, разбогатели на тридцать фунтов, не говоря уже о подробных сведениях, которые вы приобрели обо всех предметах, начинающихся с буквы «А». Вы ничего от этого не потеряли.

— Нет, сэр! Но мне бы хотелось узнать, что это были за люди и почему они сыграли со мною такую шутку. Это была для них дорогостоящая шутка, так как она обошлась им в тридцать фунтов.

— Мы постараемся все это выяснить. А для начала позвольте предложить вам два вопроса. Как долго служил у вас помощник, указавший вам на объявление?

— До того времени он служил у меня около месяца.

— Как он к вам попал?

— По объявлению.

— По этому объявлению явился он один?

— Нет, желающих была целая дюжина.

— Почему вы остановили выбор на нем?

— Потому что он расторопен и согласился на небольшое жалованье.

— В сущности, на половинное жалованье?

— Да.

— Как он выглядит, этот Винцент Спаульдинг?

— Небольшого роста, коренаст, очень живой; ни усов, ни бороды, хотя ему около тридцати лет. У него на лбу белое пятно от ожога кислотой.

Холмс привстал с кресла, — он был очень возбужден.

— Я так и думал! — проговорил он. — Вы не замечали у него в ушах дырочек для серег?

— Да, сэр. Он рассказывал мне, что какая-то цыганка проколола ему уши, когда он еще был малышом.

— Гм! — Холмс в глубоком раздумьи снова опустился в кресло. — Он еще у вас?

— О, да, сэр. Я только что с ним расстался.

— А как шли дела во время ваших занятий в конторе Лиги?

— Грех пожаловаться, сэр. По утрам у нас вообще не бывает много работы.

— Довольно, мистер Вильсон. Денька через два, а то и раньше, я буду иметь удовольствие высказать вам свое мнение насчет вашего дела. Сегодня суббота, надеюсь, что к понедельнику я приду к какому-нибудь выводу.

— Ну-с, Ватсон, — заметил Холмс, когда наш посетитель ушел, — что вы думаете по этому поводу?

— Ничего не думаю, — откровенно признался я. — Это очень загадочное дело.

— Вы знаете, как общее правило, дело тем проще, чем загадочнее оно кажется на первый взгляд. Однако, с этим делом надо торопиться.

— Что вы намерены делать?

— Во-первых, покурю. Эта задача потребует трех трубок, и я прошу вас не говорить со мной пятьдесят минут.

Он свернулся в кресле, подняв худые колени к истребиному носу. Его черная глиняная трубка напоминала клюв какой-то странной птицы. Я думал было, что он заснул, и сам начал клевать носом, как вдруг он вскочил с видом человека, принявшего какое-то решение.

— Сарасатэ¹ играет сегодня в Джэмс-Холле. Надевайте шляпу и едем. Сначала я пройду по Сити. По дороге мы можем где-нибудь поесть. Ну, идем!

Мы проехали подземной дорогой до Ольдерсгет, и, пройдя несколько кварталов, очутились на Саксен-

¹ Сарасатэ — знаменитый скрипач-виртуоз.

Кобургской площади, месте действия странной истории, о которой слышали утром. С четырех сторон грязные двухэтажные дома замыкали небольшое обнесенное решеткой пространство, — поросшую сохой травой лужайку и несколько лавровых деревьев. Три золотые шара и темная вывеска с именем «Джобез Вильсон» указали нам вход в ссудную каску нашего рыжего клиента.

Шерлок Холмс остановился перед домом и стал внимательно его осматривать. Его глаза блеснули под прищуренными веками. Он медленно прошелся взад и вперед по улице, не спуская глаз с дома; наконец он вернулся обратно к дому с шарами, сильно ударил раза два-три палкой по тротуару, подошел к двери и постучался. Ему тотчас же открыл молодой человек с чисто выбритым, смысленным лицом и попросил войти.

— Благодарю вас, — сказал Холмс, — я только хотел спросить, как пройти отсюда к Стрэнду.

— Третья улица направо, четвертая налево, — быстро ответил помощник Вильсона и закрыл дверь.

— Ловкий малый, — заметил Холмс, когда мы отошли от дома. — По-моему, он занимает в Лондоне четвертое место по ловкости и третье по смелости. Я кое-что о нем знаю.

— Очевидно, помощник Вильсона играет большую роль в тайне «Лиги рыжеголовых». Я уверен, что вы зашли спросить про дорогу только для того, чтобы его повидать.

— Не его самого.

— А что же?

— Коленки его брюк.

— Ну, и что же вы увидели?

— То, что я ожидал.

— Зачем вы стучали палкой по тротуару?

— Милый доктор, теперь надо заниматься наблюдениями, а не разговорами. Мы — шпионы в неприятельской стране. Мы получили некоторые данные с Саксен-Кобургской площади. Остается заняться исследованием прилегающих к ней улиц.

Когда мы отошли от площади, мы попали

в другой мир, настолько же не похожий на эти задворки, как не похожа картина на обратную свою сторону. Перед нами была одна из главных артерий Сити, ведущая из северной части города в западную.

Мостовая была запружена непрерывным потоком экипажей и фур, а тротуары были черны от роя прохожих. Глядя на ряды великолепных магазинов и величавых банков, трудно было себе представить, что задней своей стороной эти дома выходят на унылую,

пустынную площадь, которую мы только что покинули.

— Давайте-ка посмотрим, — сказал Холмс, останавливаясь на углу и окидывая взглядом всю улицу. — Мне хочется хорошо запомнить расположение домов. Знание Лондона — это мой конек. Вот дом Мортимера, табачная лавочка, газетный ларек, Кобургское отделение городского и пригородного банка, вегетарианский ресторан и депо экипажной фабрики. Ну, а теперь, доктор, мы сделали свое дело и можем развлечься. Съедем по бутерброду, выпьем по чашке кофе, а затем отправимся в страну музыки, где нет рыжих клиентов, надоедающих своими головоломными делами.

Во время концерта Холмс сидел в состоянии полного блаженства.

— Вам, наверно, хочется домой, доктор? — спросил он, когда мы вышли на улицу.

— Да.

— А мне придется позаняться еще несколько часов Кобургской площадью. Дело серьезное. Задумано большое преступление. Но я имею основание полагать, что мне удастся его предотвратить. Жаль только, что сегодня суббота, это осложняет дело. Сегодня вечером мне нужна будет ваша помощь.

— В котором часу?

— Часов в десять.

— В десять я буду у вас.

— Отлично! И знаете что, доктор? Дело может оказаться несколько опасным, поэтому, на всякий случай, прихватите с собой револьвер.

Он махнул мне рукою в знак приветствия, повернулся и мгновенно исчез в толпе.

По пути домой я обдумывал все, начиная с загадочной истории рыжего переписчика энциклопедии, кончая нашим посещением Кобургской площади и многозначительными словами, сказанными мне на прощанье. Что за ночная экспедиция? Почему я должен быть вооружен? Куда мы отправимся и что будем делать? Холмс намекнул, что безбородый помощник Вильсона опасный человек. Я тщетно пытал-

ся найти разгадку и решил не думать об этом до вечера, когда все выяснится.

В четверть десятого я вышел из дому и прошел парком и Оксфордской улицей до Бэкер-стрит. У подъезда стояло два экипажа. В коридоре я услышал доносившийся из комнат шум голосов. Войдя в гостиную, я застал Холмса в оживленной беседе с двумя людьми; в одном из них я признал Питера Джонс, полицейского агента; другой был длинный тощий человек с печальным лицом; на нем был очень блестящий цилиндр и удручающе приличный фрак.

— Ага! Вот мы и все в сборе, — сказал Холмс, застегивая куртку и снимая со стены арапник.

— Ватсон, вы, должно быть, знакомы с мистером Джонс? Позвольте мне представить вас мистеру Мерриуэзер; он тоже примет участие в нашей ночной экспедиции.

— Как видите, мы, опять отправляемся на охоту, — сказал Джонс. — Наш друг удивительно умеет устраивать облаву.

— Только бы наша охота не кончилась какой-нибудь уткой, — угрюмо проговорил мистер Мерриуэзер.

— Можете положиться на мистера Холмс, сэр, — свысока сказал полицейский. — У него, если мне позволено высказаться, свои методы; они, по-моему, несколько слишком теоретичны и фантастичны, но в общем у него есть жилка сыщика...

— Ну, уж если вы это говорите, мистер Джонс, так значит так и есть, — почтительно сказал незнакомец. — Но, признаюсь, мне недостает роббера.¹ За двадцать семь лет это у меня первый субботний вечер без роббера.

— Вы убедитесь, что сегодня ставка выше, чем за всю вашу жизнь, а игра предстоит азартная, — заметил Шерлок Холмс. — Для вас, мистер Мерриуэзер, на карту поставлено тридцать тысяч фунтов, а

¹ Роббер — карточная игра

для вас, Джонс, — поимка человека, которого вы так давно жаждете поймать.

— Джон Клей — убийца, вор, злостный банкрот, подделыватель векселей, — сказал Джонс. — Он еще совсем молод, мистер Мерриуэзер, но он заткнет за пояс всех мошенников Лондона, и я охотнее одену мои браслеты на него, чем на любого другого преступника. Молодой Джон Клей удивительный человек. Его дед был герцогом, а сам он учился и в Итоне¹ и в Оксфорде. Он необычайно изворотлив, и хотя мы на каждом шагу наталкивались на его следы, самого его нам никак не удавалось поймать. Я годами слежу за ним, но никогда не видел его.

— Надеюсь, что сегодня вечером буду иметь удовольствие представить его вам, — сказал Холмс. — Мне тоже раза два приходилось иметь дело с Джоном Клей, и я вполне согласен с вами, что он самый выдающийся представитель профессии преступников. Однако, уже больше десяти часов, и нам пора отпираться. Вы двое садитесь в первый кэб, а мы с Ватсоном сядем во второй.

Шерлок Холмс мало разговаривал во время длинного пути. Мы миновали бесчисленные освещенные газом улицы и, наконец, выехали на Феррингтон-стрит.

— Теперь развязка наступит очень скоро, — сказал мой друг. — Мерриуэзер — председатель правления одного из банков и лично заинтересован в этом деле. Я счел нужным взять с собою Джонса. Он не плохой малый, хотя в своем деле круглый дурак. У него есть отличное качество — храбр, как бульдог, а если уж кого поймают, то вцепится мертвой хваткой. Вот мы и приехали!

Мы снова очутились на той же оживленной улице, на которой были утром. Мы отпустили кэбы и, следуя за мистером Мерриуэзер, по узкому проходу достигли боковой двери, которую он нам открыл. Мы вошли в маленький коридорчик, заканчи-

¹ Итон — основанный в XV веке колледж, в котором воспитывались сыновья английских аристократических семей.

вавшийся массивной железной дверью. Дверь отворилась, и по ступенькам витой каменной лестницы мы спустились к другой такой же двери. Мистер Мерриуэзер остановился, зажег фонарь и по темному коридору, наполненному запахом сырой земли, повел нас к третьей двери, которую он отпер. Мы оказались в громадном подвале или погребе, уставленном плетеными корзинами, массивными ящиками и сундуками.

— Ну, сверху-то вы неприступны, — заметил Холмс, подымая фонарь и оглядывая помещение.

— Да, и снизу так же, — ответил мистер Мерриуэзер, ударяя палкой по плитам пола. — Но что же это?! Какой странный, глухой звук! — проговорил он с изумлением.

— Я попрошу вас быть спокойнее, — сурово сказал Холмс. — Вы и так уже подвергли большому риску успех нашей экспедиции. Будьте добры, присядьте на один из сундуков и ни во что не вмешивайтесь.

Мистер Мерриуэзер с обиженным видом уселся на плетеную корзину, а Холмс стал на колени и при свете фонаря начал рассматривать через увеличительное стекло трещины между плитами.

Несколько секунд спустя он вскочил на ноги и положил лупу в карман.

— У нас еще целый час времени, — сказал он, — так как они не могут приняться за дело, пока наш простак Вильсон не уснет мирным сном. Но тогда они не станут терять ни минуты. Вы, вероятно, уже догадались, доктор, что мы находимся в подвале отделения одного из крупнейших лондонских банков. Мистер Мерриуэзер — председатель правления этого банка и объяснит вам, почему этот погреб в данный момент представляет особый интерес для самых смелых преступников Лондона.

— Дело касается нашего французского золота, — шепнул мне председатель правления. — Мы получили уже несколько предупреждений о готовящихся покушениях.

— Вашего французского золота?

— Да, несколько месяцев тому назад нам понадобилось усилить наши денежные средства, и мы заняли во Французском банке тридцать тысяч наполеондоров.¹ Стало известно, что нам не пришлось использовать этих денег, и что они так и остались лежать нераспакованными в этом погребе. В корзине, на которой я сижу, лежат две тысячи луидоров. Обыкновенно мы не держим в отделении такого количества звонкой монеты, и потому наши директора беспокоятся насчет сохранности этих денег.

— И имеют полное на то основание, — заметил Холмс. — Ну, а теперь пора нам выработать план действий. Я думаю, что через час с делом будет покончено. А пока что, мистер Мерриуэзер, придется прикрыть фонарь.

— И сидеть в темноте?

— Боюсь, что да. Я захватил с собою карты, я думал, что нас как раз четверо, и вы сможете сыграть ваш субботний роббер. Но, я вижу теперь, что приготовления противника настолько подвинулись, что он может заметить наш свет. Это отчаянные головорезы, и хотя мы нападём на них врасплох, их все-таки следует остерегаться. Я стану за этой корзиной, а вы спрячьтесь за теми ящиками. Когда я наведу на них свет фонаря, немедленно окружайте их. Если они вздумают стрелять, не стесняйтесь их прикончить, Ватсон.

Я взвел курок своего револьвера и положил оружие на деревянный ящик, за которым притаился. Холмс прикрыл фонарь, и мы очутились в полнейшей темноте. Только запах горячего металла напоминал нам, что свет не погас и может загореться в любое мгновение.

— У них только один выход, — шепнул Холмс, — через дом на Саксен-Кобургскую площадь. Надеюсь, вы исполнили мою просьбу. Джонс?

— Конечно, сэр. У входной двери дежурит инспектор с двумя полицейскими.

¹ Наполеондор — французская золотая монета в 20 франков.

— Ну, значит, все щели наглухо закрыты. А теперь будем молчать и ждать.

Как долго тянулось время! Впоследствии выяснилось, что мы ждали только час с четвертью, но тогда мне казалось, что ночь уже приходит к концу, и скоро займется заря. С моего места за ящиком мне были видны плиты пола. Внезапно я заметил скользящий по ним луч света.

Сначала свет скользнул, как беглая искра, потом искра стала длиннее и превратилась в желтую полосу. Затем, внезапно, в открывшемся отверстии показалась белая, почти женская рука; рука эта стала ощупывать плиты вокруг того места, через которое проникал свет. Минуты две она виднелась из-под пола, затем исчезла так же внезапно, как и появилась. Снова стало темно, только между плитами продолжал мерцать слабый свет. Однако, рука исчезла только на мгновение. Неожиданно одна из белых плит поднялась и перевернулась с резким шумом; образовалось огромное четырехугольное отверстие, через которое ворвался яркий свет фонаря. Затем выглянуло молодое лицо с правильными чертами. Человек внимательно огляделся, подтянулся на руках и уперся коленом о край отверстия. Через мгновение он уже помогал подняться товарищу, бледному малому с копной яркорежих волос, такому же проворному и ловкому, как он сам.

— Путь свободен, — прошептал он.

— У тебя зубило в мешке?.. О, чорт возьми! Прыгай назад, Арчи! Прыгай живее, а я уж буду отвечать!

Шерлок Холмс выскочил из своей засады и схватил бандита за шиворот. Сообщник прыгнул обратно, и я слышал, как треснуло сукно его одежды, когда Джонс вцепился в полы его сюртука. Луч света осветил револьвер в руке преступника, но Холмс ударил его арапником по руке, и револьвер с шумом упал на каменный пол.

— Все это напрасно. Джон Клей, — любезно сказал Холмс. — На этот раз вам не повезло.

— Вижу, что не повезло, — с величайшим хлад-

нокровием ответил молодой человек. — Кажется, мой товарищ ускользнул, хотя у вас в руках остались полы его сюртука.

— У дверей его ждут трое, — сказал Холмс.

— О, вот как! Оказывается, вы все отлично подготовили. Остается только поздравить вас.

— Позвольте и мне в свою очередь вас поздравить, — ответил Холмс. — Ваша идея с Лигой рыжеголовых очень оригинальна и остроумна.

— Сейчас увидите своего приятеля, — сказал Джонс. — Он лучше меня умеет прыгать в дыры. Походите только пока я надену вам наручники.

— Пожалуйста, не трогайте меня своими грязными руками, — сказал наш пленник, когда на его запястьях зазвенели наручники. — Вы, быть может, не знаете, что в моих жилах течет королевская кровь. Постарайтесь называть меня «сэр» и прибавлять «пожалуйста», сходясь ко мне.

— Отлично, — насмешливо ответил Джонс, пристально вглядываясь в него. — Итак, сэр, не угодно ли вам подняться наверх? Там мы можем найги кэб, чтобы отвезти ваше высочество в полицейскую часть.

— Вот так лучше, — спокойно заметил Джон Клей. Он вежливо, с чувством собственного достоинства поклонился и спокойно вышел с Джонсом.

— Я просто не знаю, чем и как наш банк может отблагодарить вас, мистер Холмс, — сказал мистер Мерриуэзер, когда мы вышли из погреба. — Нет сомнения в том, что нам удалось обнаружить и предотвратить одну из самых смелых попыток ограбить банк.

— У меня свои маленькие счета с мистером Джоном Клей, — сказал Холмс. — По этому делу у меня были небольшие затраты, которые, надеюсь, банк мне возместит, но, во всяком случае, я щедро вознагражден тем, что испытал единственное в своем роде приключение и слышал замечательный рассказ о «Лиге рыжеголовых».

— Видите, Ватсон, — говорил мне Холмс, когда мы рано утром сидели с ним на Бэкер-стрит за стаканом виски с содой. — С самого начала было ясно,

что несколько фантастическое объявление насчет «Лиги» имело целью на некоторое время удалить из дома этого не слишком умного владельца ссудной конторы. Это был странный способ, но лучшего нельзя было придумать. Изобретательному Клею, повидимому, пришла мысль воспользоваться цветом волос своего сообщника; четырех фунтов в неделю было достаточно, чтобы поймать Вильсона на удочку. Что значит эта сумма для людей, ведущих крупную игру? Они поместили объявление, один мошенник открыл временную контору, другой уговорил Вильсона явиться по объявлению. Таким образом, им удавалось ежедневно на несколько часов удалять его из дому. Как только я услышал, что Спаульдинг согласился служить за половинное жалованье, я сразу же догадался, что у этого человека есть веские причины добиваться места у Вильсона.

— Но как вы могли понять, каковы эти причины?

— Если бы в доме была женщина, я заподозрил бы простую любовную интригу. Но в данном случае об этом не могло быть речи. Дело у Вильсона довольно жалкое, и в доме нет ничего такого, что бы могло оправдать столь сложные приготовления и значительные расходы. Значит, причину надо было искать вне дома. Что же это могло быть? Я вспомнил о страсти Спаульдинга к фотografiрованию и о том, что он часто убегает в погреб. Погреб! Я нащупал ключ к этой загадочной истории. Тогда я навел справки о таинственном незнакомце и узнал, что имею дело с одним из самых хладнокровных и дерзких преступников Лондона. Ежедневно, по несколько часов он что-то делает в погребе, и это продолжается два месяца. Что же это могло быть? Оставалось одно только предположение, — он роет подкоп под какое-то здание.

Вот к каким выводам я пришел к моменту, когда мы очутились на месте действия. Вас удивило, что я стал стучать палкой по мостовой. Мне хотелось установить, где проходит подкоп, — перед домом или позади. Оказалось, что перед домом подкопа не было. Тогда я позвонил и, как я и рассчитывал, мне отворил

приказчик Вильсона. Между нами и раньше бывали стычки, но мы никогда не видели друг друга в глаза. Впрочем, я почти не взглянул ему в лицо. Мне нужно было видеть его брюки. Вероятно, вы тоже заметили, как они были смяты и вытерты на коленках. Они свидетельствовали о долгих часах работы на коленях. Оставалось только установить, зачем понадобился подкоп. Я зашел за угол и увидел, что здание «Городского и пригородного банка» выходит задней своей стороной к дому Вильсона; я убедился, что нашел разгадку всего этого дела. Когда вы поехали домой, я зашел в Скотлэнд-Ярд и к председателю правления банка. Результаты этого всего вы видели.

— А почему вы решили, что они собираются произвести покушение как раз сегодня? — спросил я

— Они закрыли контору «Лиги». — значит, они уже не нуждаются в отсутствии мистера Вильсона, — иными словами, им удалось закончить свой подкоп. Но им было необходимо возможно скорее воспользоваться подкопом, так как его могли обнаружить или банк мог взять из подвала деньги. Самый удобный для них день — суббота, потому что до понедельника они имеют двое суток для побега. Вот почему я ожидал, что покушение будет произведено именно в эту ночь.

— Ваше рассуждение приводит меня в восторг! — воскликнул я в непритворном восхищении. — Такая длинная цепь, а между тем каждое ее звено не вызывает никаких сомнений. Вы истинный благодетель рода человеческого.

Холмс пожал плечами.

— Может быть, я действительно приношу кое-какую пользу, — заметил он. — «Человек — ничто, его дело — все», как Густав Флобер¹ писал Жорж Занд.

¹ Густав Флобер — знаменитый французский романист XIX века, автор «Малам Бовари» и «Саламбо».

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ТОЖДЕСТВА

Мой дорогой друг, — сказал как-то Холмс, когда мы сидели с ним у камина в его квартире на Бэкер-стрит, — жизнь несравненно причудливее, чем все, что способно создать наше воображение. Если бы мы вылетели с вами рука об руку из этого окна и, пролетая над Лондоном, приподняли крыши, мы бы увидели такие странные дела, такие необычайные совпадения, недоразумения, такие непостижимые цепи явлений, что все вымыслы с их условными и легкопредвидимыми завершениями показались бы нам скучными и бесцветными.

— Я в этом не уверен, — ответил я. — Дела, о которых мы читаем в газетах, обычно, вульгарны и банальны.

— Поверьте, — заметил Холмс, — нет ничего фантастичнее обыденных вещей.

— А в настоящее время есть у вас какие-нибудь необычайные, фантастичные дела?

— У меня есть десять-двенадцать дел, но они не представляют собой ничего интересного. Однако, возможно, что не пройдет и нескольких минут, как у меня будет дело позанятнее, — если я не ошибаюсь, я вижу клиентку, которая направляется ко мне.

Он встал с кресла и, остановившись перед окном, смотрел на скучную серую лондонскую улицу. Взглянув через его плечо, я увидел на противоположной стороне улицы крупную женщину в тяжелом меховом боа и с широким красным пером на кокетливо загнутой широкополой шляпе. Из-под этих пышных доспе-

хов она робко и нерешительно поглядывала на наши окна; переступая с ноги на ногу, она нервно теребила пальцами застежку перчатки.

Внезапно, как пловец, бросающийся в воду, она бросилась через улицу, и мы услышали резкий звонок.

— Я не раз наблюдал эти симптомы, — сказал Холмс, швыряя в камин окурок, — колебание перед дверьми всегда свидетельствует о том, что тут дело сердечное. Она хочет обратиться за советом и боится — дело слишком щекотливое. Но и здесь можно различать оттенки. Если женщина глубоко оскорблена, она уже не колеблется, и обычным симптомом оказывается оборванный колокольчик. В данном случае можно предположить любовную историю, но здесь женщина не так рассержена, как встревожена или огорчена. Но вот и она собственной персоной.

В этот момент раздался стук в дверь, и мальчик-слуга доложил о мисс Мэри Сузерлэнд. Шерлок Холмс приветствовал гостью с присущей ему непринуженной учтивостью, затем закрыл дверь и, усадив гостью в кресло, оглядел ее пристальным и вместе с тем как будто рассеянным взглядом.

— Вы не находите, — сказал он, — что при вашей близорукости писать на машинке утомительно?

— Вначале я уставала, — ответила она, — но теперь, не глядя, нахожу буквы. — Затем, вдруг поняв смысл его слов, она сильно вздрогнула и взглянула на Холмса с выражением страха и изумления на широко добродушном лице.

— Вы обо мне слышали, мистер Холмс? — воскликнула она. — иначе откуда вы все это знаете?

— Не беспокойтесь, — смеясь, сказал Холмс, — все знать — моя профессия. Может быть, я приучился видеть то, чего другие не замечают. Если бы не это, зачем было бы вам приходить ко мне за советом?

— Я к вам пришла потому, что слышала о вас от миссис Этередж, мужа которой вы так быстро нашли, когда полиция и все остальные считали его погибшим. О, мистер Холмс, если бы вы могли сделать то же самое для меня! Я не богата, но все же я имею ренту в сто фунтов в год, кроме того я прирабатываю

перепиской на машинке, и я готова отдать все это, чтобы только узнать, что случилось с мистером Госмер Энджелс.

— Почему вы так поспешно прибежали ко мне за советом? — спросил Шерлок Холмс, сложив кончики пальцев и глядя в потолок.

Выражение испуга снова появилось на несколько тупом лице мисс Мэри Сузерлэнд. — Да, я действительно прямо-таки вылетела из дома, — сказала она, — потому что меня разозлило равнодушие, с каким мистер Виндибэнк, мой отец, относится к этому делу. Он отказался идти в полицию, отказался идти к вам, и так как он не желал ничего предпринимать, а только твердил, что ничего страшного не случилось, я пришла в бешенство и, кое-как одевшись, прибежала прямо к вам, мистер Холмс.

— Ваш отец? — спросил Холмс. — Ваш отчим, наверное, поскольку у вас различные фамилии?

— Да, мой отчим. Я называю его отцом, хотя это звучит комично, так как он всего на пять лет старше меня.

— А ваша мать жива?

— О, да, моя мать жива и здорова. Я была не слишком довольна, когда она вышла замуж так скоро после смерти отца, притом за человека, на пятнадцать лет моложе ее. Отец имел водопроводную мастерскую и оставил прибыльное дело, которое моя мать продолжала вести с помощью старшего мастера, мистера Харди. Но мистер Виндибэнк, мой отчим, заставил мою мать продать дело, потому что он занимает гораздо более высокое положение, — он работает коммивояжером по продаже вина. Они получили четыре тысячи семьсот фунтов, хотя отец, если бы он был в живых, выручил бы значительно больше.

Я думал, что Шерлок Холмсу надоест этот бесвязный рассказ, но он, наоборот, слушал его с величайшим вниманием.

— А ваш личный доход вы получаете с этой суммой? — спросил он.

— О, нет, сэр! Это мне оставил в наследство дядя Нэд из Окленда. Капитал в Ново-Зеландских четырех

с половиною процентных бумагах. Всего было две с половиною тысячи фунтов, но я могу получать только проценты.

— Все это очень интересно, — сказал Холмс. — Получая сто фунтов в год и прирабатывая сверх того, вы, конечно, имеете возможность путешествовать и доставлять себе другие развлечения. Я считаю, что одинокая девушка может очень неплохо жить даже на доход в шестьдесят фунтов!

— Я могла бы прожить и на меньшую сумму, мистер Холмс, но ведь вы понимаете, что, живя с ними, я не хочу быть для них обузой, а поэтому, пока я живу дома, они пользуются моими деньгами. Конечно, это только временно. Мистер Виндибэнк получает проценты с моих денег и отдает их моей матери, а я отлично могу обойтись тем, что зарабатываю перепиской на машинке. Я получаю по два пенса за страницу, и часто мне удается написать пятнадцать-двадцать страниц в день.

— Вы очень ясно обрисовали мне ваше материальное положение, — сказал Холмс. — Это доктор Ватсон, и при нем вы можете говорить так же откровенно, как наедине со мною. Теперь будьте любезны опишите подробно ваши отношения с мистером Госмер Энджель.

Мисс Сузерлэнд покраснела и стала нервно терзать край своей жакетки.

— Я познакомилась с ним на балу служащих газового завода, — сказала она. — Нам всегда присылали билеты при жизни отца, а теперь они вспомнили о нас и прислали маме билеты. Мистер Виндибэнк не хотел, чтобы мы шли. Он никогда не хотел, чтобы мы где-нибудь бывали. Он приходил в бешенство, когда я выражала желание участвовать в каком-нибудь празднике воскресной школы. Но на этот раз я решила во что бы то ни стало идти, потому что, какое право он имеет меня не пускать? Он говорил, что нам не подходит знаться с такими людьми, а ведь там должны были собратся папины друзья. Еще он сказал, что мне не в чем идти, а у меня есть совсем еще не надеванное бархатное платье. И когда никакие его

возражения не помогли, он уехал во Францию по делам своей фирмы; но мы с матерью пошли вместе с мистером Харди, нашим старшим мастером. На этом балу я и познакомилась с мистером Госмер Энджель.

— Полагаю, — сказал Холмс, — что, вернувшись из Франции, мистер Виндибэнк был очень недоволен тем, что вы пошли на бал?

— Знаете, он очень добродушно к этому отнесся. Он, помнится мне, посмеялся, пожал плечами и сказал, что не стоит запрещать что-либо женщине, так как она все равно сделает по-своему.

— Понимаю. Значит, на балу газового завода вы познакомились с джентльменом по имени Госмер Энджель?

— Да, сэр. Я познакомилась с ним на вечере, и на следующий день он пришел справиться, благополучно ли мы вернулись домой, и после этого я ходила с ним два раза на прогулку. Но затем вернулся отец, и мистер Госмер Энджель уже не мог приходить к нам домой.

— Не мог?

— Вы же знаете, что отец не любил никаких посетителей и обычно твердил, что женщина должна довольствоваться своей семьей. А я на это говорила матери, что женщина должна иметь собственную семью, но ее у меня пока что нет.

— Ну, а мистер Госмер Энджель не делал попыток с вами видаться?

— Через неделю отец должен был снова уехать во Францию, и Госмер написал мне, что нам лучше не видаться до отъезда отца. Он предложил мне переписываться с ним и писал мне каждый день. Утром я сама брала письмо из ящика, и отец ничего об этом не знал.

— Вы были уже тогда обручены с этим джентльменом?

— О, да, мистер Холмс. Мы обручились во время первой же прогулки. Госмер Энджель служил кассиром в конторе на Лиденхолль-стрит и...

— В какой конторе?

— Хуже всего, мистер Холмс, что я не знаю, в какой конторе.

— Где же он жил?

— Он ночевал в помещении конторы.

И вы не знаете его адреса?

— Нет, я знаю только, что контора была на Лиденхолль-стрит.

— Куда вы адресовали ваши письма?

— В почтовое отделение Лиденхолль-стрит, до вос-
требования. Он сказал, что если я буду писать на адрес конторы, товарищи будут смеяться над тем, что он получает письма от дамы. Поэтому я предложила писать свои письма на машинке, как он сам это делал. Но он не хотел. Он сказал, что письма, написанные моей рукой, ему гораздо милее. Это показывает вам, мистер Холмс, как он меня любил и как он был внимателен к таким мелочам.

— Я всегда был того мнения, — сказал Холмс, — что мелочи существеннее всего. Может быть, вы помните еще какие-нибудь мелочи, относящиеся к мистеру Госмер Энджель?

— Он был очень робок, мистер Холмс. Он охотнее гулял со мной вечером, чем днем, так как не любил, чтобы на него обращали внимание. Он был очень застенчив. У него был тихий голос. Он рассказывал мне, что в детстве болел воспалением гланд, в результате чего у него ослабли голосовые связки, поэтому он говорил полупрошептом. Он всегда был хорошо одет, очень аккуратно и просто. У него были слабые глаза, как у меня, и поэтому он носил темные очки.

— Ну, а что произошло, когда ваш отчим, мистер Виндибэнк, опять уехал во Францию?

— Мистер Госмер Энджель снова пришел к нам и предложил мне обвенчаться с ним раньше, чем возвратится мой отец. Он был необыкновенно серьезен и заставил меня поклясться, что я буду ему верна, что бы ни случилось. Моя мать сказала, что он хорошо сделал, взяв с меня клятву, и что это служит доказательством его любви. Моя мать с самого начала очень благосклонно к нему относилась. Когда они за-

говорили о том, чтобы отпраздновать свадьбу в ближайшие дни, я спросила насчет отчима, но они обещали, чтобы я не заботилась об отчине, что ему можно сообщить потом, а мать добавила, что она берется все уладить. Мне это очень не понравилось, мистер Холмс. Мне казалось смешным, что я должна просить его согласия, когда он всего на несколько лет старше меня; но я не хотела делать что-либо тайком, и потому написала отчиму в Бордо, где имеется французское отделение его фирмы. Но письмо вернулось обратно в самый день моей свадьбы.

— Письмо не застало его?

— Да, сэр, потому что он как раз перед тем уехал в Англию.

— Вот так неудача! Значит, ваша свадьба была назначена на пятницу? Она должна была происходить в церкви?

— Да, но очень тихо и скромно. После венчания в церкви мы должны были завтракать в отеле. Госмер приехал за нами в двухместной карете, но так как нас было трое, он усадил меня с моей матерью, а сам сел в другую карету. Мы доехали до церкви и стали ждать его; но когда подъехала карета, он не вышел; кучер слез с козел и заглянул в карету, но там никого не было! Кучер не мог понять, куда делся его седок, потому что он собственными глазами видел, как нанявший его джентльмен сел в карету. Это случилось в пятницу, мистер Холмс, и с тех пор я не видела и не слышала ничего, что могло бы пролить свет на исчезновение мистера Госмер Энджель.

— Мне кажется, что он обошелся с вами самым бессовестным образом, — сказал Шерлок Холмс.

— О нет, сэр! Он слишком добр и порядочен, чтобы так меня бросить. Ведь все утро он повторял мне, что я должна быть ему верна, что бы ни случилось. Он говорил, что даже если бы судьба нас разлучила, я должна сохранить ему верность. Мне было странно слышать это перед самой свадьбой, но то, что случилось, придает смысл его словам.

— Безусловно. Значит, вы полагаете, что с ним случилось какое-нибудь несчастье?

— Да, сэр, я думаю, что он предвидел какую-то опасность, и мне кажется, случилось то, что он предвидел.

— Но вы не знаете, что бы это могло быть?

— Нет.

— Еще один вопрос. Как отнеслась к этому исчезновению ваша мать?

— Она очень рассердилась и сказала, чтобы я никогда больше об этом не говорила.

— А ваш отец? Вы рассказали ему об этом?

— Да. Он, повидимому, согласен со мной и считает, что произошла какая-то катастрофа, но что Госмер вернется. Какой был смысл довести меня до дверей церкви и затем бросить? Если бы он занял у меня деньги или женился и получил мое приданое, тогда можно было бы объяснить такой поступок, но Госмер не нуждался и никогда не интересовался моими деньгами. Но что же могло случиться? И почему он не написал? Я схожу с ума, когда думаю об этом! Ночью я не могу ни на минуту заснуть. — Она достала из муфты носовой платок и, прикрыв им лицо, стала громко всхлипывать.

— Я займусь вашим делом, — сказал Холмс, вставая, — и не сомневаюсь, что мы придем к каким-нибудь определенным выводам. Не думайте больше об этом, постарайтесь, чтобы мистер Госмер Энджель исчез из вашей памяти так, как он исчез из вашей жизни.

— Вы думаете, что я никогда больше его не увижу?

— Боюсь, что не увидите.

— Что же с ним случилось?

— Я попытаюсь это узнать. Мне хотелось бы иметь точное описание его самого и прочитать все его письма.

— Я поместила в субботу объявление о нем в газете «Chronicle», — сказала она. — Вот газета и вот четыре письма.

— Благодарю вас. Ваш адрес?

— Ляйон-Плэс, 31. Кемберуэлль.

— Адреса мистера Энджель вы не знали. Где работает ваш отец?

— Он работает коммивояжером фирмы Вестгауз и Марбэнк, торгующей импортными винами.

— Благодарю вас. Оставьте бумаги у меня и помните совет, который я вам дал. Пусть этот инцидент будет для вас навсегда закрытой книгой и пусть он никак не влияет на вашу жизнь.

— Вы очень добры, мистер Холмс, но это невозможно. Я останусь верна Госмеру.

Несмотря на свою нелепую шляпу и глуповатое лицо, наша посетительница вызывала невольное уважение. Она положила на стол связку бумаг и ушла, обещав прийти, когда это будет нужно.

Несколько минут Шерлок Холмс сидел молча, вытянув ноги и устремив глаза в потолок. Затем он взял с подставки свою старую глиняную трубку, зажег ее и долго сидел, откинувшись к спинке кресла и уткнувшись в густых облаках дыма.

— Занятное существо эта девушка, — сказал он наконец. — Она интереснее, чем загадка, которую она мне задала. Загадка, кстати, достаточно избитая. Если вы заглянете в мой каталог, вы найдете немало аналогичных случаев. Но как бы ни была стара эта идея, некоторые детали были для меня новы. Ну, а самая девушка дает богатейший материал для наблюдений.

— Вы, очевидно, усмотрели много такого, что для меня осталось невидимым, — проговорил я.

— Не говорите — невидимым, а скажите — незамеченным, Ватсон. Вы не знаете, на что обращать внимание, и упустили все существенное. Я никак не могу объяснить вам значение рукавов, выразительность ногтя на большом пальце, или выводы, к которым можно прийти на основании шнурка от ботинок. Что вы отметили во внешности этой женщины? Опишите мне!

— Ну, на ней была соломенная шляпа цвета грифеля с большими полями и с кирпично-красным пером. Жакетка у нее черная, с черными нашивками и с отделкой из черного стекляруса. Платье коричне

ног, темнокофейного оттенка, с полоской алого плюша у шеи и на рукавах. Перчатки бледносерые с дырочкой на указательном пальце правой руки. Ботинок я не разглядел. В ушах у нее золотые сережки в виде маленьких круглых подвесок. В общем, она производит впечатление состоятельной девушки, из мещанского круга.

Шерлок Холмс засмеялся.

— Право же, Ватсон, вы великолепно справляетесь. Вы дали отличное описание. Правда, вы упустили все существенное, но вы усвоили метод и у вас тонкое чувство цвета. Но никогда не полагайтесь на общее впечатление, мой друг, а сосредоточивайте свое внимание на мелочах. Я всегда прежде всего смотрю на рукав женщины. Когда имеешь дело с женщиной, пожалуй, лучше начинать с коленок брюк. Как вы отметили, у этой женщины рукава были обшиты плюшем, а это — материал, лучше всего сохраняющий следы. Двойная линия немного выше запястья, в том месте, где машинистка касается стола, была великолепно видна; ручная швейная машинка оставляет такой же след, но только на левой руке, и при том на наружной стороне запястья, здесь же след проходил через все запястье. Затем я посмотрел на ее лицо и, заметив на переносице следы пенсне, сделал замечание насчет близорукости и пишущей машинки, что ее очень удивило.

— Меня это тоже удивило.

— Но, право же, это было совершенно очевидно. Я посмотрел на ее ноги и был очень поражен, увидев на ней непарные ботинки; один носок был слегка изукрашен, другой — совсем гладкий, один ботинок застегнут на две нижние пуговицы из пяти, другой — на первую, третью и пятую пуговицы. Если вы видите, что молодая девушка, в общем аккуратно одетая, выходит из дому в непарных, полузастегнутых ботинках, то не требуется особой проницательности, чтобы решить, что она спешила.

— Что вы еще заметили?

— Я заметил, между прочим, что перед уходом из дому, уже совсем одетая, она написала записку.

Вы отметили, что ее правая перчатка была порвана на указательном пальце, но вы, повидимому, не разглядели, что и перчатка, и палец были испачканы фиолетовыми чернилами. Она писала наспех и слишком глубоко макала перо. Это, надо думать, было сегодня утром иначе пятна чернил не были бы так отчетливо видны. Все это очень занятно, хотя довольно элементарно. Но вернемся к делу, Ватсон. Не прочтете ли вы мне описание мистера Госмер Энджель, данное в объявлении?

Я поднес к свету листок и прочитал: «Пропал утром 14-го джентльмен, имя Госмер Энджель. Рост — пять футов семь дюймов, крепкого сложения, смуглый черноволосый, немного лысый на макушке; густые бакенбарды и усы; темные очки, легкий дефект речи. Одет в черный сюртук на шелковой подкладке, черный жилет и серые брюки, коричневые гетры сверх штиблет. Служил в конторе на Лиденхолль-стрит. Всякому, кто сообщит...» и так далее, и так далее.

— Этого достаточно. Что касается писем, — сказал Холмс, пробегая их глазами, — они очень банальны и не дают ничего для характеристики мистера Энджель, разве только то, что он где-то упоминает Бальзака. Однако, есть одно обстоятельство, которое вас, конечно, поразит.

— Они напечатаны на машинке, — заметил я.

— Не только это, но и подпись тоже напечатана на машинке... Посмотрите на аккуратненького «Госмер Энджель» под текстом письма. Есть дата, но нет адреса, кроме Лиденхолль-стрит, что весьма неопределенно. Но подпись очень знаменательна, мы можем считать ее убеждающей.

— Убеждающей в чем?

— Милый друг, неужели вы не видите, какое значение для дела имеет эта подпись?

— Мне ясно одно: этот Госмер хотел оставить за собой возможность отрицать, что письма написаны им, если бы дело дошло до суда.

— Нет, суть не в том. Чтобы выяснить это дело, я напишу два письма: одно — фирме Вестгауз и Мар-

бэнк в Сити, другое — отчиму девушки, мистеру Виндибэнк, и попрошу его зайти к нам завтра в шесть часов вечера. Пока мы не получим ответа на эти два письма, мы решительно ничего не можем сделать.

Я оставил Холмса покуривающим свою глиняную трубку. Я был уверен, что, вернувшись на следующий вечер, я услышу от него сообщение о том, что в его руках все нити дела о таинственном исчезновении жениха мисс Мэри Сузерлэнд.

Весь следующий день я провел у постели тяжело больного пациента и только к шести приехал на Бэкер-стрит. Я боялся опоздать к развязке этой маленькой драмы. Однако, Шерлок Холмса я застал дремлющим в своем кресле. Огромное количество бутылок и колб и едкий запах хлористого водорода свидетельствовали о том, что Холмс посвятил день химическим опытам.

— Ну, что ж, разрешили вы задачу? — спросил я, входя в комнату.

— Да, это был бисульфат бария.

— Нет, нет, я спрашиваю о загадке?

— Ах, о женихе? Я думаю о соли, над которой работал. А в деле с женихом нет ничего таинственного. Плохо только то, что нельзя привлекать к суду за такие проделки.

— Но кто же этот субъект и зачем он покинул мисс Сузерлэнд?

Но не успел Холмс открыть рот, чтобы мне ответить, как в коридоре послышались тяжелые шаги и стук в дверь.

— Это отчим девушки, мистер Джэмс Виндибэнк, — сказал Холмс. — Он сообщил мне письмом, что будет в шесть часов. Войдите!

Вошел человек лет тридцати, среднего роста, плотный, бритый, смуглый, с вежливыми вкрадчивыми манерами и необычайно острым, пронизательным взглядом серых глаз. Он вопросительно посмотрел на Холмса, затем на меня, положил свой цилиндр на буфет и с легким поклоном сел на стул.

— Добрый вечер, мистер Джэмс Виндибэнк, — сказал Холмс. — Полагаю, что это письмо на машин-

ке, в котором вы обещаете придти ко мне в шесть часов вечера, написано вами?

— Да, сэр. Боюсь, что я немного запоздал. Но я не всегда располагаю своим временем. Мне жаль, что мисс Сузерлэнд обратилась к вам с этим делом, — по-моему, лучше не посвящать посторонних в семейные неприятности. Я решительно возражал против ее намерения идти к вам, но она, как вы, наверное, заметили, очень нервна и импульсивна, и ее не легко переубедить, если она что-нибудь задумала. Конечно, я имел в виду не вас, поскольку вы не связаны с официальной полицией, но очень неприятно, когда такого рода семейное горе становится общим достоянием. Кроме того, это непроизводительная трата денег. Как вы можете отыскать этого Госмера Энджель?

— Наоборот, — спокойно сказал Холмс, — я имею все основания думать, что мне удастся найти мистера Госмер Энджель.

Мистер Виндибэнк вздрогнул и уронил перчатку.

— Очень рад это слышать, — сказал он.

— Любопытно, — заметил Холмс, — что всякая пишущая машинка обладает в такой же мере индивидуальными чертами, как почерк человека. Если исключить совершенно новые машинки, вы не найдете двух, которые печатали бы абсолютно одинаково. Одни буквы изнашиваются сильнее других, некоторые буквы изнашиваются только с одной стороны. Например, в написанной вами записке, мистер Виндибэнк, вы можете заметить, что буква «е» всегда немного расплывчата, и хвостик буквы «г» отсутствует. Я отметил четырнадцать других характерных черт, но эти наиболее бросаются в глаза.

— В нашей конторе все письма пишутся на этой машинке, и шрифт, несомненно, стерт, — ответил наш посетитель, устремив на Холмса пронизывающий взгляд.

— А теперь я покажу вам, мистер Виндибэнк, нечто очень интересное, — продолжал Холмс. — Я собираюсь в ближайшее время написать небольшую монографию о значении пишущих машинок для расследо-

вания преступлений. Этот вопрос меня давно интересует. Вот у меня четыре письма, написанные человеком, которого разыскивает мисс Сузерлэнд. Все они отпечатаны на машинке. В этих письмах не только все «е» расплываются, но и все «г» лишены хвостиков. Воспользовавшись моей лупой, вы можете также обнаружить и остальные четырнадцать признаков, о которых я упоминал.

Мистер Виндибэнк вскочил со стула и схватил свою шляпу. — Я не могу тратить время на такие бесполезные разговоры, мистер Холмс, — сказал он. — Если вы можете схватить этого человека, схватите его и дайте мне знать.

— Конечно, — сказал Холмс. Он шагнул к двери и повернул ключ. — Сообщаю вам, что я его поймал.

— Как! Где? — закричал Виндибэнк. Он смертельно побледнел и озибался, как крыса, попавшая в крысоловку.

— О, не стоит, право же, не стоит прикидываться, — учтиво проговорил Холмс. — Вам все равно не отвертеться, мистер Виндибэнк. Все это слишком прозрачно. Садитесь, и мы потолкуем.

Наш посетитель упал на стул с искаженным лицом. На лбу у него выступил пот. — Это не подлежит рассмотрению суда, — пробормотал он.

— Боюсь, что не подлежит: но, между нами говоря, мистер Виндибэнк, это было самое жестокое, эгоистичное и бессердечное мошенничество, с каким я когда-либо сталкивался. Я вам сейчас воспроизведу весь ход событий. Если я ошибусь в чем-нибудь, вы мне укажете.

Виндибэнк сидел съежившись, с низко опущенной головой. Холмс положил ноги на решетку камина; откинувшись назад и заложив руки в карманы, он начал рассказывать, скорее себе самому, чем нам:

— Человек женился на женщине много старше его; он позарился на ее деньги; он пользовался также доходом с денег своей падчерицы, поскольку она жила с ними. Для людей их круга это была весьма значительная сумма, и потеря ее была бы очень ощути-

ельна. Стоило потрудиться, чтобы сохранить эти деньги. Падчерица была мила, добродушна, но ее сердце жаждало любви, и было ясно, что при ее приятной внешности и небольшом доходе она недолго останется в девицах. Ее брак, конечно, лишил бы отчима и его жену дохода в сто фунтов. Что же делает отчим, дабы помешать этому? Он требует, чтобы девушка сидела дома, он запрещает ей встречаться с людьми ее возраста. Но скоро ему становится ясно, что этих мер недостаточно. Девушка настаивает на своих правах и, наконец, заявляет о своем твердом решении пойти на какой-то бал. Тогда ее изобретательный отчим составляет план, делающий больше чести его уму, чем сердцу. Сведома своей жены и при ее содействии он изменяет свою внешность, скрывает за темными очками свои пронизательные глаза, наклеивает усы и пышные бакенбарды, приглушает свой звонкий голос до вкрадчивого шопота и, в расчете на близорукость девушки, появляется в качестве мистера Госмер Энджель и отстраняет других поклонников своим настойчивым ухаживанием.

— Сначала это была только шутка, — простонал наш посетитель. — Мы никогда не думали, что она так увлечется.

— Возможно и так. Однако, как бы там ни было, девушка искренне увлеклась; она была уверена, что ее отчим во Франции, и потому не могла заподозрить предательской маскировки. Она была польщена вниманием этого джентльмена, а открытое одобрение со стороны матери еще более подогревало ее чувства. Затем мистер Энджель стал часто встречаться с девушкой. Совершенно ясно: реальный эффект мог быть достигнут только в случае, если бы ухаживание зашло дальше встреч. Сначала свидания, затем обручение, которое должно было помешать девушке отдать свое сердце другому. Но вечно продолжать обман было невозможно. Вымышленные поездки во Францию были довольно затруднительны. Представлялся один путь: закончить дело таким драматическим образом, чтобы этот конец оставил неизгладимый след в душе девушки и на долгое время сделал ее равно-

душной к ухаживаниям мужчин. Отсюда требование клятвы верности, намеки на возможность катастрофы, и это все в день свадьбы. Джэms Виндибэнк хотел, чтобы мисс Сузерлэнд была так связана с Госмером Энджель и оставалась в такой неизвестности насчет его судьбы, чтобы, по крайней мере, десять лет сторонилась мужчин. Он проводил ее до дверей церкви, а затем исчез при помощи старой уловки: вошел в карету через одни дверцы, а вышел через другие. Я думаю, что так разворачивались события, мистер Виндибэнк?!

Наш посетитель успел тем временем овладеть собой: он встал со стула с холодной усмешкой на бледном лице:

— Может быть, это так, а может быть, и нет, мистер Холмс, — сказал он. — Но если вы так умны, то вам бы следовало знать, что в настоящий момент закон нарушаете вы, а не я. Ничего наказуемого законом я не сделал, но вы, заперев меня в этой комнате, совершаете уголовно-наказуемое действие — насилие над личностью.

— Да, закон, как вы говорите, не может вас коснуться, — сказал Холмс, отперев и распахнув настежь дверь, — хотя вы заслуживаете самого тяжкого наказания. Если у этой девушки есть брат или друг, он должен избить вас хлыстом. Это не входит в мои обязанности, — продолжал он, вспыхнув при виде злой усмешки на лице Виндибэнка, — но я доставлю себе это удовольствие. — Он шагнул, чтобы взять со стены хлыст, но не успел протянуть руку, как послышался стук стремительных шагов по ступенькам лестницы, с шумом захлопнулась тяжелая входная дверь, и мы увидели в окно мистера Виндибэнка, бежавшего по улице.

— Хладнокровный мерзавец! — сказал, смеясь, Холмс. — Этот молодчик будет катиться от преступления к преступлению, пока не кончит жизнь на виселице. Это дело в некоторых отношениях не лишено интереса.

— Я не вполне понимаю ход ваших рассуждений, — заметил я.

— Мне с самого начала было ясно, что этот мистер Госмер Энджелъ своим странным поведением преследует какую-то цель; и так же очевидно было и то, что единственный человек, кому это происшествие могло быть на руку — был отчим девушки. Тот факт, что эти двое никогда не встречались, также наводил на размышления. Темные очки, странный голос и бакенбарды наталкивали на мысль о маскировке. Мои подозрения подтвердились тем, что подпись под письмами была не от руки: это, конечно, заставляло думать, что его почерк был хорошо знаком мисс Сузерлэнд. Вы видите, все эти отдельные факты указывали в одном направлении.

— А как вы их проверили?

— Это было нетрудно. Я знал фирму, для которой работал отчим девушки. Я взял описание внешности, данное в объявлении, и, устранив из него все что могло быть отнесено за счет маскировки, — бакенбарды, очки, голос, — послал его фирме с просьбой сообщить мне, соответствует ли это описание кому-нибудь из комми-вояжеров фирмы. Я уже заметил особенности пишущей машинки и написал Виндибэнку по служебному адресу, приглашая его зайти сюда. Как я и ожидал, ответ он отстукал на машинке, шрифт которой обнаруживал те же мелкие, но характерные дефекты. Той же почтой я получил письмо от фирмы Вестгауз и Марбэнк на Фенчерч-стрит. Мне сообщали, что мое описание во всех отношениях соответствует служащему фирмы Джэмсу Виндибэнку. Вот и все!

— А мисс Сузерлэнд?

— Если я ей скажу это, она мне не поверит. Вспомните старую персидскую поговорку: «Опасно отнять у тигрицы тигренка, а у женщины ее заблуждение». У Гафиза¹ столько же мудрости, как у Горация,² и столько же знания жизни.

¹ Гафиз — замечательный персидский поэт XIV века.

² Гораций — знаменитый римский поэт I века до нашей эры.

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ

На третий день Рождества я зашел к Шерлок Холмсу, чтобы поздравить его с праздником. Он лежал на диване в красном халате. На столе перед диваном были разложены трубки и куча смятых газет, которые он, очевидно, только что прочитал. Рядом стоял деревянный стул, на спинке которого висела старая, засаленная поярковая шляпа, сильно поношенная и продранная в нескольких местах. Лежавшие на стуле лупа и щипцы указывали, что шляпа подвергалась тщательному осмотру.

— Вы, кажется, заняты? — сказал я. — Не помещаю ли я вам?

— Нисколько! Напротив, я рад потолковать с вами о достигнутых мною результатах. Дело самое пустяшное, — добавил он, — но в нем есть несколько занятных и даже поучительных подробностей.

Я сел в кресло и стал греть руки перед камином, в котором весело потрескивали дрова.

— Вероятно, с этой шляпой, несмотря на ее неказистый вид, связана какая-нибудь страшная история? Она поможет вам разгадать тайну и наказать преступников?

— Ну, о преступлении тут нет и речи, — ответил

со смехом Холмс. — Это просто одна из тех странных случайностей, с которыми всегда можно встретиться в городе, где на площади в несколько квадратных миль толчется четыре миллиона людей. Вы знаете моего рассыльного Петерсона?

— Знаю.

— Это его трофей.

— То есть это его шляпа?

— Нет! Он нашел ее. Владелец неизвестен. Пожалуйста, не смотрите на нее так пренебрежительно и отнеситесь серьезно к этому делу. Прежде всего я расскажу вам, как попала сюда эта шляпа. Она появилась здесь утром, в первый день Рождества, вместе с жирным гусем, который в данный момент несомненно, жарится в кухне у Петерсона. Вот как все это произошло. Около четырех часов утра в ночь под Рождество Петерсон, как вы знаете, честный малый, возвращался с пирушки по Тоттенгэмской дороге. При свете газовых рожков он увидел впереди какого-то высокого человека, шедшего несколько нетвердой походкой. Через плечо незнакомца был перекинут на веревке большой белый гусь. На углу улицы Гудж на незнакомца напали какие-то бродяги. Один из них сбил шапку с головы высокого человека. Тот, защищаясь, поднял палку, замахнулся ею и разбил окно лавки. Петерсон бросился к нему на помощь, но незнакомец, разбивший окно, при виде человека в форме, уронил гуся, пустился бежать со всех ног и исчез в лабиринте улиц за Тоттенгэмской дорогой. При появлении Петерсона бродяги тоже удрали; за рассыльным осталось поле сражения и трофеи в виде этой рваной шляпы и чудеснейшего рождественского гуся.

— Конечно, Петерсон возвратил гуся владельцу?

— Вот тут-то и начинается загадка. Правда, на карточке, привязанной к левой лапке гуся, написано: «Миссис Генри Бэкер». Те же инициалы Г. Б. можно разобрать на подкладке шляпы. Но в Лондоне есть тысячи Бэкеров и из них несколько сот с именем Генри, поэтому не так-то легко возвратить Генри Бэкеру потерянную им собственность.

— Что же сделал Петерсон?

— Он принес мне и шляпу и гуся. Гуся мы держали до сегодняшнего утра, пока по некоторым признакам не решили, что его надо съесть поскорее. Пе-

терсон унес гуся к себе, а у меня осталась шляпа неизвестного джентльмена, лишившегося рождественского обеда.

— Он не помещал объявления в газете?

— Нет.

— Какие же у вас имеются данные, чтобы установить, кто он?

— Только те, которые можно вывести из наблюдений.

— Над его шляпой?

— Вот именно.

— Вы шутите! Что вам может дать эта старая рваная шляпа?

— Посмотрим. Вот лупа. Что вы можете заключить об индивидуальности человека, носившего этот головной убор?

Я взял в руки шляпу и оглядел ее. Это была самая обыкновенная черная шляпа, круглая, жесткая и сильно потертая, с красной шелковой подкладкой, изрядно полинявшей, без названия магазина, где она куплена; но, как уже говорил Холмс, на подкладке виднелись инициалы: «Г. Б.». На краю шляпы я разглядел дырочку, очевидно, для резинки, но самой резинки не было. Вообще, шляпа была рваная, давно не чищена и вся в пятнах, хотя владелец ее пытался скрыть пятна, замазывая их чернилами.

— Никакого заключения я сделать не могу, — сказал я, отдавая Холмсу шляпу.

— Напрасно, Ватсон, — ответил Холмс. — Вы могли бы сделать очень много выводов. Но вы не решаетесь делать вывода из того, что видите.

Холмс взял шляпу в руки и внимательно осмотрел ее своим пронизательным взглядом.

— Согласен, что она могла бы иметь более красноречивые признаки, — сказал он, — но все же в ней есть ряд характерных особенностей, позволяющих сделать некоторые выводы. Очевидно, ее носил человек вполне интеллигентный и располагавший года три тому назад неплохими средствами; теперь же он находится в тяжелом положении. Прежде он был более предусмотрителен, чем в настоящее время, а это свидетельствует о некотором упадке душевных сил; соединение же упадка материального благосостояния с упадком душевных сил указывает на влияние какого-то порока, вероятно, пьянства. Этим же можно

объяснить и тот факт, что жена перестала его любить.

— Ну, Холмс, это уж чересчур!..

— Все же он сохранил некоторое уважение к себе, — продолжал мой приятель. — Он ведет сидячий образ жизни, очень редко выходит из дома, и потому совершенно отвык ходить. Это человек средних лет, волосы у него начинают седеть, на днях он постригся и мазет волосы помадой. Мало вероятно, чтобы дом, в котором он живет, имел газовое освещение.

— Вы шутите, Холмс!?

— Ничуть! Неужто вы до сих пор не понимаете, как я пришел ко всем этим выводам?

— Вероятно, я очень туп, но должен признаться, что не понимаю вас. Ну из чего, например, вы заключаете, что этот человек интеллигентен?

Вместо ответа Холмс надел шляпу. Она закрыла ему лоб и села на нос.

— Это вопрос измерения кубатуры, — проговорил он. — Если у человека такой большой мозг, должно же что-нибудь быть у него в голове.

— А упадок благосостояния?

— Эта шляпа куплена три года тому назад. Тогда были в моде плоские поля с загнутыми краями. Шляпа отличного качества. Обратите внимание на ленту и на подкладку. Если человек три года тому назад имел возможность купить такую шляпу, а с тех пор не приобрел себе новой, значит, его материальное положение за это время ухудшилось.

— Конечно, это достаточно ясно. Ну, а из чего вы заключаете, что он стал менее предусмотрителен и, вообще, находится в состоянии морального регресса?

Шерлок Холмс рассмеялся.

— Вот она где — предусмотрительность, — проговорил он, указывая на дырочку для резинки. — Это не продается со шляпой. Если наш незнакомец поручил пришить резинку, то это свидетельствует о некоторой предусмотрительности. Он принял меры предосторожности на случай ветра. Но мы тут же видим, что, оборвав резинку, он не позаботился заме-

нить ее новой, и делаем из этого вывод: он стал менее предусмотрителен, а это служит верным признаком того, что человек опустился. Однако, он в то же время старался скрыть пятна и замазывал их чернилами, а это доказывает, что он не совсем потерял уважение к себе.

— Рассуждаете вы логично.

— В том, что это человек средних лет с седеющими, недавно подстриженными волосами и что он употребляет помаду, можно убедиться, внимательно рассмотрев подкладку шляпы. В лупу ясно видно множество волос, аккуратно подстриженных ножницами парикмахера. Все они прилипли к подкладке и пахнут помадой. Пыль на шляпе, как видите, не похожа на серую, уличную пыль. Это темная комнатная пыль. Пятна внутри шляпы наглядно свидетельствуют о том, что обладатель ее сильно потеет при ходьбе, а это заставляет думать, что он не привык много ходить.

— А его жена? Вы сказали, что она его разлюбила.

— Шляпа нечищена уже несколько недель. Если когда-нибудь я увижу вас, милый Ватсон, в шляпе, на которой накопилась пыль за целую неделю, я с грустью подумаю, что вы лишились любви вашей жены.

— Возможно, он холост?

— Нет. Он нес гуся жене в знак примирения. Вспомните карточку, привязанную к лапке гуся.

— Ну, у вас на все найдется ответ! Но из чего же вы заключаете, что дом, где он живет, не освещается газом?

— Видите ли: одно-два сальных пятна можно посадить случайно, но когда видишь штук пять таких пятен, то не приходится сомневаться в том, что человек часто имеет дело с сальными свечами; вероятнее всего, ему приходится пробираться ночью по неосвещенной лестнице со шляпой в одной руке и с оплывающей сальной свечей — в другой. От газового рожка не может быть сальных пятен. Ну-с, вас удовлетворяют мои объяснения?

— Они, несомненно, очень остроумны, — ответил я, смеясь. — Но если, по вашему мнению, тут нет никакого преступления и никому не причинено вреда, кроме потери гуся, стоило ли тратить на это дело столько энергии?

Шерлок Холмс только хотел мне ответить, как дверь распахнулась, и в комнату влетел рассыльный Петерсон с выражением полной растерянности на красном лице.

— Гусь-то, мистер Холмс! Гусь-то, сэр! — с трудом проговорил он.

— Что? Что с гусем? Ожил что ли и вылетел в окно кухни? — спросил Холмс.

— Посмотрите, сэр! Вы только посмотрите, что жена нашла у него в зобу!

Петерсон протянул руку. На ладони лежал сверкающий голубой камень удивительной чистоты и игры.

Шерлок Холмс приподнялся на диване и свистнул.

— Клянусь Юпитером, Петерсон, — воскликнул он, — это драгоценнейшая находка. Я думаю, вы понимаете, что нашли?

— Брильянт, сэр! Драгоценный камень. Он режет стекло.

— Это не просто драгоценный камень. Это тот самый драгоценный камень...

— Неужели голубой карбункул графини Моркар? — спросил я.

— Да, он самый! Мне ли не знать его величину и форму, когда все последнее время я читал в «Таймсе» объявления о пропаже голубого карбункула! Этот камень — единственный в своем роде; его ценность можно определить только приблизительно, но, во всяком случае, обещанное вознаграждение в тысячу фунтов не составляет и двадцатой доли того, что он стоит.

— Тысяча фунтов! Боже ты мой!

Рассыльный опустился в кресло и беспомощно переводил взгляд с одного из нас на другого.

— Тысяча фунтов — это размер обещанного воз-

награждения, но я имею основание предполагать, что у графини есть особые причины дорожить этим камнем и чтобы вернуть его, она, повидимому, готова отдать половину своего состояния.

— Насколько мне помнится, камень пропал в отеле «Космополитэн», — заметил я.

— Да, и это случилось двадцать второго декабря, пять дней тому назад. Джона Горнер, паяльщика, обвинили в краже камня из шкатулки графини. Улики против него настолько веские, что дело будет слушаться в ближайшую сессию. Вот здесь, кажется, есть заметка об этом деле.

Хотмс стал перебирать газеты, быстро нашел нужную ему заметку и прочитал:

«Отель «Космополитэн». Кража брильянтов. Джон Горнер, паяльщик, обвиняется в краже из шкатулки графини Моркар драгоценного камня, известного под названием «голубой карбункул». Джэмс Райдер, слуга в отеле, показал, что в день кражи, 22-го числа текущего месяца, он привел Горнера в будuar графини, чтобы починить каминную решетку. В продолжение некоторого времени Райдер оставался в комнате, но затем его позвали по какому-то делу. Возвратясь в комнату, он не застал Горнера. Бюро было открыто, а маленький сафьяновый футляр, в котором, как оказалось потом, графиня обычно держала камень, лежал пустым на туалетном столе. Райдер немедленно дал знать о пропаже, и Горнер был арестован в тот же вечер, но камня не нашли ни при личном обыске, ни при обыске его квартиры. Катерина Кезак, горничная графини, показала, что она услышала отчаянный крик Райдера, обнаружившего пропажу; она вбежала в комнату и застала картину, какую описал в своих показаниях Райдер. Полицейский инспектор Бредстрит показал, что при аресте Горнер бешено отбивался и горячо доказывал свою непричастность. Поскольку Горнер ранее судился за кражу, судья отказался сам разбирать это дело и передал его суду присяжных. Горнер, находившийся все время в очень возбужденном состоянии, при объявлении решения судьи упал в обморок и был вынесен из

зала суда».

— Гм! Вот данные, собранные полицией, — задумчиво проговорил Холмс и отшвырнул газету. — Нам теперь остается установить, каким образом камень, находившийся в шкатулке графини, очутился в зобу гуся. Видите, Ватсон, дело принимает гораздо более серьезный характер. Вот камень; камень найден в зобу гуся, а гусь получен от мистера Генри Бэкера, владельца драной шляпы. Теперь нам необходимо найти этого господина и установить его роль в истории с гусем. Надо прибегнуть к самому простому способу — поместить объявление во всех вечерних газетах. Если это не поможет, я приму другие меры.

— Как вы составите объявление?

— Дайте карандаш и клочок бумаги. Ну-с, вот. «На углу улицы Гудж найдены гусь и черная полярковая шляпа. Мистер Генри Бэкер может получить означенные предметы, явившись сегодня в 6 час. 30 минут вечера на Бэкер-стрит 221-Б». Это кратко и вразумительно.

— Вполне. Но попадется ли ему на глаза это объявление?

— Ну, он, наверное, просматривает объявления, — ведь для бедного человека потерять гуся и шляпу довольно тяжело. Очевидно, он так перепугался при виде разбитого стекла и приближающегося Петерсона, что думал только о том, как бы удрать. Но позже он, должно быть, очень сожалел, что поддался страху и лишился гуся. А если сам он и не прочтет объявления, то кто-нибудь из знакомых, наверное, обратит его внимание. Петерсон, сбегайте-ка в бюро объявлений и скажите, чтобы эту заметку поместили в вечерних газетах.

— В каких, сэр?

— Да во всех, какие вам придут на ум.

— Слушаюсь, сэр. А как насчет камня?

— Ах, да! Камень останется у меня. И знает, что еще, Петерсон: на обратном пути купите гуся и принесите сюда. Надо же дать этому джентльмену компенсацию за гуся, которого кушает в настоящее

время ваша семья.

Когда Петерсон вышел из комнаты. Холмс взял камень и стал рассматривать его на свет.

— Славный камешек! — проговорил он. — Посмотрите, какая игра! Сколько преступлений совершено ради него! Дорогой камень — это любимая приманка дьявола. Этому камню не более двадцати лет. Он был найден на берегах реки Амой, в Южном Китае; он обладает всеми свойствами карбункула, за исключением того, что он не красного цвета, а голубого. Но несмотря на молодость этого камня, с ним уже связано много темных дел. Из-за него совершено два убийства, самоубийство и несколько краж; кого-то облили серной кислотой. Можно ли подумать, что такая прелестная игрушка ведет к виселице и тюрьме. Я спрячу камень и напишу графине, что он у меня.

— Вы думаете, что Горнер не виновен?

— Ничего не могу сказать.

— Значит, вы думаете, что Генри Бэкер причастен к этому делу?

— Возможно, Генри Бэкер и не подозревал, что его гусь стоит дороже, чем если бы он был весь из чистого золота. В этом мы сможем убедиться, если получим ответ на наше объявление.

— А до тех пор вы ничего не можете сделать?

— Ничего.

— В таком случае я пойду по своим делам, а вечером приду в назначенный вами час. Мне очень интересно узнать развязку этого дела.

— Буду очень рад. Я обедаю в семь. Кажется, будет куропатка. Между прочим, не попросить ли миссис Гудсон, чтобы она хорошенько осмотрела ее зоб?

Меня несколько задержали, и было уже больше половины седьмого, когда я вернулся на Бэкер-стрит. Подойдя к дому, я заметил у подъезда высокого человека в шотландской шапочке и в пальто, застегнутом чаглухо. Дверь стперли как раз в ту минуту, когда я подошел и мы вместе с незнакомцем поднялись в комнату Холмса.

— Мистер Генри Бэкер, не правда ли? — сказал

Холмс, поднимаясь с кресла и обращаясь к посетителю с тем радушным видом, который он умел на себя напускать. — Присядьте к камину, мистер Бэкер. А, Вагсон, вы пришли как раз во-время. Это ваша шляпа, мистер Бэкер?

Бэкер был высокого роста, широкоплеч, у него была крупная седеющая голова и большое умное лицо с седеющей каштановой бородкой. Красноватый нос и легкое дрожание протянутой руки явно подтверждали догадки Холмса относительно его образа жизни. Воротник его порыжевшего черного пальто был поднят, — из рукавов торчали худые руки. Никаких признаков манжет или рубашки. Говорил Бэкер тихим, отрывистым голосом, тщательно выбирая слова; вообще, он производил впечатление образованного человека, которому не повезло в жизни.

— Мы продержали ваши вещи несколько дней, ожидая, что вы дадите объявление о потере с указанием вашего адреса, — сказал Холмс. — Не понимаю, почему вы этого не сделали?

Посетитель сконфуженно усмехнулся.

— В настоящее время денег у меня не так много, как бывало прежде, — заметил он. — Я не сомневался, что шляпу и гуся унесли напавшие на меня недруги, и не хотел напрасно тратить деньги, разыскивая пропавшие вещи.

— Весьма понятно. Между прочим, гуся нам пришлось съесть.

— Съесть!?

Бэкер в волнении поднялся со стула.

— Да, ничего другого не оставалось делать. Но я думаю, что этот гусь, лежащий на буфете, почти такой же величины и притом совсем свежий, вознаграждает вас за потерю съеденного нами гуся.

— О, конечно, конечно! — проговорил Бэкер со вздохом облегчения.

— У нас остались перья, лапки и зоб вашего гуся, поэтому если желаете...

Бэкер громко расхохотался.

— О, они могли бы мне пригодиться только как воспоминание о моем приключении, — сказал он. —

Нет, сэр, с вашего разрешения, я удовлетворюсь превосходным гусем, лежащим на вашем буфете.

Шерлок Холмс проницательно на меня взглянул и слегка пожал плечами.

— Вот ваша шляпа и ваша птица, — сказал он. — Между прочим, где вы купили вашего гуся? Я несколько смыслю в этом деле и должен признать, что редко видел такой удачный экземпляр. Не укажете ли вы мне, где вы его достали?

— Охотно, — ответил Бэкер. Он встал и взял с буфета вновь обретенного им гуся. — Видите ли, я с моими приятелями часто бываю в трактире «Альфа» возле музея, — днем мы работаем в музее. В этом году хозяин трактира Виндмэт основал «гусиный клуб». Мы должны были платить по несколько пенсов в неделю и получить к Рождеству гуся. Я аккуратно выплачивал свои пенсы. Остальное вам известно. Весьма признателен вам, сэр. Шотландская шапочка не идет ни к моим годам, ни к моему серьезному виду.

Он поклонился нам с комической важностью и вышел из комнаты.

— Ну, с мистером Генри Бэкер мы покончили, — сказал Холмс, запирая за посетителем дверь. — Очевидно, он решительно ничего не знает. Вы голодны, Ватсон?

— Не особенно.

— В таком случае я предлагаю вам отложить обед на более поздний час, и пойти по горячим следам.

— С удовольствием.

Ночь была холодная. Звезды сияли на безоблачном небе. Наши шаги гулко раздавались в тишине улицы. Через четверть часа мы очутились в Блумсбэри, в «Альфе», — маленьком кабачке на углу одной из улиц. Холмс зашел в зал и попросил красношекого хозяина в белом переднике подать два стакана пива.

— Если ваше пиво так же хорошо как ваши гуся, — сказал Холмс, — то оно должно быть превосходным.

- Мои гуси? — переспросил с удивлением хозяин.
- Ну, да! Полчаса тому назад я говорил с Генри Бэкером, членом вашего «гусиного клуба».
- Ах, вот оно что! Но видите, сэр, гуси-то ведь не наши.
- В самом деле? Чьи же они?
- Я купил две дюжины у одного торговца на Ковентгарденском рынке.
- Ах, купили у торговца! А как его зовут? Я знаю там нескольких торговцев.
- Его зовут Брекенридж.
- Этого я как раз не знаю. Ну, за ваше здоровье, хозяин! Желаю вам счастья! Спокойной ночи!
- Ну-с, теперь к мистеру Брекенридж! — сказал Холмс, когда мы вышли на улицу. — Помните, Ватсон: если с одной стороны мы имеем дело с таким прозаичным предметом как гусь, то с другой стороны в этой истории замешан человек, который получает семь лет каторжных работ, если нам не удастся доказать его невиновность. Поэтому марш на юг!
- Мы прошли по улице Энделль и извилистыми грязными переулками вышли к Ковентгарденскому рынку. Над одной из самых больших лавок красовалась вывеска с фамилией Брекенридж. Хозяин, крупный человек с резкими чертами лица и с расчесанными бакенбардами, помогал мальчику закрывать ставни.
- Добрый вечер! Ну и холодно же сегодня! — сказал Холмс.
- Хозяин утвердительно кивнул головой и посмотрел на моего друга.
- Я вижу, вы распродали своих гусей, — сказал Холмс, указывая на мраморный прилавок.
- Завтра утром я могу доставить вам пятьсот штук.
- Да, но это будет уже поздно.
- Там в лавке где горит газ, есть еще гуси.
- Но меня послали именно к вам.
- Кто вас послал?
- Хозяин «Альфы».
- Да-да! Я продал ему две дюжины гусей.
- Славные были гуси. Откуда вы их взяли?

К моему удивлению, вопрос этот вызвал взрыв негодования.

— Ну-с, мистер, — сказал он, закинув голову и скрестив на груди руки. — Что вы хотите выпытать? Говорите прямо!

— Да я, кажется, говорю достаточно прямо. Я хотел бы узнать, кто продал вам гусей, которых вы доставили в трактир «Альфа»?

— Не скажу! Вот и все!

— Ну, не хотите и не надо. Я только не понимаю, почему вы так горячитесь из-за такого пустяка.

— Да поневоле станешь горячиться, когда к тебе со всех сторон пристают с этими гусями. Казалось бы, заплатил хорошие деньги за хороший товар и дело с концом. Так ведь нет же! «Где гуси?» «Кому вы продали гусей?» «Сколько вы возьмете за этих гусей?». Можно подумать, что это единственные гуси на свете.

— Ну, я-то не имею никакого отношения к тем, кто вас расспрашивал, — небрежно проговорил Холмс. — Если вы не скажете мне, то пари не состоится, — вот и все. Я всегда непрочь поспорить насчет дичи, и теперь держу пари на пять шиллингов, что гусь, которого я ел, откормлен в деревне.

— Ну, и плакали ваши денежки, гусь-то как раз был откормлен в городе.

— Не может быть!

— Говорю вам, что это так!

— Не верю.

— Уж не думаете ли вы, что больше смыслите в гусях, чем я? Да я с самого детства возжусь с гусями! Говорю вам, что все гуси, посланные в «Алифу», откормлены в городе.

— Вам меня в этом не убедить.

— Ну, хотите держать пари?

— Это значило бы просто прикарманить ваши деньги, так как я совершенно уверен, что прав. Но все же я буду держать с вами пари на соверек, чтобы отучить вас от упрямства.

Торговец насмешливо посмотрел на Холмса.

— Принеси дичи, Билль! — сказал он мальчику.

Мальчик принес две книги, — одну маленькую, тонкую, другую большую, засаленную. Он положил их на стол под висячей лампой.

— Ну-с, самоуверенный джентльмен, — сказал торговец. — Я думал, что на сегодня уже покончил с гусями, а вышло не так. Видите эту маленькую книгу?

— Ну, и что же?

— Это список тех, у кого я покупаю свой товар. Понимаете? Вот на этой странице фамилии продавцов из деревень; цифра рядом с фамилией обозначает страницу большой книги, где ведется счет этого поставщика. Ну, посмотрим здесь. Видите записи красными чернилами? Тут записаны фамилии моих городских поставщиков. Взгляните вот на эту и прочтите-ка мне ее вслух.

«Миссис Окшот. 117. Брикстон-род, 249» — прочитал Холмс.

— Совершенно верно. А теперь отыщите указанную страницу большой книги.

Холмс нашел страницу.

— Вот видите: «Миссис Окшот, 117 Брикстон-род, торгует дичью и яйцами». Ну, а что тут записано?

«22-го декабря 24 гуся по 7 шиллингов 6 пенсов».

— Совершенно верно! А внизу:

«Проданы мистеру Виндмэту, хозяину трактира «Альфа» по 12 шиллингов». Ну, что вы теперь скажете?

У Шерлок Холмса вытянулось лицо. Он достал из кармана соверен, бросил его на выручку и вышел из лавки, не сказав ни слова мистеру Брекенридж. Пройдя несколько шагов, он остановился под фонарем и рассмеялся своим особенным беззвучным смехом.

— Когда вы встречаете человека с такими баками и с торчащим из кармана красным платком, вам всегда удастся выведать от него все, что вам нужно, — стоит только предложить ему пари. — сказал Холмс. — Если бы я об-шал ему сто фунтов за нужные сведения, я не узнал бы и половины того, что узнал, предложив ему пари. Мне кажется. Ватсон, мы приближаемся к цели. Остается решить, отправимся ли мы к миссис Окшот сегодня же, или отложим наш визит до завтра. Из слов этого грубияна мне ясно, что не мы одни озабочены этим делом, и я хотел бы...

Внезапно слова его были прерваны громкими криками, вылетавшими из лавки Брекенриджа. Мы обернулись и увидели маленького человека с крысиным лицом. Он стоял в круге желтого света, падавшего от висячей лампы, а Брекенридж, остановившийся в дверях своего магазина, яростно грозил ему кулаками.

— Хватит с меня вас и ваших гусей! — кричал он — Убирайтесь ко всем чертям! Если вы еще раз

придете надоедать мне своей дурацкой болтовней, я спущу на вас собаку. Приведите миссис Окшот, ей я отвечу, а вы-то тут при чем? У вас что ли я купил этих гусей?

— Не у меня, но один из них принадлежит мне,— жалобно простонал человек.

— Ну, так и спрашивайте его с миссис Окшот.

— Она велела мне спросить у вас.

— А мне-то что за дело? Спрашивайте хоть у самого прусского короля. Надоело мне все это! Убирайтесь вон!

Он в бешенстве бросился на человека, но тот вылетел из лавки и исчез в темноте.

— Ага! Нам, может быть, не придется идти к миссис Окшот,— шепнул мне Холмс. — Пойдемте-ка, посмотрим, что можно узнать у этого парня.

Мой спутник быстро прошел мимо кучек людей, глазевших на освещенные витрины магазинов, нагнал человека и хлопнул его по плечу. Тот поспешно обернулся. При свете газового рожка я заметил, как вся краска сбежала с его лица.

— Кто вы? Что вам от меня нужно? — проговорил он дрожащим голосом.

— Извините меня. — любезно сказал Холмс. — я нечаянно услышал вопросы, которые вы задавали хозяину лавки, и думаю, что мог бы быть вам полезен.

— Вы? Кто вы такой? Как вы можете что-нибудь знать об этом деле?

— Меня зовут Шерлок Холмс. Моя профессия состоит в том, чтобы знать то, чего не знают другие.

— Но этого вы не можете знать!

— Извините, я знаю все. Вы стараетесь установить, куда девались некоторые из гусей, проданных миссис Окшот, проживающей на Брикстон-роуд, торговцу по фамилии Брекенридж, который, в свою очередь, продал гусей мистеру Виндмэту, хозяину трактира «Альфа» а тот перепродал их клубу, членом которого состоит мистер Генри Бэкер.

— О, сэр! Вы как раз тот человек, которого я так жаждал встретить! — воскликнул человек,

протягивая Холмсу дрожащие руки. — Я не могу вам сказать, как глубоко я заинтересован этим делом.

Шерлок Холмс подозвал проезжавший мимо кэб.

— В таком случае нам удобнее переговорить в уютной комнате, чем стоять в толчее рынка, да еще на ветру, — сказал он. — Но прежде, чем мы отправимся ко мне, скажите, кому я буду иметь удовольствие помочь своим советом?

Человечек колебался одно мгновение, затем ответил, глядя в сторону:

— Я — Джон Робинзон.

— Нет, нет! Скажите ваше настоящее имя, — любезно проговорил Холмс. — Неловко иметь дело с человеком, не зная его имени.

Бледное лицо незнакомца вспыхнуло.

— Ну, извольте! Мое настоящее имя Джэмс Райдер.

— Отлично! Вы служили в отеле «Космополи-тэн». Пожалуйста, садитесь в кэб, и я скажу вам все, что вы желаете узнать.

Человечек смотрел то на Холмса, то на меня глазами, полными испуга и надежды, недоумевая, что его ждет — счастье или беда. Наконец он решил ехать с нами. Во время поездки мы все молчали, только прерывистое дыхание нашего спутника нарушало тишину.

— Вот мы и приехали! — весело проговорил Холмс, когда мы вошли в комнату. — Горящий камин очень кстати в такую погоду. Вам, кажется, холодно, мистер Джэмс Райдер? Присядьте, пожалуйста, на этот стул. Я только одену туфли, а затем мы займемся вашим делом. Ну, вот! Вы хотите узнать, что случилось с теми гусями?

— Да, сэр!

— Скорее вас интересует судьба одного из гусей, — белого с черной полосой на хвосте!

Райдер задрожал от волнения.

— О, сэр! Можете мне сказать, куда он попал?

— Сюда!

— Сюда?

— Да. Это была замечательнейшая птица! Я

ничуть не удивляюсь, что она вас так интересуется. После смерти она снесла яичко, — прелестнейшее голубое яичко. Оно у меня здесь, в моем музее.

Посетитель поднялся со стула и, зашатавшись, схватился рукой за доску камина. Холмс открыл шкатулку и вынул голубой карбункул. Камень сверкал, как звезда, ярким, холодным светом. Райдер смотрел на него с окаменевшим лицом, не зная, на что решиться: потребовать ли камень, или отказаться от него.

— Дело проиграно, Райдер, — спокойно проговорил Холмс. — Осторожнее, а то упадете в огонь! Поддержите его и усадите в кресло, Ватсон: у него недостаточно крепкие нервы, чтобы мошенничать, не выдавая себя. Дайте ему глотнуть виски. Вот так! Теперь он принял более человеческий вид. Вот так герой!

От водки Райдер пришел в себя, на его щеках показалась краска. Он сидел в кресле, устремив на Холмса полный ужаса взгляд.

— У меня в руках все нити этого дела, — сказал Холмс, — так что вам почти нечего добавить. Но для полной картины мне нужно узнать то небольшое, чего я еще не знаю. Вы слышали о голубом камне графини Моркар?

— Да! Мне говорила о нем горничная графини Катерина Кезак, — ответил Райдер глухим голосом.

— Понимаю. Вы не устояли перед искушением внезапно разбогатеть и не подумали о том, какою ценою будет приобретено богатство. В вас, несомненно, все задатки отъявленного негодяя. Вы знали, что паяльщик Горнер был когда-то замешан в подобного же рода деле, и не сомневались, что подозрение падет на него. Как же вы действуете? Вы со своей соучастницей Кезак придумываете какую-то починку в комнате графини и вызываете Горнера. Затем, после его ухода, вы выкрадываете из шкатулки драгоценный камень и поднимаете крик. Несчастного парня арестуют. Тогда вы...

Райдер вдруг бросился на колени и с мольбой охватил ноги Холмса.

— Ради бога, сжальтесь надо мною! Подумайте о моем отце. о моей матери! Это разобьет им сердце! До этого дня я никогда ничего подобного не делал и никогда не сделаю. О, не предавайте меня суду! Во имя бога, не предавайте!

— Садитесь на место! — сурово проговорил Холмс. — Теперь вы унижаетесь и ползаете передо мною на коленях. А подумали ли вы тогда о несчастном Горнере, который должен был нести наказание за преступление, о котором он ничего не знал?

— Я могу бежать, мистер Холмс, я могу покинуть Англию. Тогда его невиновность будет установлена и его оправдают.

— Об этом мы поговорим позже. А теперь расскажите дальнейший ход дела. Каким образом камень попал в зоб гуся, и как гусь попал на рынок? Говорите всю правду. — только правда может спасти вас.

Райдер облизал пересохшие губы

— Я расскажу вам все, сэр. Когда Горнера арестовали, я решил, что мне надо куда-нибудь уйти, так как полиция могла обыскать меня и мою комнату. Я ушел как будто по делу и отправился к моей сестре, миссис Окшот на Брикстон-род. Она занимается тем, что откармливает гусей и продает их. Когда я шел к ней, каждый встречный казался мне полицейским или сыщиком. Несмотря на холодный вечер, я обливался потом. Сестра спросила, что со мною случилось и почему я так бледен. Я ответил, что в нашем отеле произошла крупная кража, которая меня сильно взволновала. Затем я вышел во двор, закурил трубку и стал размышлять, что мне делать дальше.

У меня есть приятель, некий Мауделей, только что отбывший наказание в Пентонвиле. Мы как-то с ним встретились, и он мне рассказал о разных проделках воров и о том, как они сбывают краденые вещи. Я знал, что он меня не выдаст, так как мне известны кое-какие его делишки, и я решил пойти к нему в Кильбурн и открыть ему мою тайну. Я был уверен, что он поможет мне сбыть этот камень. Но

как добраться до Мауделея? Я вспомнил, какие муки я претерпел, пока дошел из отеля до Брикстон-род. Меня могли схватить, обыскать и найти камень в кармане жилета. Я стоял, прислонившись к стене, и рассеянно смотрел на гусей, бродивших по двору. Внезапно у меня мелькнула мысль о том, как можно провести самого искусного сыщика.

Несколько недель тому назад сестра сказала мне,

что я могу выбрать себе к Рождеству любого из ее гусей. Я знал, что она всегда исполняет свое обещание, и потому считал себя вправе взять одного из гусей и унести в нем камень. На дворе стоит маленький сарай: я загнал туда гуся — жирную большую птицу с полосатым хвостом. поймал его, открыл ему клюв и засунул камень как можно глубже в горло. Гусь проглотил его, и я заметил, что камень прошел в зоб. Но тут гусь стал биться

и хлопать крыльями. На шум вышла сестра. Я обернулся к ней, а гусь воспользовался этим и упорхнул во двор к остальному стаду.

«Что ты тут делаешь, Джэмс?» — говорит мне сестра.

«Ты обещала подарить мне к празднику гуся, — говорю я. — Так вот я и щупал, который из них пожирнее».

«Да мы. — говорит она, — уже оставили для тебя гуся; мы так его и называем «гусь Джэмса». Всех их у нас двадцать шесть штук. Один для тебя, один для нас, а две дюжины для продажи».

«Спасибо, Мэгги, — говорю я сестре, — но если тебе все равно, я хотел бы получить гуся, которого я себе выбрал».

«Но тот, которого мы для тебя откармливали, весит на три фунта больше», — говорит она.

«Это не важно. Мне хочется иметь как раз этого и я возьму его сейчас с собою».

Сестра немного даже надулась.

«Ну, так бери какого хочешь, — говорит она. — Которого же?»

«Вот того, в самой середине стада, белого с полосатым хвостом».

«Ну, и хорошо! — согласилась сестра, — зарежь его и бери с собою».

— Я так и сделал, мистер Холмс. Я зарезал гуся и отнес его в Кильбурн. Там я рассказал приятелю о своей проделке. Он так хохотал, что чуть не задохся от смеха. Потом мы взяли нож и разрезали птицу. . . сердце у меня так и упало: камня не было, и я понял, что произошла какая-то страшная ошибка. Я бросил гуся, побежал к сестре и кинулся во двор. Там не было ни одного гуся.

«Где все гуси, Мэгги?» — крикнул я.

«Я отправила их к торговцу».

«К какому торговцу?»

«К Брекенриджу на Ковентгарденском рынке».

«А был у тебя другой гусь с полосатым хвостом, похожий на выбранного мною?» — спросил я.

«Да, Джэмс, их было два с полосатыми хвостами, и я никак не могла их различить».

Ну, я, конечно, все понял и пустился бежать к Брекенриджу; но он уже успел продать всех гусей и ни за что не хотел сказать, кому. Вы сами слышали, как он со мною говорил? Сестра думала, что я сошел с ума. Иногда мне и самому это кажется. А теперь... теперь я уличенный вор, хотя даже и не воспользовался той вещью из-за которой сгубил свое доброе имя.

Он судорожно зарыдал, закрыв лицо руками.

Наступило долгое молчание, прерываемое только всхлипыванием Райдера и мерным постукиванием пальцев Холмса о стол. Вдруг Холмс встал и резким движением открыл дверь.

— Убирайтесь! — крикнул он.

— Как, сэр! О, да благословит вас бог!

Больше не было произнесено ни слова. Райдер стремительно выбежал из комнаты. Мы услышали его шаги на лестнице, затем стук захлопнутой внизу двери.

— В сущности, Ватсон, полиция не нанимала меня исправлять ее ошибки, — сказал Холмс, протягивая руку к глиняной трубке. — Другое дело, если бы Горнеру угрожала опасность; но ведь этот парень не выступит с обвинением, и дело само собою будет прекращено. Может быть, я делаюсь соучастником мошенника, но возможно, что этим я спасаю человека. В другой раз Райдер так не поступит: слишком уж он напуган. Если теперь засадить его в тюрьму, он станет постоянным ее обитателем. Мы случайно наткнулись на это странное происшествие, и разгадка его представляет прекрасную награду за наши усилия.

ТАЙНА БОСКОМБСКОЙ ДОЛИНЫ

Однажды утром, когда мы сидели с женою за завтраком, служанка подала мне телеграмму. Холмс телеграфировал:

«Не можете ли уделить мне несколько дней. Только что я получил депешу из Западной Англии в связи с трагедией Боскомбской долины. Был бы рад иметь вас спутником. Воздух и природа восхитительны. Выезжаю из Паддингтона в 11 ч. 15 м.»

— Ну, как ты решил? — спросила жена. — Ты поедешь?

— Право, не знаю. У меня много пациентов.

— Тебя заменит твой помощник. Тебе полезно отвлечься, и ты всегда так интересовался делами мистера Холмса.

— Если я решу ехать, я должен уложить вещи — осталось только полчаса.

На Паддингтонском вокзале меня уже ждал Холмс, расхаживавший по платформе в сером дорожном пальто и суконной фуражке.

Мы были одни в вагоне. Холмс захватил кипу газет; он рылся в них и читал, прерывая чтение, чтобы сделать выписки и обдумать прочитанное.

Когда мы миновали Ридинг, он вдруг смял газеты в огромный шар и положил на полку.

— Вы слышали об этом деле? — спросил он.

— Ни слова. Я несколько дней не читал газет.

— В лондонских газетах не было обстоятельных отчетов. Я просмотрел все последние газеты. Это одно из тех простых дел, в которых очень трудно разобраться.

— Это звучит парадоксом.

— Но глубоко верно: странность почти всегда служит нитью к разгадке. Чем обыденнее преступление, тем труднее найти виновных. В данном случае имеются серьезные улики против сына убитого. Видите ли, Боскомбская долина находится недалеко от Росса в Херфордшире. Самый крупный землевладелец в тех местах — некий Джон Тернер, разбогатевший в Австралии и вернувшийся к себе на родину несколько лет тому назад. Одну из своих ферм он сдал в аренду мистеру Чарльзу Мак-Карти, тоже приехавшему из Австралии. Тернер и Мак-Карти познакомились еще в колонии; Тернер был богат и оказался владельцем земли, а Мак-Карти — его арендатором, но они оставались, повидимому, приятелями и часто встречались. У Мак-Карти был единственный сын, юноша лет восемнадцати, а у Тернера — единственная дочь того же возраста. Мак-Карти и Тернер были вдовы. Они избегали сближения с соседними английскими семьями и вели замкнутый образ жизни, хотя оба Мак-Карти, отец и сын, увлекались спортом и посещали скачки. Мак-Карти держал двух слуг, — мужчину и девушку. У Тернера было не меньше полдюжины слуг.

3-го июня, то есть в прошлый понедельник, Мак-Карти вышел из дома в три часа дня и отправился к Боскомбскому пруду, образуемому разливом речки, в середине Боскомбской долины. Утром он был в Россе со своим слугой и сказал ему, что должен торопиться, так как у него в три часа важное свидание. С этого свидания он не вернулся.

От фермы до Боскомбского пруда около четверти мили, и двое видели его проходящим по этой

дороге,—старуха, имя которой не указано, и Вилльям Кроудер, лесничий Тернера. Оба эти свидетеля показали, что Мак-Карти был один. Лесничий добавил, что через несколько минут он увидел его сына, Джэмса Мак-Карти, идущего этой же дорогой с ружьем подмышкой.

Позже отца и сына видела четырнадцатилетняя девушка, дочь управляющего, Пэшиенс Моран, собиравшая цветы в лесу над прудом. Она показала, что видела у озера Мак-Карти и его сына, которые, повидимому, сильно ссорились. Она слышала, как Мак-Карти старший ругал сына, и видела, что сын поднимал руку, как если бы хотел ударить отца. Она очень перепугалась, убежала домой и сказала своей матери, что видела Мак-Карти спорящими у пруда и боятся, как бы они не стали драться. Только она успела это проговорить, как в дом вбежал молодой Мак-Карти и сказал, что нашел своего отца мертвым в лесу. Он был очень возбужден, без ружья и без шляпы, а его правая рука и рукав были испачканы кровью. Отец Пэшиенс пошел с ним и увидел мертвое тело, лежавшее на траве возле пруда. Голова была пробита ударами тяжелого тупого оружия. Возможно, что раны были нанесены прикладом ружья Джэмса, которое валялось на траве, в нескольких шагах от трупа. Молодого человека немедленно арестовали по обвинению в преднамеренном убийстве, и местный судья назначил это дело к слушанию на ближайшей выездной сессии суда.

— Все улики говорят против молодого Мак-Карти, — заметил я.

— Улики — это очень щекотливый вопрос, — задумчиво проговорил Холмс. — Часто они как-будто бесспорно указывают в одном направлении, но, посмотрев на них с другой точки зрения, вы можете обнаружить, что они так же бесспорно указывают в совершенно другом направлении. Все же есть очень серьезные данные против молодого Мак-Карти, и весьма возможно, что он совершил преступление. Однако, многие из окрестных жителей, и среди них мисс Тернер, дочь соседнего землевладельца, верят

в непричастность юноши к убийству и пытались убедить в этом Лестреда. Лестред так растерялся, что обратился за помощью ко мне, и вот два джентльмена средних лет мчатся на запад со скоростью пятидесяти миль в час, вместо того, чтобы спокойно переваривать дома свой завтрак.

— Боюсь, что факты слишком очевидны, — сказал я.

— Нет ничего обманчивее очевидного факта, — смеясь ответил Холмс. — Кроме того, мы можем напасть на другие очевидные факты, которые не казались очевидными Лестреду. Вы слишком хорошо меня знаете, и не сочтете хвастовством, если я скажу, что поддержу или опровергну гипотезу Лестреда средствами, которые он совершенно неспособен не только применить, но даже понять. Для примера, — мне ясно, что в вашей спальне, где я никогда не был, окно расположено с правой стороны, а между тем я не уверен, установил ли бы Лестред такой самоочевидный факт.

— Каким образом вы...

— Дорогой друг, я вас хорошо знаю, и знаю свойственную вам военную аккуратность. Вы бреетесь каждое утро при солнечном свете, ваше бритье становится все менее и менее совершенным по мере продвижения налево и становится положительно неряшливым за челюстью; поэтому мне ясно, что эта сторона хуже освещена, чем другая. Я не могу себе представить, чтобы человек ваших привычек, рассматривая свое лицо при равномерном освещении, был бы удовлетворен таким бритьем. Наблюдение и выводы — это мое искусство, и оно может оказаться полезным в предстоящем расследовании. Есть несколько второстепенных фактов, установленных следствием, которые заслуживают внимания.

— Какие именно факты?

— Оказывается, что юноша был арестован не сразу, а после возвращения на ферму. Когда инспектор полиции объявил ему, что он арестован, Джэмс Мак-Карти заметил, что это его не удивляет, что это ему по заслугам. Замечание юноши устра-

нило все сомнения, которые, быть может, оставались в душе судебного следователя.

— Это было признание!

— Нет, потому что за этим последовало заявление о невинности в убийстве.

— Но, во всяком случае, это очень подозрительное замечание.

— Напротив, — сказал Холмс, — это единственный просвет, который я пока что вижу. Как бы он ни был неповинен, он не может быть настолько глуп, чтобы не сознавать, что факты свидетельствуют против него. Если бы он выразил удивление или негодование по поводу своего ареста, я бы считал это крайне подозрительным, потому что при данных обстоятельствах изумление или негодование были бы неестественны и могли бы показаться хитрым расчетом. Его откровенное признание безвыходности положения указывает либо на его непричастность, либо на самообладание и на твердость. А его замечание, что это ему поделом, тоже вполне естественно; ведь в этот день он забыл сыновний долг и не только обменивался с отцом ругательствами, но даже поднял на него руку.

Я покачал головой. — Многие кончали жизнь на виселице на основании гораздо менее убедительных улик.

— Это бесспорно. И многие были казнены по ошибке.

— Как описывает происшествие сам молодой человек?

— Вы можете прочесть его показания.

Холмс достал оттиск местной Херфордширской газеты и указал мне столбец, где были помещены показания несчастного юноши. Я устроился в уголке и внимательно прочитал протокол следствия.

«Мистер Джэмс Мак-Карти, единственный сын покойного, был вызван и дал следующие показания: «Я был три дня в Бристоле и возвратился домой в понедельник утром третьего числа. Когда я вернулся, отца не было дома, и служанка сказала, что он поехал с грумом Джоном Кобб в Росс. Вскоре

после моего возвращения я услышал во дворе стук колес его двуколки и, выглянув в окно, увидел, что отец сошел с двуколки и быстро вышел за околицу, но я не заметил, какой дорогой он пошел. Я взял ружье и отправился к Боскомбскому пруду, чтобы навестить кроличий садок на той стороне пруда. По дороге я встретил Вилльяма Кроудера лесничего. Он говорит об этом в своих показаниях, но он ошибается, думая, что я следовал за отцом. Я и не подозревал, что отец идет впереди. На расстоянии ста ярдов от пруда я услышал крик «Куии!» — обычный сигнал между мною и отцом. Я побежал и застал его у берега пруда. Он был очень удивлен, увидев меня, и довольно грубо спросил, что мне здесь надо. Слово за словом, дело дошло до брани и чуть не до драки, потому что мой отец был очень вспыльчив. Видя, что он совершенно не владеет собою, я покинул его и направился домой. Однако, пройдя около ста пятидесяти ярдов, я услышал ужасный крик, заставивший меня вернуться к пруду. Я увидел отца, лежащим на земле с разбитой головой. Я бросил ружье и приподнял его, но он почти мгновенно умер. Несколько минут я стоял перед ним на коленях и затем пошел к управляющему мистера Тернера просить помощи. Я никого не застал около отца и не представляю себе, кто мог нанести ему рану. Он не пользовался любовью, так как был холоден и резок в обращении; но, насколько я знаю, у него не было врагов. Вот все, что мне известно.

Судья: Ваш отец сказал вам что-нибудь перед смертью?

Свидетель: Он пробормотал несколько слов, но я не мог понять их смысла. Мне казалось, что он бредит. Он говорил «рат».¹

Судья: По какому поводу возникла между вами последняя ссора?

Свидетель: Я предпочел бы не отвечать на этот вопрос.

Судья: Я вынужден настаивать на ответе.

¹ Рат — по-английски крыс.

Свидетель: Я, право, не могу вам ответить, но могу заверить, что это не имеет никакого отношения к последовавшей трагедии.

Судья: Это решит суд. Считаю излишним указывать вам, что, отказываясь отвечать, вы очень ухудшаете свое положение перед судом.

Свидетель: Все же я вынужден отказаться.

Судья: — Крик «Куии» был, повидимому, обычным сигналом между вашим отцом и вами?

Свидетель: Да.

Судья: Как же в таком случае объяснить, что он издал этот клич, не видя вас, и не зная, что вы возвратились из Бристоля?

Свидетель (в сильном замешательстве). Я не знаю.

Присяжный: Когда вы вернулись, услышав крики, и нашли вашего отца смертельно раненым, вы не заметили ничего, что бы возбудило ваше подозрение?

Свидетель: Ничего определенного.

Судья: Что вы хотите этим сказать?

Свидетель: Я был так расстроен и возбужден, что не мог думать ни о чем, кроме отца. Но я смутно помню, что видел на земле слева от меня какой-то предмет: мне показалось, что это серое пальто, или, может быть, плед. Когда я затем встал и посмотрел вокруг, этого серого предмета уже не было.

— Вы полагаете, что предмет этот исчез прежде, чем вы отправились за помощью?

— Да, он исчез.

— Вы не можете определить, что это было?

— Нет. Но там что-то лежало.

— На каком расстоянии от труп?

— На расстоянии десяти-двенадцати ярдов.

— А на каком расстоянии от края леса?

— Приблизительно на таком же.

— Если предмет этот был кем-то убран, значит, кто-то взял его, когда вы были на расстоянии двенадцати ярдов?

— Да, но я стоял спиною

На этом закончился опрос Мак-Карти.

— Вижу, — заметил я, посмотрев ниже, — что судья в своем заключительном слове отнесся довольно сурово к молодому Мак-Карти. Он, не без основания, подчеркивает неправдоподобность утверждения, будто отец подал условный сигнал, не видя сына; он отмечает также отказ сообщить подробности разговора с отцом и странность показания о предсмертных словах отца. Все это, по мнению судьи, говорит против сына.

Холмс тихо засмеялся про себя и растянулся на мягком сидении.

— И вы и судья, — заметил он, — не видите того, что говорит в пользу молодого человека. Вы попеременно приписываете ему то слишком много воображения, то слишком мало. У него слишком уж бедное воображение, если он не мог придумать такую причину ссоры, которая вызвала бы к нему симпатию присяжных; и у него слишком богатое воображение, если он мог придумать такие странные вещи, как упоминание умирающим крысы и исчезновение одежды. Нет, Ватсон, я подойду к этому делу иначе: я буду исходить из предположения, что молодой человек говорил правду. Посмотрим, к чему приведет такая гипотеза.

Около четырех часов мы приехали в красивый маленький городок Росс. На платформе нас ждал тощий человек, похожий на хорька. Несмотря на его светлоскоричневый макинтош и кожаные гетры, я сразу же узнал Лестрэда из Скотлэнд-Ярда. Мы проехали в гостиницу, где для нас была приготовлена комната.

— Я заказал экипаж, — сказал Лестрэд, когда мы сидели и пили чай. — Зная вашу натуру, я решил, что вы захотите как можно скорее осмотреть место происшествия.

— Это очень мило с вашей стороны, — ответил Холмс. — но это всецело зависит от барометра.

Лестрэд посмотрел на него с изумлением.

— Я не понимаю вас, — произнес он.

— Взглянем на барометр. Двадцать девять, ветра

нет и небо безоблачное. Знаете, у меня есть ящик сигарет, а этот диван необычайно располагает к лени. Я думаю, что вряд ли воспользуюсь сегодня вашим экипажем.

Лестрэд снисходительно засмеялся.

— Вы, конечно, уже сделали выводы на основании газет, — сказал он. — Дело очень простое и ясное. Но, конечно, нельзя отказать молодой девушке и притом такой настойчивой. Она слышала о вас и хотела непременно пригласить вас, хотя я ей все время твердил, что вы ничего не можете сделать, кроме того, что уже сделал я. Но, боже ты мой! Вот ее коляска у дверей гостиницы!

Едва он успел это сказать, как в комнату впрорухнулась очаровательная молодая девушка.

— О, мистер Шерлок Холмс! — воскликнула она. — Я так рада, что вы приехали! Я знаю, что не Джэмс убил отца. Я знаю это и хочу, чтобы вы тоже были в этом уверены, приступая к работе. Не сомневайтесь в этом ни минуты! Мы знаем друг друга с раннего детства; никому не известны так, как мне, его недостатки, но у него нежное сердце, и он неспособен убить муху. Всякому, кто его знает, обвинение в убийстве кажется просто нелепым.

— Я надеюсь, что мы его выгородим, мисс Тернер, — сказал Холмс. — Будьте уверены, что я сделаю все, что в моих силах.

— Но ведь вы читали протокол допроса, и, наверное, пришли к каким-то выводам? Разве вы не замечаете, что все это не вяжется? Разве вы сами не чувствуете, что Джэмс невиновен?

— Я считаю, что это весьма вероятно.

— Вот видите! — воскликнула она, с вызовом смотря на Лестрэда.

Лестрэд пожал плечами.

— Боюсь — сказал он, — что мой коллега поспешил с выводами.

— Но он прав! О, конечно, он прав! Джэмс не виновен. А что касается ссоры с отцом, то он не хотел говорить о ней судье, так как ссора была из-за меня.

— Как так?

— Теперь не время что-либо скрывать. Джэмс и его отец часто ссорились из-за меня. Мистер Мак-Карти очень хотел, чтобы мы поженились. Мы с Джэмсом всегда любили друг друга как брат и сестра, но он, конечно, очень молод, совсем не видел жизни и... и... конечно, не хотел жениться. Между ним и отцом бывали стычки и это была одна из таких стычек.

— А ваш отец, — спросил Холмс, — как он относился к этому союзу?

— Он тоже был против. Никто, кроме мистера Мак-Карти, не желал этого брака. — Ее свежее молодое личико вспыхнуло под пронизательным взглядом Холмса.

— Благодарю вас за сведения, — сказал он. — Смогу я повидать вашего отца, если заеду к нему завтра?

— Боюсь, что врач не разрешит свидания.

— Врач?

— Да. Вы не слышали? Отец давно уже прихвывал, но смерть Мак-Карти его окончательно подкосила. Он слег, и доктор Уиллоу говорит, что отец очень болен. — его нервная система совершенно подорвана. Мистер Мак-Карти — единственный человек, который знал отца еще в молодые годы, когда они оба были в Виктории.

— В Виктории? Это очень важно.

— Да, в Виктории. На рудниках.

— Так, так. На золотых рудниках, где, как я полагаю, мистер Тернер нажил свое состояние?

— Совершенно верно.

— Благодарю вас, мисс Тернер. Вы оказали мне существенную услугу.

— Мистер Холмс, сообщите мне, если узнаете что-нибудь новое! Вы, наверное, побываете у Джэмса в тюрьме. О, если вы к нему пойдете, скажите ему, что я верю в его невиновность.

— Хорошо, мисс Тернер.

— Я должна спешить, потому что отец очень болен и скучает, когда меня нет. До свидания, желаю

вам удачи! — Она вышла из комнаты так же стремительно, как вошла, и мы слышали на мостовой стук удаляющихся колес.

— Мне стыдно за вас, Холмс, — с достоинством проговорил Лестрэд после нескольких минут молчания. — Зачем вы пробуждаете надежды, которые неизбежно рухнут?

— Я думаю, что мне удастся обелить Джэмса Мак-Карти. У вас есть разрешение на свидание с ним?

— Да. Но только для вас и для меня.

— Мы сумеем попасть на поезд в Хересфорд и повидать Мак-Карти еще сегодня вечером?

— Вполне.

— Тогда так и сделаем. Ватсон, я покину вас всего на несколько часов.

Я проводил их на станцию, побродил по улицам городка и вернулся в гостиницу; улегшись на диван, я занялся чтением какого-то романа, но сюжет показался мне очень плоским по сравнению с глубокой тайной, в которой мы пытались разобраться. Я бросил книжку и отдался мыслям о загадочном преступлении. Если предположить, что рассказ несчастного юноши правдив, что же могло произойти между моментом, когда он расстался с отцом, и моментом, когда, услышав вопли отца, он бросился к нему? Не могли характер ранения подсказать мне что-нибудь? Я позвонил и попросил дать мне еженедельник графства, в котором была помещена стенограмма следствия. Врач указывал, что задняя треть левой теменной кости и левая половина затылочной кости были раздроблены тяжелым ударом, нанесенным сзади. Это до некоторой степени говорило в пользу обвиняемого, потому что, по словам свидетелей, он во время спора стоял лицом к отцу. Но старик мог повернуться спиной к нему прежде, чем был нанесен удар. Все же на это стоило обратить внимание Холмса. Затем, что могло значить упоминание о крысе — «рат»? Это не мог быть бред. Человек, умирающий от внезапного удара, обычно не бредит. Нет, это скорее была попытка объяснить случившееся. Но на что

могло указать это слово? Я пытался найти какое-нибудь объяснение. А затем серое пальто или плед, о котором упоминал молодой Мак-Карти. Если Джэмс говорил правду, то, повидимому, убийца, убегая, уронил часть одежды, скорее всего пальто, и, вернувшись за ним, унес его в момент, когда сын убитого стоял на коленях перед трупом отца на расстоянии нескольких шагов. Все дело представлялось мне сплетением загадок и невероятностей. Но все же я так верил Шерлок Холмсу, что не терял надежды, поскольку каждый новый факт подкреплял его убеждение в невинности молодого Мак-Карти.

Шерлок Холмс вернулся поздно. Он был один, так как Лестрэд остановился в другом месте.

— Барометр все еще стоит очень высоко, — заметил Холмс, усаживаясь. — Очень важно, чтобы не было дождя до того, как мы обследуем место происшествия. С другой стороны, для такой тонкой работы человек должен быть абсолютно свеж, и мне не хотелось бы приниматься за это дело после утомительного путешествия. Я видел молодого Мак-Карти.

— Что вы от него узнали?

— Ничего. Я думал, что он знает, кто убил старика, и не хочет выдать; но убедился, что он так же недоумевает, как и все остальные. Он не слишком большого ума, но недурен собою и, повидимому, добрый малый.

— У него странный вкус, — заметил я, — если он противится браку с такой очаровательной девушкой, как мисс Тернер.

— А-а! Это довольно грустная история. Джэмс безумно влюблен в нее, но два года тому назад, когда он был еще мальчишкой и не знал мисс Тернер, учившуюся пять лет в другом городе, этот дурень попал в лапы какой-то служанки из бристольского бара и женился на ней. Никто ничего не знает об этом браке, но можете себе представить, как бесится Джэмс Мак-Карти, когда его отчитывают за нежелание жениться на мисс Тернер, то есть сделать то, что он считал бы для себя величайшим счастьем, но что совершенно невозможно. Когда во время последнего

разговора отец стал настаивать, чтобы он сделал предложение мисс Тернер, Джэмс в исступлении вскинул руки. К тому же Джэмс не имеет средств к существованию, и отец, очень жестокий человек, выгнал бы его из дому, если бы узнал о его браке. Джэмс провел последние три дня в Бристоле со своей женой из бара, и отец не знал, где он. Заметьте это! Нет худа без добра: служанка бара, узнав из газет о постигшей Джэмса беде, угрожающей ему виселицей, отказалась от него и написала, что уже имеет мужа; следовательно, теперь ничто их не связывает. Я думаю, это известие вознаградило Джэмса за все перенесенные им страдания.

— Но если не он, то кто же убил старика?

— А-а! Кто? Я хочу обратить ваше внимание на два обстоятельства. Во-первых: убитый шел на свидание с кем-то у пруда; и этот кто-то не мог быть его сыном, потому что сын был в отсутствии, и старик не знал, когда он возвратится. Во-вторых: свидетели показывают, что убитый закричал «Куии!» раньше, чем он узнал, что сын его вернулся. Вот решающие моменты в этом деле.

Как предсказал Холмс, дождя ночью не было, настало ясное, безоблачное утро. В девять часов Лестрэд заехал за нами в экипаже, и мы отправились к Боскомбскому пруду.

— Серьезные новости, — заметил Лестрэд, — говорят, что мистер Тернер так болен, что врач считает его состояние безнадежным.

— Он пожилой человек? — спросил Холмс.

— Ему около шестидесяти лет, но его организм подорван жизнью в колониях, и он уже давно болен. Это убийство очень повлияло на него. Тернер был старым другом Мак-Карти и, смею добавить, большим его благодетелем; я узнал, что он безвозмездно отдал Мак-Карти ферму.

— Это очень интересно! — заметил Холмс.

— О, да! Он всячески помогал Мак-Карти. Все говорят, что Тернер был очень добр к покойному.

— Вот как! Не кажется ли вам несколько странным, что Мак-Карти, повидимому, ничем не владею-

ший и столь многим обязанный Тернеру, говорит о женитьбе своего сына на мисс Тернер таким самоуверенным петушиным тоном, как если бы дело стало только за предложением со стороны Джэмса? Это тем более странно, что сам Тернер, как нам известно, против брака дочери... Не склонны ли вы сделать из этого некоторые выводы?

— Ну, вот мы и подошли к выводам и дедукциям! — сказал Лестрэд, подмигнув мне. — Я нахожу, Холмс, что достаточно трудно справиться с фактами, а где уж гоняться за теориями и фантазиями...

— Вы правы, — проговорил задумчиво Холмс, — очень трудно справиться с фактами.

— Во всяком случае, я установил один факт, — возразил Лестрэд с некоторой горячностью.

— А именно?

— Я установил, что Мак-Карти — отец убит Мак-Карти — сыном, и что все попытки опровергнуть это — пустые мечтания.

— Что ж, мечта яснее, чем туман, — ответил, смеясь, Холмс. — Но, если не ошибаюсь, мы уже подъехали к ферме.

— Да, это ферма Мак-Карти.

Это был большой красивый двухэтажный дом, с шиферной крышей и большими желтыми пятнами сырости на серых стенах. Опущенные шторы и отсутствие дыма из труб придавали зданию нежилой вид. Мы постучали в дверь; служанка по просьбе Холмса показала нам сапоги, которые хозяин носил в момент смерти, а также ботинки Джэмса. Холмс сделал по семь восемь измерений, затем попросил проводить нас во двор, откуда мы вышли на дорожку, которая вела к Боскомбскому пруду.

Шерлок Холмс совсем преображался, когда ему случалось напасть на горячий след. Так и сейчас: его трудно было узнать: лицо то вспыхивало, то темнело, брови вытянулись в две твердые черные черты, глаза светились стальным блеском. Лицо было обращено вниз, плечи согнуты, губы сжаты. вены на длинной жилистой шее вздулись, как веревки; он был так поглощен своим делом, что не слышал случайных

вопросов или замечаний и в лучшем случае отвечал нетерпеливым ворчанием. Быстро и безмолвно шел он по следу, который через луга и по опушке леса вел к Боскомбскому пруду. Почва была сырая, болотистая; на тропинке и с краю на траве виднелись следы многих ног. По временам Холмс шел быстро, по временам застывал на месте, а раз даже свернул на луг. Мы с Лестрэдом шли за ним; сыщик шагал с равнодушно-презрительным видом, я же следил за

моим другом с глубоким интересом, уверенный, что каждое его действие направлено к определенной цели.

Боскомбский пруд расположен на границе между фермой Мак-Карти и парком м-ра Тернера. Из-за леса мы видели красные башенки над домом богатого землевладельца. Со стороны фермы лес был очень густой, и между его опушкой и тростниками, окаймлявшими пруд, тянулась полоса мокрой травы, шириною шагов в двадцать. Лестрэд показал нам место, где был найден труп; земля была настолько сырая, что я отчетливо видел след упавшего тела. По оживленному лицу и внимательному взгляду Холмса я понял, что истоптанная трава говорила ему очень мно-

гое. Он бегал кругом, как собака, выискивающая след, затем обратился к Лестрэду.

— Зачем вы подходили к пруду? — спросил он.

— Я искал в воде багром. Я думал найти какое-нибудь оружие. Но как вы...

— О, тише, тише! Мне некогда! Ваша левая нога, загнутая внутрь, истоптала все кругом, а здесь она исчезает в тростниках. О, как бы все было просто, если бы я был здесь прежде, чем они разворотили всю землю! Вот следы людей, пришедших вместе с управляющим, они перекрыли все следы на шесть или восемь футов вокруг тупа. Но здесь остались три следа одних и тех же ног.

Он достал лупу, постлал свой дождевик и лег, чтобы лучше разглядеть; он все время разговаривал, скорее с самим собою, чем с кем-нибудь из нас.

— Это ноги молодого Мак-Карти. Дважды он шел, а раз он бежал так быстро, что подошвы оставили глубокие отпечатки, а каблуки — едва заметные. Это рассказ о том, что он делал. Он побежал, когда увидел отца, лежащим на земле. Вот следы ног его отца, когда он ходил взад и вперед. А это что такое? Это след приклада, когда сын стоял и слушал. А это? Ха! Ха! Что это такое? На цыпочках! На цыпочках! И совсем необыкновенные ботинки! Они пришли, они ушли, они вернулись обратно, — ну, конечно, за пальто или пледом. Но откуда же они пришли?

Холмс бегал взад и вперед, теряя и вновь находя следы; наконец, мы вошли в лес и остановились в тени огромного бука, самого большого дерева в этой части леса. Холмс обошел его и снова лег лицом вниз на землю. Он долго так лежал, перебирая листья и сухие ветки, собирая в конверт то, что мне казалось мусором, и рассматривая в лупу не только землю, но даже кору дерева. Во мху лежал небольшой камень, и его Холмс тоже внимательно рассмотрел и спрятал. Затем он пошел через лес тропинкой, она вывела его на большую дорогу, где терялись все следы.

— Это было очень интересное дело, — проговорил

он своим обычным тоном. — Я полагаю, что в этом доме справа живет управляющий Моран. Я зайду на минутку и переговорю с Мораном, может быть, напишу записку. После этого мы вернемся завтракать. Вы можете пройти к экипажу, я сейчас же к вам присоединюсь.

Минут через десять мы сели в экипаж и поехали обратно в Росс. Холмс вез с собою камень, поднятый им в лесу.

— Это может вас заинтересовать, Лестрэд, — сказал он, показывая камень. — Убийство было совершенно этим камнем.

— Я не вижу никаких следов.

— Никаких следов и нет.

— Так как же вы можете знать?

— Под камнем росла трава. Камень пролежал всего несколько дней. Не видно места, откуда он был взят. Камень соответствует характеру ранения. Признаков применения другого оружия нет.

— А убийца?

— Высокий человек, левша, прихрамывает на правую ногу, обут в охотничьи сапоги на толстой подошве, носит серое пальто, курит индийские сигары, пользуется портсигаром и держит в кармане тупой перочинный ножик. Есть еще много других примет, но и этих достаточно для наших розысков.

Лестрэд рассмеялся. — Я попрежнему скептик, — сказал он. — Теории — отличная вещь, но нам приходится иметь дело с крепколобыми британскими присяжными.

— Увидим! — спокойно ответил Холмс. — Вы можете работать как вам угодно, а я буду пользоваться своим методом. Сегодня днем я буду занят и, вероятно, вернусь в Лондон вечерним поездом.

-- И бросите дело незаконченным?

— Нет, оно будет закончено.

— А тайна убийства?

— Уже разгадана.

— Кто же убийца?

— Джентльмен, приметы которого я вам описал.

— Но кто он?

— Мы без труда найдем его. Это ведь не очень людная местность.

Лестрэд пожал плечами. — Я человек практики, — сказал он, — и право же я не могу расхаживать в поисках левши с хромой ногой. Я бы стал посмешищем для Скотлэнд-Ярда.

— Как угодно, — спокойно ответил Холмс. — Я предоставил вам возможность. Вот ваша гостиница. До свидания. Я напишу вам перед своим отъездом.

Расставшись с Лестрэдом, мы отправились в отель, где нас ожидал завтрак. Холмс был погружен в свои мысли; у него было такое выражение лица, какое бывает у человека, находящегося в затруднительном положении.

— Послушайте, Ватсон, — сказал он, когда убрали со стола, — сядьте в это кресло и позвольте мне изложить вам кое-что. Я не знаю, что мне делать, и был бы рад вашему совету. Закурите сигару и слушайте.

— С удовольствием.

— Есть два факта в рассказе молодого Мак-Карти, которые сразу же поразили нас обоих: меня они расположили в его пользу, а вас настроили против него. Один из них: отец, по его словам, закричал «Куии!» раньше, чем его увидел. Второй: странное упоминание крысы — рат. Конечно, умирающий пробормотал несколько слов, но сын уловил только это слово — рат. И эти два факта должны быть исходной точкой наших розысков. Мы будем исходить из предположения, что парень говорил чистую правду.

— Какое значение имеет этот клич «Куии»?

— Совершенно очевидно, он не относился к сыну. Ведь Мак-Карти думал, что сын в Бристолe. Джэмс совсем случайно оказался поблизости. Клич «Куии» должен был привлечь внимание человека, с которым у него была назначена встреча. «Куии» — это чисто австралийское восклицание, употребляемое австралийцами. Есть веские основания полагать, что человек, с которым Мак-Карти должен был встретиться у

Боскомбского пруда, имеет какое-то отношение к Австралии.

— Ну, а что в таком случае означает «рат»?

Шерлок Холмс достал из кармана сложенную бумагу и развернул ее на столе. — Это карта колонии Виктория, — сказал он. — Я выписал ее вчера по телеграфу из Бристоля. — Он прикрыл ладонью часть карты. — Прочитайте! — сказал он.

— Арат, — прочитал я.

— А теперь? — он снял с карты руку.

— Балларат.

— Совершенно верно. Вот слово, которое произнес отец, но сын расслышал только последние два слога. Мак-Карги пытался произнести имя своего убийцы. Такой-то из Балларат.

— Это поразительно!

— Это очевидно. Вы видите, что я сильно сузил поле розысков. Обладание серым пальто — вот третий признак. Мы подошли к представлению австралийца из Балларат, носящего серую одежду.

— Безусловно.

— Далее, человек этот должен быть из здешних мест, потому что подойти к пруду можно только через ферму или через поместье, где посторонние вряд ли могут расхаживать.

— Совершенно верно!

— Затем наша сегодняшняя экспедиция, — осмотр земли позволил мне установить несколько мелких деталей, относящихся к личности преступника. Я сообщил их этому идиоту Лестрэду.

— Но как вы установили эти детали?

— Вы знаете мой метод. Он основан на внимательном наблюдении за мелочами.

— Я знаю, что о росте человека вы можете приблизительно судить по длине его шага. Его обувь вы можете описать по следам.

— Да, это была странная обувь. Ватсон.

— Но откуда вы взяли, что он хромает?

— След правой ноги был везде менее отчетлив, чем след левой. Он на нее меньше опирался. А отчего? Потому что он хромой.

— А почему вы знаете, что он левша?

— Вы сами были поражены характером ранения, когда читали показания врача на следствии. Удар был нанесен сзади и в то же время с левой стороны. Но кто же мог это сделать, как не левша? Он стоял за деревом во время разговора отца с сыном. Он даже курил. Я нашел пепел табака и утверждаю, на основании специального изучения пепла различных сортов табака, что человек этот курил индийскую сигару. Обнаружив пепел, я стал тщательно искать и нашел во мху окурок индийской сигары того сорта, который изготавливается в Роттердаме.

— А мундштук?

— Я убедился, что конец сигары не был во рту. Значит, человек пользовался мундштуком. Конец был срезан, а не откушен зубами, но срез был неровный, отсюда я сделал вывод относительно тупого перочинного ножа.

— Холмс, — сказал я, — вы сплели вокруг этого человека сеть, из которой ему не удастся выпутаться, и вы спасли невинного человека, — вы перерезали петлю, накинутую ему на шею. Я вижу, на кого указывают все эти приметы. Убийца...

— Мистер Джон Тернер, — доложил слуга, открывая дверь нашей гостиной и впуская посетителя.

У вошедшего была странная и внушительная внешность. Медленная, прихрамывающая походка и сутулая спина придавали ему вид дряхлого старика, а между тем крупные, резкие черты его лица, огромные руки и ноги указывали на необычайную крепость духа и тела. У него был властный вид, но лицо было пепельно-белое, а губы и ноздри были окрашены легкой синевой. Мне сразу стало ясно, что его подтачивает какой-то смертельный недуг.

— Присядьте, пожалуйста, на диван, — мягко сказал Холмс. — Вы получили мое письмо?

— Да, управляющий принес мне его. Вы пишете, что желали бы видеть меня здесь во избежание скандала.

— Я думаю, что мое посещение вызвало бы толки.

— А зачем вы хотели меня видеть? — он смотрел на моего друга с выражением отчаяния в усталых глазах, как если бы он уже получил ответ на свой вопрос.

— Да, — сказал Холмс, отвечая скорее на взгляд, чем на слова. — Вы угадали. Я знаю все насчет Мак-Карти.

Старик закрыл лицо руками: — Боже милостивый! — воскликнул он. — Но я не дал бы осудить Джэмса. Клянусь вам, что если бы дело дошло до суда, я бы выступил.

— Мне очень приятно это слышать, — серьезно проговорил Холмс.

— Если бы не моя дочь, — я уже теперь обо всем бы заявил. Но это разбило бы ее сердце; да, ее сердце будет разбито, когда она узнает, что я арестован.

— Дело может не дойти до ареста, — сказал Холмс.

— Что?

— Я не официальный агент. Ваша дочь пожелала, чтобы я сюда приехал, и я действую в ее интересах. Во всяком случае, надо добиться оправдания молодого Мак-Карти.

— Я умирающий человек, — сказал старик. — У меня уже много лет сахарная болезнь. Мой врач не уверен, что я протяну больше месяца. Все же я предпочел бы умереть под собственной кровлей, чем в тюрьме.

Холмс встал и сел к столу с пером в руке. Он положил перед собою пачку бумаги.

— Скажите нам всю правду, — обратился Холмс к старику. — Я запишу ваши слова. Вы подпишетесь, и Ватсон будет свидетелем. В крайнем случае, чтобы спасти Джэмса Мак-Карти, я смогу представить вашу исповедь. Я обещаю вам не делать этого без крайней необходимости.

— Я не возражаю, — сказал Тернер. — Сомнительно, чтобы я дожил до суда, и потому мне это безразлично, но я хотел бы избавить Алису от такого удара. Я все вам объясню. Вы не знали покойного

Мак-Карти. Это был сам чорт. Поверьте мне. Упаси вас бог попасться в когти такого человека! Я был в его власти двадцать лет, и он меня сгубил. Прежде всего я расскажу вам, как я оказался в его руках.

Было это в начале шестидесятых годов на золотых приисках в Австралии. Я был молод и безрассуден, попал в дурную компанию, стал пить; мне не повезло с добычей золота, я начал промышлять на больших дорогах, сделался, как здесь говорят, раз-

бойником. Нас было шестеро; мы вели дикую, вольную жизнь, совершали налеты, грабили поезда из пути к приискам. Меня прозвали Черный Джэк из Балларат, и в колонии до сих пор помнят Балларатскую шайку.

Однажды из Балларат в Мельбурн везли под конвоем золото. Мы подкараулили транспорт и напали на него. Охрана состояла из шести солдат, нас тоже было шестеро, так что дело было нелегкое; но мы сразу прикончили четырех; однако, трое наших было убито прежде, чем мы добрались до добычи. Я приложил дуло своего пистолета к голове возчика, — это был Мак-Карти. Мне жаль, что я не пристрелил его тогда, но я его пощадил, хотя видел, как он впился своими злыми глазами в мое лицо, словно стараясь запомнить каждую черту. Мы забрали золото, стали богатыми людьми и отправились в Англию. Здесь я расстался со своими товарищами и решил зажить спокойной, добропорядочной жизнью. Я приобрел это поместье и старался понемногу делать добро, чтобы искупить свои прежние грехи; я женился; моя жена рано умерла, но оставила мне мою милую Алису. Одним словом, я открыл новую страницу жизни. Все шло хорошо, пока я не попал в лапы Мак-Карти.

Я поехал в Лондон по денежным делам и встретил его на Риджент-стрит. Он был чужь-что не в лохмотьях.

«Вот и мы, Джэк», — сказал он, схватив меня за рукав, — мы тебе будем как родные. Нас двое, — я и сын, и ты не откажешься взять нас к себе. А если ты откажешься... Англия хорошая страна, где уважают закон, и стоит крикнуть, как сейчас подоспеет полицейский.

Они приехали, и я не мог от них отделаться, — они с тех пор бесплатно пользовались лучшим моим участком. Я не знал покоя, не знал забвения; где бы я ни был, всюду я видел рядом с собой это хитрое, ухмыляющееся лицо. Когда Алиса подросла, стало еще хуже: Мак-Карти скоро догадался, что я больше всего боюсь, как бы она не узнала о моем прошлом

Я, не споря, давал ему все, что он хотел, — землю, деньги, постройки, пока, наконец, он не потребовал того, чего я не мог ему дать. Он потребовал, чтобы я отдал Алису.

Зная, что я болен, Мак-Карти решил, что не плохо будет, если его сын завладеет всем моим поместьем. Но в этом деле я был тверд. Я не хотел родниться с Мак-Карти. Не то, чтобы я питал дурные чувства к пареньку, нет, но это был сын Мак-Карти, и этого было для меня достаточно. Мак-Карти стал грозить. Я предложил ему донести на меня. Мы должны были встретиться у пруда и переговорить.

Когда я пришел, он разговаривал со своим сыном; я закурил и стал ждать за деревом. Но когда я услышал то, что он говорил сыну, в моей душе пробудилось все самое темное. Он требовал, чтобы Джэмс женился на Алисе, совершенно не заботясь о том, желает ли она этого. Я обезумел от мысли, что я и она, которая была мне дороже всего на свете, что мы оба оказались во власти такого человека. Разве я не мог разорвать эту связь? Я стою на краю могилы. При полной ясности мысли и сравнительной крепости, я обречен. Но память обо мне и моя дочь! Я мог спасти и то, и другое, заставив этого подлого человека навсегда замолчать. Я это сделал, мистер Холмс. И если бы это было нужно, сделал бы снова. Я не мог допустить, чтобы моя дочь попала в ту же ловушку, в какую попал я сам. Я убил его без всякого сожаления, как если бы это был гнусный ядовитый гад. На его крик прибежал сын; но я достиг леса, хотя мне пришлось вернуться, чтобы взять пальто, которое я бросил, убегая. Вот правдивое описание того, что случилось.

— Что ж, не мое дело судить вас, — сказал Холмс, когда старик подписал свои показания.

— Что вы намерены сделать, сэр?

— Учитывая состояние вашего здоровья, ничего. Вы сами сознаете, что вам не придется отвечать перед судом присяжных. Я сохраню вашу исповедь, и если Мак-Карти будет осужден, я буду вынужден использовать ее. Если его не осудят, никто никогда

не прочитает ваших показаний, и ваша тайна будет сохранена.

— В таком случае, счастливого пути! — торжественно сказал старик. Шатаясь и дрожа, он медленно вышел из комнаты.

Джэмс Мак-Карти был оправдан судом присяжных на основании ряда возражений, составленных Холмсом и переданных им защитнику. Старик Тернер прожил семь месяцев после нашей беседы, но теперь он умер, и можно надеяться, что Джэмс и Алиса поженятся, будут счастливы и никогда не узнают тайны Боскомбской долины.

ЧЕЛОВЕК СО ВЗДЕРНУТОЙ ГУБОЙ

Иза Уитней был страстным курильщиком опиума. Еще в студенческие годы, начитавшись Де-Кинсея, который описал ощущения и грезы курильщика опиума, Иза пропитал свой табак опиумом, чтобы добиться такого же эффекта. Он, как и многие другие, убедился, что легче приобрести привычку, чем от нее освободиться; Иза стал рабом своей страсти и вызывал отвращение и жалость друзей и родных.

Однажды, — это было в июне 1889 года, — ко мне позвонили в тот час, когда человек, взглянув на часы, начинает позевывать.

— Наверное, пациент! — сказала жена. — Тебе придется ехать к больному.

Я заворчал, так как только что возвратился после утомительного дня.

Мы слышали внизу торопливый разговор и быстрые шаги по линолеуму. Дверь открылась, и вошла женщина в темном платье, под черной вуалью.

— Простите мой поздний визит, — начала она, но затем подбежала к моей жене и, обняв ее, зарыдала у нее на плече.

— Кэт Уитней! — воскликнула моя жена, откинув вуаль с лица гостьи. — Я тебя не узнала.

— Я в полном отчаянии и потому пришла к тебе.

— Ты хорошо сделала. Садись поуютнее и расскажи, что случилось. Может быть хочешь, чтобы я отослала Джэкса спать?

— Нет, нет! Мне нужен совет врача и его помощь. Это насчет Изы. Он два дня не возвращался домой. Я боюсь, не случилось ли с ним чего-нибудь.

Она не в первый раз говорила о своем муже со мною как с врачом, с моей женою как со школьной подругой; мы старались ее успокоить. Я спросил, знает ли она, где находится ее муж? Нельзя ли попытаться привести его домой?

Повидимому, это было возможно. Она знала, что в последнее время он ходил курить опиум в один притон курильщиков на окраине Ист-Энда. До сих пор он никогда не пропадал больше, чем на один день, но на этот раз он отсутствовал двое суток, и, наверное, валялся среди гаванского сброда, дыша отравой. Кэт была уверена, что его можно найти в «Золотом баре», на Верхней Свандамской аллее. Но что ей делать? Не может же она, молодая, робкая женщина, явиться туда и увести своего мужа.

Я предложил сопровождать ее. Но затем подумал, что ей вовсе незачем идти. Один я лучше справлюсь. Я обещал доставить Изу домой не позже, чем через два часа, если найду его в указанном ею месте, и через десять минут мчался в Ист-Энд.

Первый этап моей авантюры не представлял никаких трудностей. Верхняя Свандамская аллея тянется вдоль пристаней северного берега Темзы к востоку от Лондонского моста. Между лавкой старьевщика и портерной я нашел «Золотой бар», в который вела крутая лестница, спускавшаяся в подвальное помещение. Приказав кучеру ждать, я спустился по ступеням, стертым непрерывным топанием пьяных ног; при свете мигающей масляной лампы над входом я нашел дверь и оказался в длинной низкой комнате, наполненной тяжелым дымом опиума и заставленной деревянными койками.

В полумраке можно было разглядеть очертания тел, лежащих в фантастических позах: согнутые ко-

дени, сутулые плечи, запрокинутые головы, торчащие вверх подбородки, темные, лишенные блеска глаза, обращенные на нового посетителя. В общем мраке поблескивали маленькие красные огоньки, то яркие, то слабые, — это горел опиум в чашечках металлических трубок. Почти все курильщики лежали молча,

лишь немногие бормотали что-то про себя или разговаривали тихими, монотонными голосами, не обращая внимания на слова собеседника. В конце комнаты стояла небольшая жаровня с горящими углями, рядом на трехноглом деревянном стуле сидел высокий худой старик; опустив голову на руки и упершись локтями в колени, он смотрел в огонь.

Когда я вошел, смуглый малаец-слуга поспешил мне навстречу с трубкой и с порцией опиума; он указал мне на свободную койку.

— Благодарю вас, я не собираюсь оставаться, — сказал я. — Здесь мой приятель, Иза Уитней, я хочу с ним переговорить.

Справа от меня кто-то зашевелился, я услышал восклицание и, взглядевшись в полумрак, увидел бледного, худого, включенного Уитнея, уставившегося на меня.

— Бог мой, Ватсон! — проговорил он. — Скажите Ватсон, который час?

— Почти одиннадцать.

— Какой день?

— Пятница, 19 июня.

— Боже милостивый! А я-то думал — среда. Конечно, среда. Зачем вы стараетесь меня напугать? — Он уронил голову на руки и начал всхлипывать.

— Говорю вам, что сегодня пятница. Ваша жена ждет вас два дня. Стыдитесь!

— Я и стыжусь. Но вы сошли с ума, Ватсон, потому что я провел здесь всего несколько часов: я выкурил три трубки, четыре трубки, — я забыл сколько, но я пойду с вами. Я не хочу доставлять беспокойство Кэт, бедной маленькой Кэт. Дайте мне руку! У вас есть кэб?

— Да, кэб ждет у входа.

— Я сяду в кэб, но я, наверное, должен хозяину. Узнайте, сколько я должен, Ватсон. Я совсем размяк. Я ничего не могу сделать сам.

Разыскивая хозяйна, я шел между двумя рядами курильщиков. Поровнявшись с высоким человеком, сидевшим у жаровни, я почувствовал, что кто-то дернул меня за полу, и услышал тихий шопот: «Пройдите мимо меня, а затем оглянитесь». Я отчетливо расслышал эти слова и посмотрел вниз. Эти слова мог произнести только старик у жаровни, но он сидел, как прежде, погруженный в свои мысли, очень худой, очень морщинистый, согбенный годами, с трубкой для опиума, которая выскользнула из его усталых рук и лежала у него на коленях. Я сделал два шага и оглянулся. Я едва подавил крик изумления. Старик повернулся так, что никто, кроме меня, не мог его

видеть. Его формы вдруг округлились, морщины исчезли, тусклые глаза зажглись огнем, и передо мной, смеясь над моим удивлением, сидел не кто иной, как Шерлок Холмс. Он сделал мне едва заметный знак, чтобы я приблизился, и в то же мгновение, повернувшись лицом к курильщикам, обратился в хилого, слюнявого старца.

— Холмс, — прошептал я, — что вы делаете в этом притоне?

— Говорите тише! У меня отличный слух. Если вы избавитесь от своего обалделого приятеля, я буду рад побеседовать с вами.

— У дверей ждет кэб.

— Тогда отошлите этого субъекта домой в кэбе. Ему ничего не сделается. А кроме того, пошлите записку вашей жене и предупредите ее, что остались со мной. Если вы обождете на улице, я присоединюсь к вам через пять минут.

Трудно было в чем-нибудь отказать Холмсу. Я считал, что, водворив Уитнэя в кэб, я, в сущности, выполнил свою миссию, для себя же не мог желать ничего лучшего, чем общество моего друга. Я быстро написал записку, заплатил по счету и усадил Уитнэя в экипаж. Очень скоро из притона вышел дряхлый старик, и я пошел за ним. Два квартала он плелся, шаркая ногами, согнувшись в три погибели, затем, быстро оглядевшись, выпрямился и весело рассмеялся.

— Вы, наверное, думаете, Ватсон, что я пристрастился к опиуму?

— Во всяком случае, я удивился, встретив вас там.

— Не больше, чем я, встретив вас.

— Я пришел, чтобы разыскать друга.

— А я, чтобы выследить врага.

— Врага?

— Да, одного из моих прирожденных врагов или, лучше сказать, мою добычу. Короче говоря, Ватсон, я занят интереснейшим исследованием и надеялся найти какую-нибудь нить в бессвязном бормотании этих одуревших курильщиков, как это мне не раз

удавалось. Если бы меня узнали в этом притоне, со мною бы живо разделались, потому что хозяин, Ласкар, поклялся отомстить мне за прошлое. В задней части здания, у угла пристани, есть люк, через который в безлунные ночи выброшено в Темзу много странных вещей.

— Что вы хотите сказать? Не тел же?

— Вот именно тел, Ватсон. Мы были бы богачами, если бы получили по тысяче фунтов за каждого загубленного в этом притоне. Это самое гнусное место на всем берегу и я боюсь, что Невилль Сент-Клэр попался в эту ловушку. Но наша двуколка должна быть где-то здесь. — Он положил в рот два пальца и свистнул. Ему ответил издали такой же свист, за которым последовал стук колес и подков.

— Ну, Ватсон, вы поедете со мною, не правда ли? — сказал Холмс, когда в темноте показался экипаж, боковые фонари которого отбрасывали два снопа желтого света. — Неправда ли, вы поедете со мною?

— Если я могу вам быть полезен.

— О, верный товарищ всегда полезен. Моя комната в «Кедрах» рассчитана на двоих.

— В «Кедрах»?

— Да. Это дом мистера Сент-Клэр. Я там остановился на время розысков.

— Но где же это?

— Около Ли, в Кенте. Нам предстоит проехать семь миль.

— Но я ровно ничего не понимаю.

— Естественно! Я все вам объясню. Садитесь! Оглично, Джон, мы доедем сами. Вот вам полкроны. Завтра, около одиннадцати, ждите меня. Давайте вожжи!

Он стегнул лошадь хлыстом, и мы помчались по бесконечным темным, пустынным улицам; они становились все шире, пока, наконец, мы не выехали на мост.

По ту сторону реки простирался пустырь, загроможденный кирпичем и известью: тишину его нарушали только тяжелые, равномерные шаги полисмена

или песни и крики запоздалых гуляк. Холмс сидел молча, с опущенной на грудь головой: он был погружен в размышления. Так мы проехали несколько миль и достигли района пригородных вилл. Холмс встряхнулся, пожал плечами и зажег трубку, с жестом человека, который убедился в правильности своих действий.

— У вас есть чудесный дар молчания, Ватсон, — сказал он. — Это делает вас незаменимым спутником. Мне необходимо с кем-нибудь поговорить, — ведь мои собственные мысли мало радостны. Я обдумывал, что я скажу этой милой женщине, когда она встретит меня у дверей.

— Но я еще ничего не знаю!

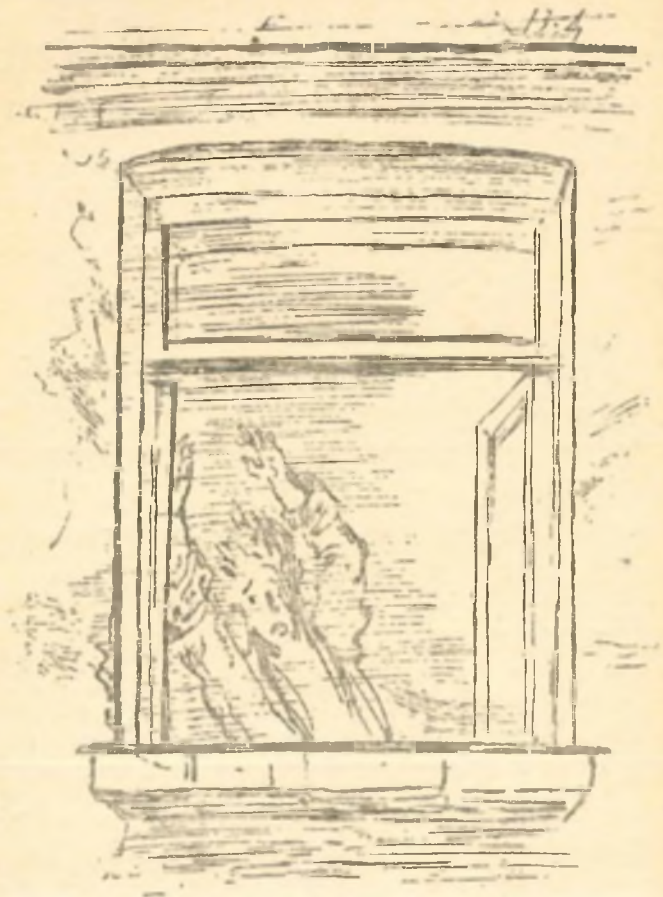
— Я успею вам все рассказать до конца нашего пути. В этом деле есть множество нитей, но я как-то не могу найти концов. Я изложу вам ясно и точно все, и, может быть, Ватсон, вы уловите искру света там, где я вижу сплошной мрак.

— Начинайте!

— Несколько лет тому назад, в мае 1884 года, в Ли появился джентльмен, Невилль Сент-Клэр, располагавший, повидимому, средствами. Он арендовал большую виллу, разбил на участке прелестный сад и жил на широкую ногу. Постепенно он завел друзей и в 1887 году женился на дочери местного пивовара, от которой имеет теперь двух детей. Он не служил, но интересовался делами нескольких компаний. Каждое утро он ездил в Лондон и возвращался поездом в 5 часов 14 минут со станции на Каннон-стрит. Мистеру Сент-Клэр 37 лет; это человек умеренный, отличный муж, любящий отец, приятный собеседник. Могу добавить, что, насколько мне удалось установить, все его долги составляют 88 фунтов 10 шиллингов, между тем, как на его счете в Лондонском банке лежит 220 фунтов. Поэтому нет основания думать, что его угнетали денежные заботы.

В понедельник мистер Невилль Сент-Клэр уехал в город раньше обыкновенного; уезжая, он сказал, что ему надо побывать по двум важным делам, и что он привезет своему сынишке ящик с кубиками.

Совершенно случайно в этот самый день его жена, сразу после его отъезда, получила телеграмму с сообщением, что в конторе Абердинского пароходного

общества лежит присланная на ее имя ценная посылка. Контора Общества помещается на Фресно-стрит, пересекающей Верхнюю Свандамскую аллею, где вы меня сегодня застали. Миссис Сент-Клэр поехала после завтрака в Лондон, сделала кое-какие

покупки, и ровно в 4 часа 35 минут, возвращаясь на станцию, оказалась на Свандамской аллее. Вы следите за моим рассказом?

— Все очень ясно.

— Если вы помните, в понедельник было очень жарко, и миссис Сент-Клэр шла медленно, оглядываясь по сторонам, в надежде увидеть кэб, так как ей не по душе был квартал, куда она попала. Внезапно она услышала восклицание или крик и похолодела, увидев в окне второго этажа своего мужа. Он смотрел на нее и, как ей показалось, делал ей знаки. Окно было открыто, она ясно видела лицо мужа, страшно взволнованное. Он как будто хотел что-то объяснить, но затем исчез так внезапно, как если бы его оттащили назад. Ее поразила одна мелочь. Он был в темном костюме, в котором уехал утром, но без воротничка и без галстука.

Уверенная, что с мужем что-то случилось, она сбегала по ступенькам вниз, так как другого входа не было, и попала в тот самый притон, где вы меня застали; она пробежала через комнату, чтобы найти лестницу, ведущую в верхний этаж. Но у лестницы ее встретил этот негодяй Ласкар, он оттолкнул ее и с помощью какого-то датчанина выставил на улицу. Почти обезумев от страшных догадок, миссис Сент-Клэр бросилась бежать по аллее и, на свое счастье, встретила на Фресно-стрит патруль констэблей, совершавший обход с инспектором полиции. Инспектор и два констэбля проводили ее обратно. Несмотря на сопротивление Ласкара, они проникли в комнату, в окне которой миссис Сент-Клэр видела мужа. Они не обнаружили никаких следов Сент-Клэра и во всем этаже не нашли никого, кроме отвратительного с виду калеки, который, повидимому, здесь живет. Оба, калека и Ласкар, клялись, что кроме них никого здесь не было. Они так настойчиво это утверждали, что инспектор полиции подумал было, что миссис Сент-Клэр просто почудилось, но вдруг она с криком бросилась к небольшому деревянному ящичку, стоявшему на столе. Она открыла крышку. Из ящика посыпа-

лись кубики: это была игрушка, которую Сент-Клэр обещал привезти сыну.

Ящик с кубиками и явное смущение калеки заставили инспектора отнестись к делу серьезнее. В комнатах был произведен тщательный обыск, результаты которого указывали на страшное преступление. Первая комната, обставленная, как гостиная, вела в маленькую спальню, выходившую на заднюю сторону одной из пристаней. Между пристанью и окном спальни есть узкая полоска земли, сухая во время отлива, но во время прилива покрытая водою на четыре, четыре с половиной фута. При осмотре спальни на подоконнике были обнаружены следы крови, отдельные капли найдены также и на деревянном полу. В первой комнате за занавеской была сложена вся одежда Сент-Клэра, кроме пальто, — здесь оказались ботинки, носки, шляпа и часы. На одежде не обнаружено никаких следов насилия. Очевидно, Невилля выбросили через окно; трудно было рассчитывать на то, что Невилль мог спастись вплавь, так как трагедия разыгралась в момент самого высокого прилива.

Теперь о негодях, которые, повидимому, непосредственно связаны с этим преступлением. Ласкар — человек с очень темным прошлым, но в истории с мистером Сент-Клэр Ласкар был лишь соучастником преступления. Ведь он оказался внизу через несколько секунд после появления Сент-Клэр у окна. Ласкар утверждал, что решительно ничего не знает о делах своего жильца, и что он не может объяснить, каким образом за занавеской оказалась одежда пропавшего джентльмена.

Теперь перейдем к калеке, живущему над пристанью. Он, конечно, присутствовал при катастрофе. Его зовут Хюг Бун, и его отталкивающее лицо знакомо всякому, кто часто бывает в Сити. Это профессиональный нищий, хотя для вида он торгует восковыми свечками. На Среднидль-стрит, на левой стороне, стена дома образует небольшой угол. Там этот Хюг ежедневно сидит, скрестив ноги, с несколькими коробками спичек на коленях; он представляет такое жалкое зрелище, что пенни дождем сыплются в грязь.

ную кожаную шапку, лежащую перед ним на панели. Я не раз наблюдал за этим субъектом, не думая, что мне предстоит завести с ним деловое знакомство, и поражался богатой жатве, собираемой им в короткое время. У него такая наружность, что нельзя пройти мимо, не заметив его. Оранжево-рыжие вихры, бледное лицо, изуродованное ужасным шрамом, вздернувшим верхнюю губу, подбородок бульдога и темные пронизательные глаза, странно контрастирующие с цветом волос, — все это выделяет его из массы нищих; поражает также и остроумие, с каким он отвечает на любую шутку прохожих. Теперь я узнал: этот человек живет над притоном Ласкара, и он последний видел пропавшего джентльмена.

— Но ведь Хюг калека! — заметил я. — Что он мог сделать одной рукой с человеком в расцвете лет?

— Он калека в том отношении, что у него одна рука, но в остальном он, повидимому, сильный, хорошо воспитанный парень. Вы, Ватсон, как врач, знаете, конечно, по опыту, что недостаточность одной части тела часто компенсируется исключительной силой остальных.

— Пусть так. Продолжайте ваш рассказ.

— Миссис Сент-Клэр, при виде крови на подоконнике, лишилась чувств, и полицейский проводил ее в кэбе домой, так как ее присутствие не требовалось при расследовании. Инспектор Бартон, которому поручено следствие, очень тщательно осмотрел комнаты, но не нашел ничего, что бы могло пролить свет на это дело. Он допустил ошибку, не арестовав сразу же Буна, который в течение нескольких минут оставался на свободе и мог общаться с Ласкаром. Эта ошибка была скоро исправлена: Бун задержали, обыскали, но не нашли ничего, что бы служило против него уликой. Правда, на правом рукаве рубашки были обнаружены пятна крови, но он указал на безымянный палец, порезанный у ногтя. Он добавил, что перед тем стоял у окна, и обнаруженные на подоконнике пятна крови, несомненно, следы порезанного пальца. Бун упорно твердил, что никогда

не видел мистера Невилль Сент-Клэр, и не меньше полиции недоумевает, как могли оказаться в его комнате вещи этого джентльмена. Относительно утверждения миссис Сент-Клер, будто она видела своего мужа в окне комнаты, Бун заявил, что ей это просто почудилось. Его отправили в отделение полиции, а инспектор остался в комнате, в надежде, что отлив откроет какую-нибудь нить для дальнейших розысков.

И он не ошибся, — он нашел как раз то, что боялся найти, — не Невилля Сент-Клэр, а его пальто, оставшееся на берегу после отлива. И как вы думаете, Ватсон, что они обнаружили в карманах пальто?

— Не могу себе представить.

— Да, это трудно угадать. Все карманы были набиты медяшками. Инспектор насчитал четыреста двадцать пенни и двести семьдесят полпенни. Не мудрено, что пальто не было унесено отливом. Другое дело — труп человека. Между пристанью и домом сильный водоворот. Вполне вероятно, что нагруженное пальто осталось, а голое тело было смыто водой.

— Но вы сказали, что всю одежду нашли в комнате. Возможно ли допустить, чтобы на человеке было одето только пальто?

— Нет, Ватсон, но можно найти правдоподобное объяснение этим фактам. Представьте себе, что Бун выбросил голого Невилля Сент-Клэр в окно. Никто этого не видел. Что должен был предпринять Бун? Избавиться от одежды, служащей уликой. Он хватается за пальто, хочет его выбросить и вдруг соображает, что пальто не потонет. У него мало времени, — он слышит внизу шум борьбы, крик женщины, пытающейся подняться по лестнице; возможно, от своего сообщника Ласкара он узнал, что на улице полиция. Он спешит, бросается к мешку, где хранит плоды своего нищенства, и набивает медяками все карманы пальто, чтобы оно затонуло. Он выбрасывает в окно пальто и сделал бы то же самое и с остальной одеждой, если бы не услышал внизу шум шагов;

ему хватило времени только на то, чтобы закрыть окно, прежде чем явилась полиция.

— Это звучит правдоподобно.

— За неимением лучшего, мы примем это за рабочую гипотезу. Бун, как я вам говорил, был арестован и препровожден в отделение полиции, но в прошлом за ним нет никаких провинностей. Его знали, уже много лет, как профессионального нищего, и он, повидимому, вел тихое и скромное существование. Так обстоит дело; как попал Невилль в этот притон, что с ним там случилось, где он теперь и какое отношение имеет Бун к его исчезновению, — все это так же непонятно, как было в самом начале...

Пока Шерлок Холмс посвящал меня в это странное сплетение событий, мы успели пересечь окраину города и, оставив позади разбросанные дома, выехали на дорогу, окаймленную с обеих сторон изгородью.

— Здесь начинается Ли, — заметил мой спутник. — Мы проехали через три английские графства: выехали из Миддлсекса, пересекли Сюррей и закончили свою экспедицию в Кенте. Видите свет за деревьями? Это «Кедры», и возле той лампы сидит женщина, чужий слух которой уже уловил цоканье копыт нашей лошади.

— Но отчего вы не ведете это расследование, оставаясь у себя на Бэкер-стрит? — спросил я.

— Потому что есть много таких вопросов, которые я должен выяснить здесь на месте. Миссис Сент-Клэр любезно предоставила мне отличную комнату, и вы можете не сомневаться, что она будет рада оказать гостеприимство моему другу и коллеге. Ну, вот мы и приехали!

Мы остановились перед большой виллой, расположенной в саду. Мальчик-конюх взял нашу лошадь под уздцы. Выйдя из экипажа, я последовал за Холмсом по узкой, усыпанной гравием дорожке. В дверях дома нас встретила маленькая белокурая женщина в легком шелковом платье, отделанном у шеи и кистей рук розовым шифоном.

— Ну, как? — спросила она негерпеливо. — Ну,

как? — Увидя нас двоих, она издала радостное восклицание, перешедшее в стон, когда мой спутник покачал головой и пожал плечами.

— Ничего хорошего?

— Ничего.

— Ничего плохого?

— Тоже ничего.

— Слава богу и за это! Но входите. Вы, должно быть, измучились.

— Это мой друг, доктор Ватсон, — представил меня Холмс. — Он оказывал мне существенную помощь во многих расследованиях, и сегодня счастливый случай позволил мне захватить его с собою и привлечь к этому делу.

— Я очень рада вас видеть, — сказала миссис Сент-Клэр, радушно пожимая мою руку.

Когда мы вошли в хорошо освещенную столовую, где нас ждал холодный ужин, миссис Сент-Клэр обратилась к моему другу:

— Мистер Шерлок Холмс, — сказала она, — я хотела бы задать вам один или два вопроса, на которые прошу ответить мне прямо.

— Пожалуйста.

— Не бойтесь за меня, — я не истеричка и не склонна к обморокам. Я просто хочу услышать ваше искреннее мнение...

— Насчет чего?

— Думаете ли вы в глубине души, что Невилль жив?

Шерлок Холмс был смущен этим вопросом.

— Говорите откровенно! — повторила она.

— Откровенно говоря, я не думаю, чтобы он был жив.

— Вы думаете, он умер?

— Да, я так думаю.

— Убит?

— Этого я не утверждаю. Возможно, что убит.

— А в какой день он погиб?

— В понедельник.

— Тогда не будете ли вы любезны объяснить

мне, каким образом я получила от него сегодня это письмо?

Шерлок Холмс вскочил со своего стула, словно через него прошел гальванический ток.

— Что? — закричал он.

— Да, сегодня! — Она улыбалась, держа в руке листок бумаги.

— Разрешите мне посмотреть?

— Конечно!

Холмс нетерпеливо вырвал из рук миссис Сент-Клэр письмо, расправил его на столе, поднес к свету и стал внимательно исследовать. Я смотрел через его плечо. Конверт был очень грубый, со штемпелем Грэвзэндского почтового отделения и с датой вчерашнего дня, так как было далеко за полночь.

— Грубый почерк! — пробормотал Холмс. — Это, конечно, не почерк вашего мужа.

— На конверте — нет, но письмо написано им.

— Кто бы ни писал этот адрес на конверте, ему прежде чем его написать, пришлось пойти и узнать.

— Почему вы так думаете?

— Имя, как вы видите, написано совершенно черными чернилами, которые высохли сами собою. Все остальное сероватого цвета, и это указывает на применение промокательной бумаги. Если бы все было написано сразу, то все было бы одного цвета. Человек написал имя, потом прошло некоторое время, прежде чем он написал адрес, а это значит, что адреса он не знал, а знал только имя. Это, конечно, пустяки, но нет ничего важнее пустяков. Теперь посмотрим письмо! А-а! Что-то было вложено.

— Да, было вложено кольцо. Кольцо с его печатью.

— И вы уверены, что это почерк вашего мужа?

— Один из его почерков.

— Один из почерков?

— Почерк, каким он пишет, когда спешит. Это очень непохоже на его обычный почерк, но все же я хорошо знаю эту манеру писать.

«Дорогая, не бойся, — читал Холмс. — Все обойдется. Получилась страшная ошибка, и потребуется

некоторое время, чтобы ее исправить. Жди терпеливо. Невилль».—Написано карандашом на листке из блокнота, размером in octavo, без водяных знаков. Гм! Отправлено вчера из Грэвзэнда человеком с грязным большим пальцем. А-а! Конверт, если не ошибаюсь, заклеен человеком, жующим табак. И вы не сомневаетесь в том, что это почерк вашего мужа?

— Не сомневаюсь. Эти слова написаны им.

— И письмо отправлено вчера из Грэвзэнда. Что ж, миссис Сент-Клэр, тучи рассеиваются, хотя я не решусь сказать, что опасность миновала.

— Но он жив, мистер Холмс!

— Если только это не хитрая подделка, чтобы навести нас на ложный след. Кольцо в конце концов ничего не доказывает. Кольцо могли взять у него.

— Нет, нет! Это его почерк, его почерк!

— Отлично! Однако письмо могло быть написано в понедельник и отправлено только вчера, в пятницу.

— Это возможно.

— Если так, то многое могло произойти за это время.

— О, не надо меня разочаровывать, мистер Холмс! Я знаю, он жив и здоров. Если бы с ним случилось несчастье, я бы чувствовала это. В тот самый день, когда я видела его в последний раз, он порезал себе палец, бреясь в спальне, а я, находясь в столовой, сразу же почувствовала какое-то беспокойство за него и бросилась наверх. Неужели же вы думаете, что если бы он умер, я бы этого не знала?

— Это письмо безусловно подтверждает вашу точку зрения. Но если ваш муж жив и имеет возможность писать вам письма, отчего он не возвращается к вам?

— Не могу понять. Это для меня непостижимо.

— В понедельник, уезжая, он ни о чем вам не говорил?

— Нет.

— И вы были удивлены, увидев его в доме на Свандамской аллее?

— Очень удивлена.

— Окно было открыто?

— Да.

— Значит, он мог вас окликнуть?

— Мог.

— Но он, насколько мне помнится, только издал какое-то восклицание?

— Да.

— Вам показалось, что он звал на помощь?

— Да. Он махал руками.

— Но возможно, что он вскрикнул и поднял руки от удивления при виде вас.

— Возможно.

— И вам показалось, что его оттащили назад?

— Он исчез внезапно...

— Он мог отскочить от окна. Вы никого не видели в комнате кроме него?

— Нет; но этот ужасный рыжий человек признался, что был в это время в комнате, а внизу стоял Ласкар.

— Совершенно верно. Ваш муж, как вам показалось, был в своем обычном костюме?

— Да, но без воротничка и без галстука. Я ясно видела его голую шею.

— Он когда-нибудь упоминал Свандамскую аллею?

— Никогда.

— Замечали вы когда-нибудь, что он курит опий?

— Никогда!

— Спасибо, миссис Сент-Клэр. Это основные факты, которые я хотел установить. Теперь мы поужинаем и ляжем спать, — завтра нам предстоит трудный день...

Нам была отведена большая, удобная комната с двумя кроватями, и я быстро улегся. Но Холмс, когда его ум бывал занят неразрешенной задачей, не мог успокоиться; он рассматривал факты со всех сторон, пока ему не удавалось найти разгадку или

убедиться, что у него нет достаточных данных. Я скоро понял, что он не собирается ложиться спать. Он снял пиджак и жилет, надел широкий синий халат, собрал со своей кровати, с дивана и с кресел подушки и устроил себе восточную тахту; он уселся на ней, скрестив по-турецки ноги, и положил перед собою пакетик табаку и спички. При тусклом свете лампы я видел его сидящим, со старой вересковой трубкой во рту. Молчаливый и неподвижный, он смотрел отсутствующим взглядом в потолок и пускал из трубки голубые кольца дыма. Так он сидел, когда я заснул, и так же он сидел, когда я проснулся от его восклицания и увидел солнце, заглядывавшее в наше окно. Холмс попрежнему держал во рту трубку, дым попрежнему улетал кольцами вверх, но от пакетика с табаком ничего не осталось.

— Проснулись, Ватсон? — спросил он.

— Да.

— Хотите предпринять утреннюю прогулку?

— Конечно.

— В таком случае одевайтесь. В доме никто еще не шевелится, но я знаю, где спит конюх, и он подаст нам двуколку. — Холмс посмеивался про себя, глаза его подмигивали. Он был совсем непохож на ушедшего в свои мысли мрачного мыслителя, каким я его видел перед сном.

Одеваясь, я взглянул на часы. Не мудрено, что в доме все спали: было двадцать пять минут пятого. Я кончал одеваться, когда Холмс вернулся и сказал, что конюх запрягает лошадь.

— Я хочу проверить одно свое предположение, — сказал он, натягивая ботинки. — Мне кажется, Ватсон, что перед вами один из самых больших дураков Европы. Я заслуживаю, чтобы меня осрамили на весь Лондон. Но теперь-то я, кажется, нашел разгадку.

— В чем она состоит?

— В воде и мочалке, — ответил он. — О, я не шучу, — продолжал Холмс, заметив мой недоумевающий взгляд. — Я только что был в ванной

и захватил ее, она у меня в этом дорожном мешке. Едем, мой друг, и посмотрим, не подойдет ли мой ключ к замку.

Мы тихо спустились по лестнице и вышли в озаренный летним солнцем сад. На дороге стояла двуколка, и полуодетый конюх держал лошадь под уздцы. Мы уселись и полетели по Лондонской дороге. Нам попадались телеги с овощами, но виллы по обе стороны дороги были безмолвны, как в сонном царстве.

— В некоторых отношениях это было странное дело, — проговорил Холмс, пуская лошадь в галоп. — Признаюсь, я был слеп, как крот, но лучше прозреть поздно, чем не прозреть никогда.

Когда мы проезжали по улицам Сюррейской стороны, в окнах только что начинали показываться заспанные лица. Мы переехали через Темзу по мосту Ватерлоо и, промчавшись по Веллингтон-стрит, свернули вправо и очутились на Боу-стрит. Полиция хорошо знала Шерлок Холмса, и констебли у дверей почтительно ему поклонились. Один взял под уздцы лошадь, другой проводил нас в помещение полицейской части.

— Кто дежурит? — спросил Холмс.

— Инспектор Брэдстрит, сэр.

— А, Брэдстрит, как поживаете? — По выложенному каменными плитами коридору навстречу нам шел высокий, толстый человек в остроконечной шапке и наглухо застегнутой куртке.

— Я хочу с вами переговорить, Брэдстрит.

— К вашим услугам, мистер Холмс. Зайдите в мой кабинет.

Это была маленькая комнатка казенного вида; на столе лежала огромная книга, на стене висел телефонный аппарат. Инспектор сел на свое место.

— Чем могу вам служить, мистер Холмс?

— Я зашел по поводу этого нищего, Буна; он замешан в деле об исчезновении мистера Невилль Сент-Клэр.

— Да. Его задержали для дальнейших допросов.

— Я это слышал. Он здесь?

— Да. В камере.

— Ведет себя спокойно?

— О, беспокойств он нам не доставляет. Но это отчаянный грязнуля.

— Грязнуля?

— Да, нам едва удастся заставить его мыть руки, а лицо у него черное, как у бродячего лудильщика. Ну, когда его дело выяснится, мы как следует вымоем Буна в тюремной ванне; я думаю, увидев его, вы согласитесь, что ему это не помешает.

— Я бы очень хотел его видеть.

— Это легко сделать. Идемте со мной. Вы можете оставить свой дорожный мешок.

— Нет. Я предпочитаю взять его с собою.

— Отлично. Пожалуйста сюда.

Инспектор провел нас по коридору и открыл запертую дверь; мы спустились по витой лестнице и оказались в выбеленном коридоре.

— Третья дверь направо, — сказал инспектор. — Вот эта! — Он спокойно отодвинул дощечку в верхней части двери и посмотрел в глазок.

— Спит, — сказал инспектор. — Вы можете его рассмотреть.

Заклученный лежал лицом к нам; он крепко спал, медленно и тяжело дыша. Это был человек среднего роста, одетый соответственно своей профессии: цветная рубашка проглядывала через дыры его изодранного в клочья пиджака. Он был необыкновенно грязен, но грязь не могла скрыть отталкивающего безобразия его лица. Широкий шрам, тянувшийся от глаза до подбородка, вздернул с одной стороны его верхнюю губу, и три зуба были оскалены. Клок яркорыжих волос опускался почти до глаз.

— Неправда ли, красавчик? — сказал инспектор.

— Его безусловно необходимо вымыть, — заметил Холмс. — Я догадывался, что дело обстоит так, и захватил с собою орудия производства. — Он открыл дорожный мешок и к моему крайнему изумлению вынул большую губку.

— Хи! Хи! И чудак же вы! — захихикал инспектор.

— Если вы будете любезны бесшумно открыть эту дверь, мы скоро придадим ему более благообразный вид.

— Отчего же, пожалуйста, — ответил инспектор. Он открыл дверь своим ключом, и мы все очень тихо вошли в камеру. Арестант повернулся было, но затем снова крепко заснул. Холмс смочил свою губку в кувшине с водой и дважды энергично провел ее по лицу заключенного.

— Позвольте представить вас мистеру Невилль Сент Клер! — крикнул он.

Я никогда в жизни не видел ничего подобного. Под губкой маска Хюг Буна сошла, как кора с дерева. Исчез грубый коричневый цвет кожи. Исчез страшный шрам, исчезла вздернутая губа, придававшая лицу отталкивающий вид! Холмс сорвал приклеенные рыжие волосы. Перед нами сидел на своей койке бледный, грустный человек с интеллигентным лицом, с черными волосами и матовой кожей. Он протирал глаза и озираясь, ничего не соображая спросонок. Затем, поняв, что он разоблачен, заключенный с воплем уткнулся лицом в подушку.

— Боже мой! — воскликнул инспектор, — это, действительно, пропавший Невилль. Я знаю его по фотографии.

Арестованный обратился к нам с видом человека, отдающего себя во власть судьбы:

— Пусть так, — сказал он. — В чем меня обвиняют?

— В убийстве мистера Невилль Сент... Чорт возьми, вас нельзя в этом обвинять; разве что обвинить вас в попытке самоубийства? — сказал насмешливо инспектор. — Я двадцать семь лет служу в полиции, но не видывал ничего подобного.

— Если я мистер Невилль Сент-Клер, то очевидно никакого преступления я не совершил, и меня незаконно арестовали.

— Преступления вы не совершили, — сказал

Холмс, — но вы сделали очень большую ошибку. Вам бы лучше было довериться жене.

— Дело не в жене, а в детях, — простонал арестованный. — Я не хочу, чтобы они стыдились своего отца. Какой позор! Что мне делать?

Шерлок Холмс сел рядом с ним на койку и добродушно похлопал его по плечу.

— Если суд будет разбирать это дело, — сказал он, — вам, конечно, трудно будет избежать огласки. Но если вы убедите полицейские власти, что против вас нельзя возбудить никакого дела, то вряд ли подробности этой истории проникнут в газеты. Инспектор Брэдстрит, наверное, согласится записать то, что вы нам расскажете, и представит это соответствующим властям. Тогда дело никогда не дойдет до суда.

— Да благословит вас бог! — горячо воскликнул заключенный. — Лучше перенести тюремное заключение, даже казнь, чем оставить в наследство своим детям такое позорное пятно. Вы первые, кому я открываю мою тайну. Мой отец был учителем в Честерфильде, где я получил отличное образование. В юности я путешествовал, увлекался сценой и, наконец, стал репортером лондонской вечерней газеты. Однажды издатель захотел поместить ряд очерков о нищенстве в Лондоне. Я взялся написать эти очерки. Отсюда и пошли все мои приключения. Чтобы достать нужный мне материал, я должен был испробовать профессию нищего. Играя на сцене, я, конечно, изучил все секреты грима и решил использовать свое искусство: раскрасил лицо и, чтобы придать себе возможно более жалкий вид, сделал широкий шрам и при помощи узкой полоски розового пластыря подтянул к скуле одну сторону верхней губы. Затем, надев рыжий парик и соответственное платье, я уселся в самой людной части Лондона как нищий. В течение семи часов я разыгрывал свою роль и, вернувшись вечером домой, с удивлением обнаружил, что собрал двадцать шесть шиллингов и четыре пенса.

Я написал заказанные мне очерки и почти забыл о своем приключении. Через некоторое время я дал поручительство за друга, и мне был предъявлен иск в 25 фунтов. Я никак не мог придумать, где достать деньги, но тут меня осенила удачная мысль. Я попросил у своего кредитора двухнедельную отсрочку, взял отпуск с места службы и две недели просил милостыню в Сити. За десять дней я набрал нужную сумму и уплатил долг.

Вы можете себе представить, как трудно мне было усердно работать за два фунта в неделю, когда я знал, что могу заработать эти два фунта, размалевав себе физиономию и поставив на панель свою шапку. Это была долгая борьба между гордостью и жадной денег, но под конец фунты одолели. Я бросил работу в газете и день за днем просиживал на одном и том же углу, внушая жалость своим безобразием и наполняя свои карманы медяками. Только один человек знал мою тайну. Он содержал притон, где я жил, откуда я каждое утро мог выходить под видом жалкого нищего и где вечером мог преобразиться в хорошо одетого джентльмена. Этот человек — Ласкар с Свандамской аллеи; он получал от меня хорошую плату за свои комнаты, и я был уверен, что он никому не выдаст мою тайну.

Скоро я стал откладывать деньги. Я не утверждаю, что каждый лондонский нищий может зарабатывать семьсот фунтов в год, но мне помогал мой искусный грим, а также умение остроумно ответить. Это доставило мне популярность в Сити. Целый день на меня изливался поток пенни, а то и серебра, и мне редко случалось собрать меньше двух фунтов в день.

Когда я разбогател, я нанял за городом дом и женился, причем никто не подозревал об источнике моего существования. Жена знала, что у меня дела в Сити, но не знала, какие это дела.

В прошлый понедельник я закончил работу и переодевался в своей комнате над притоном курильщиков, когда, выглянув в окно, с ужасом и изумлением увидел, что моя жена стоит на улице

и в упор смотрит на меня. Я вскрикнул от удивления, поднял руки, чтобы закрыть лицо и, бросившись к Ласкару, просил его никого ко мне не пускать. Я слышал голос моей жены внизу, но знал, что она не может подняться ко мне. Я быстро скинул свое платье, оделся нищим, намазал лицо и надел парик. Даже глаз жены не мог признать меня под этой маской.

Затем я подумал, что в комнатах будет произведен обыск, и что моя одежда меня выдаст. Я открыл окно, при этом вскрылся порез на пальце. Затем я схватил свое пальто, в карманы его переложил из кожаного мешка собранные мною медяки и бросил пальто в окно. Оно исчезло в Темзе. Остальные предметы одежды отправились бы тем же путем, но в этот момент я услышал на лестнице шаги констеблей. Через несколько минут я убедился, откровенно говоря, не без чувства удовлетворения, что меня не признали за мистера Невилль Сен-Клэр, а наоборот, арестовали как его убийцу.

Я решил как можно дольше выдавать себя за Буна, вот почему я предпочитал не мыть лицо. Зная, что моя жена будет очень волноваться, я снял кольцо и вместе с написанной второпях запиской передал Ласкару в момент, когда никто из полицейских за мною не следил.

— Она получила эту записку только вчера, — сказал Холмс.

— Боже мой! Какую ужасную неделю она провела!

— Полиция следила за этим Ласкаром, — вставил инспектор Бредстрит, — и я понимаю, что ему нелегко было незаметно отправить письмо. Вероятно, он поручил это кому-нибудь из своих клиентов, который вспомнил о письме только через несколько дней.

— Так оно и есть, — поддакнул Холмс, — в этом я не сомневаюсь. Но разве вас никогда не привлекали за нищенство?

— Много раз, но какое значение имел для меня штраф?

— Теперь с этим надо покончить, — сказал Брэдстрит. — Если вы хотите, чтобы полиция замяла это дело, Хюг Бун должен исчезнуть.

— Я поклялся в этом.

— В таком случае, вероятно, не придется предпринимать дальнейших шагов. Но если вы снова попадетесь. — предостерег инспектор — все выйдет наружу. Мы очень признательны вам, мистер Холмс, за то, что вы выяснили это дело. Я бы хотел знать, как вы достигаете таких результатов?

— На этот раз я достиг результатов, просидев ночь на пяти подушках и выкурив унцию табаку, — ответил мой друг.

ПЯТЬ ЗЕРНЫШЕК АПЕЛЬСИНА

Стоял конец сентября, свирепствовали равноденственные бури¹. Весь день завывал ветер, и дождь так барабанил в окно, что даже в самом сердце громадного Лондона люди невольно, хоть на мгновение, ощущали величие грозных сил природы. К вечеру буря усилилась, ветер то гудел, то жалобно плакал в печной трубе. Шерлок Холмс угрюмо молчал, перелистывая свои записки. Я углубился в чтение романа из морской жизни. Завывание бури сливалось в моем сознании с рассказом, а шум дождя казался шумом волн. Моя жена гостила у тетки, и я на несколько дней поселился в своей старой квартире на Бэкер-стрит.

— Что это? Как будто звонят? — заметил я, взглянув на Холмса. — Кто может прийти в такую погоду? Кто-нибудь из ваших друзей?

— Вы мой единственный друг, — ответил он. — Гостей я не люблю.

— Может быть, клиент?

¹ Осеннее равноденствие 20 сентября и весеннее — 20 марта — дни года, когда день равен ночи. 5 дни осеннего равноденствия на северных морях обычно бывают бури.

— Если так, то, наверное, по серьезному делу. Кому охота выходить так поздно и в такую погоду? Скорее всего это какая-нибудь приятельница моей экономки.

Однако Холмс ошибся, — в коридоре послышались шаги, кто-то постучал в дверь.

Холмс переставил лампу так, чтобы свет ее падал на кресло, предназначенное для посетителя.

— Войдите! — сказал он.

Вошел молодой человек лет двадцати двух, хорошо одетый, с изящными манерами. С мокрого зонтика лились потоки воды, длинный дождевой плащ блестел от сырости. Вошедший беспокойно огляделся. Его бледное лицо выражало тревогу.

— Прошу прощения, — сказал он. — Надеюсь, я не оторвал вас от дела. Боюсь, что принес в вашу уютную комнату следы бури и дождя.

— Дайте ваш плащ и зонтик, — сказал Холмс. — Их можно повесить на вешалку, они скоро высохнут.

— Я пришел к вам за советом, мистер Холмс.

— Готов дать его.

— И за помощью...

— Это не так легко.

— Я слышал о вас от майора Прендергаст. Он сказал, что вы все можете сделать...

— Ну, он преувеличивает.

— Что вас нельзя провести.

— Меня провели четыре раза: три раза мужчины и один раз женщина.

— Но что это значит в сравнении с вашими успехами. Может быть, вам удастся помочь мне.

— Пожалуйста, придвиньте кресло к камину, садитесь и расскажите мне ваше дело.

— Дело совершенно необычайное.

— Других у меня и не бывает.

— Все же, сэр, я сомневаюсь, чтобы вам приходилось слышать что-либо более таинственное и необъяснимое, чем то, что произошло в моей семье.

— Вы заинтересовали меня. Пожалуйста, расскажите нам сперва главные факты, а потом я попрошу

вам указать мне подробности, им я придаю большое значение.

Молодой человек пододвинул кресло к камину.

— Меня зовут Джон Опеншау, — начал он, — но, насколько я понимаю, мои личные дела не имеют никакого отношения к тем страшным событиям, которые разыгрываются в нашей семье. Чтобы вы ясно представили себе дело, я начну издалека.

У моего деда было два сына: мой дядя Элиас и мой отец Джозеф. Отец владел в Ковентри небольшой фабрикой, которую он расширил, когда появились велосипеды. Он изобрел новый образец шин, и дела его пошли настолько удачно, что он сумел выгодно продать свое предприятие и обеспечить себе хорошую ренту.

Дядя Элиас еще в молодости эмигрировал в Америку и сделался плантатором во Флориде. Говорили, что дело его процветало. Во время войны¹ он сражался в армии Джонстона,² потом под начальством Гуда, и получил чин полковника. Когда Ли сложил оружие, дядя вернулся к себе на плантацию и прожил там три или четыре года. В 1869 или 1870 году он возвратился в Европу и приобрел небольшое поместье в Суссексе, близ Горшэма. В Штатах он составил себе очень большое состояние и покинул Америку из-за отвращения к неграм и из-за недовольства республиканским правительством, освободившим их³ от рабства. Дядя был странный человек. суровый, вспыльчивый; он не стеснялся в выражениях, когда впадал в гнев, и был очень нелюдим. Сомневаюсь, чтобы за все время, прожитое им близ Горшэма, он хоть раз побывал в городе. Он ограничивался прогулкой по саду, и часто неделями не выходил из своей комнаты.

¹ Гражданская война между Северными и Южными Штатами Америки 1861—1865 гг. была войной северных, прогрессивно настроенных штатов против рабовладельческого Юга.

² Джонстон, Гуд и Ли — полководцы южной армии.

³ Авраам Линкольн, президент С.-А. Ш. с 1860 г. был выдвинут республиканской партией, боровшейся против рабовладения.

Мне было около двенадцати лет, когда я в первый раз увидел дядю. Это было через восемь или девять лет после его переезда в Англию, в 1878 году. Я понравился дяде, и он упросил моего отца отпустить меня к нему. По-своему он был очень добр ко мне. Когда он бывал трезв, он любил играть со мною в шахматы. Прислуге он приказал слушаться меня,

как его самого. Я вел за него переговоры с торговцами и в шестнадцать лет был полным хозяином в доме. У меня были ключи, я мог делать все, что хотел, и ходить куда угодно, с одним только условием — не нарушать уединения дяди. Впрочем, было еще другое ограничение: никому, даже и мне, не разрешалось входить в один чулан на чердаке; он всегда был заперт. Из мальчишеского любопытства я несколько раз заглядывал в эту каморку через замочную скважину, но не видел ничего, кроме старых чемоданов и каких-то узлов.

Однажды, это было в марте 1883 года, дядя, сядя за завтрак, увидел лежащее на столе письмо. Это было для него необычайным явлением, так как

счета он всегда оплачивал наличными, а друзей, которые бы могли писать ему письма, он не имел. «Из Индии! — сказал он. — Из Пондишерри! Что бы это могло быть?» Он поспешно разорвал конверт, из которого выпало пять сухих зернышек апельсина. Я рассмеялся, но смех замер у меня на губах, когда я взглянул на дядю. Нижняя губа его отвисла, лицо покрылось смертельной бледностью. Широко раскрытыми глазами он смотрел на конверт, который держал в дрожащей руке.

— К.К.К.!.. — вскрикнул он. — Боже мой, боже мой, вот оно наказание за мои грехи...

— Что же это такое, дядя? — спросил я.

— Смерть! — ответил он и ушел в свою комнату, оставив меня в недоумении и ужасе. Я взял конверт и увидел, что внутри его красными чернилами была три раза написана буква К. Кроме пяти апельсиновых зернышек в конверте ничего не было. Отчего же дядя так ужасно испугался? Я вышел из-за стола и пошел наверх.

На лестнице я встретил дядю. В одной руке у него был старый заржавленный ключ, — должно быть, от чердака, подумал я, — в другой — маленькая медная шкатулка.

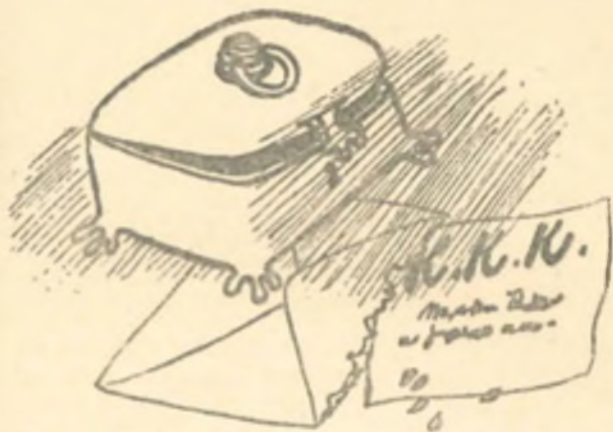
— Пусть они делают, что хотят, я еще поборюсь с ними! — проговорил он с проклятием. — Скажи Мэри, чтобы она затопила у меня камин, и пошли в Горшэм за адвокатом Форгэм.

Я исполнил его приказания. Когда приехал адвокат, меня позвали в комнату дяди. Огонь пылал в камине; на решетке камина лежал толстый слой черного хлопьевидного пепла, как от сожженной бумаги. Тут же стояла медная шкатулка; она была открыта, и в ней ничего не было. Я заглянул внутрь и невольно вздрогнул, заметив на крышке такие же три буквы К.К.К., какие я видел на конверте.

— Я хочу, чтобы ты был свидетелем при составлении завещания, Джон, — сказал мне дядя. — Я оставляю имение моему брату, твоему отцу; от него оно, без сомнения, перейдет к тебе. Если ты сумеешь мирно наслаждаться своими владениями, тем

лучше! Если же окажется, что это невозможно, — последуй моему совету и отдай их злейшему врагу. Очень жалею, что мне приходится оставить тебе такое наследство. Подпиши, пожалуйста, бумагу там, где тебе укажет мистер Форгэм...

Я подписал завешание, и мистер Форгэм взял его с собой. Этот странный случай произвел на меня глубокое впечатление. Я постоянно думал о нем и не мог избавиться от смутного чувства страха. Однако

время шло, и жизнь наша шла своим чередом. Но дядя очень изменился. Он пил больше прежнего и стал еще более нелюдим. Почти все время он проводил в своей комнате, но иногда, словно бешеный, бегал по дому, по саду с револьвером в руке и кричал, что не позволит ни человеку, ни дьяволу зарезать себя, как овцу в овчарне. Когда эти приступы бешенства проходили, он запирался в своей комнате, как человек, который не может справиться с охватившим его ужасом.

Не стану злоупотреблять вашим терпением, мистер Холмс, скажу только, что однажды ночью он выбежал из дома в припадке пьяного бешенства и не возвратился. Мы нашли его лежащим вниз лицом

в маленьком, поросшем тиной пруду в конце сада. Знаков насилия на теле не было, пруд был глубиной всего в два фута, и присяжные, учитывая странности дяди, признали самоубийство. Я знал, как его пугала мысль о смерти, и потому не мог допустить, чтобы он покончил с собою. Мой отец вступил во владение поместьем и получил, кроме того, четырнадцать тысяч фунтов наличными.

— Скажите мне, пожалуйста, — прервал его Холмс, — когда ваш дядя получил письмо и когда он умер?

— Письмо было получено 10 марта 1883 года. Умер он через семь недель, в ночь на 2 мая.

— Благодарю вас! Продолжайте, пожалуйста.

— Когда мой отец вступил во владение горшэмским поместьем, он, по моей просьбе, тщательно обыскал чулан, который дядя всегда держал закрытым. Мы нашли медную шкатулку, но в ней ничего не было. На внутренней стороне крышки была приклеена бумажка с тремя буквами К.К.К. и с надписью: «Письма, счета, квитанции и реестр». Вероятно, это относилось к бумагам, уничтоженным моим дядей — полковником Опеншау. В комнате не оказалось ничего особенно важного, кроме записных книжек и разрозненных бумаг, касавшихся жизни дяди в Америке. Некоторые из этих бумаг относились ко времени войны и свидетельствовали о том, что дядя хорошо исполнял свой долг и пользовался репутацией храброго офицера. Другие бумаги касались преобразования Южных Штатов¹ и различных политических вопросов, так как дядя, повидимому, принимал горячее участие в оппозиции против представителей Севера.

Отец мой поселился в Горшэме в конце 1883 года, и до января 1885 года все шло как нельзя лучше. На четвертый день после нового года мы сидели за завтраком, когда отец внезапно вскрикнул от изумления. В одной руке он держал вскрытый конверт,

¹ После победы в войне с Югом правительство Соединенных Штатов сильно ограничило самостоятельность Южных Штатов.

на ладони другой лежали пять сухих зернышек апельсина. Он всегда смеялся над тем, что я рассказывал о письме, полученном дядей, и называл это чепухой. Теперь он казался смущенным и встревоженным.

— Что бы это могло значить, Джон? — пробормотал он.

Сердце у меня упало.

— Это К.К.К., — ответил я.

Отец взглянул внутрь конверта.

— Верно! — воскликнул он. — Вот три К. А что написано наверху?

— «Положите бумаги на солнечные часы», — прочитал я из-за плеча отца.

— Какие бумаги? Какие солнечные часы? — спросил он.

— Солнечные часы у нас в саду. Других нет, — ответил я, — а бумаги, должно быть, те, которые сжег дядя.

— Тыфу! Мы живем в цивилизованной стране и не можем принимать всерьез такую ерунду. Откуда прислано это письмо?

— Из Денди, — ответил я, взглянув на штемпель.

— Какая-нибудь глупая шутка! — сказал отец. — Что мне за дело до каких-то бумаг и солнечных часов? Не стоит обращать внимания на такую чушь.

— На твоем месте я заявил бы полиции, — сказал я.

— Чтобы меня там подняли насмех? Ни за что!

— В таком случае, позволь мне это сделать.

— Нет, я запрещаю тебе. Я не хочу поднимать шум из-за такой глупости.

Спорить не стоило, так как отец был очень упрям, но сердце мое ныло от предчувствия беды.

На третий день после получения письма отец отправился навестить своего старинного друга, майора Фрибод, командующего одним из фортов на Портсдоун-Хилль. Я был рад, что он уехал: мне казалось, что вне дома он меньше подвергается опасности. Однако я ошибся. На второй день после отъезда отца я получил от майора телеграмму, в которой он умолял меня приехать немедленно. Отец мой упал в одну из

шахт, каких очень много в той местности, и лежал без памяти, с разбитым черепом. Я немедленно поехал, но не застал отца в живых, — он умер, не приходя в сознание. Оказалось, что он возвращался в сумерки. Так как он ехал по незнакомой ему местности, а шахта не была огорожена, суд признал, что смерть последовала от несчастного случая. Я тщательно исследовал все факты, но не мог обнаружить ничего, что бы указывало на убийство. На теле отца не было найдено никаких признаков насилия, все его вещи были целы; на дороге не обнаружено ничьих следов, не замечено никаких подозрительных людей. И все же, как вы легко можете понять, я был почти уверен, что отец мой попал в коварно расставленные сети.

При этих печальных обстоятельствах я вступил во владение поместьем. Вы спросите, — отчего я не отказался? Я был убежден, что обрушивающиеся на нас несчастья вызваны каким-то поступком дяди, и что опасность угрожает нам, где бы мы ни жили.

Мой бедный отец умер в январе 1885 года, и с тех пор прошло два года восемь месяцев. Все это время я беззаботно жил в Горшэме и под конец начал надеяться, что проклятие уже не тяготеет над нашей семьей, что оно исчезло со старшим поколением. Но я напрасно успокоился. Вчера утром меня постиг такой же удар.

Молодой человек вынул из кармана жилета скомканный конверт и высыпал из него на стол пять сухих апельсиновых зернышек.

— Вот конверт, — продолжал он — Почтовый штемпель — «Лондон, Ист-Энд.¹ Внутри написано то же, что в письме к отцу: «К.К.К.» и «положите бумаги на солнечные часы».

— Что же вы сделали? — спросил Холмс.

— Ничего.

— Ничего?

— Я скажу вам правду, — проговорил молодой человек, закрывая лицо тонкими белыми руками, — я почувствовал себя беспомощным; я оказался в поло-

¹ Восточная часть Лондона, где находится гавань.

жении кролика, к которому приближается змея. Мне кажется, я во власти злого рока, от которого ничто не может меня спасти.

— Что вы, что вы! — крикнул Шерлок Холмс. — Надо действовать, только энергичные меры могут спасти вас. Теперь не время приходить в отчаяние.

— Я заявил полиции.

— Ну?

— Меня вслушали с улыбкой. Я уверен, что инспектор счел эти письма чьей-то хулиганской выходкой, а гибель моих родственников — чистой случайностью, не имеющей никакого отношения к письмам.

— Невероятная глупость! — крикнул Холмс, грозя кому-то кулаком.

— Впрочем, мне дали для охраны полицейского.

— Он пришел с вами сюда?

— Нет. Ему приказано оставаться в Горшэме.

Холмс повторил свой угрожающий жест.

— Почему вы не обратились ко мне сразу?

— Только сегодня майор Прендергаст посоветовал мне обратиться к вам.

— С момента получения письма прошло уже два дня. Следовало начать действовать раньше. Кроме этих писем у вас нет никаких других материалов, которые могли бы помочь нам?

— Есть одна записка, — сказал Джон Опеншау и, достав из кармана кусок выцветшей синей бумаги, положил на стол. — Когда дядя жег бумаги, — сказал он, — я заметил, что необгоревшие края бумаг, лежавшие среди пепла, были такого же цвета. Этот лист я нашел на полу дядиной комнаты, — наверное, он случайно выпал и потому не попал в камин. Я полагаю, что это страница из дневника. Почерк, несомненно, дядин.

Холмс придвинул лампу, и мы оба наклонились над листом, вырванным, очевидно, из записной книжки. Наверху была надпись: «март, 1869», а ниже — следующие загадочные слова:

«4-го. Гудсон явился. Непреклонен в своих убеждениях»

«7-го. Зернышки посланы Мак-Коулею, Парамору и Джону Свэйн из Сент-Августина».

«9-го. Мак Коулей устранился».

«10-го. Джон Свэйн устранился».

«12-го. Навестил Парамора. Все в порядке».

— Благодарю вас, — сказал Холмс, складывая бумагу и возвращая ее посетителю. — А теперь нам не следует терять ни секунды. Нам некогда даже обсудить то, что вы рассказали. Отправляйтесь немедленно домой и действуйте.

— Что я должен делать?

— Немедленно положите эту бумагу в медную шкатулку, о которой вы говорили. Туда же положите записку; в ней укажите, что все остальные бумаги сожжены вашим дядей. Надо написать так, чтобы слова ваши внушали доверие. Шкатулку поставьте на солнечные часы. Понимаете?

— Да.

— В настоящее время и не помышляйте о мести. Мы должны еще плести свою сеть, тогда как их сеть давно сплетена. Прежде всего надо предотвратить грозящую вам опасность, а потом уже расследовать тайну и наказать виновных.

— Благодарю вас, — сказал молодой человек, вставая и накидывая плащ. — Вы пробудили во мне надежду. Я поступлю по вашему совету.

— И не теряйте ни минуты. А главное, будьте осторожны. Вам грозит большая опасность. Как вы едете обратно? — спросил Холмс.

— Железной дорогой с вокзала Ватерлоо.

— Еще нет девяти. На улицахлюдно, надеюсь, вы в безопасности. Но все же будьте осторожнее.

— При мне револьвер.

— Это хорошо. Завтра я займусь вашим делом.

— Вы приедете в Горшэм?

— Нет. Нити вашего дела в Лондоне. Я буду искать их здесь.

— Так я зайду к вам дня через два. А пока буду следовать всем вашим указаниям.

Джон Опеншау простился и вышел. На улице по-прежнему завывал ветер, и дождь хлестал в окна.

Шерлок Холмс сидел молча, устремив взгляд на пламя камина. Затем он закурил трубку, откинулся в кресле и стал следить за голубыми кольцами табачного дыма, поднимавшимися к потолку.

— Этому Джону Опеншау угрожает большая опасность, — сказал он.

— В чем она состоит? Кто этот К.К.К.? Почему он преследует эту злополучную семью?

Шерлок Холмс закрыл глаза и сложил кончики пальцев.

— Идеальный мыслитель, — сказал он, — на основании одного факта выводит не только всю цепь предшествовавших ему событий, но и вытекающие из него следствия. Как Кювье¹ мог совершенно верно описать животное на основании одной его кости, так и мыслитель, вполне уяснив себе одно звено в цепи явлений, должен уметь постичь все, что предшествовало, и все, что последует. Но для достижения этого мыслитель должен пользоваться всеми известными ему фактами; для этого надо обладать всеобъемлющим знанием, а это невозможно. Но человек может знать все, что полезно для его дела; к этому я всегда стремился. Человеку следует держать на своем умственном чердаке только нужное ему в его работе, а остальное он может спрятать в кладовую — в библиотеку, откуда будет доставать по мере надобности. Пожалуйста, передайте мне том американского энциклопедического словаря на букву К. Он стоит на полке. Благодарю вас, Ватсон. Теперь мы обсудим положение дела и посмотрим, не удастся ли нам вывести какое-нибудь заключение. Во-первых, у нас есть основание предполагать, что у полковника Опеншау были серьезные мотивы покинуть Америку. Люди его возраста не любят изменять своим привычкам и не так уж охотно меняют чудесный климат Флориды на провинциальный английский городок. Его любовь к уединению заставляет предполагать, что он боялся

¹ К ю в ье — французский естествоиспытатель, ставший классификацией мира животных. Кювье утверждал, что изменение ближайшего органа ведет к изменению всего организма.

чего-то. Повидимому, эта боязнь и заставила его уехать из Америки. Узнать, чего именно он боялся, мы можем путем исследования загадочных писем, полученных им и его наследниками. Вы обратили внимание на почтовые штемпеля, Ватсон?

— Первое было из Пондишерри, второе — из Денди, последнее — из Лондона.

— Из Ист-Лондона. Какой вы можете из этого сделать вывод?

— Все это гавани. Письма были написаны на борту судна.

— Превосходно! Вот у нас уже есть какая-то нить. По всей вероятности, автор письма находился на судне. Теперь учтем другие обстоятельства. Между получением угрожающего письма из Пондишерри и смертью адресата прошло семь недель. Между получением письма из Денди и смертью получателя прошло три или четыре дня. Что это может означать?

— Разница в расстоянии.

— Но ведь и письмо тоже шло дольше.

— Тогда я ничего не понимаю, — растерянно сказал я.

— Можно предположить, что автор или авторы писем находились на парусном судне. Повидимому, прежде чем отправиться для выполнения своей странной миссии, они отсылали свое загадочное предостережение. Видите, как быстро последовало выполнение угрозы, содержащейся в письме из Денди. Если бы они ехали из Пондишерри на пароходе, то они приехали бы почти одновременно с письмом. Однако прошло семь недель. Мне кажется, — семь недель указывают на то, что письмо было доставлено паромом, а автор письма ехал на паруснике.

— Очень возможно.

— Не только возможно, но очень вероятно. Теперь вы понимаете, почему я так торопил молодого Опеншау и уговаривал его быть как можно осторожнее. Удар каждый раз обрушивался ровно через такой срок, какой нужен для переезда. На этот раз письмо отправлено из Лондона и потому нельзя рассчитывать на промедление.

— Боже милостивый! — воскликнул я. — Чем вызвано такое беспощадное преследование?

— Очевидно, бумаги, находившиеся у Опеншау, имеют огромное значение для того или для тех, кто прибыл на паруснике. Я не сомневаюсь, что их несколько человек. Один человек не сумел бы так подстроить два убийства, чтобы следовательно оба раза признал несчастный случай. Их несколько, и это люди предприимчивые и смелые. Они решили любой ценой овладеть нужными им бумагами, кому бы они ни принадлежали. Таким образом, вы видите, что буквы К.К.К. отнюдь не инициалы какого-нибудь отдельного человека, а печать целой организации.

— Какой организации?

— Вам никогда не приходилось слышать, — спросил Холмс, наклоняясь ко мне и понижая голос, — о Ку-Клукс-Клане?

— Никогда.

Холмс стал перелистывать лежавшую у него на коленях книгу.

— Вот, — проговорил он, — «Ку-Клукс-Клан. Название, данное из-за некоторого звукового сходства с шумом ружейного выстрела. Это ужасное тайное общество было основано после Гражданской войны бывшими военными в Южных Штатах и имело отдельные комитеты в различных округах — в Тенесси, в Луизиане, в обоих Каролинах, в Георгии и Флориде. Общество преследовало политические цели и терроризировало сторонников освобождения негров, убивая и изгоняя их. Члены общества обычно предупреждали намеченные ими жертвы посылая им загадочные, составшие известными предостережения в виде дубовых листьев, дынных семечек или зернышек апельсина. Получивший предупреждение должен был или открыто отказаться от своих воззрений или же покинуть навсегда страну. Если он решал пренебречь предостережением, его постигала неминуемая гибель, при чем смерть обычно наступала самым странным и непредвиденным образом. Общество было очень искусно организовано, так что едва ли можно указать хоть один случай, когда бы жертве удалось спастись,

или полиции — обнаружить преступников. Общество процветало в течение нескольких лет, несмотря на то, что правительство Соединенных Штатов и лучшая часть населения Юга принимали всяческие меры к его искоренению. Наконец, в 1869 году деятельность К.К.К. внезапно прекратилась, хотя общество и после этого давало о себе знать отдельными убийствами».

— Заметьте, — сказал Холмс, откладывая в сторону книгу, — внезапное прекращение деятельности общества совпадает с отъездом Опеншау из Америки. Он увез бумаги, и потому неудивительно, что и он и его семья находятся во власти неумолимых врагов. Вы понимаете, что в этих бумагах могут упоминаться имена некоторых высокопоставленных лиц, и, быть-может, многие члены К.К.К. будут спокойно спать лишь после того, как получат эти документы.

— Так значит, страничка... — начал я.

— Именно такая, какой следовало ожидать. Если не ошибаюсь, там было написано: «Зернышки посланы А, В, С», иными словами, им послано предупреждение от К.К.К. Потом говорится, что А и Б «устраились», то есть уехали, а С «навестили»; надо думать, что это посещение кончилось для него плохо. Все же, доктор, я думаю, нам удастся разгадать это темное дело; что же касается молодого Опеншау, то он может спастись, только следуя моему совету. Пока мы ничего больше не можем сделать, а потому передайте мне мою скрипку и постараемся хоть на полчаса забыть об отвратительной погоде и еще более отвратительных поступках людей.

К утру прояснилось; лучи солнца пробивались через туман, окутывавший Лондон. Когда я сошел вниз, Шерлок Холмс уже сидел за завтраком.

— Простите, что я вас не дождал, — сказал он. — Мне, повидимому, придется много поработать по делу Опеншау.

— Что вы намерены предпринять? — спросил я.

— Все зависит от того, что мне удастся узнать. Может быть, придется ехать в Горшэм.

— Вы не сразу поедете туда?

— Нет. Сначала я попробую что-нибудь узнать в

Сити. Позвоните, пожалуйста, чтобы девушка принесла кофе.

В ожидании кофе я взял со стола газету и стал ее просматривать. Вдруг мой взгляд упал на одну заметку, и я похолодел от ужаса.

— Холмс! Вы опоздали! — крикнул я.

— А-а! Я опасался этого. Как это произошло?

Он говорил спокойно, но я видел, что он глубоко взволнован.

— Мне бросилась в глаза фамилия Опеншау и заголовков: «Трагический случай у моста Ватерлоо». Вот что пишут: «Вчера вечером около девяти часов констебль Кук, стоявший на посту у моста Ватерлоо, услышал крик о помощи и всплеск упавшего в воду тела. Ночь была очень темная и бурная, и все старания прохожих спасти тонущего оказались напрасны. Однако с помощью речной полиции удалось извлечь из воды тело. Утопленник оказался, судя по найденному у него в кармане конверту, Джоном Опеншау из Горшэма. Предполагают, что, спеша к последнему поезду, отходящему со станции Ватерлоо, молодой человек в темноте сбился с дороги и попал на одну из речных пристаней. На теле не оказалось никаких знаков насилия, и потому нет сомнения в том, что молодой человек стал жертвой несчастного случая».

Несколько времени мы сидели молча. Никогда я не видел Холмса таким подавленным.

— Это задело мое самолюбие, Ватсон, — проговорил он, наконец. — Я чувствую себя оскорбленным, и дело Опеншау становится моим личным делом, я должен поймать эту шайку. Он пришел ко мне за советом, и я послал его на смерть...

Он вскочил с места и в волнении стал расхаживать по комнате, нервно сжимая свои длинные, тонкие руки.

— Хитрые дьяволы! — крикнул он. — Как это им удалось завлечь его туда? Набережная вовсе не по дороге на станцию. На мосту, даже в такую ночь, слишком много людей. Ну, Ватсон, мы еще посмотрим, на чьей стороне окажется победа... Я уйду.

— В полицию?

— Нет. Я сам себе полиция. Я тку паутину, а потом полиция ловит в нее мух.

Весь день я был занят и только поздно вечером вернулся на Бэкер-стрит. Шерлок Холмса еще не было дома. Около десяти часов он, бледный и усталый, вошел в комнату, подошел к буфету и, отломив кусок хлеба, жадно его съел, запивая водой.

— Вы голодны? — спросил я.

— Как волк. Я совсем забыл, что с утра ничего не ел...

— Ничего?

— Ни крошки. Некогда было об этом думать.

— А как дела? Удачно?

— Да.

— Вы нашли нить?

— Все нити в моих руках. Молодой Опеншау не останется неотомщенным. Знаете что, Ватсон, мы им пошлем предостережение их же дьявольским способом.

Он достал из буфета апельсин, разделил его на дольки, вынул зернышки, отобрал пять штук и положил в конверт. Внутри конверта он написал: «Ш. Х. за Дж. О.», затем он запечатал конверт и написал: «Капитану Джэмсу Кэльгун, судно «Lone star»,¹ Саванна, Георгия».

— Это письмо будет ожидать его в гавани, — проговорил Холмс. — Придется ему провести бессонную ночь. Он убедится, что его ждет судьба Джона Опеншау.

— А кто такой капитан Кэльгун? — спросил я.

— Предводитель шайки. Сначала разделаюсь с ним, а потом доберусь и до других.

— Как вам удалось открыть шайку?

Шерлок Холмс вынул из кармана большой лист бумаги, весь исписанный числами и именами.

— Я целый день просматривал отчеты «Ллойда» и старые газеты, прослеживал все суда, приходившие в Пондишерри и уходившие оттуда в январе и феврале 1883 года. Упоминалось тридцать шесть судов.

¹ „Lone star“ — Одинокая звезда.

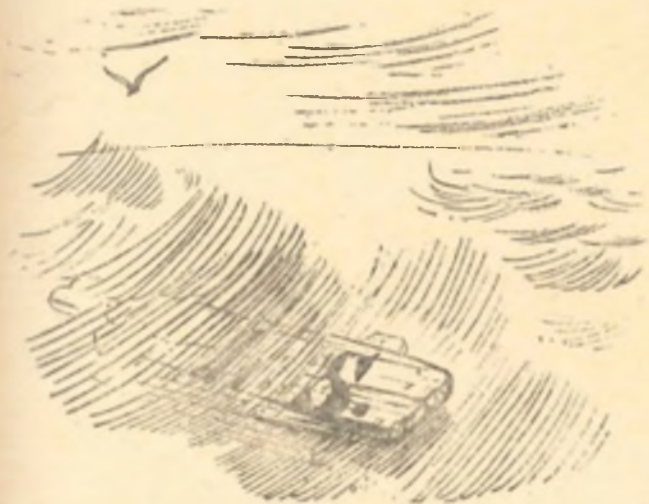
Одно из них, «Lone star», сразу же привлекло мое внимание: оно было записано вышедшим из Лондона. Этим именем называют один из штатов.

— Кажется, Техас.

— Не знаю наверное, но, во всяком случае, я решил, что судно «Lone star» прибыло из Америки.

— Ну, и что же?

— Я стал просматривать сведения о приходе и уходе судов в Денди, и, когда я увидел, что

парусное судно «Lone star» было там в 1885 году, мое подозрение обратилось в уверенность. Тогда я навел справки о судах, находящихся в настоящее время в Лондоне.

— Ну и...?

— «Lone star» прибыло сюда на прошлой неделе. Я спустился к пристани Альберта и узнал: сегодня утром судно вышло в обратный рейс в Саванну. Я телеграфировал в Гревзэнд и узнал, что оно оставалось там сегодня днем. Так как ветер попутный, то, наверное, они уже находятся вблизи острова Уайт.

— Что же вы теперь будете делать?

— О! Кэльгун теперь в моих руках! Он и два штурмана — единственные американцы на судне; остальные — финны и немцы. Я знаю, что всех троих не было на борту судна в прошлую ночь. Это сказал мне грузчик. Раньше, чем их парусник дойдет до Саванны, почтовый пароход доставит это письмо, а телеграф сообщит полиции Саванны, что трех американских джентльменов требуют в Лондон по обвинению в убийстве!

Но, увы! Убийцам Джона Опеншау не пришлось получить зернышек апельсина, которые должны были показать им, что они будут иметь дело с человеком, таким же хитрым и энергичным как они сами. В том году равноденственные бури были особенно жестоки и продолжительны. Мы долго ожидали известий о «Lone star», но так и не дождались. Наконец, до нас дошли слухи, что где-то далеко, в Атлантическом океане, на волнах видели обломок кормы с буквами «L. S.», — и это все, что мы знаем о судьбе «Lone star».

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО ХОЛМСА

С большою в сердце я берусь за перо, чтобы написать свои последние воспоминания о моем талантливом друге Шерлок Холмсе.

В своих очерках я пытался изложить кое-что из пережитого мною вместе с ним, начиная с нашей первой встречи и до того времени, когда своим вмешательством в дело о «морском договоре» он предотвратил серьезные международные осложнения. Я хотел закончить свои воспоминания этим очерком и не касаться печального события, оставившего пустоту в моей жизни; но опубликованные недавно письма полковника Джэмса Мориэрти, в которых он защищает память своего брата, заставляют меня взяться за перо, чтобы беспристрастно изложить факты. Я считаю своим долгом рассказать всю правду о том, что произошло между профессором Мориэрти и мистером Шерлок Холмсом.

После моей женитьбы я мало виделся с Холмсом. Он иногда заходил за мною, когда хотел иметь товарища в своих розысках, но это случалось все реже и реже, и за 1890 год у меня записано всего лишь три дела, в которых и я принимал участие. Зимой этого года и раннюю весну 1891-го Холмс провел

во Франции, и я полагал, что он долго там пробудет. Поэтому я был очень удивлен, когда 24 апреля вечером он вошел в мой кабинет. Меня поразила его бледность и усилившаяся худоба.

— Да, я несколько переутомился, — сказал он, отвечая на мой взгляд. — В последнее время у меня было много спешных дел. Вы ничего не имеете против того, чтобы я закрыл ставни?

Холмс подошел к окну, захлопнул ставни и крепко закрыл их болтами.

— Вы чего-то опасаетесь? — спросил я.

— Да.

— Чего же?

— Выстрела из-за угла.

— Что вы хотите этим сказать, дорогой Холмс?

— Вы достаточно хорошо меня знаете. Ватсон, я не нервный человек. Но, по-моему не учитывать близкую опасность — это скорее глупость, чем храбрость. Дайте мне, пожалуйста, спичку!

Он закурил.

— Я должен извиниться за позднее посещение, и кроме того попрошу вас позволить мне перелезть через забор сада, чтобы выбраться из вашего дома.

— Но что все это значит? — спросил я.

Холмс протянул руку, и я увидел, что два пальца у него окровавлены.

— Как видите, это не пустяки. Повреждение настолько серьезно, что из-за него можно лишиться руки. Ваша жена дома?

— Нет. Она гостит у знакомых.

— В таком случае мне легче будет просить вас съездить со мною на неделю на континент.

— Куда именно?

— О, мне решительно все равно.

Он заметил вопрос в моих глазах и, сложив привычным жестом кончики пальцев, попытался объяснить мне положение дела.

— Вы, вероятно, никогда не слышали о профессоре Мориэрти?

— Никогда!

— Удивительно! — воскликнул Холмс. — Человек орудует в Лондоне, и никто о нем не слышал. Это и дает ему возможность побивать все рекорды преступности. Говорю вам серьезно, Ватсон, если бы мне удалось поймать его и уничтожить, я бы считал свою карьеру законченной и готов был бы перейти к более спокойному занятию, например, всецело отдаться химическим исследованиям. Но я не могу найти покоя, пока такой человек, как Мориэрти, беспрепятственно разгуливает по улицам Лондона.

— Но что он сделал?

— У него совершенно необычайная жизнь. Он очень образован и одарен феноменальными математическими способностями. Двадцати одного года он написал работу о бинOME Ньютона¹ и приобрел европейскую известность. Он получил кафедру в одном из наших университетов. Все сулило ему блестящее будущее. Но у него дьявольские наклонности. В его жилах течет кровь преступника, а необычайные умственные способности сделали особенно опасными его природные наклонности. В университетском городе, где он занимал кафедру, распространились о нем темные слухи; ему пришлось уехать и переселиться в Лондон, где он занялся подготовкой молодых людей к экзамену на чин офицера. Вот все, что известно о нем в обществе, остальное открыто лично мною.

Вы знаете, Ватсон, что никто не знаком так, как я, с лондонским преступным миром. И уже несколько лет я постоянно чувствовал во всех злодеяниях чью-то сильную руку. В самых разнообразных преступлениях — подлогах, грабежах, убийствах — я чувствовал эту руку и подозревал ее организующую роль во многих преступлениях, оставшихся нераскрытыми. Годами я пытался приподнять завесу, скрывавшую эту тайну, и, наконец, нашел нить, проследил ее, и она привела меня к экс-профессору Мориэрти. Это Наполеон в области преступлений. Он организатор половины всех темных дел. Он гений, философ, отвлеченный мыслитель. Он сидит неподвижно, словно паук

¹ Биноm Ньютона — алгебраическая формула.

в центре своей паутины; но паутина эта расходится тысячами нитей, и за каждой из них он следит. Он только разрабатывает план преступления: у него множество агентов, и они великолепно организованы. Если кому-нибудь нужно выкрасть бумагу, ограбить дом, устранить с пути человека, — стоит только обратиться к Мориэрти, и преступление будет совершено. Агента могут поймать. В этом случае всегда оказываются деньги, чтобы взять агента на поруки или пригласить защитника. А тот, кто руководил преступлением, остается в стороне, на него не падает и тени подозрения. До существования такой организации я дошел путем умозаключений и всю свою энергию я употреблял на то, чтобы обнаружить ее и уничтожить.

Мориэрти окружил себя стеною таких хитроумных предосторожностей, что, несмотря на все усилия, я не мог найти против него улики, которые могли бы убедить суд.

Через три месяца, Ватсон, я должен был признать, что встретил противника, не уступающего мне. Но под конец профессор сделал маленький промах, о, совсем маленький, однако, этот промах не укрылся от меня: ведь я неотступно следил за каждым шагом Мориэрти. Я воспользовался его промахом и опутал Мориэрти сетью, которая теперь почти сплетена и скоро должна сомкнуться. Через три дня, то есть в понедельник, все будет кончено, и профессор с главными членами своей шайки окажется в руках полиции. Тогда начнется разбор самого крупного уголовного дела нашего века, разъяснится тайна более сорока загадочных преступлений, и все участники шайки будут повешены: но один лишь неловкий шаг, и они могут ускользнуть от нас даже в последнюю минуту.

Профессора Мориэрти трудно провести, он следит за каждым моим шагом. Он несколько раз пытался ускользнуть, но каждый раз я выслеживал его. Никогда еще мне не приходилось иметь дело с таким опасным противником. Он наносил мне сильные удары, я парировал их еще более сильными. Сегодня

утром я сидел у себя в комнате и обдумывал это дело, как вдруг отворилась дверь. Передо мною стоял профессор Мориэрти.

Нервы у меня достаточно крепкие, Ватсон. Но, признаюсь, я вздрогнул, увидев перед собою человека, который занимал мои мысли. Его наружность хорошо мне знакома. Он очень высок и худ, сутулится. У него бритое, бледное лицо с выпуклым белым лбом и глубоко сидящими глазами, — лицо профессора. Голова у него выступает вперед и странно покачивается, как у пресмыкающегося. Войдя, Мориэрти с любопытством посмотрел на меня из-под тяжелых век.

— У вас лоб менее развит, чем я ожидал, — проговорил он. — Опасная привычка, мистер Холмс, ощупывать в кармане халата револьвер.

Действительно, при входе Мориэрти я сразу понял, какая мне угрожает опасность. Он мог спастись, только, заставив меня навеки замолчать. Я мгновенно переложил револьвер из ящика стола в карман и теперь нащупывал его через сукно. В ответ на его слова я вынул револьвер из кармана и положил его со взведенным курком на стол. Мориэрти продолжал на меня смотреть, мигая глазами и улыбаясь. Но что-то в его взгляде заставляло меня радоваться тому, что револьвер у меня под рукою.

— Вы, повидимому, меня не знаете? — спросил он.

— Напротив, — ответил я. — По-моему, совершенно ясно, что я вас знаю. Садитесь, пожалуйста. Я могу уделить вам пять минут, если вы желаете мне что-либо сказать.

— Все, что я хочу вам сказать, уже промелькнуло в вашей голове, — сказал он.

— Так же, как мой ответ — в вашей, — ответил я.

— Итак вы упорно стоите на своем?

— Непоколебимо.

Он опустил руку в карман, а я взял со стола револьвер. Однако он достал из кармана только записную книжку, в которой было отмечено несколько чисел.

— Вы перешли мне дорогу 4 января, — сказал он. — 23-го вы доставили мне беспокойство, в сере-

дине февраля вы мне серьезно помешали; в конце марта, 30-го, вы совершенно расстроили мои планы, а в настоящее время, то есть в конце апреля, благодаря вашим неотступным преследованиям я рискую лишиться свободы. Положение становится совершенно нетерпимым.

— Вы желаете внести какое-нибудь предложение? — спросил я.

— Бросьте-ка это дело, мистер Холмс, — сказал он, покачивая головой из стороны в сторону. — Знаете, лучше бросьте!

— После понедельника, — ответил я.

— Человек вашего ума должен понимать, что тут возможен только один выход. Вам нужно бросить это дело. Мне доставляло большое умственное наслаждение следить за тем, как вы плетете вашу сеть, и потому я совершенно искренне говорю: мне не хотелось бы прибегнуть к крайним мерам. Вы улыбаетесь, сэр, но уверяю вас, это правда.

— Опасность — это неизбежный спутник моего ремесла, — сказал я.

— Речь идет не об опасности, а о неизбежной гибели, — ответил Мориэрти. — Вы стали поперек дороги не одному человеку, а большой могущественной организации. Вы должны сойти с дороги, иначе вы будете раздавлены.

— Боюсь, как бы удовольствие, доставляемое мне нашим разговором, не заставило меня пренебречь важным делом, призывающим меня в другое место, — сказал я, вставая.

Он тоже поднялся и молча смотрел на меня, печально покачивая головой.

— Что же, — сказал он. — Мне очень жаль, но я сделал все, что было в моей власти. Мне известны все ходы вашей игры. Вы ничего не сможете сделать до понедельника. Между вами и мною поединок. Вы надеетесь посадить меня на скамью подсудимых. Но, уверяю вас, этому не бывать. Вы надеетесь меня одолеть. Ручаюсь, что вам это никогда не удастся. Если вы достаточно умны, чтобы погубить меня, то будьте уверены, что и я могу вас погубить

— Вы наговорили мне кучу комплиментов, мистер Мориэрти, — возразил я. — Позвольте ответить вам тем же: если бы я был уверен, что смогу вас уничтожить во имя общественного блага, я с радостью согласился бы погибнуть.

— Что ж, не могу вам обещать первого, но обещаю последнее, — проговорил он насмешливо, повернулся ко мне своей сутулой спиной и, несколько раз оглянувшись на меня, вышел из комнаты.

Таково было мое странное свидание с профессором Мориэрти. Сознаюсь, оно произвело на меня

очень тягостное впечатление. Его точная и мягкая манера выражаться создает впечатление искренности, чего никогда не может сделать простая угроза. Вы, конечно, спросите: отчего не прибегнуть к полицейским мерам? Но ведь дело в том, что удар будет мне нанесен не им самим, а его агентами. И у меня уже есть доказательства, что это будет именно так.

— На вас уже совершили нападение?

— Дорогой Ватсон, профессор Мориэрти не из породы людей, которые любят дремать. Около полудня я пошел по делу на Оксфорд-стрит. Когда я переходил улицу, на меня стрелою налетел парный фургон. Я успел отскочить на тротуар, и это избавило меня от опасности быть раздавленным насмерть. Фургон

мгновенно скрылся. После этого, когда я шел по тротуару Вере-стрит, с крыши одного из домов упал кирпич и разбился на куски у моих ног. Я позвал полицию, мы осмотрели дом. На крыше были сложены кирпичи для ремонта, и полицейские стали меня уверять, что кирпич сбросило ветром. Конечно, я понимал, в чем дело, но не мог ничего доказать. После этого я нанял кэб и поехал на квартиру к брату, где и провел весь день. Сейчас, когда я шел к вам, на меня напал какой-то негодяй с дубиной. Я сбил его с ног, и полиция его задержала, но могу вам поручиться, что никогда не будет установлена связь между джентльменом, о передние зубы которого я разбил себе руку, и бывшим профессором математики, который в настоящее время, вероятно, решает сложнейшие задачи за десять миль отсюда. Теперь, Ватсон, вы, конечно, уже не удивляетесь, что, войдя к вам, я прежде всего запер ставни и просил у вас разрешения выйти из вашего дома возможно менее заметным ходом.

Мне часто случалось восхищаться смелостью моего друга, но никогда я не восхищался ею так, как в эту минуту, когда он спокойно рассказывал обо всех происшествиях этого ужасного дня.

— Вы останетесь ночевать у меня? — спросил я.

— Нет, мой друг. Я оказался бы опасным гостем. Я уже обдумал план действия, все обойдется благополучно. Дело настолько подвинуто, что моя помощь уже не нужна; арест может быть произведен без меня, хотя позже мое присутствие, вероятно, понадобится для изобличения. Очевидно, мне всего лучше уехать на некоторое время. Поэтому я был бы очень рад, если бы вы согласились поехать со мной на несколько дней на континент.

— Охотно.

— И вы можете выехать завтра утром?

— Если нужно, могу.

— О да, это очень нужно. Вот вам инструкции, милый Ватсон, и прошу вас выполнять их в точности, так как мы будем вести игру против самого умного мошенника и против самого могущественного

синдиката преступников в Европе. Так слушайте! Вы сегодня же отправите свой багаж с надежным человеком на вокзал. Утром пошлите своего лакея за экипажем, но прикажите ему не нанимать ни первого, ни второго кэба из тех, которые он встретит. Вы сядете в экипаж и поедете на Стрэнд к Лоутерскому пассажижу; передайте кучеру адрес на клочке бумаги и предупредите его, чтобы он никоим образом не бросал адреса. Приготовьте заранее плату; подъехав к пассажижу, быстро выскочите из кэба и бегите через пассаж так, чтобы в четверть десятого быть на другом его конце. За углом вас будет ожидать карета. На козлах будет сидеть человек в черном плаще с воротником, обшитым красным кантом. Он довезет вас до вокзала как раз к отходу поезда, отправляющегося на континент.

— Где я встречу с вами?

— На станции. Нам оставлено второе купе первого класса.

— Так, значит, мы встретимся в вагоне?

— Да.

Я тщетно убеждал Холмса переночевать у меня. Я понимал, что он не хочет навлечь неприятности на мой дом. Наскоро повторив свою инструкцию, он встал, вышел со мною в сад, перелез через забор на улицу Мортимер, подозвал кэб и уехал.

Утром я в точности исполнил указания Холмса. Извозчик был нанят со всеми предосторожностями. После завтрака я тотчас же отправился к Лоутерскому пассажижу. Быстро пробежав через пассаж, я нашел поджидавшую меня карету; на козлах сидел человек большого роста в темном плаще. Я вскочил в экипаж, он ударил лошадь кнутом, и мы помчались на вокзал. Как только я сошел, он сразу же отъехал, даже не взглянув в мою сторону.

Все шло прекрасно. Мой багаж был на месте, и я без труда нашел купе, указанное Холмсом, — это было единственное купе с надписью «занято». Меня тревожило только отсутствие Холмса. До отхода поезда оставалось всего семь минут. Напрасно я искал стройную фигуру моего друга среди отъезжающих и про-

вожающих. Холмса не было. Несколько минут я употребил на то, чтобы помочь почтенному итальянскому патеру, пытавшемуся на ломаном английском языке объяснить носильщику, что его багаж следует отправить через Париж. Затем я вернулся в купе, где застал этого самого патера. Носильщик усадил его ко мне, не обратив внимания на надпись «занято». Бесполезно было объяснять это патеру, так как по-итальянски я говорил еще хуже, чем он по-английски. Я только пожал плечами и продолжал искать в толпе моего друга. Дрожь пробежала у меня по телу, когда я подумал, что причиной его отсутствия могло быть какое-нибудь несчастье, случившееся с ним ночью. Кондуктор уже захлопнул дверцу купе, раздался свисток, как вдруг...

— Вы даже не удостоили меня приветствия, Ватсон!

Я обернулся в неописуемом удивлении. Старый патер повернулся лицом ко мне. В одно мгновение морщины исчезли, нос отодвинулся от подбородка, нижняя губа подтянулась, рот перестал шамкать, в тусклых глазах загорелся огонек, сгорбленная фигура выпрямилась. Но в следующую же минуту тело опять сгорбилось, и Холмс исчез так же внезапно, как внезапно появился.

— Как вы меня поразили! — воскликнул я.

— Необходимо соблюдать осторожность, — шепнул Холмс. — У меня есть основание предполагать, что они напали на наш след. А! Вот и сам Мориэрти!

В это мгновение поезд тронулся. Выглянув из окна, я увидел высокого человека, бешено проталкивавшегося через толпу и махавшего рукой, как бы пытаясь остановить поезд. Однако было уже поздно. Поезд ускорял ход, и скоро мы отъехали от станции.

— Благодаря принятым предосторожностям нам все-таки удалось от него отделаться, — смеясь, заметил Холмс.

Он встал, и, сбросив сутану¹ и шляпу, положил их в свой саквояж.

¹ Сутана — одежда католического священника.

— Вы видели утренние газеты, Ватсон?

— Нет.

— Значит вы ничего не знаете о том, что случилось на Бэкер-стрит?

— На Бэкер-стрит?

— Да! Ночью подожгли нашу квартиру, но большого вреда не причинили.

— Но ведь это невыносимо, Холмс!

— Должно быть, после ареста парня с дубиной они совершенно потеряли мой след и им пришлось в голову, что я вернулся на ночь домой. Однако они, повидимому, выследили вас, и потому Мориэрти явился на станцию. Не допустили ли вы какого-нибудь промаха?

— Я в точности следовал вашим указаниям.

— Нашли карету?

— Да, экипаж ожидал меня.

— Вы узнали кучера?

— Нет.

— Это мой брат Майкрофт. В подобного рода случаях хорошо иметь своего человека, чтобы не посвящать наемных людей. Но надо подумать, что нам делать с Мориэрти.

— Поскольку мы едем экспрессом, расписание которого согласовано с расписанием парохода, мне кажется, он никак не сможет нас нагнать и выследить.

— Вы, очевидно, не поняли меня, Ватсон, когда я говорил вам, что Мориэрти по уму и находчивости не уступает мне. Не можете же вы допустить, чтобы, преследуя кого-нибудь, я встал втупик перед таким ничтожным препятствием. Отчего же вы допускаете это в отношении его?

— Но что же он сделает?

— То же, что сделал бы я.

— А что бы вы сделали?

— Заказал бы экстренный поезд.

— Но ведь это все равно будет поздно.

— Ничуть. Наш поезд останавливается в Кентербери и прибывает по крайней мере за четверть часа до отхода судна. Там он нас и догонит.

— Можно подумать, что преступники мы, а не он. Прикажете арестовать его немедленно по приезде.

— Это значило бы погубить работу трех месяцев. Мы бы поймали крупную рыбу, а мелкая тем временем ушла бы из сетей. В понедельник мы захватим всех. Нет, арест недопустим.

— Что же нам делать?

— Мы выйдем в Кентерберн

— А затем?

— Затем по соединительной ветке проедем в Ньюхавен, а оттуда в Дьепп. Моризэрти опять сделает то же, что сделал бы на его месте я. Он проедет в Париж, заметит наш багаж и будет поджидать нас два дня в камере хранения багажа. Мы же тем временем приобретем пару новых портпледов и спокойно проедем в Швейцарию через Люксембург и Базель.

Я слишком большой любитель путешествий, чтобы меня могла смутить потеря багажа, но признаюсь, что мне было неприятно скрываться и укрываться от преступника, на счету которого столько страшных преступлений. Однако я не сомневался, что Холмс лучше меня понимает положение. Мы вышли в Кентерберн и узнали, что поезд в Ньюхавен отходит только через час.

Я опечаленным взглядом смотрел вслед быстро удалявшемуся поезду, когда Холмс, дернув меня за рукав, показал на линию железной дороги.

— Видите? Уже! — сказал он

Вдали на фоне Кентских лесов виднелась тонкая струйка дыма. Через минуту мы увидели мчавшийся паровоз с одним вагоном. Мы едва успели укрыться за грудой багажа, как поезд с грохотом пролетел мимо, обдав нас горячим паром.

— Вот он проезжает мимо, — сказал Холмс. — Как видите, догадливость нашего приятеля тоже имеет границы.

— А что бы он сделал, если бы ему удалось нас нагнать?

— Он, конечно, попытался бы меня убить. Теперь вопрос, — позавтракать ли нам здесь или подождать, пока мы доберемся до буфета в Ньюхавен?

Ночью мы приехали в Брюссель, провели там два дня, а на третий отправились в Страсбург. В понедельник утром Холмс телеграфировал лондонской полиции и вечером, вернувшись в гостиницу, мы нашли ожидавший нас ответ. Холмс разорвал телеграмму и с проклятьем швырнул ее в камин.

— Этого следовало ожидать! — простонал он. — Мориэрти бежал.

— Бежал?

— Да! Поймали всю шайку за исключением Мориэрти. Мне казалось, я дал им в руки все нити. Вам лучше вернуться в Лондон, Ватсон.

— Почему?

— Теперь я опасный товарищ. Этот человек проиграл дело своей жизни. Он употребит все свои силы на то, чтобы отомстить мне. Он сказал мне об этом во время нашего свидания, и он постарается выполнить свою угрозу. Я очень советую вам вернуться к своим делам, Ватсон.

Конечно, я не мог покинуть моего друга в опасности.

Мы полчаса спорили в столовой гостиницы и в ту же ночь поехали дальше, в Женеву.

Целую неделю мы бродили по прелестной долине Роны и затем, через проход Жемми, еще покрытый глубоким снегом, добрались через Интерлакен до Мейрингена. Места были восхитительные, но я ясно видел, что Холмс ни на мгновение не забывает о тени, омрачавшей его жизнь. В альпийских деревушках, на уединенных горных дорогах, всюду по его взгляду, пристально устремленному на каждого прохожего, я видел, что он уверен в неотвратимой опасности, следующей за нами по пятам.

Я помню, как однажды, когда мы проходили через Жемми и шли берегом меланхоличного озера Лаубен, с вершины горы оторвалась огромная каменная глыба и скатилась позади нас в озеро. В мгновение ока Холмс подбежал к горе и, поднявшись на вершину, стал осматриваться кругом. Тщетно проводник уверял его, что весной падение каменных глыб — обычное явление в этих местах. Холмс ничего не от-

ветил но посмотрел на меня взглядом человека, предчувствия которого оправдываются.

Несмотря на крайнюю настороженность, он никогда не бывал в подавленном настроении. Напротив, я не помню, чтобы когда-нибудь видел его таким веселым. Он постоянно возвращался к разговору о том, что если бы ему удалось избавить общество от Мориэрти, он с радостью закончил бы свою карьеру.

— Мне кажется, я могу сказать, что не совсем без пользы прожил свою жизнь. Ватсон, — говорил он. — Если бы моя жизнь закончилась сегодня, я мог бы на нее оглянуться с чувством удовлетворения. Я принимал участие в тысяче с лишним дел и не помню ни одного случая, где бы я помогал неправой стороне. Ваши записки, Ватсон, будут закончены в тот день, когда я увенчаю свою карьеру поимкой или уничтожением самого умного и самого опасного преступника в Европе.

Остальное я расскажу в кратких словах.

3 мая мы достигли маленькой деревушки Мейринген и остановились в гостинице «Englischer-Hof», которую содержал Петер Штейлер-старший. Это был смелый человек, отлично говоривший по-английски, так как он три года прослужил кельнером в Лондоне. По его совету 4 мая мы отправились на прогулку в горы, с тем, чтобы переночевать в деревушке Розенлау. Хозяин советовал нам непременно посмотреть водопад Рейхенбах; для этого надо было на половине подъема свернуть немного в сторону.

Это, действительно, страшное место. Вздвухшийся от таяния снегов горный поток низвергается в глубокую пропасть, и брызги поднимаются из нее вверх, словно дым горящего дома. Пропасть, в которую падает поток, окружена черными, как уголь, скалами. Оча суживается, образуя колодец, где на неизмеримой глубине кипит вода, с силой выбрасываемая вновь на зубчатые края горы. Кружится голова от несмолкаемого грохота и движения воды, непрерывно низвергающейся в пропасть, и от густой завесы брызг, вечно волнуемой и поднимаемой вверх. Мы стояли у края пропасти, глядели на сверкающую воду

разбивающуюся далеко внизу о черные скалы, и прислушивались к таинственным звукам, вылетавшим из бездны.

Тропинка проложена полукругом, для того, чтобы можно было лучше видеть водопад, но затем она круто обрывается, и путешественнику приходится возвращаться тою же дорогой, какой он пришел. Только что мы собирались повернуть обратно, как увидели молодого швейцарца, бегущего к нам навстречу с письмом в руках. На конверте я заметил штамп отеля, в котором мы остановились. Письмо было от хозяина отеля и адресовано мне. Штейлер писал, что через несколько минут после того, как мы ушли на прогулку, в отель прибыла какая-то англичанка в последнем градусе чахотки. Зимой она провела в Давосе¹, а теперь ехала к своим друзьям в Люцерн. По пути у нее хлынула горлом кровь. Вероятно, ей остается прожить всего несколько часов, но для нее было бы большим утешением видеть близ себя врача-англичанина, и если я могу вернуться... и так далее и так далее. Добряк Штейлер добавлял в пост-скрипуме, что счел бы мое согласие большим одолжением, так как он вполне сознает лежащую на нем ответственность, а больная решительно отказалась от услуг швейцарского врача.

Конечно, я не мог отказать в просьбе соотечественнице, умирающей на чужбине. Но мне не хотелось оставить Холмса одного. Наконец, мы решили, что с ним, в качестве проводника и спутника, останется молодой швейцарец, а я вернусь в Мейринген. Мой друг намеревался пробыть еще некоторое время у водопада, а затем медленно спуститься к деревушке Розенлау, куда я должен был тоже прийти к вечеру. Обернувшись, я увидел, что Холмс стоит, прислонясь к скале и, сложив руки на груди, смотрит на несущийся поток. Больше мне не суждено было видеть моего друга.

Спустившись с горы, я еще раз оглянулся. С этого места не виден был водопад, но я разглядел дорож-

¹ Давос — высокогорный курорт в Альпах.

ку, ведущую к нему с горы. По ней быстро шел какой-то человек. Его темный силуэт отчетливо выделялся на зеленом фоне. Я отметил его фигуру, его быстрый шаг, но скоро забыл о нем.

Через час с небольшим я дошел до отеля в Мейрингене. Старик Штейлер стоял на крыльце.

— Ну что? Надеюсь, ей не хуже? — спросил я поспешно.

На лице хозяина я заметил крайнее недоумение, и сердце замерло у меня в груди.

— Вы не писали этой записки? — спросил я, доставая из кармана письмо. — У вас в отеле нет больной англичанки?

— Нет и не было, — ответил он. — Однако на конверте адрес отеля! А-а! Наверное, эту записку написал высокий англичанин, приехавший после того, как вы ушли. Он говорил...

Но я уже не слушал объяснений хозяина. В паническом ужасе я бежал по деревенской улице к тропинке, по которой только что спустился. Несмотря на все мои усилия, прошло два часа, прежде чем я снова достиг водопада. Альпийская палка Холмса по-прежнему стояла у скалы, куда он поставил ее при мне. При виде этой палки я похолодел и чуть не лишился чувств. Холмса не было, и он не ушел в Розенлау. Он оставался на этой узкой тропинке, с одной стороны которой высились отвесные скалы, а с другой — зияла бездонная пропасть; он оставался здесь, пока его не настиг враг. Молодой швейцарец тоже исчез. Вероятно, он был нанят Мориэрти и ушел, оставив врагов с глазу на глаз. Что же произошло потом? Кто мог знать, что произошло потом?

Минуты две я стоял, как громом пораженный. Потом я стал припоминать метод Холмса и попытался применить его, чтобы восстановить разыгравшуюся трагедию. Увы! Это было очень легко! Во время последнего нашего разговора мы не дошли до конца тропинки, и альпийская палка Холмса указывала место, где мы остановились. На конце тропинки были отчетливо видны два ряда следов человеческих ног, — они шли от меня. Обратных следов не было видно

11.1

На расстоянии нескольких ярдов от конца тропинки сырая от брызг воды почва была вытоптана и превратилась в грязь, кусты терновника и папоротника, окаймлявшие пропасть, были вырваны. Я лег ничком и стал смотреть вниз. Стемнело, и я видел только блестящие от сырости черные скалы, а глубоко внизу — сверкавшие, разлетавшиеся брызги воды. Я крикнул, но в ответ до моего слуха донесся только загадочный рев водопада.

Однако мне суждено было получить последний привет от моего товарища и друга. Я уже говорил, что его альпийская палка осталась прислоненной к нависшей над тропинкой скале. На вершине скалы я заметил что-то блестящее и, протянув руку, достал серебряный портсигар, который Холмс всегда носил при себе. Когда я поднял портсигар, на землю упала лежавшая под ним записка. Это были три листка из записной книжки Холмса, адресованные мне. Как характерную черту моего друга, отмечу, что выражения были так же точны, а почерк так же тверд и разборчив, как если бы записка была написана Холмсом в его кабинете.

«Милый Ватсон, — писал Холмс, — имею возможность написать вам эти строки благодаря любезности мистера Мориэрти, который ожидает меня для окончательного решения некоторых вопросов, возникших между нами. Он вкратце рассказал мне, как ему удалось ускользнуть от английской полиции и узнать о нашем местопребывании. Эти факты только подтверждают мое высокое мнение об его уме. Я рад, что буду иметь возможность освободить общество от Мориэрти, хотя боюсь, что заплачу за это ценою, которая опечалит моих друзей и особенно Вас, дорогой Ватсон. Но ведь я говорил вам, что моя карьера достигла кульминационной точки и что я не мог ожидать лучшего конца. Должен вам признаться, — я был убежден, что письмо из Мейрингена — просто ловушка, и отпустил вас, предвидя то, что случилось. Скажите следователю Патерсону, что бумаги, нужные для разоблачения шайки, хранятся в ящике «М»

в синем конверте с надписью «Мориэрти». Перед отъездом из Англии я сделал все распоряжения относительно своего имущества и оставил их у моего брата Майкрофта. Прошу вас передать мой привет миссис Ватсон и верить в искреннюю преданность

Вашего Шерлок Холмса».

Все остальное можно досказать в нескольких словах. Нет никакого сомнения в том, что борьба закончилась так, как она должна была закончиться, то есть оба противника упали в пропасть, обхватив друг друга. Всякая попытка найти тела была признана совершенно безнадежной, и там, на дне пенящегося водоворота, обрели вечный покой опаснейший из преступников своего времени и искуснейший из борцов с нарушителями закона. Молодой швейцарец исчез; не сомневаюсь в том, что это был один из многочисленных агентов, исполнявших поручения Мориэрти. Что касается шайки, то многие, вероятно, помнят записку, в которой Холмс подробно описывал ее организацию и тот гнет, под которым держал ее умерший руководитель. На процессе личность этого ужасного человека не была достаточно выяснена, и если мне пришлось теперь разоблачить его жизнь, то это вызвано теми недобросовестными защитниками, которые, чтобы обелить память преступника, чернили того, кого я всегда буду считать благороднейшим и умнейшим из всех известных мне людей.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ В ПУСТОМ ДОМЕ

Я хочу описать обстоятельства, при которых я вновь встретился с Шерлок Холмсом после того, как в течение долгих месяцев считал его погибшим.

Это случилось весной 1894 года. В то время весь Лондон был взволнован убийством Рональда Адэр, происшедшим при самых необычайных, более того, необъяснимых условиях. Данные, установленные полицейским расследованием, были уже известны публике, но не вполне, так как имелись основания умалчивать о некоторых подробностях.

Преступление само по себе представляло интерес своей загадочностью, но для меня интерес сенсации не может сравниться с последствием этого дела, последствием, до такой степени потрясшим меня, что ничего столь ошеломляющего я не испытал за всю мою бурную жизнь. И теперь еще, вспоминая об этом, я вновь переживаю трепет внезапной радости и изумления, переполнивший тогда мою душу.

Я прошу читателей, интересовавшихся моими заметками и очерками о деятельности одного из самых замечательных людей нашего времени, не пенять на меня за то, что я не поделился с ними сразу же тем,

что мне стало известно. Я счел бы своим долгом не медленно это сделать, если бы не категорическое запрещение, исходившее от самого Шерлок Холмса, этот запрет был снят им только третьего числа прошлого месяца.

Из-за тесной дружбы с Холмсом я, как легко можно себе представить, сам стал интересоваться криминалистикой; после его исчезновения я постоянно изучал хронику преступлений и даже не раз пытался, пользуясь его методами, проникнуть в тайну отдельных уголовных дел, правда, без особого успеха. Ни одно из таинственных преступлений не взволновало меня так, как трагическое убийство сэра Рональда Адэра. Следствие, произведенное агентами полиции, установило, что неизвестное лицо или группа лиц виновны в предумышленном убийстве. Прочитав этот итог следствия, я глубже, чем когда бы то ни было, почувствовал, какую тяжелую утрату понесло общество в лице Шерлок Холмса.

Его живой ум и изумительная наблюдательность оказали бы неоценимую помощь следствию.

В тот день, занятый, как всегда, врачебными визитами, я неотступно думал об этом загадочном убийстве, но не в состоянии был найти ему объяснения. Я напому вкратце обстоятельства этого дела, установленные следствием.

Сэр Рональд Адэр был вторым сыном герцога Мэнута, губернатора одной из наших колоний в Австралии. Мать Адэра приехала из Австралии, чтобы подвергнуться операции, и жила вместе с сыном Рональдом и дочерью Гильдой на Парк-Лэн, 427. Молодой Адэр вращался в аристократическом лондонском обществе и, насколько мне известно, не имел никаких врагов и не предавался никаким порокам. Он был обручен с мисс Эдит Вудлей Карстерс, но за несколько месяцев до его смерти свадьба расстроилась по взаимному соглашению. Повидимому, этот разрыв не произвел на Адэра особенно глубокого впечатления. Насколько можно судить, жизнь Рональда протекала так, как протекает жизнь большей части молодых лю-

дей его круга. У него был спокойный характер, он был умерен в своих вкусах и привычках.

А между тем, этого молодого аристократа настигла самая странная и неожиданная смерть. Это случилось 30 марта 1894 года в промежуток от 10 часов вечера до 11 часов 20 минут.

Рональд Адэр любил карты и постоянно играл, однако не столь крупно, чтобы это могло отразиться на его благосостоянии. Он был членом карточных клубов Больдвин, Кавендиш и Багатель. Свидетельскими показаниями было установлено, что в день своей смерти Рональд после обеда играл в вист в клубе Багатель. Игравшие с ним мистер Меррей, сэр Джон Гарди и полковник Моран показали, что Адэр проиграл фунтов пять, не больше. При крупном состоянии Адэра такой проигрыш, конечно, не мог произвести на него сильного впечатления. Он почти каждый вечер играл то в одном клубе, то в другом, но играл очень осторожно и обычно выигрывал. За несколько недель до своей смерти Рональд Адэр, имея партнером полковника Морана, выиграл за один вечер четыреста двадцать фунтов. Вот и все, что выяснило следствие относительно последних дней Рональда Адэра.

30 марта, в день смерти, он вернулся из клуба ровно в десять часов. Его мать и сестра были в гостях. Горничная показала на следствии, что она слышала, как Адэр вошел в комнату, расположенную во втором этаже и служившую ему гостиной; окна этой комнаты выходят на улицу. Перед возвращением Адэра горничная затопила там камин; камин дымил, и пришлось открыть окно. Из комнаты не доносилось ни звука до одиннадцати часов двадцати минут, когда вернулись домой лэди Мэнут и ее дочь. Мать захстела повидать перед сном сына, но дверь была заперта изнутри. Никто не отозвался на стук и крики. Встревоженная мать приказала взломать дверь. Несчастный юноша лежал около стола. Голова его была странно изуродована револьверной пулей, но в комнате не было найдено никакого оружия.

На столе лежали две десятифунтовые бумажки и

семнадцать фунтов десять шиллингов серебром и золотом; монеты были сложены столбиками. Кроме денег на столе лежал лист бумаги, и на нем были записаны цифры, а против цифр проставлены имена некоторых клубных приятелей Адэра. На основании этого высказано предположение, что Рональд в тот вечер хотел сделать подсчет своих проигрышей и выигрышей в карты.

Подробное расследование не только не выяснило дела, но, наоборот, сделало его еще более непостижимым. Во-первых, ничем нельзя объяснить, почему Рональд заперся на ключ в своей комнате. Возникла мысль, не сделал ли это убийца, скрывшийся затем через окно. Но, чтобы бежать через окно, убийца должен был бы спрыгнуть с высоты двадцати с лишним футов; под окном находилась клумба крокусов в полном цвету. Однако цветы не были помяты. Ни на земле, ни на узкой полосе травы, отделявшей дом от дороги, не было обнаружено никаких следов. Оставалось предположить, что дверь запер сам Рональд. Но что же было причиной его смерти? Кто стрелял? Никто не мог влезть в окно, не оставив следов. Можно было допустить, что кто-нибудь выстрелил в окно. Но на таком расстоянии выстрелом из револьвера едва ли можно нанести смертельную рану; это было бы поистине чудом. К тому же Парк-Лэн — оживленная улица, а в ста ярдах от дома № 427 находится стоянка кэбов. Никто не слышал выстрела. А в комнате лежал убитый, налицо была револьверная пуля, которая пробила череп и вызвала мгновенную смерть.

Таковы были обстоятельства таинственного убийства на Парк-Лэн. Дело становилось еще загадочнее из-за того, что нельзя было найти мотив убийства: никто не слышал, чтобы у молодого Адэра были враги; убийца не был грабителем. Он не взял ни денег, ни ценностей, находившихся в комнате.

Я весь день обдумывал все эти обстоятельства, пытаюсь сделать какой-нибудь вывод, который привел бы в связь отдельные факты; я хотел найти «место наименьшего сопротивления», которое, со-

гласно теории моего погибшего друга, должно служить отправной точкой всякого следствия. Признаюсь: мои попытки были мало удачны. Вечером я решил посетить место происшествия. Я прошел через парк и часов в шесть очутился на Парк-Лэн, в районе Оксфорд-стрит. Я сразу узнал дом, который хотел осмотреть, по толпе зевак, глазевших с тротуара на окно во втором этаже. Высокий худой человек в синих очках, показавшийся мне переодетым сыщиком, развивал какую-то гипотезу собственного изобретения; столпившиеся вокруг него люди слушали его. Я подошел поближе, но его замечания показались мне столь нелепыми, что я с досадой отошел. При этом я нечаянно толкнул согбенного старика, и он выронил из рук несколько книг. Помню, что, поднимая книги, я обратил внимание на заглавие одной из них — «Происхождение поклонения деревьям» — и подумал, что старик, повидимому, занимается разыскиванием забытых, редких изданий, то ли ради заработка, то ли из страсти к книгам. Передавая книги старику, я извинился за свою неловкость. Но эти книжки, очевидно, были очень дороги владельцу, и он на мои извинения ответил презрительным ворчанием, потом повернулся и исчез в толпе. Я заметил только сутулую спину и седые бакенбарды.

Осмотр дома № 427 по Парк-Лэн ничуть не приблизил меня к разрешению задачи. Дом отделяла от улицы низкая стена с решеткой вышиною не более пяти футов. Ясно, что можно было без труда залезть в сад. Но зато окно комнаты, где произошло убийство, было совершенно недоступно — рядом с ним не было ни водосточной трубы, ни каких-либо выступов, которые помогли бы ловкому человеку вскарабкаться по стене. Озадаченный более прежнего, я вернулся домой и расположился в своем кабинете. Не прошло и пяти минут, как горничная доложила, что меня желает видеть какой-то человек. К моему крайнему удивлению это оказался не кто иной, как странный любитель книг, встреченный мною в толпе зевак. Я разглядел острые черты изрезанного морщинами лица, седые бакенбарды. Свою драгоценную

ношу, около дюжины книг, старик держал подмышкой, с грудом удерживая их правой рукой.

— Вы удивляетесь, что я к вам явился? — произнес он странным, хриплым голосом.

Я признался, что несколько удивлен.

— Но ведь есть же у меня совесть, сэр! Ковыляя той же дорогой, что и вы, я увидел, как вы вошли в этот дом и подумал: не мешает мне зайти к этому доброму господину и сказать ему, что я без всякого злого умысла оказался таким грубияном и что я очень благодарен ему за то, что он поднял мои книги.

— Не придавайте значения таким пустякам! — сказал я. — Разрешите мне спросить вас, каким образом вы узнали, кто я такой?

— Это очень просто, сэр, — ведь я ваш сосед: моя книжная лавка помещается на углу Черч-стрит. Я буду очень счастлив, если вы посетите меня там. Может быть, сэр, и вы тоже любитель книг? Вот «Птицы Британии», «Катулл», «Священная война». Поверьте, каждая из этих книжек — находка для библиофила. Достаточно пяти хороших книг, чтобы заполнить свободное место на второй полке вашей этажерки. Вы не находите, что это пустое место придает полке неаккуратный вид?

Я повернул голову, чтобы бросить взгляд на этажерку, стоявшую за моей спиной, и когда снова обратился к продавцу книг, передо мной стоял улыбавшийся Шерлок Холмс.

Пораженный, я вскочил с места, впился в него взглядом и, простояв так несколько секунд, видимо, лишился чувств в первый и единственный раз в моей жизни. Во всяком случае, сплошной туман застилал мне глаза. Когда я очнулся, ворот моей рубахи был расстегнут, и на губах я ощущал вкус водки. Холмс стоял, нагнувшись над моим стулом, с фляжкой в руке.

— Милый Ватсон, — услышал я так хорошо знакомый мне голос, — приношу тысячу извинений. Я никак не мог подумать, что мое появление вас так взволнует.

Я крепко схватил его за руку.

— Холмс! — воскликнул я. — Это вы, в самом деле вы? Вы остались живы? Возможно ли? Как вам удалось спастись из ужасной пропасти?

— Погодите минутку, — сказал Холмс. — Не следует ли нам немного обождать с разговорами? Вы были так сильно потрясены моим неуместным театральным появлением.

— О, я чувствую себя великолепно, но, право. Холмс, я не решаюсь верить своим глазам. Мне странно подумать, что вы стоите в моем кабинете!

Я снова схватил его руку, тонкую жилистую руку, и ощупал ее, чтобы удостовериться, что передо мной живой Холмс.

— Да, во всяком случае, вы — не дух, — сказал я. — Дорогой друг, я не в силах выразить, как я рад вас видеть. Садитесь и прежде всего расскажите, как вы выбрались из той страшной бездны.

Холмс сел против меня и привычным небрежным жестом закурил. На нем был потертый скюртук букиниста, все же остальные принадлежности, служившие для этой последней маскировки, лежали в виде груды книг и кучи белых волос. Холмс казался еще тоньше и одухотвореннее, чем прежде, но его орлиное лицо поражало нездоровой мертвенной бледностью.

— Я рад, что наконец могу выпрямиться, — сказал Холмс. — Не так-то легко для человека моего роста стать ниже на целый фут и оставаться в таком положении в течение нескольких часов. А теперь перейдем к делу. Если вы согласны помочь мне в задуманном мною предприятии, то нам предстоит сегодня ночью тяжелая и опасная работа. Поэтому, может быть, лучше отложить разговор о прошлом? Когда работа будет закончена, я дам вам подробный отчет обо всем, что со мною случилось.

— Холмс, я сгораю от нетерпения. Я хотел бы сейчас же обо всем узнать.

— Пойдете вы сегодня ночью со мною?

— Когда хотите и куда хотите!

— Значит, все так, как в былые времена. У нас

есть еще время пообедать, Ватсон. Вы спрашивали о пропасти. У меня не было никаких серьезных препятствий к тому, чтобы выбраться из нее, по той простой причине, что я никогда в нее не попадал.

— Вы не были в пропасти?

— Никогда не был. Записка, которую я вам оставил, была написана совершенно искренне. Когда на узкой горной тропинке над краем пропасти я увидел профессора Мориэрти, я решил, что достиг конца своего жизненного пути, и что спасенья для меня нет. В серых глазах Мориэрти я прочел решимость покончить со мною. Я обменялся с ним несколькими словами; профессор любезно разрешил мне написать вам короткую записку, которую вы получили, вернувшись в горы. Я оставил записку вместе с портсигаром и палкой и пошел вперед по тропинке; Мориэрти шел за мною по пятам. Я дошел до конца тропинки и оказался в безвыходном положении. Мориэрти не вынул оружия, — он набросился на меня и обвинил своими длинными руками. Он понимал, что конец его настал, и жаждал только одного — отомстить мне. Крепко сцепившись, мы шатались над водопадом. Однако, как вы знаете, Ватсон, я немного знаком с приемами японской борьбы, и это уже не раз выручало меня. Так и на этот раз, — я сумел выскользнуть из цепких объятий Мориэрти. Он несколько секунд качался, хватаясь руками за воздух, и испуская дикие крики, но все его усилия были напрасны; он не сохранял равновесия и свалился в пропасть. Наклонившись над бездной, я долго следил за тем, как он катился вниз. Затем он ударился о скалу и тяжело шлепнулся в воду.

Я был глубоко поражен этими объяснениями, которые Холмс давал, спокойно покуривая.

— Но следы, Холмс! — воскликнул я. — Следы! Ведь я собственными глазами видел следы двух человек, шедших вниз по тропинке, но никто не возвратился назад.

— Я вам объясню, в чем дело. Когда профессор исчез в водопаде, меня осенила мысль: какой необычайный случай предоставила мне судьба! Я знал —

не один Мориэрти поклялся меня убить: есть еще по меньшей мере три человека, ненависть которых ко мне станет еще более неукротимой после смерти их вожака. Это были опасные люди. Не одному, так другому, наверное, удалось бы меня убить. Но если все будут считать меня мертвым, эти люди начнут действовать свободнее, легче выдадут себя, и, рано или поздно, мне удастся их уничтожить. Вот тогда настанет время доказать, что Шерлок Холмс еще жив. Мысль работала быстро, и все это я успел обдумать прежде, чем профессор Мориэрти достиг дна Рейхенбахского водопада.

Я встал на ноги и осмотрел скалу над тропинкой. В напечатанном вами отчете о моей гибели вы утверждаете, что скала была отвесная. Но это не совсем точно. В скале было несколько небольших выемок; на них можно было ступить ногами. Скала была так высока, что достигнуть ее вершины казалось невозможно, но так же невозможно было идти по сырой тропинке, не оставляя следов. Правда, я мог перевернуть свои сапоги носками назад, как мне не раз приходилось делать, чтобы замести свои следы. Но я подумал, что отпечатки трех пар ног, ступающих в одном направлении, наверное, заставили бы заподозрить обман. Взвесив все, я решил карабкаться на скалу.

Да, Ватсон, это было нелегкое дело! Подо мною грозно ревел водопад. Право же, я не склонен к галлюцинациям, но клянусь вам, мне казалось, будто из бездны доносится голос Мориэрти, посылающего мне проклятия. Малейший неверный шаг грозил гибелью. Не раз, когда стебли трав, за которые я хватался, ускользали из моих рук, или когда моя нога не находила опоры в сырых впадинах скалы, я думал: настал мой конец.

Но я упорно карабкался вверх, и, наконец, достиг площадки в несколько футов ширины, поросшей нежным зеленым мхом. Здесь, скрытый от всех, я мог растянуться и отдохнуть. Я лежал там, наслаждаясь покоем, пока вы, милый Ватсон, и все, кого вы привели с собой, расследовали, весьма тщательно, но безуспешно, обстоятельства моей смерти.

Наконец, придя к выводу, логически неопровержимому и вместе с тем совершенно ложному, вы вернулись в гостиницу, а я остался совершенно один. Я воображал, что цепь моих приключений, связанных с Мориэрти, оборвалась. Но неожиданное происшествие доказало мне обратное. Сверху мимо меня пронесся огромный камень; он ударился о тропинку и свалился в бездну. Я было подумал, что это случайность; но, взглянув вверх, я увидел на фоне вечернего неба мужскую голову, и в ту же минуту другой камень ударился о край площадки, где я лежал, на расстоянии фута от моей головы. Я так и предполагал, — Мориэрти был не один. Союзник, — и притом опасный союзник, — следил за мною, когда Мориэрти напал на меня. Он был свидетелем гибели сообщника и спасения врага. Он переждал, затем обошел вокруг скалы и взобрался на ее вершину. Отсюда он пытался сделать то, что не удалось сделать Мориэрти. У меня не было времени на размышления. Я увидел безобразное лицо, выглядывавшее из-за утеса, и понял, что за двумя камнями последует третий.

Цепляясь руками и ногами, я спустился на тропинку. Не думаю, чтобы я сумел это сделать в хладнокровном состоянии. Спуститься было неизмеримо труднее, чем вскарабкаться наверх. Но мне некогда было думать об опасности, — когда я свесился на руках с края площадки, над моей головой прожужжал камень. При спуске я поскользнулся, но все же чудом очутился на тропинке, весь изодранный, в крови. Я бросился бежать со всех ног. В темноте я сделал десять миль и через неделю был во Флоренции, уверенный, что никому неизвестно о моей судьбе. У меня был только один поверенный и помощник — мой брат Майкрофт. Я чувствую себя глубоко виноватым перед вами, дорогой Ватсон, но мне было очень важно, чтобы меня считали погибшим. Уверяю вас, Ватсон, вы никогда не смогли бы написать такого прочувствованного сообщения о моей смерти, если бы не были убеждены, что я действительно умер. За последние три года я не раз брался за перо, чтобы написать вам, но каждый раз воздер-

живался, опасаясь, как бы ваша привязанность ко мне не толкнула вас на неосторожный поступок, который доказал бы, что я жив.

Ведь только из этих соображений я отвернулся от вас сегодня около дома Парк-Лен 427, когда вы рассыпали мои книги; мое положение в тот момент было очень опасное, и всякое выражение удивления или волнения с вашей стороны привлекло бы внимание к моей личности и повело бы к самым плачевным и непоправимым последствиям. Что касается Майкрофта, то мне неизбежно пришлось посвятить его в мою тайну, чтобы получать деньги, без которых я не мог существовать. В Лондоне события развернулись не так, как я имел основание рассчитывать: после суда над шайкой Мориэрти остались на свободе два самые опасные члена шайки, — мои личные враги, задававшие целью мне отомстить. Поэтому я не спешил возвращаться и два года путешествовал по Тибету, посетил Лхассу и провел несколько дней в гостях у Далай-Ламы.

Может быть, вам довелось читать о замечательных исследованиях норвежца Сигерсона; но вам, наверное, не пришло в голову, что автор этих исследований — ваш покорный слуга. Затем я проехал через Персию, побывал в Мекке и посетил калифа в Хартуме, о чем обстоятельно сообщил в министерство иностранных дел.

Вернувшись во Францию, я посвятил несколько месяцев химическим исследованиям вопроса о переработке каменного угля: опыты я производил в лаборатории в Монпелье, на юге Франции. Я успешно закончил этот труд и, узнав, что в Лондоне остался только один из моих врагов, собирался вернуться на родину; известие о гайнственном убийстве на Парк-Лен 427 заставило меня поспешить. Тайна этого убийства увлекает меня не только как тайна; она, по-видимому, связана с некоторыми обстоятельствами, касающимися лично меня. В Лондоне я явился на свою квартиру на Бэкер-стрит; мое появление вызвало у миссис Гудсон червический припадок. Я с радостью убедился, что Майкрофт позаботился чтобы

все мои бумаги и вещи сохранялись в том виде, в каком я их оставил.

Таким образом, милый Ватсон, сегодня, в два часа дня, я уселся в своей старой комнате, в своем старом кресле и испытывал только одно желание — поскорее увидеть моего старого друга Ватсона, сидящим, как бывало, против меня.

Вот что рассказал мне апрельским вечером мой друг Холмс. Сама по себе эта повесть показалась бы мне неправдоподобной, если бы ее не подтверждало присутствие Холмса, живого Холмса, которого я давно уже не надеялся увидеть. Каким-то образом Холмс узнал о смерти моей жены и выразил свое соболезнование и сочувствие не столько словами, как всем своим обращением.

— Работа — лучшее лекарство от горя, — сказал он. — А у меня на сегодняшнюю ночь припасена для нас обоих интереснейшая и ценнейшая работа; уверяю вас: удачное выполнение ее может само по себе оправдать существование человека на земле.

Я упрасивал его сказать мне, в чем дело, но на этот раз он был неумолим.

— За ночь вы успеете достаточно насмотреться и наслушаться, — ответил Холмс, — а пока у нас есть о чем поговорить после трех лет разлуки. Материала для беседы нам вполне хватит до половины десятого, когда начнется наше замечательное приключение в пустом доме.

В половине десятого я сел рядом с Холмсом в кэб, с револьвером в кармане, с волнующим ожиданием неизвестного в сердце и живо вспомнил доброе старое время. Но Холмс был угрюм и молчалив. Когда свет газового фонаря осветил его строгие черты, я заметил, что брови его нахмурены, а тонкие губы плотно сжаты. Холмс был погружен в глубокое раздумье.

Я не знал, за каким диким зверем нам предстоит охотиться в джунглях преступного мира Лондона, но состояние, в каком находился этот несравненный охотник, свидетельствовало о серьезности предстоящего дела, а презрительно-злая улыбка, нарушав-

шая порою аскетическую мрачность его лица, сулила мало хорошего тому, за кем мы охотились...

Я полагал, что мы доедем до Бэкер-стрит, но Холмс приказал кучеру остановиться на углу Кавендишского сквера. Я заметил, что, выйдя из экипажа, мой друг зорко поглядел по сторонам, точно хотел убедиться, что никто за нами не следит. Наше путешествие от сквера было поистине необычайно. Холмс знал все закоулки Лондона, и теперь он быстро и уверенно шел по лабиринту дворов, сараев, конюшен, о существовании которых я и не подозревал. Наконец, по узкой улице, окаймленной старыми, мрачными домами, мы вышли на Манчестер-стрит, а оттуда на Бландфорд-стрит. Здесь Холмс быстро свернул в узкий проход, через деревянные ворота прошел в заброшенный двор, затем отпер ключом заднюю дверь одного дома. Мы вошли, и он запер за нами дверь.

Кругом было темно, как в колоде, но мне было ясно, что мы находимся в необитаемом доме. Пол скрипел под нашими ногами; протянув руку, я коснулся стены, с которой свисали обрывки обоев. Холодные тонкие пальцы Холмса сжали мою руку, — он вел меня по длинному темному коридору, пока я не увидел призрачный свет полукруглого окна над дверью. Здесь мы свернули направо и очутились в большой пустой комнате: только на середину ее падал тусклый отсвет уличных фонарей. Окно было покрыто густым слоем пыли; было так темно, что мы едва видели друг друга.

Холмс положил руку мне на плечо и, приблизив губы к моему уху, шепнул:

— Знаете, где мы с вами находимся?

— Полагаю, что это Бэкер-стрит, — ответил я, внимательно посмотрев через пыльные стекла окна.

— Совершенно верно. Мы находимся как раз против нашей старой квартиры.

— Но зачем мы пришли сюда?

— О! Отсюда такой чудесный вид на это живописное здание. Будьте любезны, милый Ватсон, подойдите немного ближе к окну; только будьте осто-

рожны, чтобы как-нибудь не обнаружить своего присутствия, и посмотрите на нашу старую квартиру.

Я прокрадся, посмотрел на столь знакомое окно... и вскрикнул от изумления. На опущенной шторе я увидел тень мужчины, сидящего на стуле, темный силуэт, силуэт Холмса! Я был поражен и протянул руку, чтобы убедиться, что живой Холмс стоит рядом со мною. Да, Холмс стоял рядом и беззвучно смеялся.

— Ну, как? — спросил он.

— Это поразительно! — воскликнул я.

— Не правда ли, похоже на меня?

— Я готов был поклясться, что это вы сами, милый Холмс.

— Идея принадлежит мне, а честь исполнения — Оскару Менье из Гренобля; он в несколько дней вылепил эту фигуру из воска. Остальное я сам приспособил сегодня.

— Но для чего это? Какая цель?

— У меня есть весьма веские основания желать, чтобы некоторые люди думали, будто я нахожусь в своей квартире, когда в действительности меня там нет.

— Вы полагаете, что за квартирой следят?

— Я в этом абсолютно уверен.

— Но кто же?

— Мои старые враги, Ватсон. Милая шайка, руководитель которой лежит на дне Рейхенбахского водопada. Не забывайте, — ведь они, и только они одни знают, что я еще жив. Они догадывались, что рано или поздно я вернусь в свою квартиру, и непрерывно следили за нею; сегодня утром они видели, что я вернулся.

— Почему вы в этом так уверены?

— Потому что, выглянув из окна своего кабинета, я узнал их часового. Это довольно безобидный малый; его зовут Паркер, он убийца по ремеслу и в то же время замечательный арфист. Для меня он вообще не имеет значения. Несравненно опаснее тот страшный человек, который руководит действиями Паркера, — близкий друг Морнэрти; это он кидал в

меня камни с вершины утеса; он охотится за мною сегодня ночью и совершенно не подозревает, что мы охотимся за ним.

Постепенно я начинал понимать замысел Холмса. Притаившись в нашем удобном убежище, мы карау-

лили тех, кто караулил Холмса, чтобы его убить; мы выслеживали преследователей. Искусно сделанное изображение, черный силуэт в кабинете Холмса, служил приманкой, а мы были охотниками. Мы молча стояли в темной комнате и наблюдали за людьми, проходившими по улице. Ночь была холодная, дул

резкий ветер, почти все прохожие шли с поднятыми воротниками, укутанные шарфами. Мне показалось, что я несколько раз видел одну и ту же фигуру; затем я заметил двух людей; они остановились в подъезде дома, словно укрываясь от непогоды. Я попытался обратить на них внимание моего друга, но он ответил легким жестом досады и продолжал следить за улицей. Временами он нетерпеливо постукивал пальцами по стене и притопывал ногой. Очевидно, события разворачивались не так, как он предполагал, и ему начинало казаться, что он обманулся в своих ожиданиях. Время уже приближалось к полночи, улица постепенно опустела. Холмс шагал по комнате в сильном волнении.

Я поднял глаза к окнам кабинета. То, что я увидел, заставило меня схватить Холмса за руку.

— Тень шевельнулась! — прошептал я.

И, действительно, — фигура была обращена к нам не профилем, а спиной.

Три года мало изменили Холмса, и он попрежнему нетерпимо относился к уму, не столь быстрому, как его собственный.

— Ну, конечно, она шевельнулась, — сказал он с раздражением. — Неужели я такой простофиля, чтобы поставить явную куклу и надеяться, что на эту удочку попадутся такие прожженные и проницательные люди? Сегодня я провел в своем кабинете два часа. За это время миссис Гудсон восемь раз, то есть каждые четверть часа, перемещала куклу. Она делает это, становясь спереди, поэтому тень ее никогда не бывает видна. Ах!..

Холмс от волнения затаил дыхание и вытянул вперед голову; вся его фигура выражала напряженнейшее внимание. На улице не было ни души. Те двое, может быть, попрежнему стояли в тени подъезда; во всяком случае, я их не видел. Все было погружено в безмолвие и в мрак. Но вот среди глубокой тишины я услышал рядом с собой свистящее дыхание Холмса; затем он потащил меня в самый темный угол комнаты, и я почувствовал на своих губах его пальцы, — предостерегающий жест. Пальцы Холм-

са дрожали. Никогда я не видел, чтобы он был так взволнован. А между тем на темной улице попрежнему не было ни души.

Но вдруг я услышал звук, который более чуткое ухо Холмса успело уловить раньше меня. Тихий скрип и шорох крадущихся шагов слышался не со стороны Бэкер-стрит, — он шел из задней части того дома, в котором мы находились. Кто-то отпер дверь, затем запер ее. После этого послышался звук шагов, разносившийся по всему пустому дому. Холмс прижался к стене, я последовал его примеру; в руке я держал револьвер. Пристально вглядываясь во мрак, я увидел на фоне темного прямоугольника открытой двери смутное очертание мужской фигуры. Человек постоял секунду, затем, пригнувшись, с угрожающим видом двинулся в комнату.

Человек был уже совсем близко, и я ждал, что он набросится на нас, но потом я сообразил, что он не подозревает о нашем присутствии. Он прошел почти вплотную мимо нас, прокрался к окну и бесшумно поднял раму приблизительно на полфута. Когда он нагнулся, свет уличного фонаря, не затемненный грязным стеклом, осветил лицо человека, находящегося в крайнем возбуждении: черты были судорожно сведены, глаза сверкали, яркие, как звезды. Это был пожилой мужчина с тонким орлиным носом, с высоким лысым лбом и огромными седыми усами. Цилиндр был сдвинут на затылок, между бортами расстегнутого пальто сверкала белизной фрачная крахмальная рубашка. Лицо, худое и смуглое, было изрезано морщинами. Человек держал в руке что-то вроде палки, однако, когда он положил свою палку на пол, послышался звук металла. Затем он достал из кармана пальто какой-то предмет и стал с ним возиться; раздался громкий, резкий звук, какой издает пружина или задвижка, попадая на свое место.

Стоя попрежнему на коленях, он нагнулся вперед и всею своей тяжестью налег на какой-то рычаг; раздался продолжительный жужжащий, скрипучий звук, закончившийся громким щелканием. Только после этого человек выпрямился, и я разглядел пред-

мет, находившийся в его руках, — это было нечто вроде ружья с прикладом причудливой формы. Он открыл это подобие ружья, что-то вложил и защелкнул. Потом сел на корточки и положил конец ствола на подоконник приоткрытого окна. Я заметил, что его длинные усы упали на дуло, а глаза зловеще заблестели. Со вздохом облегчения он приложил приклад к плечу и на мгновение застыл. Следя за дулом, я увидел удивительную мишень — черный силуэт Холмса, выделявшийся на светлом фоне. Через несколько секунд раздалось странное, назойливое жужжание, и вслед за тем — звон разбитого стекла.

В тот же миг Холмс, как тигр, прыгнул на спину стрелка и повалил его лицом вниз. Но поваленный тотчас же вскочил на ноги и с неистовой силой вцепился в горло Холмса. Я подбежал и ударил его рукояткой револьвера по голове, и он снова упал на землю. Я навалился на него всей своей тяжестью, а Холмс дал громкий призывной свисток. Мы услышали на мостовой звук бегущих ног, два полисмэна и человек в штатском ворвались в дом через парадный подъезд и вбежали в комнату.

— Это вы, Лестрэд? — спросил Холмс.

— Я, мистер Холмс. Я решил сам взяться за это дело. Приятно снова видеть вас в Лондоне, сэр.

— Да, да, я решил, что вам пригодится моя небольшая неофициальная помощь. Три нераскрытых убийства за один год — это мне не нравится, Лестрэд. Впрочем, дело о Мольсейской тайне вы вели не так уж... то есть, я хочу сказать, что вы вели его довольно хорошо...

Мы все поднялись на ноги. Наш пленник отрывисто дышал, стиснутый между двух дюжих констэблей. На улице, между тем, уже собирались любопытные, привлеченные звоном разбитого стекла. Холмс подошел к окну, закрыл его и опустил штору. Лестрэд зажег принесенные им две свечи, а констэбли открыли свои потайные фонари. Теперь я имел возможность как следует рассмотреть нашего пленника.

Это был человек с мужественным, но зловещим лицом. У него был лоб философа и челюсть сласто-

любца. Повидимому, от природы человек этот был одарен большими способностями. Но его жестокие голубоватые глаза под нависшими щетинистыми бровями, лоб, изборожденный глубокими морщинами, хрящеватый нос с хищными ноздрями, — все говорило за то, что этот человек использовал для зла способности, данные ему природой. Он не обращал внимания ни на кого из окружающих его людей, — взгляд его был прикован к лицу Холмса, на которого он смотрел с выражением ненависти и изумления.

— О, вы дьявол! — повторял он шопотом. — Вы умный и ловкий враг!

— А, полковник! — сказал Холмс, поправляя помятый в схватке воротничок и галстук. — Как говорится в старой комедии, — «дело кончается встречей любовников». Я, кажется, не имел удовольствия встречаться с вами с того самого часа, когда вы почтили меня своим вниманием, там, на скале, над Рейхенбахским водопадом.

Полковник продолжал, не отводя глаз, смотреть на моего друга и словно в каком-то забытьи твердил одно и то же:

— О, вы коварный, коварный враг!

— Я еще не представил вас, — сказал Холмс. — Джентльмены! Разрешите вам представить — полковник Себастиан Моран, когда-то служивший в рядах Индийской армии ее Величества; это такой умелый охотник на крупного зверя, что лучше его не найти во всей нашей обширной империи. Кажется, я могу, не преувеличивая, сказать, что по числу убитых вами тигров вы занимаете первое место?

Старик ничего не ответил, он продолжал смотреть на Холмса. Со своими свирепо сверкавшими глазами и длинными щетинистыми усами наш пленник сам удивительно походил на тигра.

— Меня удивляет, полковник, — сказал Холмс, — что мне удалось весьма примитивным ухищрением провести такого искусного охотника. Меня это тем более удивляет, что этот прием вам, конечно, хорошо знаком, и вы, наверное, сами не раз им пользовались. Разве вам не приходилось привязывать под деревом

козленка, а самому таиться с ружьем в ветвях дерева, в расчете, что приманка привлечет тигра? На этот раз пустой дом — мое дерево, а вы сами — мой тигр. Возможно, что и у вас бывали про запас стрелки, на случай, если бы к дереву пожаловало несколько тигров, или, что, впрочем, невероятно, если бы вы сами промахнулись. Эти господа, — Холмс жестом указал на присутствующих, — это мои запасные стрелки. Аналогия, как видите, полная.

Полковник Моран не выдержал, — с бешеным рычанием он рванулся на Холмса, но констэбли его удержали. Лицо Морана было искажено яростью.

— Должен признаться, — продолжал Холмс, — вы сделали мне маленький сюрприз: я никак не предполагал, что вы сами воспользуетесь этим пустым домом и этим окном, которое, действительно, чрезвычайно удобно. Я думал, вы выберете аренной действия улицу, где вас ожидал мой приятель Лестрэд и его brave помощники. Если не считать этого небольшого сюрприза, все остальное произошло в точности так, как я ожидал.

Полковник Моран обратился в Лестрэду:

— Я не вхожу в обсуждение того, есть ли у вас законный повод меня арестовать, но, во всяком случае, вы должны оградить меня от издевательств этого субъекта. Если вы задержали меня именем закона, я требую, чтобы со мною обходились так, как предписывает закон.

— Что ж, это довольно разумное желание, — ответил Лестрэд. — Вы ничего не хотите сказать, прежде чем мы уйдем отсюда, мистер Холмс?

Холмс поднял с пола пневматическое ружье и внимательно рассматривал его механизм.

— Великолепное и единственное в своем роде оружие, — проговорил он, — действует бесшумно и со страшной силой. Я знавал слепого механика, немца фон Гердера, сконструировавшего это ружье по заказу покойного профессора Мориэрти. О существовании этого ружья мне было известно много лет тому назад, однако до сих пор я не имел случая держать

его в руках. Я рекомендую его вашему вниманию, Лестрэд, а также и пули к нему.

— Можете на нас положиться, мистер Холмс, — ответил Лестрэд.

Вся компания двинулась к двери. Прежде, чем выйти, Лестрэд спросил:

— Больше у вас нет вопросов, мистер Холмс?

— Нет. Только я хотел бы знать, какое вы намерены предъявить обвинение?

— Какое обвинение, сэр? Конечно, обвинение в покушении на убийство мистера Шерлок Холмса.

— Нет, Лестрэд. У меня нет ни малейшего желания фигурировать в этом деле. Вся честь этого замечательного ареста принадлежит вам. Да, Лестрэд, я поздравляю вас! Благодаря присущей вам находчивости и отваге вы, наконец, поймали его.

— Поймал его? Да кого же я поймал, мистер Холмс?

— Человека, которого тщетно разыскивала вся полиция: полковника Себастьян Моран, застрелившего сэра Рональда Адэр револьверной пулей из пневматического ружья через открытое окно второго этажа дома № 427 по Парк-Лэн, тридцатого числа прошлого месяца. Вот какое обвинение вы должны предъявить задержанному вами человеку. А теперь, Ватсон, если вас не пугает разбитое окно и неизбежный сквозняк, мы могли бы посидеть полчаса и покурить сигару в моем кабинете.

Благодаря заботам миссис Гудсон и наблюдению Майкрофта, в наших прежних комнатах все осталось без изменений. Правда, войдя, я был поражен непривычным порядком, но все знакомые предметы были на своих старых местах: вот «уголок химии» со столом, на котором виднелись пятна от кислот. Вот полка с альбомами и справочниками, которые многим из наших сограждан приятно было бы сжечь. Осмотрев внимательно комнату, я нашел все — и диаграммы, и скрипки, и подставку с коллекцией трубок (персидская трубка была даже набита табаком).

В комнате было двое: миссис Гудсон, радостно нас встретившая, и странный двойник, игравший та-

кую большую роль в приключении этой ночи. Это было скульптурное изображение Холмса, сделанное из воска и раскрашенное так умело, что сходство граничило с иллюзией. Бюст стоял на небольшом столике, который был искусно задрапирован старым халатом Холмса; поэтому издали получалось полное подобие живого человека.

— Вы, повидимому, приняли все предосторожности, миссис Гудсон? — спросил Холмс.

— О, да! Я подползала к бюсту на коленях, как вы приказали.

— Превосходно! Все было выполнено как нельзя лучше. Вы заметили, куда попала пуля?

— Да, сэр. Боюсь, что она испортила вашу чудную статую, так как прошла через голову и ударилась в стену. Я подняла ее с ковра. Вот она.

Холмс протянул мне пулю.

— Револьверная пуля, Ватсон... Это гениально придумано, — кто же может догадаться, что такую пулю было заряжено пневматическое ружье? Я вам очень благодарен, миссис Гудсон, за вашу помощь. А теперь, Ватсон, садитесь, как бывало, на ваше старое место: мне о многом хочется с вами поговорить.

Холмс сбросил поношенный сюртук букиниста и, накинув халат мышинного цвета, снятый им со своего изображения, превратился в прежнего Шерлок Холмса.

— Нервы старого охотника за львами не сдали, и зрение не утратило остроты, — сказал он, внимательно осмотрев разбитый лоб бюста.

— Удар в самую середину затылка, и воображаемый мозг пробит насквозь. Моран был лучшим стрелком в Индии, и, смею думать, что в Лондоне тоже мало кто мог бы с ним потягаться. Вы слышали о полковнике Моран?

— Нет, до сегодняшней ночи не слышал.

— Это небезызвестный человек. Впрочем, насколько мне помнится, вы до дня моего отъезда не слышали также имени профессора Джэмса Мориэрти, одного из умнейших людей нашего века. Достаньте

мне, пожалуйста, с полки мой биографический справочник.

Откинувшись в кресле и пуская кольца дыма, Холмс небрежно переворачивал страницы.

— На букву «М» у меня подобралась хорошенькая коллекция, — сказал он. — Достаточно одного Морнэрти, а тут еще отравитель Морган, Мерридю, прославившийся гнуснейшими проделками, Мотьюс, выбивший мне зуб на Чэринг-Кросском вокзале и, наконец, наш сегодняшний противник; познакомимся с ним поближе!

Холмс протянул мне книгу, и я прочел: «Моран Себастьян, полковник. В отставке. Прежде служил в первом Бенджелорском полку. Родился в Лондоне, в 1840 году. Сын сэра Огустуса Моран, Кавалера ордена бани, бывшего английского посланника в Персии. Воспитывался в Итоне и в Оксфорде. Принимал участие в кампаниях: Джавакской, Афганской, Чарасиабской, Шерпурской и Кабульской. Автор книг: «Звери Западных Гималаев», 1881, и «Три месяца в джунглях», 1884. Адрес: Кондьют-стрит».

На полях четким почерком Холмса было написано: «По вредности занимает второе место в Лондоне».

— Как странно, — заметил я, отдавая Холмсу книгу. — Жизненный путь этого человека — как будто путь честного солдата.

— Совершенно верно, — ответил Холмс. — До определенного момента он действовал так, как подобает честному человеку. Он всегда отличался поразительным хладнокровием; еще теперь в Индии рассказывают о том, как он сполз в ров за подстреленным им тигром. Вы, наверное, знаете, Ватсон, что существуют деревья, которые растут нормально до известной высоты, а затем в дальнейшем своем развитии обнаруживают какое-нибудь уродливое отклонение от нормы. Часто мы наблюдаем подобное же явление и у людей. Задумываясь над этим вопросом, я пришел к выводу, что человеческая особь в своем развитии повторяет историю всех своих предков. Внезапный поворот человека в сторону добра или

в сторону зла обусловлен сильным влиянием, некогда испытанным его предками.

— Эта теория несколько фантастична.

— Я на ней и не настаиваю. Что касается полковника Моран, то достоверно одно: под влиянием тех или иных причин человек сбился с пути. Мне в подробностях неизвестно, в чем было дело, но обстоятельства сложились так, что он не мог более оставаться в своем полку, хотя никакого громкого скандала, связанного с его именем, не произошло. Моран вышел в отставку и вернулся в Лондон. И здесь опять он не сумел сохранить свое имя незапятнанным. Вот тогда-то его и разыскал Мориэрти, у которого Моран некоторое время был чем-то вроде начальника штаба. Мориэрти щедро снабжал его деньгами; но услугами Морана профессор Мориэрти пользовался только для дел, требовавших исключительных данных, то есть для дел, которые были бы не по плечу обыкновенному преступнику. Может быть, вы помните загадочную смерть миссис Стьюарт из Лаудера? Это произошло в 1887 году. Не помните? Ну, так вот: я не сомневаюсь, что это было делом рук Морана, хотя следствие не установило ничего, что бы позволило его арестовать. Полковник сумел так ступшеваться, что нам не удалось привлечь его к суду даже тогда, когда была накрыта вся шайка профессора Мориэрти.

Помните, Ватсон, тот вечер, когда я пришел к вам и закрыл ставни, опасаясь выстрела из духового ружья? Это было накануне моего отъезда. Вам тогда, конечно, показалось, что это игра воображения, расстроенные нервы. А между тем я действовал самым обдуманном образом — мне уже и тогда было известно о существовании этого замечательного духового ружья; я знал: орудовать им будет один из самых метких стрелков в мире.

Когда на следующий день мы с вами уехали в Швейцарию, Моран последовал за нами вместе с Мориэрти; и я не сомневаюсь, что он-то и доставил мне несколько тягостных минут, когда я лежал на выступе скалы над Рейхенбахским водопадом. После этого,

находясь во Франции, я внимательно следил за хроникой преступлений, ожидая случая засадить его за решетку. Пока он был на свободе в Лондоне, я ни на минуту не мог считать себя в безопасности. Надо мною день и ночь висела бы угроза и, конечно, рано или поздно ему удалось бы меня убить. Но что мне было делать? Не мог же я, выследив его, просто-напросто застрелить? За это я бы сам попал на скамью подсудимых. Обращаться в суд было бы нелепо и бесполезно, — ведь суд не может действовать на основании подозрения, ничем не подтвержденного. Поэтому я бессилён был что-либо предпринять. Я продолжал следить за хроникой преступлений, уверенный, что рано или поздно я поймаю Морана.

И вот я узнал об убийстве Рональда Адэр. О, это был для меня большой козырь! Зная то, что я знал, мог ли я не догадаться, что это убийство было делом рук полковника Моран? Следствие установило, что Моран в тот вечер играл в карты с молодым человеком. Я сделал вывод: он последовал за Адэром из клуба и застрелил его через открытое окно. Этот вывод напрашивался сам собою. Одни пули представляют достаточную улику, чтобы отправить Морана на виселицу. Я немедленно возвратился в Лондон. Когда я пришел на Бэкер-стрит, меня видел караульный, поставленный Мораном. Я не сомневался в том, что караульный немедленно сообщит о моем приезде своему начальнику. Моран не мог не усмотреть связи между своим преступлением и моим внезапным возвращением в Лондон; это, конечно, его очень встревожило. Я знал, что Моран попытается поскорее убрать меня со своей дороги и воспользуется для этого своим страшным пневматическим ружьем.

Вот я и поставил у окна своего кабинета прекрасную мишень для его выстрела и одновременно предупредил полицию, что ее вмешательство может понадобиться. (Кстати, Ватсон, вы безошибочно угадали присутствие людей в нише подъезда). После этого я выбрал себе превосходный пост для наблюдений; но

мне и в голову не приходило, что мой противник вы берет себе для нападения то же окно пустого дома. Ну, милый Ватсон, все ли вам теперь ясно?

— Как будто все, — ответил я.

— Но как вы думаете, что могло заставить Морана убить Рональда Адэра?

— Ну, друг мой, здесь мы вступаем в область гадательного, где ошибиться может самый тренированный ум. Относительно мотивов убийства каждый может создать собственную гипотезу, и ваша гипотеза может оказаться не менее правильной, чем моя.

— Значит, вы уже создали свою гипотезу?

— Мне кажется, факты таковы, что их нетрудно объяснить. Из показаний свидетелей выяснилось, что полковник Моран и молодой Адэр выиграли сообща большую сумму денег, Моран, несомненно, играл нечисто, я давно знал, что он шулер. Мне представляется дело так: в день убийства Адэр заметил, что Моран плутует. Повидимому, Адэр говорил об этом с полковником с глазу на глаз и потребовал, чтобы тот добровольно вышел из числа членов клуба и дал слово не играть больше в карты. Вероятно, Адэр пригрозил своему партнеру выдать его и изобличить публично, если Моран не выполнит его требование. Нельзя думать, чтобы такой тихий и скромный юноша, как Адэр, решился сразу устроить скандал в клубе, разоблачив человека, много старше его и притом хорошо известного в лондонском обществе. Вероятно, он действовал именно так, как я предполагаю. Для Морана исключение из клуба было бы полным разорением, так как он был профессиональным шулером и жил нечестной карточной игрой. Моран застрелил Адэра как раз в ту минуту, когда тот высчитывал, сколько ему придется вернуть денег, — Адэр не мог оставить у себя деньги, доставшиеся ему от игры с нечестным партнером. Он заперся в своей комнате на ключ, опасаясь, как бы мать и сестра не стали расспрашивать о значении цифр и имен. Ну, что, Ватсон, как вы относитесь к моей гипотезе?

— Я думаю, Холмс, вы угадали истину.

— Предстоит суд, на котором моя гипотеза будет либо подтверждена, либо опровергнута. А пока удовольствуемся тем, что полковник Моран не будет больше преследовать нас своей злобой, знаменитое пневматическое ружье слепого фон Гердера будет украшать музей Скотленд-Ярда, а ваш покорный слуга может снова посвятить свои силы расследованию маленьких загадок, которыми так богата жизнь Лондона.

ШЕСТЬ НАПОЛЕОНОВ

С тех пор, как умер профессор Мориэрти, — сказал мне как-то Шерлок Холмс, — Лондон стал крайне неинтересным городом с точки зрения специалиста по уголовным делам.

— Не думаю, чтобы нашлось много порядочных людей, которые бы об этом жалели.

— Вы правы; я смотрю на это с сугубо личной точки зрения, — сказал Холмс, отодвигая свой стул от стола, за которым мы только что позавтракали. — Общество, несомненно, выиграло от смерти этого человека, и проиграл только бедный специалист по расследованию загадочных преступлений. Пока жил и действовал Мориэрти, утренняя газета была для меня полна особого содержания. Иногда я видел неясный след, смутное, отдаленное указание, но и этого было мне достаточно, чтобы ощутить присутствие злой воли Мориэрти, подобно тому, как легчайшего дрожания края паутины достаточно, чтобы напомнить, что в центре ее засел паук. Мелкие кражи, хулиганские выходки, бесцельные оскорбления, — все это связывалось для меня в единое целое, поскольку в моих руках был ключ. Ни одна столица Европы не представляла такого поприща для исследования преступного мира, как Лондон. Теперь же...

Холмс пожал плечами. Конечно, он сильно преувеличивал: со смертью Мориэрти преступления не исчезли в Лондоне, но они, действительно, стали реже и были менее загадочны.

Со времени возвращения Холмса прошло несколько месяцев, и я, следуя его настойчивым уговорам, продал свою врачебную практику и снова переселился на нашу старую квартиру на Бэкер-стрит. Молодой врач, по имени Вернер, почти без возражений согласился купить мою небольшую кенсингтонскую практику за очень высокую цену, назначенную мною; только несколько лет спустя я понял, в чем дело: оказалось, что Вернер — дальний родственник Холмса, и мой друг дал ему деньги на эту покупку.

Проведенные нами вместе месяцы отнюдь не были так бесцветны и скудны происшествиями, как говорил Холмс.

Лестрэд часто заходил к нам по вечерам. Обычно он рассказывал о делах, расследование которых поручалось ему как официальному сыщику Лондонского Скотленд-Ярда. Но на этот раз Лестрэд говорил о погоде, о газетах, молчал, попыхивая сигарой... Однако Холмса трудно было провести.

— У вас на руках интересное дело? — спросил Холмс.

— Интересное? Пожалуй, интересное, по своей крайней нелепости. Поэтому я и не решался вас беспокоить.

— Ну, выкладывайте!

— Мистер Холмс, можете вы поверить, что в наше время существует человек, питающий такую ненависть к Наполеону, что он разрушает всякое изображение этого императора, попадающее ему на глаза?

Холмс откинулся на спинку кресла:

— В таких вещах я плохо разбираюсь, обратитесь к врачу.

— Но если человек совершает кражу, чтобы разрушить принадлежащий не ему бюст Наполеона, то приходится вмешаться полиции.

— О-о! — оживился Холмс, — это интересно! Расскажите поподробнее.

Лестрэд достал записную книжку и перелистал ее.

— Так вот, — первый такой случай произошел четыре дня тому назад, в лавке Гудсона, на Кенсингтонской дороге. Гудсон торгует статуями и картинами, и на прилавке между прочими слепками стоял гипсовый бюст Наполеона. Приказчик на минутку вышел в заднюю комнату, вдруг услышал треск, вбежал обратно и увидел, что бюст Наполеона, разбитый вдребезги, лежит на полу.

Приказчик бросился на улицу. Прохожие подтвердили, что какой-то человек только что выбежал из лавки, но найти хулигана приказчик не смог.

Гипсовый бюст стоил всего несколько шиллингов, и дело казалось слишком ничтожным, чтобы начинать расследование.

Однако, сегодня утром был обнаружен другой случай.

— Чего? — спросил Холмс.

— Бессмысленного разрушения бюста Наполеона.

— Очень интересно, Лестрэд! Расскажите со всеми подробностями.

— Так вот. На Кенсингтонской дороге, недалеко от лавки Гудсона, живет доктор Барнико. У него есть хирургическая лечебница в двух милях от квартиры. Этот доктор Барнико — восторженный поклонник Наполеона, и дом его полон книг о Наполеоне, портретов и статуэток Наполеона. Совсем недавно доктор Барнико купил два гипсовых бюста Наполеона, слепки с бюста, сделанного известным французским скульптором. Один из этих бюстов он поставил в передней своего дома, другой — в приемной лечебницы, на камин. Когда сегодня утром доктор Барнико вышел в переднюю, он увидел, что за ночь в доме побывали грабители; однако, не было похищено ничего, кроме гипсового бюста Наполеона. Бюст был вынесен и разбит вдребезги у стены сада.

Холмс с удовольствием потер руки.

— Хм! Это становится положительно интересным!

— Я так и думал, что вам это должно понрав-

виться Ну, так вот: к двенадцати часам доктор Барнико приехал в свою лечебницу. Можете себе представить его изумление, когда он увидел, что окно приемной было за ночь кем-то открыто, а бюст разбит на мелкие осколки тут же в приемной. Вот и все, мистер Холмс.

— Странно... почти комично. Но скажите, пожалуйста, оба бюста, принадлежащие доктору Барнико, были точными копиями того, который был разбит в лавке Гудсона?

— Все они — отливки с одной формы.

— Это очень важно, Лестрэд. Ведь это доказывает, что человек разбивал бюсты не из ненависти к Наполеону. Ведь в Лондоне существует множество всяких изображений Наполеона, но, насколько мы знаем, за это время никакие статуи и слепки с произведений других скульпторов не подвергались разрушению.

— Мне это тоже казалось, — заметил Лестрэд, — но потом я подумал, что, может быть, в районе, где действовал этот сумасшедший, не было других изображений Наполеона.

— Сумасшедший? — переспросил Холмс.

— Ну, скажем, маньяк, задавшийся целью уничтожить изображения Наполеона.

— Нет, эта гипотеза сумасшествия не годится, Лестрэд! Скажите, как, по-вашему, сумасшедший мог узнать, где находятся эти бюсты Наполеона?

— Ну, а как же вы это объясняете?

— Во всяком случае, не тупой жаждой разрушения. Заметьте, что этот субъект действует по какому-то методу. Например, из передней доктора Барнико, где шум мог разбудить всю семью, он вынес бюст и разбил его на дворе, а в хирургической лечебнице, где можно было не опасаться тревоги, бюст был разбит на том самом месте, где он стоял. Поверьте, история с бюстами Наполеона сложнее, чем вы думаете, Лестрэд. Я очень прошу вас сообщать мне о всех дальнейших случаях с изображениями Наполеона. Мне кажется, что рассказанные вами — не последние.

Холмсу не пришлось долго ждать.

На следующее утро он получил телеграмму: «Приезжайте немедленно, 131 Питт-стрит. Лестрэд».

— Я подозреваю, что это продолжение истории с бюстами Наполеона. Но разрушитель перенес свою деятельность в другую часть Лондона. Ну, Ватсон едем немедленно!

Через полчаса мы доехали до Питт-стрит. У решетки перед домом 131 стояла толпа любопытных.

Холмс засвистал.

— Что тут делается! Неужели из-за разбитого бюста... Нет, тут по меньшей мере покушение на убийство. Но вот у окна Лестрэд. Сейчас мы все узнаем.

Лестрэд провел нас в гостиную, где пожилой господин, крайне растрепанный и взволнованный, в халате и ночных туфлях, безостановочно шагал по комнате. Лестрэд представил его нам как владельца этого дома, мистера Гораса Гаркер, из «Синдиката центральной прессы».

— Подумайте, опять наполеоновский бюст! — сказал Лестрэд. — Но дело приняло очень серьезный оборот.

— А именно?

— Убийство. Мистер Гаркер, не расскажете ли вы этим джентльменам о происшествии в вашем доме?

Господин в халате перестал шагать и обратился к нам растерянное лицо.

— Рассказать о случившемся? Вообще говоря, это моя профессия, профессия репортера газет, — рассказывать о происшествиях. Но сейчас, когда происшествие случилось в моем собственном доме, я не могу связать двух слов. Ах, если бы я явился сюда в качестве репортера! Я бы поместил по два столбца во всех вечерних газетах. А сейчас! Я все утро пересказываю эту историю то одному, то другому, и не могу заработать на этом ни пенса. Однако, ради вас, мистер Холмс, я готов рассказать ее еще раз. Надеюсь, в последний раз.

Холмс поблагодарил. Мы уселись, чтобы слушать.

— Мне кажется, дело имеет отношение к бюсту Наполеона, который я купил месяца четыре тому на-

зад для этой самой комнаты. Гипсовый слепок куплен мною по дешевке у братьев Гардинг, через дом от станции Гай-стрит. Сегодня, впрочем как и всегда, я почти всю ночь провел за письменным столом; уже под утро я услышал шум внизу, стал прислушиваться, но звуки не повторялись. Я решил, что шум доносился с улицы. Но минут через пять раздался страшный вопль, — ничего ужаснее мне не приходилось слышать за всю жизнь. Я схватил кочергу и бросился вниз, в эту комнату... Окно было открыто настежь, и я сразу заметил, что бюст, стоявший на камине, исчез.

Несчастный журналист тяжело вздохнул.

— Зачем было врываться в мою квартиру, чтобы похитить вещь, не представляющую никакой ценности, — этого я не могу понять.

— Это мы постараемся выяснить, — сказал Холмс. — Что же вы предприняли дальше?

— Мне было ясно, что вор вылез через окно, с подоконника которого легко прыгнуть на верхнюю ступеньку парадного подъезда. Я направился к парадной двери, отпер ее... и, сделав шаг, чуть не упал, споткнувшись в темноте о труп человека. Я бросился в дом за фонарем и при свете его увидел убитого; он лежал на спине с поднятыми вверх коленями и широко открытым ртом. На шее у него была огромная рана поперек горла, он плавал в луже крови. Я только успел свистнуть в свой полицейский свисток и лишился сознания. Очнулся я в передней, надо мною стоял полицейский.

— Вы установили личность убитого? — спросил Холмс.

— Нет, — ответил Лестрэд. — Мы не обнаружили ничего, что дало бы возможность установить его личность. Это высокий загорелый человек атлетического сложения, лет тридцати. Одет бедно, но не похож на рабочего. Около него в луже крови лежал складной нож с роговой рукояткой. В карманах мы нашли только яблоко, бечевку, план Лондона и фотографическую карточку. Вот она.

Мы все наклонились над фотографией и увидели

отталкивающее обезьянье лицо с живым взглядом темных глаз.

Холмс взял в руки фотографию и стал ее внимательно рассматривать.

— Что случилось с бюстом Наполеона? — спросил он неожиданно у Лестрэда.

— Мы нашли его, но разбитым вдребезги.

— Где нашли?

— На Кампден-Гоузской дороге, в саду перед пустым домом. Я иду туда. А вы пойдете, мистер Холмс?

— Конечно. Я только хочу немного оглядеться тут.

Холмс, осмотрев ковер, выглянул в окно.

— Да, у молодца, унесшего бюст, очень длинные ноги или же он весьма ловок и проворен. Достигнуть подоконника и отворить окно — это дело не легкое. Ну как, мистер Гаркер, пойдете вы с нами посмотреть на остатки вашего бюста?

Но журналист уже уселся за стол.

— Я должен попытаться хоть что-нибудь написать. Подумайте, какая досада, если я не дам статьи об убийстве, совершенном на пороге моего дома!

Бюст был разбит за несколько сот шагов от дома. Холмс наклонился над осколками, поднял несколько кусочков гипса и осмотрел их.

По его взгляду и движениям мне показалось, что он напал на след.

— Ну? — спросил Лестрэд.

Холмс пожал плечами.

— Я еще ничего не могу сказать. Но обратите внимание, — обладание этим дешевеньким гипсовым бюстом имело для нашего странного преступника такое значение, что он не остановился перед убийством. Далее, — он разбил бюст не в доме и не перед домом. Как вы это объясните, если думать, что его единственной целью было разбить бюст?

— Его смутила и сбила с толку встреча с тем, другим. Вряд ли он сознавал, что делает.

— Допустим, — сказал Холмс. — Но я хочу обр

тить ваше внимание на дом, перед которым преступник разбил бюст.

Лестрэд огляделся.

— Это нежилой дом. Человек знал, что его никто не потревожит в саду.

— Да! Но ведь есть другой нежилой дом, мимо которого он прошел, направляясь сюда. Почему он не разбил бюста там? Ведь ясно, что каждый шаг увеличивал опасность встречи с кем-нибудь, а между тем он прошел не мало шагов от того пустого дома до этого.

— Отказываюсь понять.

Холмс указал на уличный фонарь над нашими головами.

— Здесь он мог видеть то, что делает, а там не мог.

— Верно! — воскликнул сыщик. — Теперь я вспоминаю, что бюст доктора Барнико тоже разбит недалеко от фонаря. Но, мистер Холмс, что же из этого следует?

— Пока ничего. Но надо запомнить и записать этот факт. Что вы намерены сейчас предпринять, Лестрэд?

— Удостовериться в личности убитого.

— Да, это очень полезно. Однако, это не тот путь, каким я намерен идти. Впрочем, я не хочу оказывать на вас давления. Идите своим путем, а я пойду своим. Затем мы сможем сравнить наши данные и пополнить одни другими.

— Отлично! — согласился Лестрэд.

— Кстати, если вы увидите нашего журналиста, скажите ему от моего имени, что, как я убедился, прошлой ночью в его доме был опасный сумасшедший, страдающий бредовой ненавистью к Наполеону. Посоветуйте ему от моего имени написать на эту тему статью.

Лестрэд выпучил глаза от удивления, но глубокое уважение к Холмсу помешало ему оспаривать мнение моего друга; сыщик попрощался с нами и ушел.

Шерлок Холмс пошел вместе со мною на Гай-стрит, в лавку братьев Гардинг, где был приобретен

злополучный бюст. Молодой приказчик сообщил нам, что мистер Гардинг вернется только после полудня.

— Ничего не поделать, Ватсон, — сказал Холмс, — придется вернуться сюда позже. Вы, конечно, догадываетесь, что у меня явилось некоторое предположение, и я должен проследить историю этих бюстов с момента их создания. Я должен узнать, нет ли в них какой-нибудь особенности, которая бы объясняла их странную судьбу. Пока что отправимся к Гудсону на Кенсингтонской дороге, где были куплены первые три бюста Наполеона.

Гудсон оказался низеньким и толстеньким человеком с красным лицом. Он говорил с раздражением.

— Да, сэр! Этот негодяй разбил бюст Наполеона на самом моем прилавке... Да, сэр! Я продал доктору Барнико два бюста... Откуда я получил эти бюсты? От Гельдера на Черч-стрит в Степней. Сколько у меня было таких бюстов? Три. Два были проданы доктору Барнико, а один разбит у меня же на прилавке среди бела дня. Знакома ли мне эта фотография? Да это Беппо! Он прислуживал у меня в лавке, немного лепил, золотил, вставлял в рамы, вообще исполнял всякую мелкую работу. Парень ушел от меня на прошлой неделе... за два дня до того, как был разбит бюст. Знаю ли я, откуда он ко мне явился? Нет, не знаю.

— Ну, больше этого я и не надеялся у него узнать, — сказал Холмс, когда мы вышли из лавки. — Этот Беппо, повидимому, герой всех покушений на Наполеонов. Теперь, Ватсон, отправимся-ка в мастерскую Гельдера, где были отлиты эти бюсты.

Достигнув приречного предместья Степней, мы легко нашли скульптурную мастерскую и вошли в большое помещение, где пятьдесят рабочих лепили и отливали. Хозяин принял нас учтиво и толково отвечал на все вопросы Холмса. Записи в торговых книгах показали, что с мраморного бюста Наполеона работы Девина были отлиты сотни гипсовых бюстов, что три бюста, посланные год тому назад Гудсону, составляли половину одной отливки в шесть бюстов, и что остальные три были посланы братьям Гардинг

Оптовая цена бюста шесть шиллингов, но торговец в розницу может продавать их за двенадцать шиллингов. Работа по отливке производилась, обычно, итальянцами в той самой комнате, где мы находились. По окончании отливки бюсты ставились на стол в проходе, для сушки, а затем хранились в складе.

Вслушав все это с величайшим вниманием, Холмс вынул фотографию и показал ее Гельдеру. Эта фотография произвела на хозяина мастерской удивительное действие. Он покраснел от гнева и разразился ругательствами:

— Ах, разбойник! Негодяй! Конечно, я отлично знаю его! Из-за этого мерзавца сюда, в мое заведение, явилась полиция. Это было больше года тому назад. Он на улице пырнул ножом другого итальянца, а затем пришел в мастерскую. Полиция следовала за ним по пятам и арестовала его здесь. Его звали Беппо. Фамилии его я не знал. Он отлично работал, по это был негодяй.

— Его арестовали, а что было дальше?

— Человек, которого он пырнул ножом, остался жив, и Беппо осудили на год тюремного заключения. Теперь он, наверное, уже на свободе. У меня работает его двоюродный брат, он может вам сказать, где сейчас Беппо. Сюда Беппо не смеет показаться.

— Не скажете ли вы мне, когда был арестован Беппо?

Хозяин перелистал торговую книгу и ответил:

— В последний раз ему было уплочено двадцатого мая.

— Теперь последняя просьба: ни слова двоюродному брату Беппо о нашем посещении.

Холмс поблагодарил хозяина и мы вышли.

Уже в сумерки мы зашли в ресторан поесть, и там в вечерней газете прочли статью, помещенную нашим утреним знакомцем.

— Вот это хорошо! — сказал Холмс, читавший газету, не прерывая еды. — Слушайте, Ватсон: «Приятно сознавать, что относительно этого дела не может быть разногласий. Мистер Лестрэд, один из опытнейших представителей полиции, и мистер Шерлок Холмс,

известный эксперт-консультант, пришли к заключению, что ряд нелепых хулиганских проделок, окончившихся таким трагическим образом, является следствием сумасшествия, а не умышленного преступления. Ничто, кроме умственного расстройства, не может объяснить случившегося».

— А теперь, Ватсон, мы направимся в торговое заведение братьев Гардинг.

Хозяин торгового дома Гардинг — маленький человек, проворный, сообразительный и говорливый долго беседовал с Холмсом:

— Да, сэр, я уже читал об этом в вечерней газете. Мистер Горас Гаркер один из наших покупателей. Мы продали ему бюст Наполеона несколько месяцев тому назад. Мы выписали три таких бюста от Гельдера из Степнея. Теперь они все проданы. Кому? Я могу установить это по книге. Один бюст продан мистеру Гаркер, один — мистеру Фозиа Броун из виллы Лабурним, в Чесвике, и один мистеру Сандефорд, Нижне-Гровская дорога в Ридинге. Видел ли я человека, изображенного на этой фотографии? Нет, не видел.

Во время беседы с мистером Гардинг Холмс сделал несколько замечаний, и я понял, что он очень доволен результатами разговора.

Когда мы вернулись домой, Лестрэд уже поджидал нас, нетерпеливо шагая по комнате.

— Ну? — спросил он.

— Мы видели обоих торговцев в розницу, а также фабриканта. Я могу проследить за каждым бюстом с момента его возникновения.

— Бюсты! Полагаю, что я за сегодняшний день достиг большего, чем вы: я удостоверился в личности убитого и открыл причину убийства.

— А-а!

— У нас есть инспектор, специальность которого — итальянский квартал. Он сразу же опознал убитого; это Пьетро Венучи из Неаполя, один из самых страшных разбойников в Лондоне. Он был связан с тайным политическим обществом Мафия. Другой, по видимому, тоже итальянец и тоже член этого общест-

ва. А вы знаете, что в этих тайных политических обществах убийства по приговору комитета общества — обычное явление. Вероятно, найденная фотография — изображение нарушителя постановлений, убить которого было поручено Пьетро Венучи. Пьетро проследил за своей жертвой, но в последней схватке был сам убит. Как вы находите такое объяснение, мистер Холмс?

— Я в восторге! Очень занятно! Но я не уследил за тем, как вы объясняете разрушение бюстов Наполеона?

— Бюсты Наполеона! Вы не можете отвязаться от мысли об этих бюстах! Но ведь это мелочь, хулиганство, незначительная кража. Суд дает за это три месяца, не больше. Ведь мы ведем следствие об убийстве.

— Ну, хорошо, Лестрэд. Что вы предполагаете делать дальше?

— Очень просто. Я отправляюсь в итальянский квартал вместе с инспектором, опознавшим убитого, и с помощью фотографии найду убийцу. Поедете с нами, мистер Холмс?

— Нет, Лестрэд! У меня свои соображения. Я думаю, что если вы отправитесь сегодня ночью с нами, я помогу вам засадить этого молодца в тюрьму.

— Вы отправляетесь в итальянский квартал?

— Нет, в Чесвик. Если вы поедете со мною сегодня ночью в Чесвик, я обещаю завтра поехать с вами в итальянский квартал. Ну, решайтесь!

Лестрэд, конечно, сдался.

Холмс решил выехать в ночную экспедицию не раньше одиннадцати часов вечера и предложил нам до того отдохнуть и пообедать у него.

Он вызвал рассыльного и отправил с ним какое-то письмо. Вечер Холмс провел, роясь в кипах старых газет. Но, присоединившись к нам, он ничего не сказал о результатах своих поисков.

Я догадывался, что, отправляясь в Чесвик, Холмс надеялся поймать преступника на месте преступления, — ведь я помнил, что Гардинг, сообщая, куда

проданы три бюста, называл Чесвик. Видно, Холмс рассчитывал на то, что подсказанная им репортеру статья для газеты успокоила преступника. Прочитав эту статью, молодчик, наверное, посмеялся и решил, что он может безнаказанно продолжать свое дело. Поэтому я ничуть не удивился, когда Холмс посоветовал мне взять с собою револьвер. Сам он захватил свое любимое оружие — хлыст со свинцовым наконечником.

В одиннадцать часов мы выехали. Проехав Гаммерсмитский мост, Холмс остановил карету и велел кучеру ждать. Мы пошли по уединенной дороге, окаймленной садами и нарядными виллами. При свете уличного фонаря мы прочли на воротах: «Вилла Лабурним». В доме было темно. Только окно над подъездом бросало круглое красноватое пятно на дорожку сада. Мы притаились в тени деревянного забора, отделявшего сад от дороги.

Нам не пришлось долго ждать. Внезапно садовая калитка отворилась настежь, и гибкая темная фигура бросилась бежать по дорожке с быстротой и ловкостью обезьяны. Она промелькнула в свете круглого окна и исчезла в тени дома. Затем до нашего слуха донесся слабый скрип открываемого окна... Мы увидели свет потайного фонаря внутри дома, в одном окне, затем во втором, в третьем. Видно, человек не мог найти то, что он искал.

— Подойдем к открытому окну, — предложил Лестрэд, — мы спаем его, когда он будет вылезать.

Но не успели мы сдвинуться с места, как человек появился в полосе света круглого окна. Он нес подмышкой что-то белое. Оглядевшись, он опустил на землю свою ношу... послышался резкий звук удара, затем треск и звон. Человек был так поглощен своим делом, что не заметил, как мы подкрались к нему... С ловкостью тигра Холмс вскочил к нему на спину, а Лестрэд и я схватили его каждый за руку и надели ему наручники. Опрокинув его, мы увидели бледное лицо с искаженными чертами... это был оригинал фотографии.

Но Холмс не интересовался нашим пленником: при-

сев на корточки у порога дома, он с величайшим вниманием рассматривал разбитый бюст Наполеона, такой же бюст, какой мы видели утром, и он был разбит на такие же осколки. Холмс внимательно пол-

носил каждый осколок к свету, но ни в одном не нашел ничего необыкновенного.

В это время в передней дома зажгли свет, и на пороге появился владелец дома.

— Мистер Фозиа Броун? — произнес Холмс.

— Да, сэр, а вы, без сомнения, мистер Шерлок Холмс? Я получил вашу записку, присланную с рассыльным, и в точности выполнил ваши указания. Мы заперли все двери на ключ и ожидали событий. Очень рад, что вы захватили негодяя.

Мистер Фозиа Броун предложил нам зайти в дом и выпить что-нибудь, но Лестрэд хотел скорее отвезти арестованного. Привели наш кэб, и мы прежде всего направились в отделение полиции. Там мы оставались, пока не узнали, что при обыске одежды преступника не обнаружено ничего, кроме нескольких шиллингов и длинного ножа, на рукоятке которого сохранились следы свежей крови.

— Дело сделано, — сказал Лестрэд, — остается установить имя этого молодчика.

— Нет, дорогой Лестрэд, дело не закончено, а его стоит довести до конца. Если вы позволите ко мне завтра в шесть часов, я надеюсь доказать вам, что вы и теперь не создаете значения этого дела, весьма исключительного в истории преступлений.

Лестрэд, следуя приглашению Холмса, явился на другой день. Он, действительно, успел приобрести много сведений о нашем пленнике: оказалось, его звали Беппо, он был одним из самых больших негодяев в итальянской колонии, был когда-то искусным скульптором, но затем сбился с пути, дважды уже сидел в тюрьме; один раз за кражу, а второй раз за то, что пырнул ножом своего земляка. Он отказывается объяснить, зачем он разбивал бюсты Наполеона, но полиция установила, что эти бюсты могли быть сделаны его же руками, так как он занимался отливкой в мастерской Гельдера.

Холмс выслушал все эти сведения с вежливым вниманием, но мне было ясно, что мысли его далеко; он как будто чего-то ждал и беспокоился. Раздался звонок. Холмс вздрогнул, глаза его засияли. Через минуту в комнату вошел пожилой краснощекий господин со старомодным ковровым саквояжем в руке. Он поставил саквояж на стол.

— Мистер Шерлок Холмс здесь?

— Мистер Сандефорд из Ридинга? — обратился к гостю Холмс

— Да, сэр. Вы писали о принадлежащем мне бюсте?

— Так точно.

— Вы писали, что желаете иметь копию с бюста Наполеона работы Девина и согласны заплатить десять фунтов за имеющийся у меня экземпляр?

— Совершенно верно.

— Я не мог понять, как вы узнали, что у меня есть этот бюст.

— Очень просто: мистер Гардинг сказал, что последний свой экземпляр он продал вам, и дал мне ваш адрес.

— Ах, вот в чем дело! Но ведь я заплатил за бюст всего пятнадцать шиллингов, а вы предлагаете мне такую большую сумму, — десять фунтов!

— Да, я назвал эту цену и с удовольствием ее заплачу. Это моя прихоть — иметь бюст Наполеона; за прихоть надо платить.

— Это очень великодушно с вашей стороны, мистер Холмс. Я привез бюст с собою, как вы просили, — вот он.

Мистер Сандефорд открыл саквояж, и наконец-то мы увидели целый экземпляр бюста.

Холмс положил на стол десятифунтовый кредитный билет и лист бумаги, на котором что-то было написано.

— Будьте любезны, мистер Сандефорд, подписать эту бумагу в присутствии этих двух джентльменов. Здесь говорится о том, что вы передаете мне все свои права на этот бюст. Благодарю вас, мистер Сандефорд. Вот ваши деньги, желаю вам доброго вечера.

Когда наш посетитель удалился, Холмс стал проделывать странные, как нам казалось, вещи. Он достал из ящика буфета самую лучшую белую скатерть и постелил ее на стол. Затем поставил приобретенный бюст Наполеона на скатерть, на середину стола. Наконец он взял свой хлыст со свинцовым наконечником и нанес Наполеону сильный удар по макушке... Бюст рассыпался на куски. Холмс нагнулся над ос-

колками и в следующий же момент с возгласом торжества поднял один осколок, в котором был вклеен круглый темный предмет.

— Господа! — воскликнул он. — Вот знаменитая черная жемчужина Борджиа!¹ — Да, — продолжал он, — это самая знаменитая жемчужина на свете. Благодаря длинной цепи рассуждений и выводов, мне удалось проследить за нею от спальни принца Колонна, где она была похищена, до внутренности этого последнего из шести бюстов Наполеона, отлитых год с лишним тому назад в мастерской Гельдера. Вы помните, Лестрэд, какую сенсацию вызвало исчезновение этой ценной жемчужины? Вся лондонская полиция была брошена на поиски. Меня тоже консультировали. Но я ничем не мог помочь. Подозрение пало на горничную принцессы, итальянку; было установлено, что у нее есть брат в Лондоне, но не удалось обнаружить никаких сношений между братом и сестрой. Горничную звали Лукреция Венучи; я не сомневаюсь, что убитый два дня тому назад Пьетро — ее брат.

Мы посмотрели с удивлением на Холмса. Он улыбнулся.

— Мне помогли старые газеты, — сказал мой друг. — По ним я установил, что жемчужина исчезла как раз за два дня до ареста Беппо; он был арестован в мастерской Гельдера, как раз в тот момент, когда изготовлялись эти гипсовые бюсты Наполеона. Теперь вам ясна цепь событий? Жемчужина была в руках Беппо. Может быть, он ее украл у Пьетро, может быть, он был соучастником в краже, — это не важно. Важно, что жемчужина была при нем в тот момент, когда за ним гналась полиция. Он вбежал в мастерскую, он знал, что в его распоряжении осталось всего несколько минут; за это время ему необходимо было скрыть эту ценнейшую жемчужину, иначе ее нашли бы при личном обыске... В проходе стояли шесть гипсовых бюстов Наполеона, оставленные для

¹ Борджиа — знаменитый дворянский род в Италии, представители которого с XV—XVII вв. прославились своими блестящими дарованиями и своими преступлениями.

просушки. Один из них еще не успел затвердеть. Беппо, искусный формовщик, сделал отверстие в сыром гипсе, засунул в него жемчужину и снова заделал отверстие. Беппо был приговорен к тюремному заключению на год. За это время все шесть бюстов разошлись по Лондону. Он не знал, в котором из них заключена жемчужина. Обнаружить свое сокровище он мог только разбив бюст. От своего двоюродного брата, работавшего у Гельдера, он узнал, какие фирмы приобрели бюсты. Он поступил к Гудсону, узнал о судьбе трех бюстов, разбил их и убедился, что жемчужины в них нет. С помощью кого-нибудь из итальянцев, служащих в заведении Гардинга, Беппо узнал, куда делись остальные три бюста. Первый был у журналиста Гаркера. Вот там-то он и столкнулся со своим соучастником по краже жемчужины, с Пьетро Венучи; Беппо отделался от него, перерезав ему горло.

— Если Пьетро был его соучастником, то зачем он носил при себе фотографию Беппо?

— Чтобы иметь возможность навести о нем справки. Когда мы были на месте убийства, в доме журналиста, мне уже стало ясно, что Беппо что-то разыскивал. Зачем он пронес бюст мимо ряда домов и разбил его в саду, освещенном фонарем? Оставалось два бюста. Если Беппо не нашел своего сокровища в бюсте Гаркера, он должен был искать его в оставшихся двух бюстах. Ясно было, что Беппо сначала сделает попытку в Лондоне, в вилле Лабурним. Я предупредил обитателей дома, чтобы предотвратить второе убийство, и мы достигли блестящих результатов. В это время я уже твердо знал, что мы охотимся за жемчужиной Борджиа. Имя убитого Пьетро Венучи связывало происшествие с пропажей жемчужины и историю с разрушением бюстов Наполеона. В бюсте, разбитом в вилле Лабурним, жемчужины не оказалось. Значит, она должна была быть в последнем бюсте, находившемся в Ридинге. В вашем присутствии я приобрел этот бюст. Вот он лежит разбитый перед вами, а вот жемчужина. Будьте любезны. Ватсон, спрячьте ее в несгораемый шкаф

ПЛЯШУЩИЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

Холмс за несколько часов не проронил ни слова. Он сидел, нагнувшись над колбами, в которых кипятил какое-то крайне зловонное вещество. Голова его была опущена на грудь, и он напоминал странную, тощую птицу с серым оперением и с черным хохолком на голове.

— Итак, Ватсон, — неожиданно обратился он ко мне, — вы не намерены помещать деньги в Южно-африканские акции?

Я вздрогнул от удивления. Как я ни привык ко всяким сюрпризам со стороны Холмса, но такое вторжение в мои сокровенные мысли показалось мне необъяснимым.

— Откуда вы это можете знать? — спросил я.

Он повернулся на своем вращающемся стуле, с дымящейся колбой в руке, и насмешливый огонек блеснул в его глубоко сидящих глазах.

— Признайтесь, Ватсон, вы поражены?

— Поражен, не отрицаю.

— А через пять минут вы скажете, что все это чрезвычайно просто.

— Не думаю.

— Видите ли, милый Ватсон, — он отложил колбу

и заговорил, с видом профессора, обращающегося к аудитории, — не трудно построить цепь выводов, каждый из которых вытекает из предшествующего и прост сам по себе. Но, если отбросить промежуточные звенья и сопоставить исходную точку и вывод, можно добиться потрясающего впечатления. На основании наблюдения над впадиной между большим и указательным пальцем вашей левой руки мне не трудно было убедиться, что вы не собираетесь поместить ваш небольшой капитал в золотопромышленное предприятие.

— Не вижу никакой связи.

— Возможно, что не видите; но я покажу вам весьма тесную связь. Вот недостающие звенья очень простой цепи: 1. Когда вы вчера вечером вернулись из клуба, я заметил, что углубления между большим и указательным пальцем вашей левой руки было исцарапано мелом. 2. Вы натираете это место мелом, когда играете в бильярд, чтобы кий не скользил. 3. В бильярд вы играете исключительно с Серстоном. 4. Месяц тому назад вы говорили мне, что Серстон сделал заявку на какие-то акции Южно-африканских приисков и хотел бы, чтобы вы вошли с ним в компанию. 5. Ваша чековая книжка заперта в моей конторке, и вы не просили меня дать вам ключ. 6. Следовательно вы не намерены поместить ваши деньги в эти акции.

— Это до нелепого просто!

— Совершенно верно! Всякая задача становится простой, после того, как ее вам объяснили. А вот вам необъясненная задача. Посмотрим, как вы ее разрешите, друг Ватсон. — Он бросил на стол листок бумаги и снова занялся своим химическим анализом.

Я с удивлением посмотрел на нелепые иероглифы, изображенные на бумаге.

— Это просто детский рисунок, Холмс.

— Вы так думаете?!

— Но что же другое?

— Вот это-то хотел бы узнать мистер Хольтон Кабитт из Норфолька. Эту бумажку я получил утрен-

ней почтой, а он сам должен приехать следующим поездом. Слышите, звонят. Скорее всего — это он.

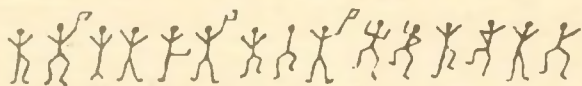
Мы услышали на лестнице тяжелые шаги, и через минуту вошел высокий, румяный, гладко выбритый джентльмен, ясный взор и цветущий вид которого говорили о том, что он живет вдали от лондонских туманов. Поздоровавшись с нами, он хотел было сесть, но в этот момент глаза его остановились на бумажке, которую я только что рассматривал и оставил на столе.

— Как же вы это объясняете, мистер Холмс? — спросил он. — Мне говорили, что вы любите странные и таинственные вещи. Я полагаю, что ничего более странного вам не найти. Я послал эту бумагу заранее, чтобы вы имели возможность исследовать ее до моего приезда.

— Это, несомненно, довольно любопытное произведение, — сказал Холмс. — На первый взгляд может показаться, что это детская забава, — нелепые пляшущие человечки, нарисованные на листке бумаги. Почему вы придаете значение такой ерунде?

— Я бы не обратил на это никакого внимания, мистер Холмс, но моя жена до смерти напугана этой бумажкой. Она ничего не говорит, но я вижу в ее глазах выражение ужаса. Вот почему я хочу основательно разобраться в этом.

Холмс поднял бумажку и поднес ее к окну. Это был листок, вырванный из записной книжки. Фигурки были нарисованы карандашом и имели такой вид:

Холмс внимательно рассматривал их некоторое время; затем бережно сложил листок и положил в свой бумажник.

— Это, повидимому, очень интересное и необыкновенное дело, — сказал он. — В вашем письме вы сообщили мне кое-какие данные, мистер Хильтон Ка-

битт, но я буду очень признателен, если вы повторите их моему другу, доктору Ватсону.

— Я плохой рассказчик, — сказал наш посетитель, первою сжимая и разжимая свои большие сильные руки. — Спрашивайте меня, если вам что-нибудь покажется неясным. Начну с моей женитьбы, но прежде всего хочу сказать, что хотя я не богат, мои предки в течение пяти веков жили в Ридлинг Торп, и во всем Норфольке не найдется более знатного рода. В прошлом году я приехал в Лондон и остановился в пансионе на Рассель-сквер, потому что там жил наш приходский священник Паркер. В пансионе я познакомился с молодой американкой. Эльси Патрик. Мы с нею подружились, и не прошло месяца, как я был по уши влюблен. Мы поженились и возвратились в Норфольк. Вам, наверное, кажется безумием, чтобы человек из старинного знатного рода так женился, не зная ничего о прошлом женщины, о ее семье; но если бы вы видели Эльси, вам все стало бы понятно.

Эльси была очень честна со мною — «У меня было много тяжелого в жизни, — сказала она, — я хочу обо всем забыть и никогда не касаться прошлого, потому что это мне очень мучительно. За себя лично мне нечего стыдиться, Хильтон; но вы должны положиться на мое слово и позволить мне молчать обо всем, что было до моей встречи с вами. Если эти условия слишком тяжелы для вас, вернитесь в Норфольк и предоставьте меня моей судьбе». — Она сказала мне это накануне нашей свадьбы. Я ответил, что согласен принять ее условия, и я сдержал свое слово.

Со времени нашей свадьбы прошел год, и мы жили очень счастливо. Но месяц тому назад, в конце июня, я впервые заметил, что Эльси чем-то встревожена. Однажды она получила письмо из Америки. Я видел почтовую марку. Эльси побледнела, как полотно, прочла письмо и бросила его в огонь. Она не упоминала об этом письме, и я тоже не упоминал, потому что обещание есть обещание. Но с этого дня она не знает покоя. На ее лице всегда написан страх, будто она чего-то ждет и бонится. Было бы лучше, если бы она мне доверилась. Но пока она не загово-

рит первая, я ничего не могу ей сказать. Она правдивая женщина, мистер Холмс; если что-нибудь нехорошее и было в ее жизни, она в этом неповинна. Я простой норфольский дворянин, но никто в Англии не дорожит честью рода так, как я. Она это знает, она знала это и перед тем, как мы поженились. Она никогда не согласилась бы запятнать мое имя.

Я перехожу к странной части моего дела. Около недели тому назад — это было во вторник — я обнаружил на одном из подоконников ряд нелепых пляшущих фигурок, таких, как вы видите здесь на бумаге. Они были нарисованы мелом. Я подумал, не напроказил ли мальчишка-конюх, но он клялся, что не подходил к окну. Во всяком случае, фигурки появились в течение ночи. Я велел их смыть и после рассказал обо всем жене. К моему удивлению, она отнеслась к этому очень серьезно и просила меня, в случае появления новых фигурок, дать ей на них посмотреть.

Прошла неделя, и вот вчера я нашел эту бумажку на солнечных часах в саду. Я показал ее Эльси и она упала без чувств.

С этой минуты она ходит как во сне, — ничего не замечая, с выражением ужаса в глазах.

Тогда я написал вам и послал бумажку. Я не мог обратиться с этим делом к полиции, потому что меня высмеяли бы. Скажите, что мне делать? Я не богат, но если моей маленькой Эльси угрожает опасность, я готов пожертвовать последними грошами, чтобы оградить ее от беды.

Холмс очень внимательно выслушал рассказ и сидел, погруженный в раздумье.

— Не кажется ли вам, мистер Кабитт, — проговорил он, наконец, — что было бы всего лучше, если бы вы прямо обратились к вашей жене и попросили ее посвятить вас в свою тайну?

Хильтон Кабитт покачал головой.

— Обещание есть обещание, мистер Холмс. Если бы Эльси хотела мне сказать, она бы сказала. Если она молчит, то я не должен настаивать. Но я вправе действовать помимо нес, и я буду действовать.

— В таком случае я рад вам всячески помогать. Прежде всего, слышали ли вы о каком-нибудь новом лице по соседству?

— Нет.

— Полагаю, что место не очень населенное, и появление нового человека вызвало бы толки?

— Вблизи нашего поместья — несомненно. Но не подалеку есть много дачных мест, и фермеры берут жильцов.

— Эти иероглифы безусловно что-то означают. Если смысл их вполне произволен, мы не сумеем его разгадать. Но если в этих фигурках есть какая-то система, — мы доберемся до их смысла. Однако, образец, который вы мне принесли, так краток, и факты, сообщенные вами, настолько неопределенны, что у нас нет материала для расследования. Я советую вам возвратиться в Норфольк, внимательно за всем следить и снимать точную копию с пляшущих фигурок, если они будут появляться. Крайне жаль, что у нас нет копии фигурок, нарисованных мелом на подоконнике. Кроме того, осторожно расспросите по соседству обо всех приезжих. Когда у вас будут новые данные, приезжайте ко мне снова. Ничего лучшего я не могу вам посоветовать, мистер Кабитт. Если это будет нужно, я всегда готов съездить к вам в Норфольк.

В ближайшие дни после этого разговора Холмс не раз доставал спрятанный им листок бумаги и подолгу внимательно разглядывал нарисованные на нем забавные фигурки. Однако, он не говорил со мною об этом деле. Но недели две спустя, когда я собирался куда-то идти, он окликнул меня.

— Лучше не уходите, Ватсон.

— Почему?

— Потому что сегодня утром я получил от Хильтона Кабитт телеграмму. Вы помните Хильтона Кабитт с пляшущими фигурками? Он приезжает с поездом в 1 час 20. С минуты на минуту он может быть у нас. Судя по телеграмме, у него есть важные новости.

Нам не пришлось долго ждать. Наш норфолькский

клиент приехал прямо со станции. Он казался измученным и подавленным. У него были усталые глаза и морщинки на лбу.

— Это дело действует мне на нервы, мистер Холмс, — сказал он, утомленно садясь в кресло. — Достаточно неприятно сознавать, что вы окружены невидимыми, неизвестными вам людьми, питающими против вас какие-то умыслы; но если сверх того вы знаете, что это медленно убивает вашу жену, то положение становится просто невыносимым.

— Ваша жена вам так ничего и не сказала?

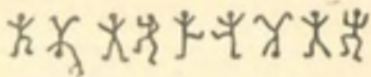
— Ничего, мистер Холмс. Были минуты, когда бедняжка хотела заговорить и не могла решиться. Я пытался помочь ей, но делал это так неловко, что только все портил.

— Сами вы что-нибудь обнаружили?

— Очень много, мистер Холмс. У меня несколько новых изображений пляшущих фигурок и, что еще существеннее, я видел этого парня.

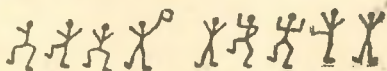
— Что? Человека, который их рисует?

— Да, я застал его за работой. Расскажу вам все по порядку. На следующее же утро после визита к вам я увидел новую серию пляшущих фигурок. Они были нарисованы мелом на черной деревянной двери сарайчика, стоящего сбоку от лужайки; их можно было видеть из окна дома. Я снял точную копию, вот она. — Он расправил сложенную бумажку и положил ее на стол.

— Великолепно! — сказал Холмс. — Великолепно! Пожалуйста, продолжайте!

— Сняв копию, я стер знаки; но через два дня появилась новая надпись. Вот посмотрите:

Холмс потирал руки и посмеивался.

— Материал быстро накапливается! — сказал он.

— Через три дня я нашел послание, написанное на клочке бумаги и оставленное на диске солнечных часов; сверху был положен небольшой камень. Как видите, такие же пляшущие человечки. Тогда я решил выследить этого молодчика. Я взял револьвер и засел на ночь в своем кабинете, окна которого выходят на лужайку. Я сидел у окна, не зажигая света. Около двух часов ночи я услышал за спиною шаги. Обернувшись, я увидел Эльси. Она умоляла меня идти спать. Я откровенно сказал ей, что решил проследить, кто занимается этими нелепыми шутками. Эльси ответила, что это просто чье-то озорство и не стоит обращать на это внимание.

«Если это тебя расстраивает, Хильтон, мы могли бы с тобою куда-нибудь уехать».

«Как? Дать себя выгнать из собственного гнезда? — сказал я. — Да нас все поднимут насмех!»

«Ну, хорошо, ложись спать, а утром мы об этом поговорим».

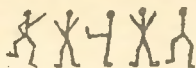
Внезапно я заметил, что ее бледное лицо еще больше побледнело, и она крепко сжала мое плечо. Кто-то двигался в тени сарайчика. Я увидел темную крадущуюся фигуру, обогнувшую угол и остановившуюся перед дверьми. С револьвером в руке я бросился было к выходу, но жена охватила меня обеими руками и старалась удержать. Я пытался освободиться, но мне не удавалось. Наконец я вырвался, но пока я отпирал дверь и бежал к сарайчику, молодчик успел скрыться. Однако он оставил следы своего присутствия, и на стене я увидел такой же ряд пляшущих фигурок, какой видел уже дважды и который скопировал для вас.

Этого парня я не обнаружил, хотя обошел весь участок. Однако он, безусловно, оставался все время в саду, потому что утром я увидел на двери еще один ряд фигурок под тем рядом, который видел ночью.

— У вас есть эта последняя надпись?

— Да, она очень краткая. Вот копия.

Он достал бумажку. Вот новый ганец фигурок.

— Скажите мне, — проговорил Холмс, и по его глазам я видел, что он очень волнуется, — это было дополнение к первой надписи или представлялось чем-то совершенно самостоятельным?

— Эти пять фигурок были нарисованы на другой створке двери.

— Великолепно! Это несравненно важнее всего остального. Я полон надежд. Ну, мистер Хильтон Кэббл, пожалуйста, продолжайте свое интереснейшее сообщение.

— Больше мне печего вам сказать, мистер Холмс. Я очень рассердился на жену за то, что она помешала мне поймать этого мерзавца. Эльси сказала, что боялась, как бы со мною не случилось беды. У меня мелькнула мысль, что, быть может, в действительности она боялась за него, так как я не сомневался, что она знает этого человека и понимает смысл этих странных фигурок. Но я все же уверен, что она искренне боялась за меня. Вот все, что я могу вам сообщить. Посоветуйте, как мне действовать? Я склонен засадить в кусты полдюжины работников с моей фермы и велеть им так отлупить этого молодца, когда он явится, чтобы он навсегда оставил нас в покое.

— Я полагаю, что средство, предлагаемое вами, слишком просто для такого сложного случая, — сказал Холмс. — Как долго вы намерены пробыть в Лондоне?

— Я должен сегодня же возвратиться. Я ни за что не оставлю Эльси одну на ночь. Она очень нервничает и просила меня вернуться поскорее.

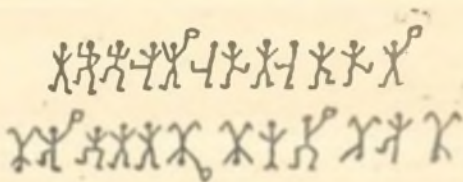
— Вы совершенно правы. Но если бы вы могли задержаться, через день-два я, пожалуй, сумел бы поехать вместе с вами. А пока оставьте мне эти

бумажки, надеюсь, мне удастся в скором времени посетить вас и выяснить это дело.

Пока наш клиент не удалился, Шерлок Холмс сохранял свое профессиональное спокойствие, хотя мне было ясно, что он горит от нетерпения. Но как только широкая спина мистера Хильтон Кабитт скрылась за дверью, мой друг бросился к столу, разложил перед собой все листки с пляшущими фигурками и погружился в сложные вычисления. В течение двух часов он заполнял лист за листом числами и буквами; он так ушел в свою работу, что совершенно забыл о моем присутствии. Иногда он преуспевал и тогда начинал насвистывать и петь, продолжая работу; иногда он бывал чем-то озадачен и подолгу сидел с нахмуренными бровями и отсутствующим взглядом. Наконец, он с радостным восклицанием вскочил со своего места и принялся расхаживать взад и вперед по комнате, потирая руки. Затем Холмс написал на бланке длинную телеграмму.

— Если я получу на телеграмму ответ, какого ожидаю, — сказал он, — завтра же мы сможем отправиться в Норфольк и открыть нашему другу тайну всех его злоключений.

Но ответ запоздал, и в течение двух дней Холмс прислушивался к каждому звонку. Вечером второго дня пришло письмо от мистера Хильтон Кабитт. У него все было благополучно, только утром на подставке солнечных часов появилась длинная надпись. Он вложил в свое письмо копию ее, воспроизведенную ниже.

Холмс несколько минут рассматривал эти фигурки, затем вскочил, удивленный и растерянный.

— Мы дали этому делу зайти слишком далеко, —

проговорил он. — Можем ли мы еще сегодня попасть в Норс-Вальшэм?

Я заглянул в расписание. Последний поезд только что ушел.

— В таком случае мы встанем пораньше и поедем первым поездом, — сказал Холмс, — наше присутствие крайне необходимо. А! Вот и телеграмма. Одну минутку, миссис Гудсон, может быть, нужен ответ. Нет, все в порядке. Но необходимо как можно скорее объяснить Хильтону Кабитт положение вещей. Вокруг этого простодушного норфолькского землевладельца сплетена странная, опасная паутина.

Когда мы вышли из поезда в Норс-Вальшэм, к нам подошел начальник станции.

— Полагаю, что вы сыщики из Лондона? — сказал он.

Тень недовольства скользнула по лицу Холмса.

— Почему вы так думаете?

— Потому что инспектор полиции Мартин из Норвича уже приехал. Но может быть, вы хирурги? Она жива или была жива несколько часов тому назад. Может быть, вам еще удастся ее спасти, хотя ей не миновать виселицы.

Лицо Холмса потемнело.

— Мы едем в Ридлинг-Торп, — сказал он, — но мы ничего не знаем о том, что там случилось.

— Ужасное дело, — ответил начальник станции. — Они оба застрелены, мистер Хильтон Кабитт и его жена. Она застрелила его, а затем покончила с собою, — так говорит прислуга. Он убит, а она при смерти. Боже мой, боже мой, потомок одной из старейших и самых уважаемых фамилий в Норфольке!

Холмс молча сел в экипаж и за все время долгого пути не проронил ни слова. Я редко видел его таким удрученным. Еще в Лондоне он был очень встревожен; и я заметил, что в поезде он с беспокойством просматривал утренние газеты. Теперь, когда сбылись его самые мрачные предчувствия, он был глубоко опечален. Наконец, за зеленым краем норфолькского побережья показалась лиловая полоса океана; возница указал кнутом на старинную черепичную крышу,

возвышавшуюся над рощей. — Это Ридлинг-Торп, — сказал он.

Когда мы подъезжали к украшенному колоннадой крыльцу, я разглядел возле теннисной площадки черный сарайчик и солнечные часы на подставке. Из высокого кабриолета только что слез щеголеватый проворный человек с нафабранными усами. Он представился нам — Мартин из Норфолькского управления полиции. Он был очень поражен, услышав имя моего спутника.

— Но, помилуйте, мистер Холмс, преступление было совершено в три часа ночи. Как вы могли узнать о нем в Лондоне и явиться сюда одновременно со мною?

— Я предвидел то, что случилось, и приехал в надежде предотвратить несчастье.

— Значит, вы располагаете данными, которые нам неизвестны; все считали их очень любящими супругами.

— У меня нет никаких данных кроме пляшущих фигурок — ответил Холмс. — Я объясню вам позже, в чем дело. Теперь, поскольку уже нельзя предотвратить несчастье, я хочу использовать то, что я знаю, в интересах правосудия. Желаете вы, чтобы мы сообща расследовали это дело, или вы предпочитаете действовать самостоятельно?

— Я буду горд сознанием, что мы действуем сообща, — серьезно ответил инспектор.

— В таком случае я хотел бы немедленно ознакомиться с показаниями свидетелей и осмотреть место происшествия.

Инспектор Мартин предоставил моему другу действовать по собственному усмотрению. Местный врач, старый, седой человек, только что вернулся из спальни миссис Кабитт и сообщил, что рана тяжелая, но не смертельная. Поскольку пуля задела мозг, следует ожидать, что раненая не скоро придет в себя. Он не решался определенно высказаться насчет того, имело ли место покушение на убийство или самоубийство. Несомненно, выстрел был произведен на очень близком расстоянии. В комнате был найден

только один револьвер, из которого было сделано два выстрела. Мистер Хильтон Кабитт был убит выстрелом в сердце. Револьвер лежал на полу на одинаковом расстоянии от мужа и жены. Можно было с одинаковым основанием предположить, что мистер Кабитт выстрелил в нее, а затем в себя, или наоборот, — стреляла она.

— Вы его передвигали? — спросил Холмс.

— Мы ничего не передвигали, кроме женщины. Нельзя было оставить раненую лежать на полу.

— С каких пор вы здесь, доктор?

— С четырех часов.

— Кто-нибудь кроме вас был здесь?

— Да, был констэбль.

— И вы ничего не трогали?

— Ничего.

— Это было очень предусмотрительно с вашей стороны. Кто за вами послал?

— Служанка Саундерс.

— Это она подняла тревогу?

— Она и кухарка, миссис Кинг.

— Где они сейчас?

— Вероятно, в кухне.

— Нам следует прежде всего выслушать их показания.

Старая прихожая с дубовой обшивкой и высокими окнами обратилась в камеру следователя. Холмс сидел в большом старомодном кресле. Его неумолимые глаза блеснули на осунувшемся лице. Нарядный инспектор Мартин, старый сельский врач, я и флегматичный полицейский — вот все участники этого странного заседания.

Обе женщины довольно ясно изложили то, что им было известно. Они проснулись от звука выстрела, за которым через минуту последовал второй выстрел. Они спали в смежных комнатах, и миссис Кинг вбежала к Саундерс. Они вместе спустились с лестницы. Дверь кабинета была открыта, и на столе стояла зажженная свеча. Их хозяин лежал лицом вниз посередине комнаты. Он был мертв. Его жена полулежала у окна, прислонившись головой к стене. По-

ловина ее лица была залита кровью. Она тяжело дышала и не могла произнести ни слова. Коридор и комната были полны дыма и запаха пороха. Окно было закрыто изнутри на задвижку. Обе женщины твердо это помнили. Они немедленно послали за врачом и за констэблем, затем с помощью грума и конюха отнесли свою раненую госпожу в спальню. Она была в платье, а муж — в халате, надетом сверх ночного белья. В кабинете ничто не было тронут. Насколько им известно, между мужем и женою никогда не происходило никаких ссор.

На вопрос инспектора Мартин они подтвердили, что все наружные двери были заперты изнутри, и что никто не мог выбежать из дома; отвечая на вопрос Холмса, они обе припомнили, что чувствовали запах пороха, когда бежали вниз из своих комнат, расположенных в верхнем этаже.

— Прошу вас обратить сугубое внимание на этот факт, — сказал Холмс инспектору. — Теперь, я считаю, мы можем приступить к тщательному осмотру комнаты, где произошло убийство.

Стены небольшого кабинета были заставлены полками с книгами, письменный стол стоял против обыкновенного окна, выходившего в сад. Мы прежде всего занялись трупом несчастного Кабитта; он лежал посередине комнаты; его одежда указывала на то, что он был неожиданно разбужен. Пуля попала в грудь и ранила сердце. Он, безусловно, умер мгновенно и безболезненно. Ни на его халате, ни на его руках не было следов порсха. Врач указал, что у женщины были пятна на лице, но не на руке.

— Отсутствие пятен ничего не доказывает, хотя наличие их все доказывает, — заметил Холмс. — Можно сделать несколько выстрелов без всяких следов пороха. Я предлагаю убрать отсюда тело мистера Кабитт. Полагаю, доктор, вы не нашли пулю, ранившую миссис Кабитт?

— Для этого потребовалась бы серьезная операция. Но в револьвере остались еще четыре пули. Было сделано два выстрела и нанесено два ранения, так что мы можем учесть все пули.

— Как будто бы так, — сказал Холмс. — А вы можете учесть пулю, которая пробила раму?

Своим длинным тонким пальцем Холмс указал на отверстие, пробитое в нижней части рамы, на дюйм от подоконника.

— Боже мой! — воскликнул инспектор. — Как вы это заметили?

— Я искал это.

— Поразительно! — сказал врач. — Вы безусловно правы, сэр. Значит, был сделан третий выстрел, а следовательно здесь должен был быть кто-то третий. Но кто это мог быть, и как ему удалось скрыться?

— Этот вопрос нам следует сейчас выяснить, — сказал Холмс. — Помните, инспектор Мартин, когда служанки показали, что слышали запах пороха как только вышли из своих комнат, я сказал, что это сугубо важное обстоятельство?

— Да, сэр, помню, но, признаться, я не совсем вас понял.

— Это указывало на то, что в момент выстрела окно и дверь комнаты были открыты. Иначе пороховой дым не мог бы так быстро распространиться по дому, для этого нужен сквозняк. Однако и дверь и окно не долго оставались открытыми.

— Как вы это можете доказать?

— Свеча не успела оплыть.

— Поразительно! — воскликнул инспектор. — Поразительно!

— Убежденный в том, что окно в момент выстрела было открыто, я подумал, что в это дело мог быть замешан третий, стоявший в саду и стрелявший в открытое окно. Выстрел в этого третьего человека мог попасть в раму. Я осмотрел окно и нашел след выстрела.

— Но как же окно оказалось закрытым, да еще на задвижку?

— Женщина инстинктивно закрыла окно на задвижку. Но хэлло! Что это такое?

На письменном столе стоял дамский саквояж из крокодиловой кожи. Холмс открыл его и достал со-

держимое, — двадцать пятидесятифунтовых ассигнаций, сложенных пачкой, и больше ничего.

— Это надо сохранить, как вещественное доказательство, — заметил Холмс, передавая инспектору саквояж с деньгами. — Теперь мы должны попытаться выяснить судьбу третьей пули, которая, судя по расщеплению дерева, была выпущена человеком, находившимся в комнате. Я бы хотел еще раз поговорить с миссис Кинг, кухаркой. . . Вы говорили, миссис Кинг, что вы проснулись от громкого выстрела. Не хотели ли вы сказать, что первый выстрел был громче второго?

— Мне трудно судить, сэр. Первый выстрел разбудил меня. Он показался мне очень громким.

— Не думаете ли вы, что это были два почти одновременных выстрела?

— Не могу утверждать, сэр.

— Я полагаю, что это было несомненно так. Я думаю, инспектор Мартин, дальнейший осмотр этой комнаты нам ничего больше не даст. Если вы будете любезны, пойдемте со мною, мы осмотрим сад.

Цветочная клумба доходила до самого окна кабинета; мы так и ахнули, подойдя к ней. Цветы были потоптаны, а мягкая земля сплошь покрыта отпечатками ног. Это были большие мужские следы. Холмс принялся искать среди травы и листьев, как собака, ищущая подстреленную дичь. Затем с радостным восклицанием он поднял маленький медный цилиндр.

— Я так и думал, — вот третья пуля. Я считаю, что наше расследование почти закончено.

— Кого вы подозреваете? — спросил инспектор.

— Об этом поговорим позже. В этом деле есть несколько моментов, которые я еще не имел возможности вам объяснить. Лучше я закончу расследование по намеченному мною плану, а затем объясню все сразу.

— Как вам угодно, мистер Холмс, только бы задержать убийцу.

— Все нити дела в моих руках. Даже если эта женщина никогда уже не придет в сознание, мы су-

меем воспроизвести события этой ночи. Прежде всего я хочу знать, есть ли здесь поблизости харчевня «Эльриджа».

Спросили служанок. Но ни одна из них не слышала о такой харчевне. Конюх сказал что за несколько миль, близ Ист Растона живет фермер Эльридж.

— Это глухое место?

— Очень глухое, сэр.

— Может ли быть, чтобы там еще не слышали о событиях сегодняшней ночи?

— Возможно.

Холмс задумался, затем на его лице появилась загадочная улыбка.

— Оседлай лошадь, паренек, — сказал он. — Мне надо, чтобы ты отвез записку на ферму Эльриджа.

Он достал из кармана листки с пляшущими фигурками. Разложив их на письменном столе в кабинете, он довольно долго что-то писал.

Затем Холмс вручил мальчику записку и велел передать ее лично человеку, которому она адресована, и ни в коем случае не отвечать на какие бы то ни было вопросы. Почерком, совершенно непохожим на его обычный почерк, Холмс написал адрес: Мистеру Эби Слэней, ферма Эльриджа, Ист Растон, Норфольк.

— Думаю, инспектор, вам следует вызвать по телеграфу конвой, потому что, если мои предположения оправдаются, вам придется препроводить в тюрьму весьма опасного арестанта. Мальчик, который отвезет мою записку, мог бы отправить вашу телеграмму. Если есть вечерний поезд в Лондон, Ватсон, мы можем сегодня же уехать, так как мне надо закончить интересный химический анализ, а наше расследование будет скоро закончено.

Когда мальчик ускакал с запиской, Холмс дал служанкам строгий наказ: если кто-нибудь будет спрашивать миссис Кабитт, ничего не говорить о ее состоянии, а попросить посетителя в гостиную. Затем он сам расположился в гостиной, объяснив, что наше

дело сделано, и нам остается ждать развязки. Доктор отправился к своим пациентам. Инспектор остался с нами.

— Мне думается, джентльмены, что я могу дать вам возможность заняться интересным и полезным делом, — сказал Холмс, подвигая свой стул к столу и раскладывая перед собою бумажки, на которых были нарисованы ряды пляшущих фигурок. — Я перед вами в долгу, дружище Ватсон, так как очень долго не мог удовлетворить присущего вам любопытства. Вас же, инспектор, этот случай может заинтересовать с чисто профессиональной точки зрения. Прежде всего я должен передать вам то, что сообщил мне мистер Хильтон Кабитт. — Холмс вкратце рассказал об описанных мною фактах. — Передо мною эти странные изображения. Они могли бы показаться смешными, если бы не оказались предвестниками страшной трагедии. Я довольно хорошо знаком с различными видами тайнописи и даже написал небольшую статью по этому вопросу, в которой описал сто шестьдесят шифров; но признаюсь — такой шифр был для меня совершенной новостью. Повидимому, он придуман с целью скрыть сообщение под видимостью детских рисунков. Убедившись, что фигурки означают буквы, я довольно легко нашел ключ. Первое представленное мне послание было настолько кратко, что на основании его я только мог с некоторым вероятием заключить, что фигурка

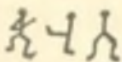

сбозначает букву Е. Как вам известно, Е встречается чаще, чем любая другая буква английского алфавита. Из пятнадцати фигурок первого послания таких одинаковых фигурок было четыре, и потому я предположил, что они сбозначают букву Е. Правда, в некоторых случаях фигурки держали в руке флаг, в других были без флага. По тому, как располагались флаги, естественно было допустить, что они служили для

разбивки предложения на отдельные слова. Я принял это за гипотезу и отметил, что Е изображается фигуркой

Но тут я оказался перед трудным вопросом. Грубо говоря, порядок пресбладания букв таков — T, A, O, I, N, S, H, R, D и L; но T, A и O встречаются приблизительно одинаково часто, и было бы очень кропотливо пробовать всевозможные комбинации, чтобы добиться смысла слова. Поэтому я стал ждать дополнительного материала. При втором нашем свидании мистер Хильтон Кабитт дал мне две коротенькие записки и послание, которое, судя по отсутствию флажка, состояло из одного слова. В этом одном слове, состоявшем из пяти букв, повторялась два раза буква Е, на втором и четвертом месте. Я расшифровал это слово как «never»,¹ что было всего правдоподобнее, поскольку обстоятельства указывали, что это ответ, написанный женою Кабитта. Исходя из этого, я решил что фигурки

обозначают N, V и R.

Затем счастливая мысль открыла мне значение трех других букв. Я подумал, что если эти послания написаны человеком, когда-то близко знавшим эту женщину, то слово с двумя буквами Е и тремя буквами между ними вероятнее всего означает имя «ELSIE». Таким образом я узнал буквы L, S и I. Слово, предшествовавшее «ELSIE», состояло из четырех букв и оканчивалось буквой Е. Это, должно быть, было слово «come».² Я испробовал ряд других слов, оканчивающихся на Е и состоящих из четырех букв, но ни одно не подходило. Таким образом

¹ Never — никогда.

² Come — приходи.

я узнал буквы С, О и М и мог снова попытаться прочесть первое послание, разделяя его на отдельные слова и ставя точки на месте неизвестных мне букв. Я получил

. M . ERE . . E SL . NE.

На первом месте могла стоять только буква А; это было очень полезное открытие, так как в столь коротком предложении эта буква встречается три раза. Первая буква второго слова была, очевидно, Н. Я получил фразу:

AM HERE A . E SLANE .

Заполнив пропуски в имени и фамилии, я прочел:

AM HERE ABE SLANEY.¹

У меня было столько букв, что я мог приступить к чтению второго послания, которое я расшифровал так:

A . ELRI . ES

Добиться смысла я мог только, подставив буквы Т и G и предположив, что это название какой-нибудь харчевни или дома, где остановился автор послания.

Мы слушали с напряженным интересом.

— Что же вы сделали дальше? — спросил инспектор.

— У меня были все основания предполагать, что этот Эби Слэней американец, поскольку Эби — принятое в Америке уменьшительное имя, и поскольку начало всем неприятностям положило письмо из Америки. Я подозревал, что здесь дело нечисто, на это указывали и намеки миссис Кабитт на ее прошлое, и нежелание довериться мужу. Поэтому я запросил по телеграфу своего приятеля, Вильсона Хергрив, служащего в Ньюйоркском полицейском управлении, насчет Эби Слэней. Он ответил: «Опаснейший негодяй в Чикаго». В тот же вечер, когда я получил этот ответ, Хильтон Кабитт прислал мне последнее посла-

¹ Я здесь Эби Слэней.

чие Слэней. Подставляя известные мне буквы, я получил:

ELSIE . RE . ARE TO MEET THY GO.¹

Подставив Р и D, я убедился, что негодяй перешел к угрозам и может быстро перейти от слов к действию. Я сразу же отправился в Норфольк со своим другом и коллегой, доктором Ватсоном, но, к сожалению, то, чего я опасался, уже совершилось.

— Простите мне мою откровенность, — сказал инспектор. — Вы отвечаете только перед самим собою, а я отвечаю перед начальством. Если этот Эби Слэней, живущий у Эльриджа, действительно убийца и убежал, пока я сидел здесь, у меня будут серьезные неприятности.

— Не беспокойтесь. Он не убежит.

— Почему вы знаете?

— Бегство было бы признанием вины.

— Тогда поедem и арестуем его.

— Я с минуты на минуту жду его прихода.

— Но зачем он придет сюда?

— Потому что я позвал его.

— Но это неправдоподобно, мистер Холмс! Неужели он придет сюда потому, что вы позвали его? Ваше приглашение может возбудить его подозрение и заставить бежать.

— Не беспокойтесь. Я удачно составил письмо, — ответил Шерлок Холмс. — А вот и он сам, если я не ошибаюсь.

По дорожке сада, ведущей к дверям, шел высокий, красивый, смуглый человек, в сером костюме и соломенной шляпе; у него была черная борода и орлиный нос; он размахивал тросточкой и шел с таким видом, словно он был хозяином поместья.

— Полагаю, джентльмены, — спокойно сказал Холмс, — нам лучше занять позицию за дверьми. Вам понадобятся наручники, инспектор. Разговаривать с ним предоставьте мне.

Мы молча ждали. Через минуту дверь открылась.

¹ Эльси готовься встретиться с богом.

и человек вошел. Холмс мгновенно приставил к его виску дуло револьвера, а инспектор надел ему наручники. Все это произошло с быстротой молнии, и Эби был совершенно обезоружен прежде, чем догадался, что на него напали. Он переводил с одного на дру-

гого взгляд своих черных глаз. Затем разразился горьким смехом.

— Что ж, джентльмены, на этот раз ваша взяла. Но я пришел сюда по приглашению миссис Кабитт. Не говорите, что она с вами заодно. Не говорите, что она помогала заманить меня в западню.

— Миссис Кабитт тяжело ранена, она при смерти.

Человек издал хриплый стон.

— Вы с ума сошли! — закричал он в бешенстве. — Он был ранен, а не она! Кто бы решился ранить маленькую Эльси! Я грозил ей, да простит мне бог, но я не коснулся бы волоса на ее головке. Скажите, что это неправда! Скажите, что она не ранена!?

— Ее нашли раненой рядом с мертвым мужем.

Он со стоном опустился на стул и закрыл лицо руками в наручниках. Несколько минут он молчал. Затем снова поднял голову.

— Мне нечего от вас скрывать, джентльмены, — сказал он. — Если я выстрелил в Кабитта, то ведь и он выстрелил в меня. Но если вы думаете, что я мог ранить эту женщину, значит, вы не знаете ни ее, ни меня. Ни один мужчина в мире не любил женщину сильнее, чем я любил Эльси. Я имел на нее права. Она была обручена со мною много лет тому назад. Как смел этот англичанин встать между нами?

— Она бежала от вас, когда узнала, что вы собой представляете, — сурово сказал Холмс. — Она покинула Америку, чтобы избавиться от вас, и вышла замуж за почтенного человека. Вы преследовали ее и отравляли ей жизнь, вынуждая ее бросить мужа, которого она любила и уважала, и бежать с вами. Вы убили благородного человека и довели его жену до самоубийства. Вы ответите за это перед судом. мистер Эби Слэней.

— Если Эльси умрет, мне все безразлично, — сказал американец. Он разжал руки и посмотрел на скомканную записку. — Послушайте, мистер, — закричал он, — вы кажется вздумали меня разыграть? Если Эльси так тяжело ранена, как вы говорите, кто же написал эту записку? — он бросил листок на стол.

— Я написал, чтобы вызвать вас сюда.

— Вы написали? Никто кроме нас не знает секрета пляшущих фигурок. Как вы могли это написать?

— То, что один может придумать, другой может разгадать, — сказал Холмс. — Вот кэб, в котором вас отвезут в Норвич. Но вы можете хоть немного загладить вашу вину. Знаете ли вы, что миссис

Кабитт подозревали в убийстве мужа? Только мое присутствие спасло ее от обвинения. Вы должны перед всем светом заявить, что она ни прямо, ни косвенно не ответственна за смерть Кабитта.

— Я с радостью это сделаю, — ответил американец. — Чистая правда будет для меня самой лучшей защитой.

— Я обязан вас предупредить, что ваши показания будут использованы против вас, — прервал его инспектор.

Слэней пожал плечами.

— Что же, пусть! — сказал он. — Прежде всего я хочу сказать вам, что знал Эльси, когда она еще была ребенком. Это было в Чикаго. Нас было семеро в шайке, и отец Эльси был нашим главарем. Это был умный человек: он-то и придумал пляшущие фигурки, — они могли всегда сойти за детскую забаву. Ну, Эльси знала кое-что о наших делах, но она ненавидела наше ремесло; она скопила немного денег, заработанных честно, бросила нас и уехала в Лондон. Она была обручена со мною и вышла бы за меня замуж, если бы я занялся другим делом. Только после ее брака с этим англичанином мне удалось узнать, где она. Я ей написал, но ответа не получил. После этого я приехал сюда.

Я пробыл здесь около месяца. Я делал все, что мог, только бы отбить Эльси. Я знал, что она читает мои послания, потому что под одним из них она написала ответ. Я пришел в бешенство и начал ей грозить. Она мне написала письмо, в котором умоляла меня уехать, и говорила, что ей легче умереть, чем обесчестить имя мужа. Она писала, что в три часа ночи, когда ее муж будет спать, она спустится и переговорит со мною через окно, если я обещаю ей после этого уехать и оставить ее в покое. Она спустилась и принесла с собою деньги, желая подкупить меня, чтобы я уехал. Я обезумел. Я схватил ее за руку и пытался вытащить через окно. В этот момент в комнату вбежал муж с револьвером в руке. Эльси упала на пол. Мы стояли с ним лицом к лицу. Я тоже был вооружен и поднял свой револьвер,

чтобы заставить его убраться и дать мне уйти. Он выстрелил и промахнулся. Я спустил курок почти в то же мгновение, и он упал. Я прошел через сад и слышал, как кто-то закрыл окно. Больше я ничего не слышал, пока не прискакал этот мальчишка, привезший мне записку. Я пришел сюда и попался вам в руки.

Подъехал кэб с двумя полицейскими. Инспектор Мартин коснулся плеча Эби.

— Пора ехать.

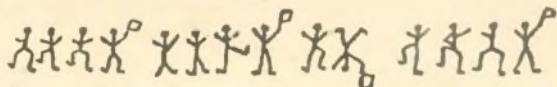
— Позвольте мне повидать ее.

— Нет, она без сознания.

Мы стояли у окна и смотрели, как отъехал кэб. Когда я обернулся, мне попался на глаза листок бумаги, брошенный на стол. Это была записка, которой Холмс заманил Эби Слэней.

— Попробуйте ее прочитать, Ватсон, — сказал Холмс, улыбаясь.

Слов не было, только ряд пляшущих фигурок

— Воспользовавшись кодом, который я вам объяснил, — сказал Холмс, — вы увидите, что написано

COME HERE AT ONCE¹

Я был убежден, что он последует этому приглашению. Таким образом, мой милый Ватсон, пляшущие человечки послужили делу правосудия, после того, как они так часто помогали в злых делах. В три часа сорок минут отходит наш поезд, и я надеюсь, что мы успеем домой к обеду.

¹ Приди сюда немедленно.

ЧЕРНЫЙ ПИТЕР

1895 год был годом расцвета в деятельности Холмса. Слава лучшего в мире специалиста очень расширила круг его клиентов. Но с моей стороны было бы непростительной нескромностью, если бы я в своих записках позволил себе намекнуть на имя хотя бы одного из тех знаменитых людей, которым случилось переступить порог нашей скромной квартиры на Бэкер-стрит.

Подобно всем истинным художникам, Холмс работал из любви к искусству, а не из соображений выгоды. Мне редко случалось видеть, чтобы он требовал крупное вознаграждение за свои ценнейшие услуги. Он был бесконечно далек от обычных человеческих слабостей, и был всецело во власти собственных настроений; поэтому он часто отказывался помогать богатым и сильным мира сего, если предлагаемое ему дело не вызывало в нем симпатий; и, наоборот, — часто неделями отдавал свои силы и свое время делу бедного клиента, если происшествие, требовавшее расследования, обладало теми чертами драматизма и таинственности, которые пленяли его воображение и вдохновляли как художника.

В этот памятный для меня 1895 год Шерлок

Холмс работал над расследованием целого ряда громких дел, начиная с дела о скоропостижной смерти кардинала Тоска (следствие было поручено Холмсу по настоятельному желанию Ватикана) и кончая арестом Лильсона, этой худшей из язв Лондонского Ист-Энда. Вслед за этими двумя расследованиями, наделавшими много шума, Холмс занялся делом о смерти капитана Питера Каррей. Записки о деятельности моего друга были бы неполны, если бы я не включил в них рассказ об этом странном и загадочном случае.

В начале июля Шерлок Холмс часто и подолгу отлучался из дому. для меня это был верный признак того, что он поглощен каким-нибудь расследованием. За это время к нам на квартиру не раз являлись незнакомые люди, грубые с виду; они спрашивали капитана Бэзиль. Из этого я сделал вывод, что Холмс, как это часто случалось, работает под вымышленным именем, скрывая под маской какого-то капитана свою личность, наводившую страх на тех, кого ему надо было выследить. В различных районах Лондона у него было пять, если не больше, убежищ, где он мог производить свои искусные превращения. О деле, над которым он работает под именем капитана Бэзиль, он мне ничего не говорил, а я не имел обыкновения вызывать его на откровенность. О способах, какими он ведет расследование, Холмс намекнул мне довольно забавным образом. Он ушел из дому очень рано, до завтрака. Когда я сидел за утренним кофе, он вошел в шляпе и с громадной острогой подмышкой.

— Холмс! Неужели вы прогуливались по Лондону с этой штукой?

— Нет! Я только съездил к мяснику.

— К мяснику? — удивился я.

— Ну да! И вернулся домой с великолепным аппетитом. Вы ведь знаете, Ватсон, я всегда считал физическое упражнение перед завтраком вернейшим залогом здоровья. Но готов биться об заклад, что вы никогда не отгадаете, какого рода физическим упражнением я занимался.

— Мне отгадать? И пытаться не стану.

Холмс рассмеялся и налил себе кофе.

— Если бы вы час тому назад заглянули в заднюю комнату мясной лавки Алардайса, то увидели бы там следующее: свиная туша висела на крюке, ввинченном в потолок, а джентльмен без стуртука яростно набрасывался на нее с этим оружием в руках. Джентльмен этот — ваш покорный слуга. В результате долгих попыток я убедился, что при всем желании я не в силах проткнуть свинью с одного раза. Может быть, вы пожелали бы испробовать свои силы?

— Ни за что на свете! Но с какой стати вы этим занимались?

— Мне кажется, это имеет непосредственное отношение к одному таинственному делу... — В этот момент вошел человек лет тридцати, подвижный и живой. — А. Гопкинс! — обрадовался Холмс. — Вчера вечером я получил вашу телеграмму и ждал вас. Присаживайтесь!

Гопкинс был одет в обыкновенный штатский костюм, но по его осанке было видно, что он привык носить служебный мундир. Я сразу же узнал его: это был молодой инспектор полиции Стэнлей Гопкинс; Холмс возлагал на него большие надежды. Гопкинс же преклонялся перед Холмсом, восхищался научной обоснованностью его методов и почитал себя его учеником.

В это утро Гопкинс был мрачен и озабочен; он шел с весьма унылым видом.

— Нет, благодарю вас. Я завтракал перед уходом. Я ночевал в Лондоне, так как вчера приехал для доклада.

— И что же вы доложили?

— Неудача, сэр. полнейшая неудача.

— Вам ничего не удалось выяснить?

— Решительно ничего.

— Вот так раз! Придется мне заняться этим делом.

— Я всей душой хотел бы этого, мистер Холмс. Первый раз мне представляется случай отличиться,

но я решительно ничего не соображаю в этом деле. Умоляю вас, помогите мне!

— Ну, ладно; я как раз довольно тщательно ознакомился со всеми данными следствия, включая также и показания свидетелей. Кстати, что вы думаете насчет кисета, найденного на месте преступления? Не может ли этот кисет служить ключом?

Гопкинс посмотрел с удивлением на Холмса.

— Но это кисет убитого, сэр. Внутри мы нашли его инициалы. Кисет сшит из тюленьей кожи, а убитый — старый моряк.

— Однако у убитого не было трубки.

— Верно, сэр, трубки мы не нашли; он, действительно, очень мало курил. Но ведь можно допустить, что он держал при себе табак для своих приятелей.

— Безусловно. Я коснулся кисета только потому, что если бы дело вел я, то исходной точкой всего следствия был бы для меня как раз этот кисет. Однако мой друг доктор Ватсон ничего не знает об этом деле, да и я не прочь еще раз послушать о ходе событий. Изложите нам кратко все существенное.

— У меня записаны кое-какие данные об убитом капитане Каррей. Он родился в 1845 году — ему пятьдесят лет. Он был отважным и удачливым капитаном и китобоем; в 1883 году он командовал пароходом «Морской носорог» из Денди, — это было китобойное судно. Затем он совершил ряд удачных рейсов, а в следующем, 1884 году бросил свой промысел и удалился на покой. Потом он путешествовал несколько лет и, наконец, приобрел небольшое поместье «Вудманс-Ли» в Суссексе. Там он прожил шесть лет и там же умер ровно неделю тому назад.

Капитан Каррей отличался крайне странным характером. В повседневной жизни он был строгий пуританин, — молчаливый и мрачный. Его семья состояла из жены и дочки, двадцатилетней девушки; в доме жили две служанки. Прислуга непрерывно менялась, потому что место было весьма непривлекательно. Капитан Питер Каррей страдал запоем, и когда ему случалось запить, он совершенно сатанел. Гово-

рили, что он не раз среди ночи выгонял жену и дочь из дому и гнался за ними по всему парку, так что окрестные жители просыпались от их криков.

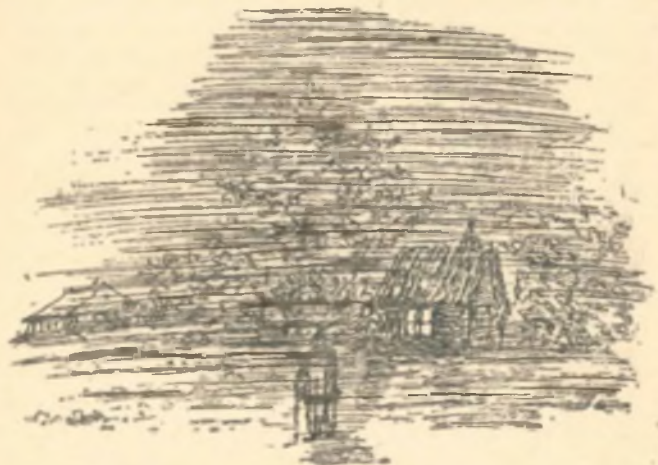
Он был однажды привлечен к суду за то, что избил старого священника, который пришел к нему и пытался усовестить. Одним словом, мистер Холмс, трудно было бы найти более несносного и буйного человека, чем Питер Каррей, и я слышал, что таким же он был и в те времена, когда командовал своим пароходом. Его знали среди китоловов под кличкой «Черный Питер», и это имя было ему дано не только из-за его смуглого лица и огромной черной бороды, но также из-за его нрава, наводившего ужас на всех окружающих. Ясно без слов, что его ненавидели и избегали все соседи, и я не слышал ни одного слова сожаления по поводу его ужасной смерти.

В протоколе следствия вы, мистер Холмс, наверное, читали о «каюте» капитана Каррей; но, может быть, ваш друг не слышал об этом. Так вот: Питер Каррей построил себе на расстоянии нескольких сот ярдов от дома деревянную лачугу, которую называл «каютой», и там всегда ночевал. Это небольшая однокомнатная постройка, размером в шестнадцать футов на десять. Ключ от свей «каюты» он держал в кармане, сам вбирал свою постель, сам мелкомнату и никому не позволял переступить ее порога. В этой лачуге маленькие, завешенные кисеей окошечки; их капитан никогда не открывал. Одно из этих окошечек обращено к большой дороге, и когда по ночам в нем виднелся свет, люди указывали на него друг другу и недоумевали, — чем это занимается ночью Черный Питер?

Вы помните, что камешник по имени Слэтер, проходя в час ночи дорогой ведущей от леса — это было за два дня до убийства — остановился у владений Черного Питера и посмотрел на окна, светившиеся сквозь листву деревьев. Он клянется, что ясно видел на шторе тень мужчины, и что это, несомненно, не был Питер Каррей, которого он хорошо знает. Это была голова бородатого мужчины, но борода была подстрижена и торчала

вперед совсем не так, как у капитана. Так утверждает каменщик, но приходится учесть, что этот человек перед тем провел два часа в трактире, и кроме того от дороги до окна порядочное расстояние. К тому же эти показания относятся к понедельнику, а убийство совершено в среду.

Во вторник Питер Каррей был в самом мрачном настроении, вдрызг пьян и свиреп, как дикий зверь.

Жена и дочь убежали, услышав, что он с бранью и проклятьями идет домой. Поздно вечером он отправился в свою «каюту». Около двух часов ночи его дочь, спавшая с открытым окном, услышала ужасные вопли, доносившиеся с той стороны, но Питер так часто кричал в пьяном виде, что никто не обратил внимания на эти вопли. В семь часов утра одна из служанок заметила, что дверь «каюты» открыта настежь. Но страх, наводимый на всех этим человеком, был так велик, что только в полдень решили пойти туда посмотреть, не случилось ли чего с капитаном. Заглянув в открытую дверь, служанки увидели страшное зрелище и в ужасе бросились в деревню. Через час я был на месте происшествия и начал вести следствие.

Скажу вам, мистер Холмс, нервы у меня, как вы знаете, крепкие, но клянусь, что и меня пробрала дрожь, когда я заглянул в эту лачугу. Она вся гудела от носившихся роями мух, а пол и стены напоминали бойню. Капитан называл свое жилище «каютой», и это, поистине, была каюта, — когда вы входили туда, у вас создавалось впечатление, что вы находитесь на судне.

У одной стены комнаты стояла койка, рядом — корабельный сундук, карты морей, фотография «Морского носорога», полка со шканечными¹ журналами, — все совершенно так, как бывает в каюте капитана. И среди всего этого я увидел капитана с лицом, перекошенным от муки. Огромная борода торчала вверх, а широкая грудь была насквозь пробита стальным гарпуном, глубоко вонзившимся в деревянную стену. Он был пришпилен к стене, как жук, насаженный на булавку.

Я знаком с вашими методами, сэр, и пытался их применить. Прежде чем позволить что-либо передвинуть, я самым тщательным образом осмотрел землю вокруг лачуги и пол в «каюте». Следов ног не было.

— Вы хотите сказать, что вы не обнаружили следов?

— Я уверяю вас, сэр, следов не было!

— Милый Гопкинс, мне пришлось расследовать множество дел, но в моей практике не было ни одного случая, когда преступление было бы совершено летающим существом. Поскольку преступник стоит на ногах, постолько следователю, вооруженному научными методами, всегда удается обнаружить какие-нибудь следы, углубления, царапины или незначительное смещение предметов. Нельзя себе представить, чтобы эта залитая кровью комната не хранила следов, которые могли бы нам сослужить службу. Я догадываюсь, на основании протокола следствия, что там были некоторые мелочи, но вы просто не обратили на них внимания. Не так ли?

¹ Журнал, в который капитан судна записывает все, относящееся к рейсу судна.

Молодой инспектор поморщился от иронических слов Холмса.

— С моей стороны было большой глупостью не позвать вас сразу же, мистер Холмс. Однако теперь ничего не изменишь. Да, в комнате было несколько предметов, требовавших особого внимания. Прежде всего острога, которой было совершено убийство. Она была снята с крюка на стене. Две другие висели на своих местах, и оставалось пустое место для третьей. На ручке остроги была вырезана надпись: пароход «Морской носорог», Денди. Это, по-видимому, указывает, что преступление было совершено в запальчивости, и что убийца захватил первое попавшееся ему под руку оружие. Каррей был убит в два часа ночи, а между тем он был совсем одет; следовательно, капитан назначил убийце свидание; это предположение подтверждается тем, что на столе стояла бутылка рома и два стакана, из которых пили.

— Да, — сказал Холмс — я считаю оба ваши предположения допустимыми. Вы нашли в комнате другие спиртные напитки, кроме рома?

— Да, на сундуке стояли графины с виски. Но это не имеет для нас значения, поскольку графины оказались полными, следовательно, из них не наливали.

— Все же в каюте были графины с виски, и этот факт имеет некоторое значение, — сказал Холмс. — Впрочем, я хотел бы услышать о предметах, которые, по-вашему, имеют отношение к делу.

— На столе лежал кисет.

— На какой части стола?

— Кисет лежал посередине. Он сшит из грубой тюленьей кожи; завязки из ремешков. На клапане изнутри инициалы «П» и «К». В кисете было немного крепкого табаку, какой курят матросы.

— Великолепно! Что еще?

Стэнлей Гопкинс достал из кармана записную книжку в темном переплете. Книжка была сильно потрепана, а странички казались выцветшими. На

первом листке я разглядел инициалы «Д.Х.Н.» и дату «1883 г.».

Холмс положил книжку на стол и стал ее исследовать со свойственной ему тщательностью. Мы с Гопкинсом следили за ним, стоя за его спиной. На второй страничке были буквы «К.Т.Ж.», затем следовало несколько листов, исписанных цифрами. Далее наверху страницы было написано «Аргентина», через несколько страниц — «Коста-Рика», дальше «Сан-Паоло». После каждого из заголовков следовало несколько страниц, заполненных цифрами.

— Что вы думаете об этих записях? — спросил Холмс.

— Повидимому, это опись каких-то акций. Я полагаю, что буквы «Д.Х.Н.» — инициалы какого-нибудь биржевого маклера, а что «К.Т.Ж.» — обозначают имя его клиента.

— Может быть, подойдет «Канадская Тихоокеанская железная дорога», — подсказал Холмс.

Стэнлей Гопкинс ударил кулаком по коленке, стиснул зубы и выругался.

— Что я за дурак! — проговорил он. — Конечно, вы совершенно правы. Значит, нам остается только расшифровать значение букв «Д.Х.Н.» Я уже просмотрел все биржевые справочники за 1883 год и не нашел ни одного маклера, имени которого соответствовали бы эти инициалы. Между тем я чувствую, что это и есть самый верный ключ к разрешению загадки. Вы должны допустить возможность того, что эти буквы — инициалы второго лица, иными словами — убийцы.

Наличие документа, относящегося к крупным ценам, во всяком случае дает нам пока что некоторое указание на возможный мотив преступления.

По лицу Шерлок Холмса было видно, что он поражен этими новыми данными.

— Я должен признать правильность ваших догадок, — сказал Холмс. — Эта записная книжка, не упомянутая в следственном материале, изменяет все мои прежние предположения. Для нее нет места в той картине преступления, которую я себе составил. Вы

попытались проследить за некоторыми из упомянутых здесь ценностей?

— Я запросил конторы, но опасаясь, что полный список владельцев этих южноамериканских акций можно найти только в Южной Америке, и пройдет несколько недель, прежде чем мы проследим за судьбой этих акций.

Холмс разглядывал через лупу переплет записной книжки.

— Тут, несомненно, изменение цвета, — сказал он.

— Да, сэр, это пятно крови. Я говорил вам, что поднял книжку с пола.

— Пятно было сверху или снизу?

— На стороне, прилегавшей к полу.

— Это доказывает, что книжка упала после того, как было совершено преступление.

— Совершенно верно, мистер Холмс. Я учел это обстоятельство и сделал вывод, что книжка была обронена убийцей при поспешном бегстве. Она лежала около дверей.

— Я полагаю, ни одна из перечисленных акций не была найдена среди имущества убитого?

— Ни одна.

— Есть у вас основание подозревать грабеж?

— Нет, сэр. Повидимому, ничто не похищено.

— Чорт возьми! Это безусловно интересное дело. Там был нож, не правда ли?

— Да, нож в ножнах, он так и остался в ножнах. Он лежал у ног убитого. Миссис Каррей утверждает, что это нож ее мужа.

Холмс задумался.

— Знаете, — сказал он, наконец, — я думаю, что мне придется поехать с вами и посмотреть, в чем там дело.

Стэнлей Гопкинс вскрикнул от радости.

— Благодарю вас, сэр! Это снимет с меня тяжелое бремя.

Холмс погрозил ему пальцем.

— Неделию тому назад задача была бы легче, — сказал он. — Но даже и сейчас моя поездка вряд ли окажется совсем бесполезной. Ватсон, если вы рас-

полагаете временем, я был бы очень рад иметь вас своим спутником. Если вы вызовете четырехместную карету, Гопкинс, мы сможем выехать через четверть часа.

Мы сошли на маленьком полустанке и проехали несколько миль через остатки широко раскинувшегося бора, составлявшего когда-то часть того огромного леса, который долгое время задерживал вторжение саксов и в течение шестидесяти лет служил защитой Британии. На зеленом склоне холма был выстроен длинный, низкий каменный дом; к нему вела проселочная дорога, почти у самой дороги стоял маленький домик, с трех сторон окруженный кустами.

Это и было место преступления.

Стэнлей Гопкинс повел нас сначала в дом, где представил седой женщине, вдове убитого. Ее худое, изрезанное морщинами лицо и испуганный взгляд глубоко запавших глаз говорили о перенесенных невзгодах. С нею была ее дочь, бледная, белокурая девушка, глаза которой вызывающе сверкали, когда она говорила нам, что рада смерти отца и благословляет руку, нанесшую ему смертельный удар. С чувством облегчения мы вышли из этого дома и пошли по тропинке, протоптанной через поле покойным Питером Каррей.

Мы подошли к домику — простой постройке с крышей из дранки, с одним окном у двери и другим на противоположной стороне. Стэнлей Гопкинс достал из кармана ключ и наклонился было к замку, но затем остановился с удивленным видом.

— Кто-то пробовал открыть замок, — сказал он.

В этом нельзя было сомневаться: деревянная приголока была исцарапана, из-под краски виднелось белое дерево. Холмс осмотрел окно.

— Кто-то пытался взломать окно. Но войти ему не удалось. Это, наверное, весьма неопытный взломщик.

— Очень странно, — сказал инспектор, — я готов поклясться, что вчера вечером не было этих царапин.

— Может быть, кто-нибудь из деревенских полюбопытствовал, — заметил я.

— Не думаю. Вряд ли кто-нибудь решится ступить ногою на землю усадьбы, а уж взламывать дверь «каюты» никто не дерзнет. Как вы полагаете, мистер Холмс?

— Я думаю, что судьба нам благопритвует.

— Вы полагаете, этот человек вернется?

— Весьма вероятно. Он пришел, рассчитывая найти дверь открытой. Он пытался открыть ее при помощи лезвия очень маленького перочинного ножа. Это ему не удалось. Что же ему теперь делать?

— Вернуться на следующую ночь с более подходящим орудием.

— Я думаю, он так и сделает. С нашей стороны будет ошибкой, если мы не окажемся на месте, чтобы его принять. А пока осмотрим «каюту» изнутри.

Следы преступления были устранены, но мебель стояла так же, как и в ночь убийства. В течение двух часов Холмс с величайшим вниманием рассматривал один предмет за другим; но по лицу моего друга я видел, что его усилия не увенчались успехом. Только раз он прервал свой тщательный осмотр.

— Вы что-нибудь взяли с этой полки, Гопкинс?

— Нет, я ничего не трогал.

— Что-то здесь взято. В этом углу на полке меньше пыли, чем всюду. Здесь могла лежать книга. Это мог быть ящик... Ну, больше я ничего не могу сделать. Прогуляемся-ка по этим чудесным лесам, Ватсон, и посвятим несколько часов цветам и птицам. Позже мы встретимся с вами здесь, Гопкинс, и посмотрим, не удастся ли нам поближе познакомиться с джентльменом, побывавшим здесь этой ночью.

Было немного больше одиннадцати, когда мы зашли в засаду. Гопкинс хотел оставить дверь открытой, но Холмс считал, что это может возбудить подозрения ночного посетителя. Замок был самый простой и, чтобы открыть его, достаточно было крепкого лезвия ножа. Холмс также настаивал на том, чтобы мы расположились не внутри «каюты», а в кустах, росших под окном задней стены. Это давало нам возможность следить за посетителем, если бы он зажег

огонь, и узнать о цели его тайных ночных посещений.

Началось долгое и томительное ожидание. В полном молчании мы сидели, притаившись в кустах. Сначала шаги запоздалых жителей или голоса нарушали тишину. Но постепенно звуки замирали один за другим, и под конец мы не слышали ничего, кроме звона колокола дальней церкви, отсчитывавшего часы, да шуршания и шопота мелкого дождя в листве укрывавших нас кустов.

Часы на колокольне пробили три часа. Это было самое темное время, предшествующее заре. Внезапно мы вздрогнули, услышав тихий, но отчетливый скрип ворот: кто-то шел по дорожке. Затем снова наступила долгая тишина; я начал было думать, что это ложная тревога, как вдруг у самой лачуги послышались крадущиеся шаги, а минутой позже — скрип металла. Человек пытался взломать замок! На этот раз он действовал более умело или инструмент был лучше, — мы слышали треск и скрип петель. Вспыхнула спичка, и ровный свет свечи озарил внутренность «каюты». Не отрывая глаз, мы следили через кисейную занавеску за тем, что происходило в комнате.

Ночной посетитель оказался молодым человеком, стройным и хрупким; черные усы еще сильнее подчеркивали мертвенную бледность его лица. На вид ему было немногим больше двадцати лет. Казалось, юноша был в смертельном страхе; зубы его стучали, он дрожал всем телом. Одет он был хорошо: на нем был жакет и спортивные штаны, а на голове — суконая фуражка. Мы видели, как он с испугом озирается. Затем, поставив огарок свечи на стол, он исчез в одном из углов комнаты, но скоро вернулся с большой книгой, — одним из судовых журналов, стоявших в ряд на полке. Облокотившись о стол, он быстро перелистывал страницы книги, пока не нашел нужной записи. Затем, с жестом досады, он захлопнул книгу, поставил ее на полку и задул свечу. Не успел он выйти из «каюты», как Гопкинс схватил взломщика за воротник, и я услышал громкий крик ужаса, вырвавшийся у юноши.

Свеча была вновь зажжена; наш несчастный плен

ник дрожал в крепких руках Гопкинса. Он опустился на корабельный сундук и беспомощно смотрел то на одного из нас, то на другого.

— Теперь, красавчик мой, говорите, кто вы и что вам здесь нужно? — обратился к нему Гопкинс.

Молодой человек подтянулся и посмотрел на нас, стараясь казаться спокойным.

— Вы, вероятно, сыщики? — спросил он. — Вы, наверное, думаете, что я имею отношение к смерти

капитана Питера Каррей? Уверяю вас, я невиновен.

— Это мы увидим, — сказал Гопкинс. — Прежде всего, как вас зовут?

— Джон Хоплей Нелиган.

Я заметил, как Холмс и Гопкинс переглянулись.

— Что вы здесь делали?

— Могу я быть уверен, что вы не выдадите моей тайны?

— Нет, конечно, нет!

— Почему я должен вам отвечать?

— Если вы не можете ответить, вам плохо придется на суде.

Молодой человек нахмурился.

— Хорошо, я отвечу вам, — сказал он. — Почему мне не сказать? И все же мне ненавистна мысль, что эта старая история снова оживет. Вы когда-нибудь слышали о Даусоне и Нелигане?

По лицу Гопкинса я видел, что он впервые слышит эти имена; но Холмс очень заинтересовался.

— Вы имеете в виду владельцев Западного банка? — спросил он. — Они обанкротились на миллион, разорили половину жителей графства, и Нелиган исчез.

— Совершенно верно. Нелиган — мой отец.

Наконец-то мы добрались до чего-то существенного. И все же казалось, что целая пропасть отделяет скрывшегося банкира от капитана Питера Каррей, пригвожденного к стене одной из собственных острог. Мы с глубоким интересом слушали молодого человека.

— Это дело касалось только моего отца. Даусон до того удалился от дел, мне же в то время было всего десять лет; но все же я понимал весь ужас и позор случившегося. Все говорили, что мой отец присвоил все ценности и бежал. Это неправда! Он надеялся, что все обойдется благополучно и что он расплатится со всеми кредиторами, если только ему дадут время реализовать ценности. Он отправился на своей небольшой яхте в Норвегию как раз перед тем, как был издан приказ об его аресте. Я вспоминаю последнюю ночь, когда он прощался с моей матерью.

Он оставил нам опись ценностей, взятых им с собою, и клялся, что вернет себе уважение и что никто из доверившихся ему не пострадает. С тех пор мы ничего о нем не слышали. Исчезли и яхта, и он сам. Моя мать и я думали, что отец вместе с ценностями по-коится на дне морском. Однако преданный нам друг, который занимается денежными делами, недавно обнаружил, что некоторые из ценностей, взятых отцом, вновь появились на лондонском рынке. Можете себе представить наше изумление! Я потратил много месяцев на то, чтобы выследить эти ценности и, наконец, узнал, что они были выброшены на рынок капитаном Питером Каррей, владельцем этой лачуги.

Естественно, я стал наводить справки об этом человеке. Я установил, что он командовал китобойным судном, возвращавшимся из Арктических морей как раз в то время, когда мой отец переправлялся в Норвегию. В том году осень стояла очень ненастная, было много бурь и штормов. Возможно, что яхта моего отца была унесена на север и там повстречала судно капитана Питера Каррей. Если так оно и было, то что же случилось с моим отцом? Во всяком случае, если бы я смог с помощью Питера Каррей установить, каким образом эти ценности попали на рынок, я доказал бы, что мой отец не продал их и, увозя их, не имел в виду личную наживу.

Я приехал в Суссекс с намерением повидаться с капитаном, но опоздал. — как раз в тот день было совершено это ужасное убийство. В отчете о следствии я прочитал описание его «каюты»: в нем указывалось, что в комнате убитого хранились старые шканечные журналы его судна. Я решил просмотреть их: ведь если бы я мог установить, что случилось на борту «Морского носорога» в августе 1883 года, я узнал бы о судьбе моего отца. Вчера ночью я пытался добраться до этих журналов, но не сумел открыть дверь. Сегодня я сделал новую попытку, на этот раз удачную, но увидел, что страницы, относящиеся к этому месяцу, вырваны из журнала. Вы схватили меня как раз в тот момент, когда я это обнаружил.

— Это все? — спросил Гопкинс.

— Да, это все.

— Больше вы ничего не хотите нам сообщить?

Юноша колебался.

— Нет, больше ничего.

— До вчерашней ночи вы здесь не бывали?

— Нет.

— Как же вы объясните нам это? — закричал Гопкинс, протягивая проклятую записную книжку с инициалами нашего пленника на первой странице и с кровавым пятном на переплете.

Несчастный юноша закрыл лицо руками. Он весь дрожал.

— Где вы нашли мою книжку? — простонал он. — Я думал, что потерял ее в отеле.

— Довольно. — мрачно сказал Гопкинс. — Все остальное вы скажете на суде. Вы отправитесь со мною в отделение полиции. Что ж, мистер Холмс, я очень признателен вам и вашему другу за желание мне помочь. Как выяснилось, ваше присутствие было излишним, и я собственными силами довел бы это дело до конца, но тем не менее я вам очень признателен. Я заказал для вас комнаты в отеле Брамблтей и мы можем все вместе отправиться в деревню.

— Ну, Ватсон, как вы ко всему этому относитесь? — спросил Холмс, когда мы на следующий день возвращались в Лондон.

— Я вижу, вы недовольны.

— Дорогой Ватсон, я вполне доволен. Но метод работы Стэнлея Гопкинс мне не нравится. Я разочарован в Гопкинсе. Я ожидал от него большего. Всегда следует допускать возможность другого решения задачи и не упускать его из виду. Это первое правило в уголовном следствии.

— Какое же тут возможно другое решение?

— То, которым я руководюсь в моем расследовании. Может быть, оно ни к чему не приведет. Я не могу сказать заранее. Но я буду до конца идти своим путем.

На Бэкер-стрит Холмс застал несколько писем. Он

схватил одно из них, разорвал конверт и разразился торжествующим смехом.

— Великолепно. Ватсон! Второе решение намечается. У вас есть телеграфные бланки? Напишите за меня несколько телеграмм: «Самнеру, пароходному агенту, Рэтклиф-Хайвей. Пришлите трех человек завтра к десяти утра — Бэзилъ». Это мое имя в этих кругах. Вторая телеграмма: «Инспектору Стэнлей Гопкинс, 46, Лорд-стрит, Брикстон. Приходите завтра в девять тридцать завтракать. Существенно. Если можете придти, телеграфируйте. Шерлок Холмс». Поверите ли, Ватсон, это чертовское дело преследует меня десять дней. Теперь я думаю с ним покончить. Надеюсь, завтра мы услышим о нем в последний раз.

Инспектор Стэнлей Гопкинс явился в назначенное время, и мы втроем уселись за великолепный завтрак, приготовленный для нас миссис Гудсон. Молодой сыщик был в восторге от своей удачи.

— Вы действительно считаете, что попали на правильное решение? — спросил Холмс

— Более ясного случая нельзя себе представить.

— Ваше объяснение не кажется мне убедительным.

— Вы меня удивляете, мистер Холмс. — Чего же еще можно желать?

— Ваше решение объясняет все факты?

— Безусловно все. Я установил, что молодой Нелиган приехал в отель Брамблтей в тот самый день, когда было совершено преступление. Он приехал, якобы, для игры в гольф, поселился в первом этаже и мог выходить, когда ему вздумается. В ту же ночь он отправился к Питеру Каррей, поссорился с ним и убил его острой. Затем, в ужасе от совершенного им убийства, Нелиган убежал из лачуги, уронив при этом записную книжку, которую он захватил с собой, чтобы расспросить Питера Каррей об интересовавших его ценностях.

Вы, может быть, заметили, что некоторые из них отмечены крестиками, а другие, — большая часть, — ничем не отмечены. Отмечены ценности, выслеженные на лондонском рынке, остальные, как думал

Нелиган, остались в руках капитана. Молодой человек, по его собственному признанию, хотел вернуть их себе, чтобы рассчитаться с кредиторами отца. После своего бегства он некоторое время не решался вновь приблизиться к «каюте». Но, наконец, заставил себя пойти туда, чтобы добыть нужные ему сведения. По-моему, все это очень просто и понятно.

Холмс улыбнулся и покачал головою.

— Мне кажется, ваше объяснение, Гопкинс, страдает лишь одним недостатком, — оно совершенно неправдоподобно. Вы пробовали когда-нибудь проколоть тело острой? Нет? Так вот, дорсгой сэр, вам надо посерьезнее относиться к таким мелочам. Мой друг Ватсон может вам подтвердить, что я посвятил целое утро таким упражнениям. Это дело не легкое и требует большой силы и большой тренировки. Вданном случае удар был нанесен с такой силой, что острога глубоко вонзилась в стену. Неужели вы допускаете, чтобы этот анемичный юноша был способен нанести такой страшный удар? Вы верите, что это он распивал ночью ром с Черным Питером? И его профиль видели на занавеси за два дня перед тем? Нет, нет, Гопкинс, это был другой, более злоежщий гость; его-то мы и должны разыскать.

По мере того, как Холмс говорил, лицо сыщика все более вытягивалось. Его честолюбивые надежды разлетались впрах. Но он не хотел без борьбы сдать свои позиции.

— Вы не можете отрицать, мистер Холмс, что Нелиган был в лачуге в ту ночь. Записная книжка ясно это доказывает. Я считаю, что моих доказательств достаточно для суда, даже если вы и можете найти в них слабое место. Кроме того, мистер Холмс, я-то задержал своего обвиняемого, что же касается вашего страшного гарпунщика, то его я не вижу.

— Я склонен думать, что он на лестнице, — спокойно проговорил Холмс. — Я считаю, Ватсон, что вам следует держать револьвер наготове. — Холмс встал и положил на столик у окна написанную бумагу. — Теперь все готово, — сказал он.

Мы услышали за дверью грубые голоса, затем

миссис Гудсон вошла и доложила, что три человека спрашивают капитана Бэзиль.

— Пусть входят один за другим, — сказал Холмс.

Первым вошел маленький человечек с красными щеками и пышными седыми бакенбардами. Холмс достал из кармана письмо.

— Ваше имя? — спросил он.

— Джэмс Ланкастер.

— Мне очень жаль, Ланкастер, но команда уже набрана. Вот вам полсоверена за беспокойство. Зайдите в эту комнату и обождите несколько минут.

Вошел второй претендент. Это был высокий иссохший человек, с прямыми волосами и впалыми щеками. Его звали Хьюг Паттинс. Он тоже получил отказ, полсоверена и приказание обождать в соседней комнате.

Третий соискатель поразил меня своей внешностью. Свириное лицо бульдога было обрамлено зарослью волос и бороды; смелые темные глаза сверкали из-под густых нависших бровей. Он поклонился и стоял с осанкой моряка, крутя свою шапку.

— Ваше имя? — спросил Холмс.

— Патрик Кэрнс.

— Гарпунщик?

— Да, сэр. Двадцать шесть рейсов

— Наверное из Денди?

— Да, сэр.

— Согласны ехать с экспедицией?

— Да, сэр.

— Какое жалованье?

— Восемь фунтов в месяц.

— Можете отправиться немедленно?

— Как только получу снаряжение.

— Бумаги ваши при вас?

— Да, сэр. — Он достал из кармана пачку засаленных, изодранных бумаг. Холмс просмотрел их и вернул ему.

— Такого, как вы, мне как раз и надо, — сказал он. — На столике у меня лежит соглашение. Подпишите его, и все будет в порядке.

Матрос прошел через комнату и взял перо.

— Здесь мне подписаться? — спросил он, наклоняясь над столом.

Холмс нагнулся над матросом и протянул руки над его плечами.

— Да, этого будет достаточно.

Я услышал лязг стали и рев взбешенного быка. Через секунду Холмс и моряк, сцепившись клубком, катились по полу. Моряк обладал такой силой, что даже в наручниках, которые Холмс одел ему, он быстро одолел бы моего друга, если бы мы с Гопкинсом не бросились на помощь. Патрик Кэрнс понял всю бесполезность сопротивления только тогда, когда я приставил к его виску холодное дуло револьвера. Мы связали ему веревкой ноги и, задыхаясь от борьбы, встали с пола.

— Право же я должен перед вами извиниться, Гопкинс, — сказал Холмс. — Я боюсь, что ваша яичница остыла. Впрочем, сознание, что вы победоносно закончили свое дело, придаст вам аппетит.

Стэнлей Гопкинс онемел от удивления.

— Я не знаю, что и сказать, мистер Холмс, — пробормотал он, наконец, краснея от смущения. — Мне кажется, я с самого начала действовал, как дурак, и только теперь понимаю, что мне ни на минуту не следовало забывать, что вы учитель, а я всего лишь ученик. Объясните мне, пожалуйста, как вы это сделали и что все это значит.

— Ну, ладно, ладно, — добродушно сказал Холмс — Мы все учимся на опыте, и на этот раз вы получили урок, который вам показал, что никогда не надо упускать из виду возможности другого решения вопроса. Вы были так поглощены молодым Нелиганом, что не подумали о Патрике Кэрне, действительном убийце Питера Каррей.

Матрос заговорил своим грубым голосом.

— Послушайте, господин, я не жалуюсь на то, что вы со мной так обошлись, но хотел бы, чтобы вы называли вещи своими именами. Вы говорите, что я совершил убийство, а я говорю, — я умертвил Питера Каррей, а это совсем не одно и то же. Может

быть, вы мне не верите и думаете, что я вам рассказываю сказки.

— Нисколько, — сказал Холмс, — мы охотно слушаем вас.

— Мне не придется долго говорить и клянусь, что я говорю правду. Я знал Черного Питера, и когда он схватился за нож, я проткнул его острой, так как понял, что только один из нас останется в живых. Вот как он умер. Вы можете назвать это убийством. Как бы то ни было, я предпочитаю умереть на виселице, чем от ножа Черного Питера.

— Как вы к нему попали? — спросил Холмс.

— Я расскажу вам все по порядку. Только дайте мне сесть, чтобы я мог свободнее говорить. Это случилось в 1883 году, в августе того года. Питер Каррей был хозяином «Морского носорога», а я был простым гарпунщиком. Мы как раз выбрались из льдов и возвращались домой, когда заметили суденышко, отнесенное штормом на север. На яхте был всего один человек, и тот не моряк. Команда опасалась, что суденышко пойдет ко дну, и на шлюпке направилась к берегам Норвегии. Думаю, они все утонули. Ну вот, мы подобрали этого человека. Он подолгу беседовал с Питером Каррей в каюте. Все имущество его состояло из жестяной шкатулки. Насколько я знаю, имя его никогда у нас не произносилось, и на следующую же ночь он исчез, как если бы его и не бывало. Говорили, будто он бросился за борт или упал за борт во время бури, а нас сильно трепало волной. Только один человек знал, что с ним случилось — знал это я, потому что собственными глазами видел, как наш хозяин схватил его за пятки и сбросил через перила. Было это в темную ночь, за два дня до того, как мы увидели шотландские маяки.

Я не стал об этом говорить с Питером и решил посмотреть, что будет дальше. Когда мы вернулись в Шотландию, никто нас ни о чем не расспрашивал. Вскоре Питер Каррей бросил свой промысел, и прошло много лет, пока я напал на его след. Я догадывался, что он утопил человека, чтобы присвоить

содержимое жестяной шкатулки, и считал, что он мог бы щедро заплатить за мое молчание.

От одного матроса, встречавшего Каррея в Лондоне, я узнал, где живет черный Питер, и отправился к нему, чтобы выжать из него хоть что-нибудь. В первую ночь Питер вел себя благоразумно и готов был дать мне сумму, достаточную, чтобы навсегда избавить меня от шатанья по морям. Мы должны были окончательно договориться ночью, через двое суток. Когда я пришел в условленное время, Каррей был пьян и озлоблен. Мы пили и вспоминали старые времена, но чем больше он пил, тем больше меня смущало выражение его лица. Я наметил себе острогу на стене и подумал, что она может мне пригодиться. Наконец его прорвало, — он стал осыпать меня плевками и проклятиями и набросился на меня с большим складным ножом. Не успел Каррей вынуть его из ножен, как я проткнул его острой. Бог мой, как он заревел! Его лицо не дает мне спать! Я стоял, а кровь так и хлестала из него; я переждал, кругом было тихо. Я набрался смелости, огляделся и увидел на полке жестяную шкатулку. Я имел на нее такое же право, как Питер Каррей. Как бы то ни было, я взял ее и вышел. Я, как дурак, забыл на столе свой кисет с табаком.

Теперь я расскажу вам самое странное в этом деле. Только я успел выйти из каюты, как услышал чьи-то шаги и спрягнулся в кустах. Человек крался по дорожке, вошел к Каррею, закричал, как если бы он увидел привидение, и пустился бежать со всех ног. Кто он и зачем он пришел этого я не могу сказать. Что до меня, то я отмахал пешком десять миль, сел на поезд и приехал в Лондон.

Когда я открыл шкатулку, я не нашел в ней денег, а только акции, которые я не решился продавать. Я потерял власть над Черным Питером и очутился в Лондоне на мели, без единого шиллинга в кармане. У меня оставался только мой промысел. Я увидел объявления о гарпунщиках, о большом жаловании и обратился к агентам; они послали меня к вам. Вот и все, что я знаю. Я повторяю: если

я умертвил Черного Питера, то правосудие должно быть благодарно мне, — я избавил его от расходов на веревку.

— Весьма ясные показания, — сказал Холмс, вставая и зажигая трубку. — Я думаю, Гопкинс, вам следует немедленно препроводить вашего пленника в надежное место. Эта комната мало пригодна как место заключения, и мистер Патрик Кэрнс занимает слишком большую часть нашего ковра.

— Мистер Холмс, — сказал Гопкинс, — я не знаю, как мне выразить свою признательность. Я даже и теперь не могу понять, как вы достигли таких блестящих результатов.

— Мне удалось с самого начала найти ключ к этой загадке, вот и все. Весьма возможно, что записная книжка, если бы я о ней знал, навела бы меня на ложный след, как это случилось с вами. Но все, что я слышал, толкало мою мысль в одном направлении: поразительная сила, ловкость в обращении с острогой, ром с водой, кисет из тюленьей кожи с крепким табаком, — все это указывало на моряка, и вдобавок на китобоя. Я был убежден, что инициалы «П. К» на клапане кисета относятся не к Питеру Каррей, поскольку он редко курил и в его «каюте» не было найдено трубки. Вы помните, я спрашивал вас, не нашли ли вы в «каюте» виски. Вы ответили, что нашли. Кто же, кроме моряка, стал бы пить ром, имея под рукою виски? Да, я был уверен, что убийство совершено моряком.

— А как вы его нашли?

— Дорогой сэр, это было совсем не трудно. Если это был моряк, то из экипажа «Морского носорога». Насколько мне известно, ни на каком другом судне Каррей не плавал. Три дня у меня ушло на телеграфные запросы в Денди; я узнал имена всех матросов, составлявших экипаж «Морского носорога» в 1883 г. Когда я нашел среди гарпунщиков Патрика Кэрнс, я считал мое расследование почти законченным. Я подумал, что этот человек, вероятно, находится в Лондоне и охотно уедет на некоторое время из Англии. Поэтому я провел несколько дней в Ист-

Энде, придумал арктическую экспедицию, предложил заманчивые условия для гарпунщиков, которые захотят служить под командою капитана Бэзиль, — и вот, полюбуйте на результат.

— Поразительно! — воскликнул Гопкинс. — Поразительно!

— Вы должны добиться скорейшего освобождения молодого Нелигана, — сказа Холмс. — Признаюсь, я считаю, что вы перед ним виноваты. Жестяную шкатулку надо ему вернуть, но, конечно, ценности, проданные Питером Каррей, пропали безвозвратно. Ну, вот и кэб у дверей, вы можете увезти своего пленника. Если вы захотите чтобы я присутствовал на суде, то напишите нам в Норвегию, куда мы отправляемся с доктором Ватсоном. Точный адрес я вам сообщу.

ПРОПАВШЕЕ ПИСЬМО

Хотя со времени истории с письмом в голубом конверте прошло не мало времени и действующие лица успели сойти со сцены, все же, по весьма понятным для читателей причинам, мне приходится умалчивать о многих подробностях.

Не указывая года, я скажу, что это случилось осенью, во вторник. В нашей скромной квартире на Бэкер-стрит появились два человека, пользующиеся европейской известностью. Один из джентльменов поражал своим суровым видом: у него был орлиный профиль и властный взгляд зорких глаз. Это был знаменитый лорд Беллингер, дважды занимавший пост премьер-министра. Его сопровождал брюнет с бритым лицом, изящный, красивый и довольно молодой, — министр иностранных дел Трелонэй-Гопп.

Наши посетители сели на диван. По их напряженным, беспокойным лицам было ясно, что они пришли по важному делу. Премьер-министр нервно сжимал ручку трости тонкими руками. Он мрачно глядел то на Холмса, то на меня. Министр иностранных дел тербил усы, перебирал брелоки на цепочке часов. Он заговорил первым.

— Пропажу я обнаружил сегодня в восемь часов

и немедленно сообщил об этом премьер-министру. По его совету мы обращаемся к вам, мистер Холмс.

— Вы дали знать полиции о пропаже?

— Нет, сэр! — решительно воскликнул премьер-министр. — Мы ничего не сообщали полиции и не будем сообщать. Уведомить полицию — это значит предать дело гласности, а этого как раз мы хотим избежать.

— Но почему же, сэр?

— Потому что пропавший документ имеет огромное значение. Опубликование этого документа может повлечь за собой серьезные осложнения международного характера. Я могу, не преувеличивая, сказать, что опубликование этого документа может колебать мирные отношения в Европе. Розыски должны быть обставлены глубочайшей тайной. Если же тайна не может быть соблюдена, лучше совсем отказаться от розысков. Цель похищения письма — опубликовать его содержание.

— Понимаю. А теперь, мистер Трелонэй-Гопп, я попрошу вас возможно подробнее рассказать мне об обстоятельствах, при которых исчез этот важный документ.

— Я охотно это сделаю, мистер Холмс. Речь идет о письме одного монарха, полученном несколько дней тому назад. Это письмо было настолько важно, что я не решался оставлять его на ночь в сейфе министерства, а увозил домой в Уайтголл-Террас и хранил в своей спальне, в шкатулке, всегда запертой на ключ. Вчера вечером письмо было там, — одеваясь к обеду, я открыл шкатулку и видел, что письмо лежит сверху. Но утром письма не оказалось. Шкатулка стояла всю ночь на туалетном столе. Никто в спальню не входил. И письмо пропало!

— В котором часу вы обедали?

— В половине восьмого.

— Когда вы легли спать?

— Жена моя была в театре, я ждал ее. Мы легли спать в половине двенадцатого.

— Значит, в течение четырех часов шкатулка никем не охранялась?

— Да. Но в спальню никто не входит, кроме горничной и моего камердинера. Оба они служат у меня давно, и я им безусловно доверяю. К тому же они никак не могли знать, что в шкатулке хранится важный документ.

— Кто знал о существовании этого письма?

— Никто.

— Ваша жена, конечно, знала?

— О нет, сэр! Я сказал ей об этом письме только сегодня, когда обнаружил пропажу.

— Ваша жена могла догадываться о существовании письма?

— Нет! Никто не мог об этом догадываться, мистер Холмс.

— Кто же в Англии знал о существовании этого письма?

— Вчера о письме было сообщено всем членам кабинета, и премьер-министр предупредил министров, насколько важно сохранить в тайне и содержание этого письма и самый факт его существования...

Трелонэй-Гопп старался говорить спокойно, но под конец не выдержал и в отчаянии схватился за голову.

— Боже мой! И это письмо пропало!

Но, быстро овладев собою, он продолжал:

— Кроме членов кабинета о существовании письма знают только два или три чиновника департамента и больше никто, ни один человек в Англии.

— А за границей?

— За границей о нем знает только лицо, написавшее это письмо. Я уверен, что даже его министры... я хотел сказать, что это письмо не было отправлено в официальном порядке.

Холмс задумался, затем сказал:

— Ну, а теперь, сэр, я хотел бы узнать, что это за документ и почему исчезновение его может повести к столь серьезным осложнениям?

Министры переглянулись. Премьер-министр нахмурился.

— Мистер Холмс. — сказал он. — письмо было в длинном, узком бледноголубом конверте. На печати

из красного сургуча изображен лежащий лев. Адрес написан крупным, твердым почерком.

— Эти подробности, — прервал его Холмс, — безусловно очень существенны, но я спрашиваю не о конверте. Я хотел бы знать содержание письма.

— Это государственная тайна, я не уполномочен делиться ею. Если с помощью приписываемого вам искусства вы найдете этот конверт с письмом, вы окажете большую услугу родине, и правительство достойно отблагодарит вас.

Шерлок Холмс встал:

— Джентльмены, — сказал он, — вы, конечно, принадлежите к числу самых занятых людей Англии. Но и у меня много дела. К сожалению, я не вижу возможности быть вам полезным и потому считаю продолжение этого разговора бесполезной тратой времени.

Премьер быстро встал с дивана. Его глубоко сидящие глаза загорелись гневом.

— Я не привык, сэр... — но он сразу же осекся и снова сел. Все молчали. Затем искушенный дипломат пожал плечами и проговорил:

— Приходится подчиниться вашим требованиям, сэр. Но я полагаюсь на вашу скромность и на ваш патриотизм. Разглашение этой тайны может иметь для нашего отечества самые тяжкие последствия.

— Вы можете нам вполне довериться, — сказал Холмс.

— Так вот. Письмо это написано одним монархом, которому не понравилось расширение наших колониальных владений. Он написал письмо под влиянием раздражения, повидимому, не посоветовавшись со своими министрами. В письме есть формулировки, носящие характер вызова. Опубликование этого письма может взволновать общественное мнение Англии, скажу более, может втянуть нас в войну.

Холмс написал на листке бумаги какое-то слово и показал премьер-министру.

— Совершенно верно. Письмо написано им. Это письмо может повести к гибели сотен тысяч людей... И оно пропало таким непостижимым образом...

— Автор письма извещен о пропаже?

— Да, я послал ему зашифрованную телеграмму.

— Но, может быть, опубликование этого письма входит в его расчеты?

— О, нет! У нас есть веские основания думать, что он сожалеет о своем опрометчивом поступке. Опубликование письма было бы ему еще более неприятно, чем нам, мистер Холмс.

— Кто же в таком случае может быть заинтересован в опубликовании этого письма?

— Чтобы понять это, мистер Холмс, надо учесть соотношение сил. Европа представляет вооруженный лагерь, — два союза, приблизительно равной силы, противостоят друг другу. Великобритания сохраняет нейтралитет. Но представьте себе, что Великобритания вовлечена в войну с одним из этих объединений. Тем самым другое объединение получает преобладание. Вы меня понимаете?

— О да, сэр! Документ был похищен с целью посорить автора письма с Англией.

— Совершенно верно.

— Как вы полагаете, кому могло быть передано это письмо?

— Конечно правительству, в интересах которого совершена кража письма. Я думаю, в настоящий момент, письмо уже несется на пароходе по назначению.

Трелонэй-Гопп опустил голову. Премьер ободряющим жестом коснулся его плеча.

— Что поделать! Вас постигло несчастье. Никто не решится осуждать вас, — вы приняли все меры предосторожности... Мистер Холмс, я сообщил вам все обстоятельства и теперь хочу выслушать ваш совет.

Холмс уныло покачал головой.

— Из ваших слов я понял, что война неотвратима, если письмо это не будет возвращено?

— Полагаю, что да.

— В таком случае, готовьтесь к войне.

— Это очень жестокий ответ, мистер Холмс!

— Но сопоставьте все факты, сэр. Нельзя допустить мысли, что письмо похищено после половины

двенадцатого, то есть в то время, когда мистер Трелонэй-Гопп был у себя в спальне. Значит, письмо исчезло вчера между половиной восьмого и половиной двенадцатого, — вероятно, ближе к половине восьмого. Вор, безусловно, знал, где лежит письмо, и постарался завладеть им возможно раньше. Теперь посудите сами, сэр, — если документ такой важности похищен в такое время, где он может находиться? Никто не станет его хранить. Письмо спешно передано тому, кто в нем заинтересован. Какие у нас шансы перехватить его или хотя бы выследить?

Премьер встал с дивана.

— Ваша логика неопровержима и неумолима, мистер Холмс. Теперь мне самому ясно, что дело безнадежное.

— Допустим, — продолжал Холмс, — что письмо похищено горничной или лакеем.

— Я не могу этого допустить, — оба они старые и преданные слуги.

— Из ваших слов я понял, что спальня расположена во втором этаже. Следовательно проникнуть в нее с улицы невозможно. Значит, вор так или иначе проник изнутри. Письмо, безусловно, взято кем-нибудь из домашних. Теперь возникает вопрос: кому вор мог отдать это письмо? Конечно, какому-нибудь международному шпиону. Я почти наперечет знаю эту компанию. В Лондоне есть три крупных шпиона этого рода. С них я и начну свои розыски. Если я узнаю, что кто-нибудь из этих господ в отъезде, то мы будем знать, кто увез письмо.

— Но почему вы думаете, что шпион сам уедет с письмом? — воскликнул Трелонэй-Гопп. — Ему гораздо проще отнести письмо в посольство здесь же, в Лондоне.

— Не думаю. Шпионы этого типа работают за собственный страх и риск и стараются не иметь дела... с посольствами.

— Вы правы, — сказал премьер. — Конечно, вор никому не доверит этот документ и отвезет его сам. Я всячески одобряю ваш план действий, сэр. Нам пора, Гопп! Мы надеемся, мистер Холмс, что вы не-

медленно дадите нам знать, если удастся обнаружить что-либо существенное.

Министры удалились.

Холмс закурил трубку и глубоко задумался.

Я просматривал газеты. Они были полны сообщений о сенсационном преступлении, совершенном накануне вечером.

Вдруг Холмс вскочил с места и положил трубку на камин.

— Есть всего один путь! — воскликнул он. — Положение отчаянное, но не безнадежное. Только бы удалось выяснить личность вора, что же касается самого письма, то я имею веские основания предполагать, что вор не успел передать украденный документ. В конце концов, когда имеешь дело с такими прохвостами, все сводится к деньгам, а в данном случае к моим услугам все британское казначейство. Если письмо можно купить, я куплю его за любую цену, хотя бы для этого пришлось увеличить подоходный налог по всей Англии. Возможно, что вор держит письмо, ожидая покупателя. Но у кого может находиться это письмо, — вот в чем вопрос. Я знаю в Лондоне только трех человек, способных на такое смелое предприятие. Это — Оберштейн, Ларотьер и Эдуард Лукас. Я повидаюсь со всеми ими...

— Вы говорите — Эдуард Лукас? — спросил я. — Это Лукас, живущий на Годольфин-стрит?

— Да.

— В таком случае не рассчитывайте его увидеть.

— Отчего?

— Вчера вечером он был убит в своей квартире.

Холмс долго смотрел на меня в полнейшем недоумении, а затем выхватил газету из моих рук.

Он торопливо просмотрел сообщение. Заголовок был напечатан жирным шрифтом:

УБИЙСТВО В ВЕСТМИНСТЕРЕ

Вчера ночью в доме № 16 по Годольфин-стрит совершено загадочное убийство в старинном особняке между рекой и Аббатством, почти ря-

дом со зданием парламента. В этом небольшом особняке в течение нескольких лет жил мистер Эдуард Лукас; имя его хорошо известно лондонскому обществу. Мистер Лукас был обаятелен в обращении, очень музыкален и обладал прекрасным голосом. Ему было 34 года, он был холост. Прислуга состояла из пожилой экономки, миссис Прингель, и лакея Миттер. Экономка рано ушла из квартиры мистера Лукас и ночевала, как всегда, в верхнем этаже дома. Лакей провел эту ночь вне дома, у приятеля в Гаммерсмите. С десяти часов вечера мистер Лукас оставался один в квартире. Подробности происшедшего за это время еще не установлены, но без четверти двенадцать констебль Беррет, проходя по Годольфин-стрит, заметил, что входная дверь дома № 16 полуоткрыта. Он позвонил, никто не ответил. Видя, что комната освещена, констебль вошел в коридор и постучал в дверь. Никто не отозвался. Тогда он открыл дверь и вошел. В комнате он увидел полнейший беспорядок: мебель была сдвинута, один стул валялся посредине комнаты. Около него лежал несчастный мистер Лукас, сжимая рукой ножку этого стула. Мистер Лукас убит ударом ножа или кинжала прямо в сердце; смерть, повидимому, наступила мгновенно. При тщательном осмотре оказалось, что мистер Лукас убит изогнутым индийским кинжалом, украшавшим вместе с другим оружием стены комнаты. Покрытый кровью кинжал лежал рядом с трупом. Следует полагать, что убийство совершено не с целью грабежа, так как не тронута ни одна из ценных вещей, находившихся в комнате».

— Что вы на это скажете, Ватсон? — проговорил Холмс после долгого молчания.

— Какое-то странное совпадение.

— Совпадение! Да ведь Лукас — это один из трех людей, которые могли похитить это письмо! И вот он умирает насильственной смертью в тот самый вечер, когда исчезло письмо. О, нет, это вряд ли совпадение! Что бы вы ни говорили, а я убежден, что эти два события тесно связаны между собою. Нам необходимо уяснить эту связь.

— Но теперь все уже расследовано Скотлэнд-Ярдом.

— О, нет! Совсем нет. Скотлэнд-Ярд знает только то, что произошло на Годольфин-стрит. Но полиция не знает и не может знать того, что произошло на Уайтхолл-Террас. Об этих событиях знаем только мы, поэтому только мы можем вскрыть связь между похищением письма и убийством на Годольфин-стрит. Лукаса я, конечно, подозревал больше, чем других. Оберштейн и Ларотьер живут на другом конце Вест-Энда, а Лукас жил в Вестминстере, на Годольфин-стрит, в двух шагах от Уайтхолл-Террас. Лукасу было легче, чем другим, завязать знакомство с прислугой министра иностранных дел и добыть нужные ему сведения. Учтите, Ватсон: совпадение во времени имеет огромное значение. Однако кто-то звонит.

Вошла миссис Гудсон и подала визитную карточку. Холмс взглянул, поднял брови и без слов передал мне карточку.

— Попросите лэди Трелонэй-Гопп пожаловать сюда, — сказал он.

В нашу скромную комнату вошла самая красивая женщина Лондона: я не раз слышал о редкой красоте младшей дочери герцога Бельминстер, мне приходилось видеть портреты этой женщины, но ни описания, ни портреты не давали представления о ее неподражаемой грации и о безупречной правильности точеных черт ее лица.

Но в это хмурое осеннее утро нас поразила не красота лэди Гильды, а ее бледность и лихорадочный блеск глаз. Губы ее были крепко сжаты, и видно было, что ей стоило больших усилий сохранять внешнее спокойствие.

— Мой муж был здесь, мистер Холмс? — спросила она с выражением ужаса во взоре.

— Да, милэди.

— Мистер Холмс, я умоляю вас не говорить ему о том, что я приходила сюда.

Холмс сдержанно поклонился и жестом руки попросил посетительницу сесть.

— Прошу вас, милэди, сесть и объяснить мне,

чем я могу вам служить. Должен предупредить, что отказываюсь что-либо обещать вам заранее.

Лэди Гильда прошла через всю комнату и села спиной к свету.

— Мистер Холмс, я буду с вами совершенно откровенна и надеюсь, вы мне оплатите тем же. Между моим мужем и мною царит полное согласие и доверие. Только в политические дела он меня не посвящает. Однако я узнала, что у нас в доме случилось большое несчастье. Пропала какая-то очень важная бумага. Мой муж отказывается объяснить мне, почему пропавшая бумага имеет такое значение. Но мне необходимо, понимаете, необходимо это знать. Кроме моего мужа и его коллег только вы один, мистер Холмс, можете объяснить, в чем дело и какие последствия может иметь пропажа этой бумаги. Умоляю вас, скажите мне все, мистер Холмс! В интересах ваших клиентов, моего мужа и лорда Беллингера, объясните, что это за бумага!

— Милэди, вы требуете от меня больше того, что я могу сделать.

Лэди Гильда глубоко вздохнула и закрыла лицо руками.

— Поверьте, милэди, что я не могу исполнить вашего желания. Ваш муж не считает возможным посвящать вас в данное дело, так как же я, его поверенный, могу это сделать? Обратитесь к мужу и спросите его.

— Я его спрашивала, и он мне ничего не объяснил, поэтому я и пришла к вам, чтобы попытаться узнать у вас. Я, к сожалению, не могу выражаться яснее, но я прошу вас, мистер Холмс, ответить мне на один вопрос.

— На какой вопрос, милэди?

— Скажите, эта история с письмом не может отразиться на политической карьере моего мужа?

— Если это дело не будет улажено, последствия могут быть самые прискорбные.

Лэди Гильда с трудом перевела дух. — Ах! — проговорила она, точно найдя разгадку.

— Еще один вопрос, мистер Холмс. Обнаружив

пропажу, мой муж. . . проговорился, и из его слов я поняла, что пропажа этого письма может повлечь за собою тяжелые последствия для всей страны.

— Если ваш муж вам это сказал, то я могу подтвердить: это действительно так.

— Но скажите, в чем именно могут заключаться эти последствия?

— На этот вопрос я не могу вам ответить, милэди.

— Если так, то я не буду вас больше беспокоить. Я на вас не сержусь, мистер Холмс. Я понимаю: вы не можете быть со мною откровенны. Но будьте, по крайней мере, справедливы ко мне и поймите, — я не могу относиться равнодушно к тому, что так огорчает моего мужа. Я еще раз прошу вас не говорить ему о том, что я у вас была.

Она остановилась на пороге и оглянулась на нас. Я увидел красивое взволнованное лицо, испуганные глаза и крепко сжатые губы.

Затем она вышла. Мы слышали на лестнице шуршание шелковых юбок; когда наружная дверь захлопнулась, Холмс спросил меня, улыбаясь:

— Как вы думаете, Ватсон, зачем она приходила? Что ей нужно?

— Ведь она объяснила цель своего визита. Ее беспокойство вполне естественно.

— Гм... А вы заметили, Ватсон, как она волновалась? И как она настойчиво задавала вопросы? А ведь лэди Гильда принадлежит к касте людей, умеющих скрывать свои чувства...

— Да, она очень волновалась.

— Вы заметили, как она сразу же заявила, что в интересах своего мужа желает знать всю правду о письме. Как вы полагаете, что она хотела этим сказать? Вы обратили внимание, что она нарочно села спиной к окну? Лэди Гильда не хотела, чтобы я следил за выражением ее лица.

— Вы фантазируете, Холмс! Она села на единственное свободное кресло.

— Впрочем, мотивы, которыми руководствуются женщины, чаще всего необъяснимы. Вспомните эту

женщину в Маргэте. Я заподозрил ее, так как она очень волновалась. И что же потом выяснилось? Все ее беспокойство происходило от того, что она забыла напудрить себе нос. Поэтому опасно строить выводы на такой зыбкой почве. Ну, до свидания, Ватсон!

— Вы уже уходите?

— Да. Я хочу провести утро на Годольфин-стрит с нашими друзьями из Скотленд-Ярда. Для меня уже теперь ясно: разгадку всей этой истории надо искать в квартире Эдуарда Лукаса. Хотя я все же не понимаю, что все это означает. Мне не хватает фактов, а без фактов нельзя строить теорию. Вы побудьте здесь, дорогой друг, на случай, если явятся посетители. Возможно, я вернусь к завтраку.

Весь этот день и следующих два дня Холмс был очень молчалив. Он без конца приходил и снова уходил. Дома он не выпускал изо рта трубки, играл на скрипке, и о чем-то углубленно размышлял, не отвечая на мои вопросы. Питался он эти дни чем попало и когда придется.

Мне было совершенно ясно, что Холмс недоволен результатами своей работы. О деле он со мною не говорил, и я только из газет знал о ходе следствия. Полиция арестовала лакея Лукаса, Джона Миттона, но затем его освободили. Судья признал факт убийства, но убийца не был найден. Не удалось также установить мотивы преступления. Комната, где был убит Лукас, была полна редких и ценных предметов, но ни один из них не исчез. Бумаги покойного тоже остались нетронуты. Полиция тщательно исследовала эти бумаги и выяснила, что Лукас очень интересовался международной политикой и собирал всякие политические слухи. Он вел огромную переписку на очень многих языках и состоял в прекрасных отношениях с политическими деятелями разных стран.

Но в бумагах покойного не было найдено ничего сенсационного. Полиция установила, что покойный вел очень размеренный образ жизни, был безупречного поведения. Кто же его убил? За что?

Это казалось неразрешимой тайной.

Лакея Джона Миттон полиция арестовала только потому, что хотела хоть чем-нибудь проявить свою деятельность. Невозможно было обвинить человека, который в ночь убийства находился у своего приятеля в Гаммерсмите. Правда, Миттон уехал из Гаммерсмита так рано, что мог быть в Вестминстере до того, как было совершено убийство, но оказалось, что Миттон задержался в пути, пройдя часть дороги пешком. В Вестминстер он вернулся в полночь и был потрясен событиями, разыгравшимися в его отсутствие.

Миттон служил у Лукаса три года, но Лукас, уезжая на континент, никогда не брал его с собою, хотя часто оставался во Франции по несколько месяцев.

Экономка в ночь убийства не слышала никакого шума. Если к хозяину кто-нибудь приходил, то, очевидно, его впустил сам хозяин. Вот и все, что было известно по газетным отчетам. Холмс, быть может, знал больше, но он не открывал мне своих карт. Однако Холмс сказал мне, что инспектор Лестрэд, ведущий расследование, держит его в курсе дела.

На четвертый день в газетах появилась телеграмма из Парижа; она как будто раскрывала тайну убийства.

«Парижская полиция, — писал «Daily Telegraph» — приподняла покрывало, окутывавшее до сих пор трагическую гибель мистера Эдуарда Лукас, убитого в понедельник на Годольфин-стрит в Вестминстере. Наши читатели помнят, что покойный джентльмен был найден заколотым в своем кабинете, и что подозрение пало на его лакея Миттон, которому удалось, однако, доказать свое alibi.¹ Вчера в отделение парижской полиции явилась горничная мадам Апри-Фурнэ, занимающей небольшую виллу

¹ Alibi — юридический термин. Alibi — это доказательство невиновности подозреваемого лица, основанное на том, что в момент совершения преступления это лицо находилось в другом месте.

на улице Аустерлиц, и заявила, что ее госпожа сошла с ума. Медицинским освидетельствованием установлено, что мадам Анри-Фурнэ страдает маниакальным умопомешательством. Полиция установила, что во вторник мадам Анри-Фурнэ вернулась из поездки в Лондон, и есть основания подозревать, что она имеет непосредственное отношение к делу на Годольфин-стрит. Сравнение фотографических карточек показало, что мосье Анри-Фурнэ и мистер Эдуард Лукас — одно и то же лицо, и что покойный жил то в Париже под именем Анри-Фурнэ, то в Лондоне в качестве Эдуарда Лукас. Мадам Фурнэ, по происхождению креолка, отличается очень пылким и необузданным нравом. Она страдает припадками ревности, делающей ее совершенно невменяемой. Предполагают, что она в состоянии аффекта совершила это преступление, взволновавшее весь Лондон. Повидимому, заколов в приступе безумия мистера Лукас, женщина пришла в ужас от сделанного ею и сошла с ума. Она совершенно не помнит всего происшедшего. Есть также указания на то, что женщина, похожая на мадам Фурнэ, стояла в понедельник вечером на Годольфин-стрит около особняка мистера Эдуарда Лукас».

Холмс завтракал, а я читал ему вслух телеграмму из Парижа. Окончив, я спросил:

— Ну, что вы на это скажете, Холмс?

— Друг мой, — ответил он, — у вас ангельское терпение. Вот уже три дня, как я вам ничего не сообщаю. И знаете почему? Мне нечего вам сказать. Решительно нечего. Эта парижская телеграмма тоже не имеет для нас значения.

— Но дело об убийстве Лукаса теперь совершенно выяснено

— Ну, и что же? Это убийство — только эпизод, и притом совершенно ничтожный, в цепи событий, которые мы должны выяснить для достижения нашей основной цели. Мы должны отыскать письмо в светлоглубом конверте и предотвратить войну. За эти три дня произошло только одно важное событие,

и оно заключается в том, что за эти три дня ровно ничего не случилось. Я почти ежечасно получаю от правительства сведения и вижу, что в Европе повсюду царит полнейшее спокойствие. Если бы украденное письмо дошло по назначению, — буря бы уже разразилась. Спрашивается, где же это письмо? У кого оно находится? Почему медлят и прячут его? Эти вопросы сверлят мой мозг. Трудно допустить, что исчезновение письма и смерть Лукаса — простое совпадение. Передано ли ему это письмо? А если передано, то почему оно не было найдено в его бумагах? Неужели его унесла с собой сумасшедшая жена? Если она унесла его, то оно должно находиться в Париже, в ее доме. Не так ли? Но как я могу искать его в ее квартире? Ведь это сразу заставит парижскую полицию насторожиться. В этом деле закон не на нашей стороне. Но как бы то ни было, поиски необходимо продолжать во что бы то ни стало. На карту поставлено благо страны.

Вошла миссис Гудсон и подала Холмсу записку. Он пробежал ее глазами.

— А! Лестрэд нашел что-то интересное. Надевайте шляпу, Ватсон, и отправимся на место происшествия.

В первый раз я увидел дом, в котором был убит Лукас. Это была типичная постройка XVIII века, — узкий высокий фасад с маленькими окнами. Через одно из них на нас глядел Лестрэд — совершенный бульдог с любезной улыбкой. Рослый констэбль отворил нам дверь, а сыщик радостно встретил нас в прихожей. Мы вошли в комнату, где было совершено преступление. Никаких следов происшествия, кроме кровавого пятна на ковре, в комнате не осталось.

Ковер был небольшой и покрывал только середину паркетного пола. Стена над камином была увешана старинным оружием. С этой стены был взят кинжал, которым женщина заколола Лукаса.

Против окна стоял письменный стол художественной работы. Обстановка комнаты — картины, ковер, мебель — все свидетельствовало об утонченном вкусе покойного.

— Читали телеграмму из Парижа? — спросил Лестрэд. Холмс угвердительно кивнул головой.

— Они здорово разобрались в этом деле, — сказал Лестрэд. — Все так и произошло, как они пишут. Женщина позвонила. Она явилась неожиданно, иначе бы он ее не впустил. Это был очень осторожный малый, и к нему не так-то легко было попасть... Но все же он ей открыл. Нельзя же держать человека на улице. Она стала кричать, что выследила его, стала упрекать в измене, затем схватила со стены кинжал и... впрочем, она не сразу его заколола. Очевидно, он надеялся спастись: все стулья оказались сбитыми в кучу, а один из них он держал за ножку, как если бы он им оборонялся. Да, да, мистер Холмс, я так ясно все себе представляю, как если бы сам присутствовал при этой сцене.

Холмс с недоумением поднял брови.

— Если так, то зачем же вы за мной посылали?

— Я просто хотел вам показать одну из тех мелочей, которыми вы всегда интересуетесь. К делу это не имеет никакого отношения. Но это очень загадочно.

— Что именно?

— Видите ли, после того как было обнаружено убийство, полиция приняла меры к тому, чтобы все вещи оставались нетронутыми. Здесь день и ночь дежурил полицейский. Сегодня утром, после того, как следствие закончили и тело похоронили, мы решили еще раз хорошенько осмотреть комнату. Между прочим, мы подняли этот ковер, — он не прибит к полу. Мы подняли его и нашли...

— Ну? Что же вы нашли?

— Вы сто лет будете гадать, мистер Холмс, и не отгадаете. Видите на ковре пятно крови? Крови так много, что она должна была просочиться через ковер, не правда ли?

— Несомненно.

— И я так думаю. А представьте себе, — пол под пятном совершенно чистый. Ни малейших следов крови.

— Этого не может быть.

— И я того мнения. А между тем это так. Пол совершенно чистый.

Он приподнял край ковра, и мы увидели, что паркет под пятном был, действительно, совершенно чист.

— А ведь вся кромка ковра измазана кровью, — заметил Лестрэд, — так что следы во всяком случае должны были остаться.

Видя изумление на лице Холмса, Лестрэд захихикал.

— Ну, а теперь я вам объясню, в чем дело. На полу есть пятно крови, но совсем в другом месте. Поглядите-ка!

Он приподнял ковер с другого края, и на светлом паркете мы увидели большое багровое пятно.

— Что вы на это скажете, мистер Холмс?

— Я не вижу тут ничего странного. Это очень просто. Пятно на полу находилось под пятном на ковре, но ковер подняли и переложили. Ковер не приколочен, и это легко сделать.

— Агенты Скотленд-Ярда не нуждаются в таких объяснениях, мистер Холмс, — обиженно проговорил Лестрэд. — Неужели мы сами не понимаем, что ковер переложили. Это совершенно очевидно, если пятно на ковре и пятно на полу не совпадают. А я вас спрашиваю, кто поднимал ковер и зачем поднимал?

Холмс был холоден и непроницаем, но я чувствовал, что он с трудом сдерживает охватившее его волнение.

— Послушайте, Лестрэд, вы вполне уверены, что констебль все время дежурил в этой комнате?

— Да, он находился здесь безотлучно.

— Я вам советую хорошенько порасспросить констебля, но только не при нас. Наедине с вами он скорее признается. Не спрашивайте его, впускал ли он сюда кого-нибудь, а говорите с ним так, как если бы вам все было известно. Скажите, что в этой комнате кто-то побывал, прижмите его к стенке. Укажите, ему, что он может заслужить прощение только чистосердечным признанием. Послушайтесь меня!

— Клянусь, я выжму из него все! — воскликнул Лестрэд и бросился вон из комнаты.

— Скорее, — Ватсон, скорее! — крикнул Холмс, дрожа от нетерпенья.

Он откинул ковер и, встав на колени, начал ощупывать пол, квадрат за квадратом. Одна из планок паркета, когда он ее нажал, отскочила вверх, как крышка шкатулки. Под планкой оказалась небольшая выемка. Холмс засунул в нее руку и... зарычал от бешенства и разочарования.

В выемке ничего не оказалось.

— Живей, Ватсон, кладите ковер на место.

Мы едва успели закрыть тайничок и постелить ковер, как из коридора донесся голос Лестрэда. Когда сыщик вошел в комнату, Холмс стоял, небрежно прислонясь к камину, и едва сдерживал зевоту.

— Простите, что я вас задержал, мистер Холмс. — Я вижу, вам до смерти надоела эта канитель. Вы были совершенно правы, этот растяпа во всем признался. Ну, Макферсон, идите сюда и расскажите этим джентльменам о вашем непростительном легкомыслии.

В комнату боком вошел красный и смущенный констэбль.

— Уверяю вас, сэр, — заговорил он с глубоким раскаянием. — Я ничего худого и в мыслях не имел. Вечером сюда зашла молодая дама. Она сказала, что ошиблась домом. Я с нею немного разговаривался. Знаете, дежуришь здесь целый день один, поневоле скука одолеет...

— Ну, и что же было дальше?

— Она читала об этом убийстве в газетах и ей очень хотелось посмотреть комнату, где все это случилось. Она говорила так хорошо, складно, и я подумал, что не будет большой беды, если я ее впущу. Ну, впустил, она вошла в комнату, увидала крозь и сразу же упала в обморок. Лежит, как мертвая. Я бросился в кухню за водой, стал ее поить, а она все не приходит в себя. Тогда я побежал на угол, в трактир «Тиссовое дерево» за водкой. Но куда я ходил, лэди пришла в себя и ушла из комнаты.

— Скажите, Макферсон, в каком виде оказался ковер после ее ухода?

— Он был как будто немного помят, сэр. Ведь ковер-то к полу не прибит, а лэди прямо на него упала. Я после нее расправил ковер.

— Это вам хороший урок, Макферсон! — важно проговорил Лестрэд. — Теперь вы видите, что меня не проведете. Мне стоило взглянуть на ковер, и я сразу увидал: кто-то сюда заходил. Счастье ваше, что дама ничего не унесла из комнаты, а то бы вам не сдобровать. Мне очень жаль, мистер Холмс, что я вызвал вас по делу, которое оказалось таким простым. Я думал, вас заинтересует эта загадка.

— Она меня очень заинтересовала. Скажите, Макферсон, эта дама была здесь один раз?

— Да, сэр, всего один раз.

— А вы не знаете, кто она?

— Не знаю, сэр. Она сказала, что занимается перепиской и ищет работу. Пошла, говорит, по объявлению в газете, но ошиблась номером и попала сюда. Она очень красивая, сэр.

— Высокая, тонкая?

— Да, сэр, высокая и красивая.

— А как одета?

— Она была в длинном плаще до самых пят.

— В котором часу она приходила?

— В сумерки, сэр. Когда я возвращался из трактира, уже зажигали фонари.

— Ну, ладно, — сказал Холмс. — Идем, Ватсон, нам предстоит очень важное дело.

Мы вышли. Лестрэд остался в комнате, а полный раскаяния констэбль бросился отворять входную дверь. Проходя мимо констэбля, Холмс задержался, вынул что-то из кармана и показал Макферсону.

Тот так и ахнул.

Холмс приложил палец к губам, сунул обратно предмет, поразивший полицейского, и мы вышли на улицу.

— Это прямо-таки великолепно! — воскликнул он. — Живее, Ватсон! Занавес поднят, начинается последний акт драмы. Теперь мы можем быть

спокойны! Война в Европе не разразится, карьера почтеннейшего лорда Трелонэй-Гопп не пострадает, неосторожный монарх не будет наказан за свою неосмотрительность, нашему премьеру не придется нести бремя международных осложнений... В настоящий момент от нас требуется только такт и ловкость, и то, что грозило огромным бедствием, сведется... к небольшому недоразумению.

— Значит, вы разрешили задачу?

— Ну, в этом-то я еще не уверен. В деле есть обстоятельства, совершенно мне непонятные. Но, зная так много, мы, конечно, узнаем и остальное. Теперь направимся прямо на Уайтхолл-Террас.

Через несколько минут мы дошли до дома министра иностранных дел. Шерлок Холмс попросил лакея доложить лэди Гильде о нашем приходе. Нас ввели в изящно обставленную приемную.

Лэди Гильда вышла к нам. Ее лицо пылало от негодования.

— Мистер Холмс! Это недостойно, это не благородно с вашей стороны! Ведь я просила вас сохранить в тайне мой визит к вам. Я не хочу, чтобы мой муж знал, что я вмешиваюсь в его дела. Теперь, когда вы пришли сюда, все поймут, что я к вам обращалась.

— Простите, милэди, но я должен был придти. Мне поручено найти и вернуть это письмо. Поэтому я и пришел к вам. Я прошу вас, милэди, вернуть мне этот документ.

Лэди Гильда вскочила с места. Румянец сошел с ее прекрасного лица. Глаза остановились. Она по качнулась. Я думал, что она упадет. Но она сделала усилие и овладела собой. На ее лице негодование чередовалось с изумлением.

— Вы, вы оскорбляете меня, мистер Холмс!

— Хитрить со мною бесполезно, милэди! Отдайте мне письмо!

Лэди Гильда протянула было руку к звонку.

— Дворецкий проводит вас, — сказала она.

— Не звоните, лэди Гильда. Если вы вызовете кого-нибудь, я при всем желании не смогу закончить

это дело без скандала. Отдайте письмо, и все будет улажено. Если вы согласны мне довериться, я все устрою, но если вы пойдете против меня, мне придется вас выдать.

Лэди Гильда стояла перед нами; гордая и величественная, она пристально смотрела на Холмса, как бы пытаясь отгадать его мысли. Рука ее касалась звонка, но она так и не позвонила.

— Вы хотите меня запугать, мистер Холмс. Это не благородно с вашей стороны. Вы пришли сюда, чтобы оскорбить женщину. Вы что-то узнали обо мне. Ну, так скажите прямо: что вы узнали?

— Сядьте, милэди, я не стану говорить, пока вы не сядете. Ну вот, вы сели, благодарю вас.

— Мистер Холмс, я даю вам пять минут.

— Лэди Гильда, мне достаточно одной минуты. Я знаю, что вы были у Эдуарда Лукас и отдали ему это письмо. Я знаю также, что вчера вечером вы хитростью проникли в квартиру убитого и достали письмо из-под пола, покрытого ковром.

Помертвев от ужаса, тяжело дыша, лэди Гильда смотрела на Холмса.

— Вы сошли с ума, вы действительно сошли с ума! — проговорила она, наконец.

Холмс вынул из кармана предмет, который привел в такое изумление полицейского: это была фотография лэди Гильды.

— Я нарочно захватил эту фотографию с собой, чтобы проверить, — сказал он. — Констэбль узнал даму, входившую вчера в комнату покойного Лукаса.

Лэди Гильда с трудом глотнула воздух. Ее голова откинулась на спинку кресла.

— Успокойтесь, милэди! Все еще можно исправить. Письмо у вас, а я не имею никакого желания делать вам неприятности. Я должен возвратить письмо вашему мужу, — этим исчерпывается моя миссия. Послушайтесь моего совета: будьте со мной откровенны. Для вас это единственный путь спасения.

Но лэди Гильда и теперь еще не хотела признать себя побежденной.

— Я повторяю вам, мистер Холмс, вы ошибаетесь, — сказала она.

Холмс встал и прошелся по комнате.

— Мне вас очень жаль, лэди Гильда. Я сделал для вас все, что мог. Но теперь я вижу: мои труды были напрасны.

Он позвонил. Вошел дворецкий.

— Мистер Трелонэй-Гопп у себя? — спросил он.

— Он будет дома в половине первого, сэр, — ответил дворецкий.

Холмс взглянул на часы.

— Через четверть часа, — сказал он. — Что же, мне придется обождать его.

Но едва затворилась за дворецким дверь, как лэди Гильда бросилась к ногам Холмса. Ее прелестное лицо было залито слезами.

— Пощадите меня, мистер Холмс! Пощадите меня! — умоляла она в безумном отчаянии. — Ради всего святого не говорите ему об этом! Я его так люблю! Мне больно причинить ему малейшую неприятность, а это разобьет его сердце.

Холмс поднял лэди Гильду и усадил ее.

— Я очень рад, милэди, что вы поняли всю серьезность положения. Но нельзя терять времени, — где письмо?

Она бросилась к столу, отперла ящик и вынула продолговатый голубой конверт.

— Вот письмо, мистер Холмс!

— Мы должны его вернуть, но как это сделать? Надо скорее что-нибудь придумать! Где шкатулка?

— В спальне, как всегда.

— Вот это удача! Скорее принесите сюда шкатулку.

Через минуту лэди Гильда вернулась. Она держала в руках небольшой ящичек красного дерева.

— Как вы его открывали? У вас есть второй ключ? Ну, конечно, есть, откройте шкатулку.

Лэди Гильда вынула из-за корсажа маленький ключик и открыла шкатулку, доверху набитую письмами. Холмс засунул голубой конверт в самый низ;

затем лэди Гильда закрыла шкатулку на ключ и унесла в спальню.

— Теперь все готово, — сказал Холмс, когда молодая женщина вернулась, — у нас остается еще десять минут. Чтобы выгородить вас, я пошел на очень рискованный шаг, лэди Гильда. Вы должны заплатить мне за это полной откровенностью. Объясните эту странную историю с письмом.

— Я расскажу вам все, — воскликнула лэди Гильда. — Я думаю, во всем Лондоне не найдется женщины, которая бы так любила своего мужа, как я. И все же я знаю, что он никогда не простил бы мне, если бы узнал, как мне пришлось поступить в этой злополучной истории. Помогите мне, мистер Холмс! Для меня все поставлено на карту — счастье и жизни!

— Скорее, милэди, осталось всего несколько минут.

— Так слушайте: еще до замужества я написала письмо, глупое, легкомысленное письмо. В нем не было ничего страшного, но я знаю, что мой муж посмотрел бы на это иначе и навсегда потерял бы доверие ко мне. Я была убеждена, что он никогда не узнает об этом письме. И вдруг этот Лукас заявляет мне, что мое письмо попало к нему, и он намерен передать его мужу. Я стала умолять его вернуть мне письмо. Он сказал, что отдаст письмо, если я принесу ему голубой конверт, хранящийся в шкатулке мужа. Мне кажется, в министерстве у него есть свои соглядатаи... При этом Лукас меня уверил, что это ничуть не повредит моему мужу. Поставьте себя на мое место, мистер Холмс, что я должна была делать?

— Рассказать обо всем вашему мужу.

— Я не решалась этого сделать, мистер Холмс, не могла. Я попала в безвыходное положение. И я решила выполнить требование Лукаса, хотя этим обманывала мужа. Я ничего не понимаю в политике, и мне в голову не приходило, что мой поступок мог повести к серьезным последствиям. Я сняла восковой слепок с замка. Лукас сделал мне ключ. Я от-

перла шкатулку, достала письмо и отнесла его Лукасу, на Годольфин-стрит.

— И что было дальше?

— Я постучала в дверь, как было условлено. Лукас сам отворил мне. Я вошла в кабинет, но сознательно оставила дверь прихожей открытой. Я хорошо помню, что, входя, заметила у подъезда какую-то женщину. Я очень быстро закончила переговоры. Мое письмо лежало уже на столе. Лукас получил от меня голубой конверт и отдал мне мое письмо. В эту минуту я слышала в дверях шум. Кто-то шел по коридору. Лукас быстро приподнял ковер, спрятал под пол письмо и снова закрыл паркет ковром. Затем произошло что-то дикое. Я помню смуглое, безумное лицо, пронзительный голос женщины. Она кричала по-французски: «Я не напрасно караулила! Наконец-то я застала тебя с нею!» Затем она накинулась на него с кинжалом. Он схватил стул и защищался. Я бросилась бежать. На следующее утро я узнала из газет об убийстве на Годольфин-стрит.

Всю ночь я себя чувствовала счастливой, — мое письмо было у меня. Но утром я поняла, что, избавившись от одной беды, попала в другую, еще более страшную. Мой муж, обнаружив пропажу письма, пришел в непонятное для меня отчаяние. Мне хотелось упасть перед ним на колени и признаться ему во всем. Но ведь мне пришлось бы признаться также и в том, что было когда-то... И я пошла к вам. Я хотела, чтобы вы мне объяснили, насколько серьезно то, что я сделала. И когда я это поняла, я решила пойти на все, только бы вернуть письмо. Я полагала, что оно осталось там, куда его спрятал при мне Лукас. Но как проникнуть в дом? Два дня я бродила вокруг, ожидая удобного случая, — дверь была закрыта.

Вчера вечером я сделала последнюю попытку. Вы знаете, как я проникла в комнату и как мне удалось достать письмо. Я принесла его домой и хотела было уничтожить... я не знала, каким образом вернуть его, не признавшись во всем. Боже мой! Я слышу его шаги.

Министр быстро вошел в комнату.

— Мистер Холмс, у вас есть новости?

— Да, некоторая надежда...

— Какое счастье! Сегодня у меня завтрак премьер! Могу я его обнадежить? Это человек со стальными нервами, но последние дни он не спал ни минуты. Джекобс, попросите лорда Беллингера пожаловать сюда! Простите, моя дорогая, вам вряд ли интересны политические дела. Через несколько минут мы присоединимся к вам в столовой.

Премьер-министр вошел. Он хорошо владел собой, но по нервным движениям худых рук и сухому блеску воспаленных глаз я видел, что он не менее волновался, чем лорд Трелонэй-Гопп.

— Насколько я понимаю, мистер Холмс, вы желаете нам что-то сообщить?

— То, что я хотел бы сообщить, носит пока что, характер предположения, — ответил Холмс. — Я повсюду наводил справки и убежден, что нет основания опасаться.

— Но этого мало, мистер Холмс. Мы живем на вулкане; такое положение не может продолжаться. Нам нужно знать, где письмо.

— О, я надеюсь его найти! Для этого я и пришел сюда; чем больше я думаю об этом деле, тем больше убеждаюсь, что письмо не вышло за пределы этого дома.

— Мистер Холмс!

— Уверяю вас, иначе оно давным-давно было бы опубликовано.

— Но зачем вор стал бы скрывать письмо в этом доме?

— Я убежден в том, что не было никакого вора и что никто не похищал этого письма.

— Но как же оно исчезло из шкатулки?

— Я убежден, что оно вовсе не исчезло.

— Мистер Холмс, шутки в данном случае неуместны! Я же вам сказал, что письма в шкатулке нет.

— Но, может быть, вы со вторника не заглядывали в шкатулку?

- Нет, да это совершенно бесцельно.
 - Вы могли не заметить письма.
 - Это невозможно.
 - Я отнюдь не уверен, что это невозможно.
- Письмо могло затеряться среди множества бумаг.
- Но оно лежало на самом верху.

— Шкатулку могли встряхнуть, и то, что лежало наверху, могло попасть на дно шкатулки.

— Уверяю вас, я тщательнейшим образом пересмотрел все письма.

— Не стоит спорить, — сказал премьер. — Велите принести шкатулку.

Лорд Трелонэй-Гопп извочил.

— Джекобс! Принесите шкатулку!.. Вот она, мистер Холм. Поставьте шкатулку на стол, Джекобс.

Министр открыл ящик.

— Все мои бумаги здесь, — видите, письмо лорда Мерроу, доклад Чарльза Гарди. Вот меморандум из Белграда, записка о франко-русском торговом договоре, письмо из Мадрида, письмо лорда Флоуэрсса... Что же это такое? Лорд Беллинггер! Лорд Беллинггер!

Премьер вырвал у него из рук письмо в голубом конверте.

— Это оно! Письмо цело! Гопп, поздравляю вас!

— О, как я вам благодарен! Вы не представляете, какое бремя свалилось с моих плеч! Но это непостижимо! Мистер Холмс, вы чародей! Как вы узнали, что письмо находится здесь?

— Я знал, что оно не может находиться ни в каком другом месте.

— Я глазам своим не верю!

Министр иностранных дел бросился из комнаты:

— Где моя жена? Я должен ее успокоить, сказать, что письмо нашлось! Гильда! Гильда!

Премьер посмотрел на Холмса своими мигающими глазами.

— Сэр, этому я никак не могу поверить, — сказал он. — Объясните, каким образом письмо попало обратно в шкатулку?

Холмс отвернулся, избегая взгляда его острых глаз, и ответил:

— У нас, сэр, тоже есть свои дипломатические тайны.

Затем он взял шляпу и, поклонившись, вышел из комнаты.

СЛУЧАЙ В ИНТЕРНАТЕ

Историей о похищении маленького лорда Сот-тайр я заканчиваю мои записки о Шерлок Холмсе.

Меня побуждает к этому ясно выраженное желание моего друга, который не хочет, чтобы я продолжал знакомить с его деятельностью широкие круги читателей. Пока Холмс был занят расследованием преступлений, он не возражал против появления в печати моих рассказов.

Теперь же он покинул Лондон и оставил свое любимое дело. Живет он сейчас в собственном небольшом поместье в Суссексе, страстно увлекается пчеловодством, поглощен этим новым занятием, и слава стала ему ненавистна. Мне с трудом удалось добиться от него разрешения напечатать этот последний рассказ.

В нашей маленькой квартирке на Бэкер-стрит разыгрывалось немало драматических эпизодов. И все же я не могу припомнить ничего более неожиданного и потрясающего, чем появление доктора Торнейкрофта Гюкстэбля, магистра искусств, доктора философии и т. д. Он появился сразу же после своей

визитной карточки, — огромный, великолепный, важный, воплощение самообладания и солидности. Но только закрылась за ним дверь, как он пошатнулся, ухватился за край стола и упал; он лежал распростертый на ковре перед камином.

Мы вскочили и с минуту смотрели молча на эту жертву крушения на море жизни. Затем Холмс бросился за подушкой, а я — за брэнди.

— Что с ним, Ватсон? — спросил Холмс.

— Крайнее истощение, возможно, просто голод и усталость, — сказал я, пощупав пульс.

— Обратный билет из Макльтона, в Северной Англии, — проговорил Холмс, достав из жилетного кармана билет. — Еще нет двенадцати часов; он выехал спозаранку.

Опущенные веки дрогнули, и человек посмотрел на нас отсутствующим взглядом серых глаз. Через мгновение он с трудом поднялся; краска стыда залила его лицо.

— Простите мою слабость, мистер Холмс, я немного переутомился. Вы очень обяжете меня, если дадите стакан молока и пару печений. Это меня подкрепит. Я приехал, чтобы упросить вас поехать со мною. Я боялся, что никакая телеграмма не сможет убедить вас в абсолютной неотложности дела. Я хотел бы, чтобы вы выехали со мною в Макльтон следующим же поездом.

Холмс покачал головой.

— Мой коллега, доктор Ватсон, может вам засвидетельствовать, что мы очень заняты в настоящее время. Только крайне важное дело могло бы меня заставить отлучиться из Лондона.

— Важное дело! — наш гость всплеснул руками. — Разве вы не слышали о похищении единственного сына герцога Гольдернесского?

— Что? Бывшего министра?

— Так точно. Мы старались сохранить это дело в тайне, но вчера в газете «Глобус» были какие-то намеки. Я подумал, что это могло дойти до вас.

Холмс протянул свою длинную тонкую руку и достал том справочника.

«Герцог Гольдернесский, кавалер ордена поч-
вязки, тайный советник, барон Беверлей, герцог Кар-
стонский», — боже ты мой, что за список! «С 1890
года лорд-наместник Галламшира. Женат на Эдите,
дочери сэра Чарльза Эплдор, 1888 г. Наследник
и единственный сын — лорд Сольтайр. Владелец двух-
сот пятидесяти акров земли. Копи в Лэнкашире и в
Уэльсе. Лорд-адмирал с 1872 года, государственный
секретарь...» Ого! Повидимому, это один из круп-
нейших магнатов Англии.

— Самый крупный и, пожалуй, самый богатый.
Я знаю, мистер Холмс, что вы работаете из любви
к искусству, но все же я позволю себе сказать, что
герцог обещал 5 000 фунтов тому, кто сообщит ему
местопребывание сына, и еще тысячу фунтов тому,
кто назовет людей, похитивших мальчика.

— О-о! Это княжеские условия, — сказал
Холмс. — Ватсон, я думаю, что мы поедем вместе
с доктором Гюкстэбл в Северную Англию. А теперь,
мистер Гюкстэбл, прошу вас, подкрепившись моло-
ком и печеньем, рассказать, как это случилось, ка-
кое вы имеете к этому отношение и почему яви-
лись через три дня, — я это определяю по состоянию
вашего подбородка, — просить моей скромной
помощи.

Наш посетитель стал оживленно и четко объяс-
нять положение.

— Должен вам сказать, джентльмены, что школа-
интернат близ Макльтона, основателем которой яв-
ляюсь я, несомненно лучшая подготовительная школа
в Англии. Самые знатные семьи поручали мне воспи-
тание своих сыновей. Но я считал, что школа моя
достигла зенита славы, когда три недели тому назад
герцог Гольдэрнесский сообщил мне через мистера
Джэмса Уайльдер, своего секретаря, что юный лорд
Сольтайр, его единственный сын и наследник, деся-
тилетний мальчик, будет поручен моим заботам.
Мальчик прибыл первого мая. Это прелестный ребе-
нок. Повидимому, он не вполне хорошо чувствовал
себя в домашней обстановке. Ни для кого не тайна,
что брак герцога оказался неудачным; дело кончи-

лось тем, что супруги расстались, и герцогиня поселилась на юге Франции. Это произошло совсем недавно, при чем все симпатии мальчика были на стороне матери. Он очень грустил после ее отъезда из Гольдернесс-Холл, и поэтому герцог решил поместить его в мой интернат. Через две недели мальчик вполне освоился с новой обстановкой, он казался довольным и счастливым.

В последний раз его видели 13 мая ночью, то есть в понедельник. Его комната расположена во втором этаже; чтобы войти в нее, надо пройти через другую комнату, где спят два мальчика. Эти мальчики ничего не видели и не слышали; совершенно ясно, что лорд Сольтайр вышел не этим путем. Окно его комнаты было открыто; от земли до окна тянется по стене старый плющ.

Мы не могли найти следов ног на земле, но выйти другим путем он не мог.

Его отсутствие обнаружили во вторник утром. Постель его была измята. Перед уходом он одел свою черную куртку и темносерые брюки. Не было никаких следов того, чтобы кто-нибудь входил в комнату; старший из мальчиков в соседней комнате спит очень чутко и, конечно, услышал бы крики или шум борьбы.

Когда обнаружили исчезновение лорда Сольтайр, я сразу же собрал всех учеников, учителей и служащих школы. И вот тут-то мы убедились, что побег совершен не только лордом Сольтайр. Отсутствовал также и Хейдеггер, преподаватель немецкого языка. Его комната тоже во втором этаже, в конце здания, и окно обращено в ту же сторону, что и окно Сольтайра. Постель его тоже была измята, но он, повидимому, ушел полуодетый, так как крахмальная сорочка и носки валялись на полу. Он безусловно спустился вниз по стволу плюща, — на траве луга мы обнаружили следы ног. Его велосипед, хранившийся в маленьком сарайчике, исчез.

Он работал в моем учебном заведении два года и поступил ко мне с отличными рекомендациями, но это был молчаливый, угрюмый человек; его не люби-

ли ни учителя, ни мальчики. Мы тщетно старались напасть на след беглецов и сегодня, в четверг, мы знаем не больше того, что знали во вторник. Мы, конечно, сразу же справились, нет ли мальчика в Гольдернесс-Холле. До замка всего несколько миль, и мы допускали, что мальчик вернулся к отцу, но там ничего не знали. Герцог сильно потрясен. Я умоляю вас, мистер Холмс, приложить все ваши силы, потому что никогда в жизни вам не представится дело, более достойное вас.

Шерлок Холмс с напряженным вниманием слушал рассказ несчастного учителя. Его сдвинутые брови и глубокая складка между ними показывали, что его не надо было упрашивать. — Холмс весь отдался задаче, которая всецело отвечала его любви к загадочному и необычайному. Он достал свою записную книжку и что-то записал.

— Вы напрасно не обратились ко мне раньше, — сказал Холмс. — Этим вы очень усложнили мою задачу. Нельзя себе представить, например, чтобы этот плющ и этот луг ничего не могли открыть опытному исследователю.

— Я не виноват, мистер Холмс. Герцог во что бы то ни стало хотел избежать огласки.

— Но какое-нибудь официальное расследование было произведено?

— Да, сэр, только оно не дало никаких результатов. Сперва как будто был найден след, — установлено, что какой-то мальчик и молодой человек уехали ранним поездом с соседней станции. Вчера вечером нам сообщили, что они задержаны в Ливерпуле, но оказалось, они не имеют ни малейшего отношения к этому делу.

— Вероятно, расследование на месте было приостановлено, пока полиция выслеживала мальчика и молодого человека?

— Оно было совершенно прекращено.

— Таким образом, три дня потеряно. Следствие велось безобразно. Я с удовольствием займусь этим делом. Вам удалось установить какую-нибудь связь

между пропавшим мальчиком и преподавателем немецкого языка?

— Никакой связи.

— Мальчик учился в классе этого преподавателя?

— Нет. Насколько мне известно, они даже никогда не разговаривали между собою.

— Это очень странно. У мальчика был велосипед?

— Нет.

— Чей-нибудь велосипед пропал?

— Нет.

— Неужели вы думаете, что учитель укатил на велосипеде с мальчиком на руках?

— Конечно, нет.

— Так как же вы себе представляете дело?

— Велосипед мог служить для отвода глаз. Они могли его где-нибудь спрятать и уйти пешком.

— Так. Но не кажется ли вам это нелепым? В сарайчике были еще велосипеды?

— Несколько.

— В таком случае для отвода глаз удобнее было увести и спрятать два велосипеда. Не так ли?

— Несомненно.

— Значит, это предположение не годится. Но самый факт может служить отправной точкой для расследования. Велосипед не легко спрятать или уничтожить. Еще один вопрос. Кто-нибудь навещил мальчика перед тем, как он исчез, в понедельник?

— Нет.

— Получил он какое-нибудь письмо?

— Да.

— От кого?

— От отца.

— Вы вскрываете письма мальчиков?

— Нет.

— Откуда же вы знаете, что письмо было от отца.

— Я видел герб на конверте, и адрес был написан почерком герцога. Кроме того герцог вспомнил, что писал сыну.

— А до того он долго не получал писем?

— Несколько дней.

— Получал он письма из Франции?

— Нет. Никогда.

— Вы понимаете, к чему я клоню? Мальчик или был уведен силою, или ушел по собственному желанию. Во втором случае следует предположить, что какое-то воздействие извне толкнуло мальчика на такой шаг. Если никто его не навещал, то побуждающим фактором могло быть письмо. Поэтому я хочу установить, с кем он переписывался.

— Насколько мне известно, он переписывался только с отцом.

— От которого получил письмо в день своего исчезновения. Отношения между отцом и сыном носили дружеский характер?

— Герцог ни с кем не поддерживает дружеских отношений. Он совершенно поглощен вопросами политики и ему чужды обыкновенные человеческие чувства. Но он по-своему всегда хорошо относился к мальчику.

— Все же симпатии мальчика были на стороне матери?

— Да.

— Он это высказывал?

— Нет.

— Герцог говорил вам об этом?

— Упаси бог, никогда.

— Как же вы это знаете?

— Я говорил о мальчике с мистером Уайльдер, секретарем герцога. Он рассказал мне о чувствах маленького лорда Сольтайр.

— Понимаю. Кстати, это последнее письмо герцога было найдено в комнате мальчика?

— Нет. Он взял его с собою. Я думаю, мистер Холмс, нам пора ехать на вокзал.

— Я закажу экипаж. Через четверть часа мы будем к вашим услугам. Если вы собираетесь телеграфировать домой, мистер Гюкстэбль, хорошо было бы заставить ваших соседей думать, что расследование в Ливерпуле еще продолжается, а я тем временем буду потихоньку делать свое дело; может быть, след не совсем простыл, и таким старым ищейкам, как Ватсон и я, удастся на него напасть.

Вечер застал нас в прохладной горной местности. Было уже темно, когда мы добрались до знаменитой школы доктора Гюкстэбль. В передней на столе лежала карточка, и лакей сказал что-то шопотом хозяину, обратившему к нам взволнованное лицо.

— Герцог здесь, — проговорил он. — Герцог и мистер Уайльдер ждут в кабинете. Идемте, джентльмены, я вас представлю.

Я, конечно, видел портреты этого знаменитого государственного деятеля, но герцог был очень непохож на свои изображения. Это был высокий и статный человек, безукоризненно одетый, с продолговатым, тонким лицом и хрящеватым длинным носом. Мертвенная бледность его лица особенно поражала по контрасту с яркими волосами. Рядом с ним стоял молодой человек, и я сразу понял, что это Уайльдер, личный секретарь герцога. Уайльдер был нервный, проворный юноша с умными светлыми глазами и подвижными чертами лица. Он сразу же заговорил, самоуверенно и резко:

— Я заезжал к вам сегодня утром, доктор Гюкстэбль, но, к сожалению, не смог помешать вашей поездке в Лондон. Я узнал, что вы решили пригласить мистера Шерлок Холмса расследовать это дело. Герцог очень удивлен, что вы предприняли такой шаг, не посоветовавшись с ним.

— Когда я узнал, что полиция потерпела неудачу...

— Герцог отнюдь не уверен, что полиция потерпела неудачу.

— Но это бесспорно так, мистер Уайльдер.

— Вы отлично знаете, доктор Гюкстэбль, насколько герцог заинтересован в том, чтобы избежать скандала. Он предпочитает не посвящать в это дело посторонних.

— Дело легко исправить, — сказал Гюкстэбль. — Мистер Шерлок Холмс может вернуться в Лондон с утренним поездом.

— Вряд ли, доктор, вряд ли, — с любезным видом сказал Холмс. — Этот воздух Севера приятно бодрит, поэтому я собираюсь провести в ваших местах несколько дней. Вам предоставляется решить, найду ли я приют под вашим кровом, или же должен буду воспользоваться деревенской харчевней.

Я видел, что несчастный доктор совсем растерялся; из этого состояния его вывел глубокий, звучный

голос герцога, прогудевший подобно обеденному гонгу:

— Я согласен с мистером Уайльдер, доктор Гюкстэбль, что вам бы следовало со мной посоветоваться. Но, раз мистер Холмс уже посвящен в это дело, было бы просто нелепо не воспользоваться его услугами. О харчевне не может быть и речи, мистер Холмс. Я буду рад, если вы остановитесь в моем замке.

— Благодарю вас, герцог. Но я полагаю, что для успеха моих расследований мне лучше остаться на месте происшествия.

— Как вам угодно, мистер Холмс. Конечно, мистер Уайльдер или я готовы дать вам все сведения, какие могли бы вам понадобиться.

— Вероятно, мне придется посетить вас в вашем замке, — сказал Холмс. — Пока что я хотел бы только спросить вас, сэр, можете ли вы как-нибудь объяснить таинственное исчезновение вашего сына?

— Нет, мистер Холмс.

— Простите, если я коснусь тягостного для вас обстоятельства, но у меня нет выбора. Думаете ли вы, сэр, что герцогиня имеет какое-либо отношение к этому делу?

Государственный деятель был, видимо, в нерешительности.

— Полагаю, что нет, — сказал он, наконец.

— Тогда проще всего предположить, что ребенка похитили с целью получить за него выкуп. Никто к вам не обращался с требованием выкупа?

— Нет, сэр.

— Еще один вопрос, ваша светлость. Я слышал, что вы писали вашему сыну в день этого происшествия?

— Нет, я писал ему накануне.

— Совершенно верно, но он получил письмо на следующий день.

— Да.

— Заклучалось ли в вашем письме что-нибудь, что могло бы вывести его из равновесия или толкнуть на такой шаг?

— Нет, сэр! Конечно, нет!

— Вы сами отправляли ваше письмо?

Герцогу не дал ответить его секретарь, который вмешался в разговор.

— Его светлость не имеет обыкновения лично отправлять свои письма, — сказал он запальчиво. — Это письмо лежало вместе с другими на столе в кабинете, и я сам положил все письма в почтовую сумку.

— Вы уверены, что это письмо было среди них?

— Да. Я заметил это.

— Сколько писем было написано вашей светлостью в тот день?

— Двадцать или тридцать. У меня обширная корреспонденция. Но это, по-моему, не имеет отношения к делу?

— Как сказать, — ответил Холмс.

— Что касается меня, — продолжал герцог, — то я посоветовал полиции обратить внимание на Южную Францию. Как я уже говорил, я не допускаю мысли, чтобы герцогиня поощряла такой чудовищный поступок, но у мальчика в голове был полный сумбур, и возможно, он бежал к матери с помощью этого немца. А теперь, доктор Гюкстэбл, нам пора вернуться в замок.

Я видел, что Холмс охотно задал бы еще ряд вопросов, но вельможа ясно давал понять, что аудиенция окончена.

Как только герцог со своим секретарем удалился, мой друг со свойственным ему рвением принялся за расследование.

Осмотр комнаты мальчика не дал ничего кроме твердой уверенности в том, что побег мог быть совершен только через окно. Комната и вещи бежавшего учителя тоже не наводили ни на какие догадки. Один из стволов плюща обломился под тяжестью тела учителя, и мы увидели при свете фонаря отпечаток его каблука на земле.

Шерлок Холмс вышел из дома один и вернулся после одиннадцати. Он раздобыл большую карту местности, принес ее в мою комнату и разложил на кро-

вати; он курил над картой, указывая концом своей янтарной трубки на интересовавшие его объекты.

— Посмотрите, — сказал он, — этот темный прямоугольник, — наш интернат. Отмечу его булавкой. Большая дорога тянется мимо школы на восток и на запад, и вы видите, что никаких ответвлений нет по крайней мере на протяжении мили в ту и в другую сторону. Если беглецы пошли дорогой, то только этой дорогой. К счастью, мы можем в какой-то мере установить, что происходило на дороге в течение той ночи. В точке, которой я касаюсь сейчас своей трубкой, от двенадцати до шести дежурил констебль. Как видите, в этом месте первый перекресток на восток от школы. Констебль утверждает, что он ни на минуту не отлучался со своего места, и что мимо него не проходил ни мужчина, ни мальчик. Значит, с этим отрезком дороги покончено. Перейдем на запад от школы. Там имеется гостиница под вывеской «Красный бык»; хозяйка гостиницы больна. Она послала в Макльтон за врачом, но он до утра не приехал. В ожидании врача в гостинице никто не спал, и то один, то другой выходил посмотреть на дорогу. Все обитатели гостиницы в один голос утверждают, что никто не проезжал. Если верить их показаниям, то мы можем покончить также и с западным отрезком дороги и сказать, что беглецы вообще не пользовались дорогой.

— А велосипед? — возразил я.

— Сейчас мы перейдем к велосипеду. Будем продолжать наши рассуждения: если беглецы шли не дорогой, то, значит, они направились или к югу или к северу от школы: это бесспорно. Рассмотрим обе эти возможности. К югу от школы расположено, как вы видите, большое поле пахотной земли, разделенное каменными оградами на небольшие участки. В этом направлении проехать на велосипеде невозможно. Обратимся на север. Здесь есть роща, обозначенная на карте названием «Лохматая роща», а дальше на десять миль тянется пустырь, Нижний джилль; с одной стороны пустыря расположен Гольдернесс-Холл, замок герцога. До него десять миль дорогой и шесть через пустырь. Это очень безлюдное место. Есть, прав-

да, кое-какие небольшие фермы, где разводят овец и другой скот. Все же до самой Честерфильдской дороги почти единственные обитатели пустыря — кулик и каравайка. Но на дороге, как вы видите, есть церковь, несколько коттеджей и трактир. Дальше начинаются высокие холмы. Несомненно, все наше внимание мы должны направить на пустырь.

— А велосипед? — настаивал я.

— Ну, что там! — нетерпеливо ответил Холмс. — Хорошему велосипедисту не нужно шоссе и дорожки. Пустырь изрезан тропинками, светила луна. Алло! Что такое?

В дверь постучали, и в комнату вошел доктор Гюкстэбл. Он держал в руке голубую шапочку с белой нашивкой.

— Наконец-то мы попали на след! Слава богу! Мы попали на след нашего мальчика! Это его шапочка!

— Где вы ее нашли?

— В фургоне цыган, стоявших табором на пустыре. Они уехали во вторник. Сегодня полиция догнала их, и шапочка найдена у них.

— Как они это объясняют?

— Они отлынивали и лгали. — утверждали, что нашли шапочку во вторник утром на пустыре. Негодяи знают, где мальчик. Хорошо, что их всех засадили за решетку. Страх перед законом или кошелек герцога развяжет им язык.

— Пока все к лучшему, — сказал Холмс, когда доктор нас, наконец, покинул. — Полиция, в сущности, не сделала ничего, кроме ареста этих цыган. Посмотрите-ка, Ватсон! Через пустырь протекает ручей. Он отмечен на карте. В некоторых местах ручей разливается и образует болото. — видите, между школой и замком. При нынешней сухой погоде только здесь есть шансы обнаружить следы. Завтра рано утром мы с вами попытаемся хорошенько осмотреть эту часть пустыря.

Проснувшись на рассвете, я увидел у своей кровати длинную, тонкую фигуру Холмса.

— Я осмотрел лужайку и сарайчик с велосипеда-

ми, — сказал он, — и побродил по «Лохматой роще». Я попрошу вас не мешкать, потому что нам предстоит трудный путь.

Однако, день начался с неудачи. Полные надежд, мы шли по торфяному бурому пустырю, изрезанному тысячами овечьих тропинок, пока не достигли светло-зеленого болота между школой и замком. Если бы мальчишка направился домой, он безусловно прошел бы здесь и, пройдя, оставил бы следы. Но мы не обнаружили никаких следов. Мой друг с помрачневшим лицом шел по краю болота, внимательно вглядываясь в каждое пятнышко грязи на мшистой зеленой поверхности. Было много овечьих следов, а в одном месте, за несколько миль от школы, мы обнаружили следы коров. И больше ничего!

— Неудача номер первый, — сказал Холмс, сумрачно оглядывая раскинувшийся перед нами пустырь. — Там дальше есть другое болото, а между ними — узкий перешеек. Алло! Алло! Это что такое?

Мы вышли на узкую тропинку и невольно остановились. — на сырой земле отчетливо виднелся отпечаток велосипедных шин.

— Ура! — закричал я. — Мы попали на след.

Но Холмс покачал головой. Его лицо выражало скорее недоумение и ожидание, чем радость.

— След велосипеда, безусловно, но не того велосипеда, — сказал он. — Я знаю сорок две разновидности отпечатков шины. Как видите, это шины Дэнлоп с заплатой на наружной стороне. У Хейдеггера были шины Пальмер, оставляющие продольные полосы, это подтвердил учитель математики. Значит, это не след Хейдеггера.

— В таком случае, это след мальчика.

— Возможно, если бы нам удалось установить, что у мальчика был велосипед. Как вы видите, этот след оставлен велосипедистом, ехавшим от школы.

— Или к школе.

— Нет, нет, милый Ватсон. Заднее колесо, выдерживающее тяжесть тела, оставляет более глубокий отпечаток. Вы видите, что в нескольких местах оно перекрыло и стерло более слабый след переднего ко-

леса. Велосипедист, несомненно, ехал от школы. Прежде чем идти дальше, вернемся по этим следам назад.

Мы так и сделали, и через несколько сот ярдов, выйдя из болотистой части пустыря, потеряли след. Возвращаясь по дорожке, мы подошли к пересекавшему ее ручейку. Здесь мы опять увидели след велосипеда, почти стертый копытами коров. Дальше не было никаких следов, но дорожка вела до самой «Лохматой роши», примыкавшей к территории школы. Велосипедист, наверное, выехал из этой роши. Холмс уселся на камень и подпер голову руками. Я успел выкурить две папиросы, прежде чем он шевельнулся.

— Что ж, — сказал он, наконец, — в конце концов, хитрый человек может заменить шины своего велосипеда, чтобы замести следы. Оставим этот вопрос открытым и вернемся к болоту.

Мы продолжали тщательно обследовать болотистую часть пустыря, и скоро были щедро вознаграждены за свое усердие. По нижней части болота шла грязная тропинка. Дойдя до нее, Холмс радостно вскрикнул. На тропинке виднелся след как бы от тонкой связки телеграфных проводов. Это был отпечаток шин Пальмер.

— Вот мы и попали на след Хейдеггера! — ликовавал Холмс.

— Поздравляю вас.

— Но до конца дела еще далеко; идите стороной. Мы пойдем по следам. Боюсь, что нам недалеко придется идти.

Мы заметили, что в этой части пустыря много луж; мы часто теряли след, но без труда находили его снова.

— Вы замечаете, — сказал Холмс, — что здесь велосипедист ускоряет ход? Посмотрите на этот след, — отчетливо видны обе шины, отпечаток той и другой одинаковой глубины. Это свидетельствует о том, что велосипедист налегал всей своей тяжестью на руль, как делают гонщики. Боже мой! Он свалился!

Тропинка на протяжении нескольких ярдов была покрыта грязью. Дальше виднелись следы ног, и опять отпечаток шин.

— Он упал с велосипеда, — решил я.

Холмс поднял смятую ветку цветущего дрока. Я с ужасом заметил, что желтые цветы забрызганы чем-то красным. На тропинке и среди вереска тоже видны были темные пятна крови.

— Плохо дело! — заметил Холмс. — Плохо! Не двигайтесь, Ватсон! Ни одного лишнего шага! О чем говорят эти следы? Он упал раненный, встал, снова сел на велосипед, продолжал путь. Но других следов нет. На боковой тропинке только отпечатки коровьих копыт. Не может же быть, чтобы его заботил бык? Это немыслимо! Но других следов нет. Мы должны пойти дальше, Ватсон. По пятнам крови и по следам мы доберемся до него.

Нам не пришлось долго искать. Отпечатки шин стали причудливо извиваться по сырой тропинке. Внезапно среди густых кустов дрока блеснул металл: мы вытащили велосипед с шинами Пальмер. Одна педаль была согнута, а вся передняя часть машины испачкана и забрызгана кровью. Из-под кустов торчал башмак. Мы нагнулись, — злополучный велосипедист лежал на земле. Это был высокий человек, с бородою, в очках; одно из стекол было разбито. Он умер от страшного удара по голове, раздробившего часть черепа. То, что после такого удара он мог продолжать путь, свидетельствовало о большой жизнеспособности и отваге. Убитый человек был в башмаках, но без носков, а из-под расстегнутого сюртука выглядывала ночная рубашка. Это был, несомненно, учитель Хейдеггер.

Холмс осторожно перевернул тело и очень внимательно его осмотрел; затем сел и погрузился в глубокое раздумье; по его сдвинутым бровям я видел, что наше расследование мало продвинулось.

— Мне трудно решить, что дальше делать, Ватсон, — сказал он, наконец. — Я склонен продолжать наши поиски, если мы уже затратили столько времени. С другой стороны, мы обязаны сообщить поли-

ции о найденном нами трупe и позаботиться, чтобы кто-нибудь присмотрел за телом.

— Я мог бы отнести записку.

— Но мне нужна ваша помощь. Погодите! Я вижу там человека, режущего торф. Приведите-ка его сюда. Он вызовет полицию.

Я привел крестьянина, и Холмс отправил с ним записку доктору Гюкстэбл.

— Итак, Ватсон, — сказал Холмс, — мы сегодня напали на два следа: во-первых, велосипед с шинами Пальмер, и вы видите, к чему нас привел этот след. Во-вторых, велосипедист с шинами Дэнлоп. Прежде чем идти по этому следу, отдадим себе отчет в том, что нам пока известно.

Прежде всего я убежден, что мальчик действовал добровольно. Он вылез через окно и ушел один или с кем-нибудь. Это бесспорно. Теперь обратимся к учителю. Мальчик был совсем одет. Значит, он знал заранее, как он будет действовать. Но учитель ушел без носков. Он, безусловно, очень спешил.

— Несомненно.

— Почему он ушел? Потому что из своей комнаты он видел, как убежал мальчик. Он хотел нагнать его и привести обратно. Он взял свой велосипед, погнался за мальчиком, и, преследуя его, нашел смерть.

— Повидимому, это так.

— Теперь я подхожу к решающему моменту в цепи моих рассуждений. Чтобы догнать мальчика, мужчине естественнее всего побежать за ним. Но учитель взял свой велосипед. Он бы этого не сделал, если бы не видел, что мальчик имеет возможность быстро передвигаться.

— Другой велосипед?

— Продолжим наше рассуждение. Учитель убит на расстоянии пяти миль от школы, — и заметьте, не вы трелом, который мог бы сделать даже мальчишка, а ударом, нанесенным сильною рукой. Значит, у мальчика был спутник при побеге. А бегство было поспешное, если они отмахали пять миль, прежде чем их догнал искусный велосипедист. А что мы

видим, осматривая место происшествия? Несколько коровьих следов. Я осмотрел местность кругом, — ни одной тропинки на расстоянии пятидесяти ярдов. Возможно, что второй велосипедист не имеет никакого отношения к убитому, а никаких следов ноги человека здесь нет.

— Холмс! Это невозможно!

— Великолепно! — воскликнул он. Весьма мудрое замечание. Это невозможно так, как я это излагаю, значит, я изложил это неправильно.

— А вы не допускаете мысли, что он разбил себе голову при падении?

— На болоте? Нет, Ватсон. С шинами Пальмер нам пока делать нечего. Обратимся к шинам Дэнлоп.

Мы нашли след и шли по нему, пока не достигли поросшего вереском пригорка. Последний отпечаток шин Дэнлоп мы видели в месте, находившемся на одинаковом расстоянии от Гольдернесс-Холл, высившегося слева, и от деревни, расположенной против нас на Честерфильдском шоссе.

Когда мы подходили к отвратительной убогой харчевне, с изображением петуха на вывеске, Холмс вдруг застонал и схватил меня за плечо, чтобы не упасть. Он, повидимому, оступился и повредил себе сухожилие. Он с трудом доковылял до двери, у которой стоял пожилой смуглый человек, покуривавший глиняную трубку.

— Как поживаете, мистер Реубен Гейс? — обратился к нему Холмс.

— Кто вы такой и откуда знаете, как меня зовут? — ответил крестьянин, подозрительно посмотрев на Холмса хитрыми глазами.

— Я прочитал это на вывеске над вашей головой. Легко отличить хозяина. Не найдется ли в вашей конюшне какого-нибудь экипажа?

— Нет. Никаких экипажей у меня нет.

— Я не могу ступить ногой.

— Ну и не ступайте.

— Но я не могу идти.

— Так скачите на одной ноге

Мистер Реубен Гейс был весьма нелюбезен, но Холмс с невозмутимым добродушием сказал ему:

— Послушайте, приятель, ведь я не знаю, что мне делать. Я не могу идти.

— Это меня не касается, — ответил угрюмый кабатчик.

— У меня важное дело. Я готов дать вам совершенно за прокат велосипеда.

Хозяин оживился.

— Куда вам надо ехать?

— В Гольдернесс-Холл.

— Друзья герцога, да? — сказал кабатчик, иронически оглядывая нашу перепачканную одежду.

Холмс добродушно рассмеялся.

— Во всяком случае, он будет рад нас видеть.

— Это почему?

— Потому что мы кое-что знаем о его пропавшем сыне.

Хозяин вздрогнул.

— Что ж, вы напали на его след?

— О нем слышали в Ливерпуле. С минуты на минуту надеются его найти.

Выражение тяжелого, небритого лица снова изменилось. Кабатчик вдруг стал любезен.

— Я меньше всякого другого имею основание желать герцогу добра, — сказал он. — Я служил у него старшим кучером, и он прогнал меня по наговору торговца зерном. Но я рад, что о молодом лорде слышали в Ливерпуле, и помогу вам доставить это известие в замок.

— Благодарю вас, — сказал Холмс, — но сначала мы закусим. Затем тащите велосипед.

— У меня нет велосипеда.

Холмс показал ему совершенно.

— Я же вам сказал, что велосипеда у меня нет. Я достану вам пару лошадей.

— Ну, ладно, — ответил Холмс, — мы поговорим об этом после того, как подкрепимся.

Когда мы остались одни в кухне, нога Холмса сразу перестала болеть. Уже вечерело, а мы с раннего утра ничего не ели, поэтому мы не скоро спра-

вились с едой. Холмс был погружен в размышления; раза два он подходил к окну и подолгу смотрел в него. Окно выходило на грязный двор, в дальнем углу которого виднелась кузница; перепачканный парень возился у наковальни. С другой стороны были расположены конюшни. Отойдя от окна, Холмс сел было, но вдруг вскочил со стула.

— Клянусь, Ватсон, я, кажется, нашел разгадку. Да! да! Это, наверно, так! Ватсон, вы видели сегодня следы коровьих копыт?

— Я их видел повсюду, — и на болоте, и на тропинке, и там, где был убит бедняга Хейдеггер.

— Совершенно верно. А скажите, Ватсон, сколько коров вы видели на болоте?

— Кажется, ни одной!

— Как странно, что на всем нашем пути мы видели следы и не видели ни одной коровы. Вы не удивлены этим, Ватсон?

— Да, это, конечно, странно.

— Теперь, Ватсон, напрягите свою память! Можете вы припомнить эти следы на тропинке?

— Да, могу!

— Можете вы припомнить, что эти следы были иногда расположены так, — (он разложил хлебные шарики в следующем порядке)

— : : : : : :

а иногда так —

: : : : : а в некоторых местах так —

припоминаете?

— Нет, не помню.

— Ну, а я помню, и могу присягнуть, что это так! Мы еще вернемся и проверим это. Какой же я слепой болван, если не сумел сделать из этого соответствующего вывода!

— А какой вывод?

— Да тот вывод, что это какая-то необыкновенная корова, которая идет то шагом, то галопом, то в карьер. Чорт возьми, до такой маскировки не мог бы подумать деревенский кабатчик! А кроме этого

парня в кузнице никого здесь нет. Выйдем потихоньку и посмотрим, что тут делается.

В полуразрушенной конюшне мы увидели двух взлохмаченных, печищенных лошадемок. Холмс поднял заднюю ногу одной из них и громко рассмеялся.

— Старые подковы, но новые гвозди. Классический случай! Заглянем-ка в кузницу!

Парень, не глядя на нас, продолжал работать. Я видел, что Холмс зорко вглядывается в беспорядочно наваленные на полу отходы железа и дерева. Но вдруг мы услышали за спиною шаги, — кабатчик стоял на пороге. Густые брови прикрывали свирепые глаза, смуглое лицо было искажено злобой.

Он держал в руках короткую палку с железным набалдашником и двинулся на нас с таким угрожающим видом, что я невольно нащупал в кармане револьвер.

— Эй, вы, чортовы шпионы! — закричал кабатчик. — Что вам здесь надо?

— Что с вами, мистер Реубен Гейс? — спокойно сказал Холмс. — Можно подумать, что вы боитесь, как бы мы чего-нибудь не обнаружили.

Кабатчик сделал усилие и овладел собой. Его угрюмый рот растянулся в фальшивую улыбку.

— Можете обнаруживать все, что вам будет угодно, — сказал он. — Но, видите ли, господин, я не люблю, чтобы без спросу совали нос туда, где я хозяин. Поэтому, чем скорее вы рассчитаетесь и уберетесь, тем мне это будет приятнее.

— Отлично, мистер Гейс, — сказал Холмс. — Мы зашли посмотреть на ваших лошадемок, но я думаю, мне лучше пройтись пешком. Кажется, до замка недалеко?

— Не больше двух миль. По этой дороге налево. — Кабатчик провожал нас мрачным взглядом, пока мы не покинули его владения.

Холмс остановился, как только поворот дороги скрыл нас от глаз хозяина.

— В этой харчевне было здорово горячо, как говорится в детской игре. Знаете, я должен вернуться. Здесь лошади. Здесь кузница. Интересное

место, этот «Боевой петух». Мы должны заглянуть туда незаметным образом.

Слева тянулся длинный холм, усеянный известковыми валунами. Мы свернули с дороги и поднимались по холму, когда мимо нас промчался велосипедист.

— Ложитесь, Ватсон! — крикнул Холмс. Мы едва успели броситься на землю. В клубящемся облаке пыли я уловил бледное, взволнованное лицо — открытый рот, глаза в диком испуге устремленные вперед.

— Секретарь герцога! — вскрикнул Холмс. — Посмотрим, Ватсон, куда он едет.

Мы карабкались с камня на камень, пока не достигли точки, откуда могли видеть входную дверь харчевни. К стене дома был прислонен велосипед Уайльдера. Около дома никого не было. Солнце зашло за высокими башнями замка, медленно надвигались сумерки. Затем, в наступившей темноте мы увидели свет двух фонарей на дворе харчевни

и вскоре после этого услышали стук копыт и колес, — бешеную скачку в направлении к Честер-фильду.

— Что это значит? — прошептал Холмс.

— Это похоже на бегство.

— Насколько я заметил, в кабриолете один человек. Во всяком случае, это не мистер Джэмс Уайльдер, потому что вот он, в дверях.

В красном квадрате света мы разглядели черный силуэт секретаря; вытянув голову, Уайльдер вглядывался в темноту. Было ясно; он кого-то ждет. Наконец в квадрате света появилась чья-то фигура, затем дверь захлопнулась, и все снова погрузилось в мрак. Через пять минут в комнате второго этажа зажгли лампу.

— Странные обычаи в «Боевом петухе», — сказал Холмс.

— Распивочная с другой стороны дома.

— Совершенно верно. А это, так сказать, частные посетители. Но какого чорта мистер Джэмс приходит ночью в этот притон. и с кем он здесь назначил встречу? Идем, Ватсон, попытаемся узнать, в чем здесь дело.

Мы вместе вышли на дорогу и прокрались до дверей харчевни. Велосипед все еще стоял у стены. Холмс чиркнул спичку и поднес ее к заднему колесу; я услышал, как он тихонько рассмеялся, когда свет упал на шину Дэнлоп. Мы стояли под освещенным окном.

— Я должен заглянуть туда, Ватсон. Если вы упретесь в стену и подставите мне спину, я доберусь.

Через мгновение он стоял на моих плечах, но сразу же прыгнул на землю.

— Идемте, мой друг, — сказал он. — Мы достаточно сегодня поработали. Мы узнали все, что могли узнать.

В течение утомительного пуги через пустырь Холмс упорно молчал. Дойдя до школы, он не вошел, а отправился на станцию Макльтон и послал несколько телеграмм. Поздно ночью я слышал, как он

успокаивал доктора Гюкстэбль, потрясенного трагической смертью учителя, а еще позже он вошел в мою комнату такой же бодрый и свежий, каким он был утром, отправляясь на розыски.

— Дело подвигается, — сказал он. — Ручаюсь вам, что завтра к вечеру тайна будет открыта.

На следующий день в одиннадцать часов утра мы шли по знаменитой тиссовой аллее Гольдернесс-Холл. Через великолепную дверь времен Елизаветы¹ нас ввели в кабинет герцога. Здесь мы застали мистера Уайльдер; он был скромен и вежлив, но в его бегающих глазах и в подергивающихся чертах проглядывал ужас прошлой ночи.

— Вы пришли к его светлости? К сожалению, герцог чувствует себя плохо. Он потрясен телеграммой доктора Гюкстэбль, известившего его о найденном вами трупѣ учителя.

— Мне необходимо видеть герцога.

— Но он в своей спальне.

— В таком случае я должен буду зайти к нему в спальню.

— Я думаю, он в постели.

— Это не помешает разговору с ним.

Холодный, непреклонный тон Холмса убедил секретаря, что спорить бесполезно.

— Хорошо, мистер Холмс, я доложу о вас.

Через полчаса появился герцог. Лицо его было мертвенно бледно. Он горбился и показался мне много старше, чем при первой встрече. Он поздоровался с нами и сел за свой письменный стол.

— Я слушаю, мистер Холмс, — сказал он.

Но глаза моего друга были устремлены на секретаря, стоявшего у кресла герцога.

— Я думаю, ваша светлость, что без мистера Уайльдер я мог бы говорить свободнее.

Секретарь побледнел и бросил злобный взгляд на Холмса.

— Если ваша светлость желает...

¹ Елизавета — королева английская, правила во второй половине XVI века.

— Да, да, лучше уйдите. Что же вы хотите мне сказать, мистер Холмс?

Мой друг ждал, пока не закрылась дверь.

— Дело в том, ваша светлость, — сказал он, — что мой коллега, доктор Ватсон, и я слышали от доктора Гюкстэбля, что вы назначили награду в пять тысяч фунтов тому, кто сообщит вам о местонахождении вашего сына.

— Совершенно верно.

— И еще тысячу фунтов тому, кто назовет лицо или лиц, держащих мальчика в заточении?

— Совершенно верно. Если вы выполните свою задачу, мистер Шерлок Холмс, вы не будете иметь основания жаловаться на мою скупость.

Мой друг потирал свои тонкие руки с выражением жадности, которой я никогда за ним не замечал.

— Мне кажется, я вижу на столе чековую книжку вашей светлости, — сказал он. — Я бы хотел, чтобы вы мне выписали чек на шесть тысяч фунтов.

Герцог выпрямился в своем кресле и сурово посмотрел на моего друга.

— Это шутка, мистер Холмс? Шутки здесь вряд ли уместны.

— Это отнюдь не шутка, ваша светлость. Я заслужил обещанную награду. Я знаю, где находится ваш сын, и знаю, если не всех, то хоть некоторых из людей, скрывающих его.

— Где он? — проговорил герцог, задыхаясь.

— Прошлой ночью он был в гостинице «Боевой петух», в двух милях от ворот вашего парка.

Герцог откинулся к спинке кресла.

— Кого же вы обвиняете?

Шерлок Холмс быстро шагнул вперед и коснулся плеча герцога.

— Я обвиняю вас, — сказал он. — А теперь, ваша светлость, будьте любезны дать мне чек.

Герцог вскочил и вскинул руки в воздух, как человек, падающий в пропасть. Затем, овладев собою, он сел и закрыл лицо руками. Прошло несколько минут, прежде чем он заговорил.

— Что вам известно? — спросил он, наконец, не поднимая головы.

— Я видел вас с вашим сыном прошлой ночью.

— Знает об этом кто-нибудь, кроме вашего друга?

— Я никому не говорил.

Герцог взял дрожащими руками перо и открыл чековую книжку.

— Я буду верен своему слову, — сказал он, — хотя сведения, доставленные вами, мне крайне тягостны. Когда я назначал награду, я не думал об обороте, какой может принять это дело. Но, надеюсь, что вы и ваш друг люди не болтливые, мистер Холмс?

— Я не совсем вас понимаю, ваша светлость.

— Я выражусь яснее, мистер Холмс. Если об этом деле знаете только вы и ваш друг, я не вижу, почему это не может остаться между нами? Я полагаю, что должен вам двенадцать тысяч фунтов. Не так ли?

Но Холмс покачал головой.

— Боюсь, ваша светлость, что не так просто уладить это дело. Приходится считаться с убийством учителя.

— Но Джэмс ничего об этом не знал. Вы не можете считать его ответственным. Учителя убил негодяй, которому Джэмс, к несчастью, поручил это дело.

— Я считаю, ваша светлость, что человек, идущий на преступление, морально ответствен за всякое другое преступление, которое может явиться следствием первого.

— Морально — да, мистер Холмс, но не в глазах закона. Человек не может быть осужден за убийство, при котором он даже не присутствовал, и которое ему так же отвратительно, как вам. Услышав об этом убийстве, Джэмс был так подавлен ужасом и угрызениями совести, что немедленно во всем мне признался. Он сразу же порвал с убийцей. О, мистер Холмс, вы должны его спасти! Спасите его!

Герцог окончательно потерял самообладание и ме-

гался по комнате с искажённым лицом. Наконец, овладев собою, он снова сел к столу:

— Я очень признателен вам за то, что вы прежде всего пришли сюда, — сказал он. — По крайней мере, мы можем обсудить, есть ли возможность избежать отвратительного скандала.

— Я полагаю, — сказал Холмс, — что это может быть достигнуто только при условии полнейшей откровенности между нами. Я готов в меру моих сил помочь вашей светлости, но для этого я должен знать в точности все обстоятельства дела. Повидимому, вы просите спасти мистера Джэмса Уайльдер, и утверждаете, что не он убийца.

— Да, убийца скрылся.

— Вы, ваша светлость, вряд ли слышали о репутации, которой я пользуюсь, иначе вам не пришла бы мысль, что от меня так легко скрыться. Реубен Гейс арестован по моему указанию в Честерфильде вчера в одиннадцать часов вечера. Сегодня утром я получил телеграмму от начальника местной полиции.

Герцог откинулся к спинке кресла.

— Реубен Гейс арестован! Очень рад, если только это не отразится на судьбе Джэмса.

— Вашего секретаря?

— Нет, сэр, моего сына.

Холмс посмотрел на него с удивлением.

— Как! Джемс ваш сын? Это для меня совершенная новость. Я попрошу вашу светлость высказаться яснее и подробнее.

— Я ничего не буду от вас скрывать. Когда я был очень молод, мистер Холмс, я полюбил так, как любят лишь раз в жизни. Я предложил любимой девушке руку, но она отказала мне, считая, что этот брак может повредить моей карьере. Я, конечно, никогда не женился бы на другой, если бы эта женщина не умерла. Она оставила мне сына; я нежно любил его из любви к ней. Я не мог открыто признать его своим сыном, но дал ему прекрасное образование, и после этого он жил у меня. Он случайно узнал мою тайну и с тех пор всегда рассчитывал на свою власть надо мною и на возможность устроить скандал. Мой

брак оказался несчастным отчасти из-за него. Он преследовал моего законного наследника упорной ненавистью. Вы спросите, почему при этих обстоятельствах я продолжал держать Джэмса под своим кровом? Я отвечу, — потому что он напоминал мне свою мать. Я не в силах был расстаться с ним. Но я так опасался, чтобы он не причинил зла Артуру, — то есть лорду Сольтайр, — что для безопасности Артура поместил его в интернат доктора Гюкстэбль.

Джэмс имел дело с Гейсом, потому что Джэмс управлял моим поместьем, а Гейс арендовал у меня землю. Джэмс сблизился с Гейсом, хотя и знал, что он негодяй. Решив похитить лорда Сольтайр, Джэмс обратился к этому мерзавцу. Вы помните, что я написал Артуру в день его исчезновения. Джэмс вскрыл письмо и вложил записку, в которой вызывал Артура в маленький лесок, возле школы, в так называемую «Лохматую рощу». Он воспользовался именем герцогини, чтобы заставить мальчика придти в рощу. Вечером Джэмс поехал туда на велосипеде — я рассказываю вам то, в чем Джэмс мне признался — и сказал Артуру, что мать хочет его видеть и ждет его на пустыре. Джэмс предложил мальчику придти в полночь в рощу, где его будет ждать человек с лошастью; этот человек проводит его к матери.

Бедный Артур попал в ловушку. Он пришел в условленное место, застал там Гейса с двумя лошадьми, и они вместе уехали. Повидимому, — хотя об этом Джэмс слышал только вчера, — за ними была погоня; Гейс ударил своей палкой гнавшегося за ними человека, и тот умер от полученного удара. Гейс отвез Артура в свой трактир «Боевой петух», где спрятав в комнате во втором этаже под присмотром своей жены.

Так обстояло дело два дня тому назад, когда я виделся с вами. Но я ничего тогда не знал. Вы спросите, зачем Джэмс это сделал? — Из ненависти к моему законному наследнику. Джэмс считал, что право на все мои поместья принадлежит ему, и был глубоко возмущен законами, лишавшими его этого права. Вместе с тем у него была определенная цель: он

страстно хотел, чтобы я нарушил порядок наследования, и считал, что я вправе это сделать. Он хотел войти со мной в сделку, — вернуть мне Артура, если я, нарушив право законного наследника, завещаю свои земли ему. Он знал, что я ни за что не прибегну к помощи полиции. Но ему не пришлось предложить мне эту сделку, — события развернулись слишком быстро.

Все его замыслы рухнули, когда вы обнаружили труп Хейдеггера. Доктор Гюкстэбль телеграфировал нам; мы получили телеграмму, когда сидели вместе в этом кабинете. Джэмс был так потрясен этим известием, что подозрения, никогда не покидавшие меня, сразу обратились в уверенность, и я стал обвинять его. Он во всем признался. Он стал умолять меня хранить это дело в тайне три дня, чтобы дать Гейсу возможность спастись. Я уступил ему, — как всегда уступал, — и Джэмс немедленно отправился в трактир, чтобы дать Гейсу средства для побега. Как только стемнело, я поспешил туда, чтобы увидеть моего дорогого мальчика. Артура я застал здоровым и невредимым, но он был невыразимо потрясен страшным убийством, свидетелем которого он был. Я согласился оставить его на три дня на попечении жены Гейса, — невозможно было сообщить полиции, где мальчик, не называя при этом убийцу. Вы просили меня быть откровенным, мистер Холмс, и я сказал вам все, без попытки что-либо утаить. Будьте же и вы откровенны со мною, скажите, что ждет Джэмса?

— Я согласен, — сказал Холмс. — Прежде всего, ваша светлость, я вынужден вам сказать, что вы поставили себя в весьма сомнительное положение в глазах закона. Вы скрыли преступление и помогли преступнику бежать, — ведь я не сомневаюсь, что деньги, врученные Джэмсом Уайльдер Гейсу для бегства, даны вами.

Герцог утвердительно кивнул головой.

— Это очень серьезное дело. Но, по-моему, еще более предосудительно ваше отношение к младшему сыну. Вы оставляете его на три дня в этом притоне. Потворствуя вашему старшему и виновному сыну, вы

подвергаете младшего и ни в чем не повинного большой опасности. Этому нельзя найти оправдания.

Гордый герцог не привык, чтобы его так отчитывали в его собственном замке. Он вспыхнул до корней волос.

— Я согласен помочь вам, — продолжал Холмс, — но при одном условии: позвоните вашему лакею и позвольте мне дать ему распоряжения, какие я сочту нужными.

Герцог без слов нажал кнопку звонка. Вошел лакей.

— Вам будет приятно услышать, — сказал ему Холмс, — что молодой лорд найден. Герцог желает, чтобы за ним немедленно выслали экипаж в харчевню «Боевой петух». — Теперь, — сказал Холмс, — позаботившись о будущем, мы можем снисходительно отнестись к прошлому. Поскольку правосудие будет удовлетворено, я не вижу основания открывать все, что мне известно. Гейса ждет виселица, и я не буду стараться избавить его от петли. Я не могу сказать, что будет показывать Гейс на суде; но вы, конечно, могли бы ему намекнуть, что в его интересах помалкивать. Следствие придет к выводу, что он похитил мальчика с целью получить выкуп. Но предупреждаю вас, что присутствие мистера Джэмса Уайльдера в вашем доме не сулит ничего хорошего.

— Я это понимаю, мистер Холмс, и мы уже договорились, что он навсегда покинет меня и отправится в Австралию.

— В таком случае, поскольку ваша семейная жизнь была разрушена присутствием Джэмса, вы могли бы помириться с герцогиней и восстановить свой семейный очаг.

— Это уже сделано. Я написал сегодня утром герцогине.

— Я вполне удовлетворен, и мы с Ватсоном можем считать свою поездку в Северную Англию очень удачной. Есть только одна мелочь, которую я хотел бы выяснить. Подковы лошадей Гейса оставляли след коровьих копыт. Не мистер ли Уайльдер научил его этой хитрости?

Герцог молчал, лицо его выражало крайнее изумление. Затем он открыл дверь, и мы вошли в большую комнату, обставленную как музей. Он подвел нас к стеклянной витрине, стоявшей в углу, и указал на надпись: «Эти подковы были найдены во рву Гольдернесс-Холл, — они предназначены для лошадей, но имеют внизу форму раздвоенного копыта, и служат для того, чтобы сбить с толку преследователей. Вероятно, они принадлежали в средние века кому-нибудь из баронов Гольдернесс, занимавшихся разбоем».

Холмс открыл витрину и, смочив палец, провелим по подкове. На его пальце остался тонкий слой свежей грязи.

— Благодарю вас, — сказал он, опуская стекло витрины. — Это второй интересный предмет, с которым я познакомился на Севере.

— А первый?

Холмс развернул полученный им чек и заботливо положил его в свой бумажник.

— Ведь я бедный человек, — сказал он, глубоко засовывая бумажник во внутренний карман.

СОДЕРЖАНИЕ

Багровый след	1
Месгрэвский обряд	68
Пестрая лента	92
Аристократический холостяк	117
Скандал в Богемии	139
Лига красноголовых	161
Доказательство тождества	185
Голубой карбункул	203
Тайна Боскомбской долины	226
Человек со вздернутой губой	251
Пять зернышек апельсина	276
Последнее дело Холмса	295
Приключение в пустом доме	314
Шесть Наполеонов	341
Пляшущие человечки	359
Черный Питер	384
Пропавшее письмо	409
Случай в интернате	436

